

Учредители:

Институт географии РАН
Географический факультет
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
Смоленский гуманитарный университет

Издатель:

Смоленский гуманитарный университет

**Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати РФ**

Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК****Главный редактор:**

д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н. Стрелецкий В.Н. (Москва)
д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)
к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)

Редакционный совет:

Акад. РАН, д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н., проф. Вишневский А.Г. (Москва); д.г.н., проф. Гладкий А.В. (Украина); д.г.н., проф. Зубаревич Н.В. (Москва); проф. Кришьяне З. (Латвия); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); член-корр. РАН, д.э.н., проф. Кузнецов А.В. (Москва); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Москва); проф. Лентц С. (Германия); проф. Мерфи А. (США); д.г.н., проф. МIRONENKO Н.С. (Москва); проф. Питт Ж.-Р. (Франция); д.г.н., проф. Шарыгин М.Д. (Пермь)

Редакционная коллегия:

к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); д.г.н., проф. Бабуринов В.Л. (Москва); д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н., проф. Вардомский Л.Б. (Москва); д.э.н., проф. Кузнецова О.В. (Москва); д.г.н., проф. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.г.н., проф. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.г.н., проф. Родионова И.А. (Москва); д.г.н., проф. Смирнягин Л.В. (Москва); д.г.н. Тархов С.А. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград); д.г.н., проф. Шупер В.А. (Москва)

Ученый секретарь редколлегии:

к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:

214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68-36-88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 25.03.2015
Формат 70х108¹ /₁₆. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

Отпечатано:

ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

ISSN 1994-5280

9 771994 528672 >

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год

№ 1 (47), 2015**region@shu.ru**

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
THEORY AND METHODOLOGY OF REGIONAL RESEARCHES

- Блануца В.И.** Становление информационно-сетевой географии как ответ на вызовы XXI века 4
Blanutsa V.I. Becoming of information-network geography as answer to challenges of the 21st century
- Голубченко И.В., Оборин М.С.** Георелятивистика: общие подходы и примеры применения 13
Golubchenko I.V., Oborin M.S. Georelativistics: general approaches and application
- Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Ибрагимова З.Ф.** Территориально-структурная трансформация города-миллионера: теоретические подходы и методы 18
Safiullin R.G., Safiullina R.M., Ibragimova Z.F. Territorial-structural transformation city-millionaire: theoretical approaches and methods

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ
SOCIAL AND ECONOMIC ISSUES
OF THE REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA

- Зубаревич Н.В.** Кризисы в постсоветской России: региональная проекция 23
Zubarevich N.V. Crises in Post-Soviet Russia: a regional projection
- Рябинина Л.И., Суржиков В.И.** Территориальная дифференциация социально-экономического развития Приморского края в условиях инвестиционной активности 32
Riabinina L.I., Surzhikov V.I. Territorial differentiation of socio-economic development of primorsky territory in the period of active investments
- Савченко Ю.Ю.** Развитие регионального рынка услуг высшей школы (на примере Алтайского края) 41
Savchenko Yu.Yu. Development of regional market of higher education (for example of Altay territory)
- Несговорова Н.П., Христолюбский В.С., Савельев В.Г.** Эколого-экономический механизм регулирования в сфере природопользования и охраны окружающей среды Курганской области 45
Nesgovorova N.P., Hristolyubsky V.S., Savelyev V.G. Ecological-economic mechanism of regulation of natural resources and environmental protection Kurgan region

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВА
REGIONAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF ECONOMY

- Богачев Д.В.** Основные особенности развития вертикально интегрированных компаний в Агропромышленном комплексе России 52
Bogachev D.V. The main features of the development of vertically integrated companies in the Russian agricultural sector
- Часовский В.И.** Рыночные формы организации промышленного производства в модернизации экономики России 63
Chasovskii V.I. Market forms of industrial production in the modernization of the Russian economy

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
REGIONAL PROBLEMS ARE IN THE MODERN WORLD

- Заяц Д.В., Зорина Д.С.** Диспропорции экономического развития постсоветского пространства 72
Zayats D.V., Zorina D.S. Disparities of economic development Post-soviet states

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА
REGIONAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF TOURISM

- Горина К.В., Козырева К.С., Новиков А.Н.** Туристское позиционирование религиозных объектов Забайкальского края в информационном пространстве разных территориальных уровней 78
Gorina K.V., Kozyreva K.S., Novikov A.N. Tourist positioning of religious objects Trans-Baikal Territory in the information space of different territorial levels

Цыганов С.А., Юрченко Е.Е., Юрченко С.А. Конкурентоспособность стран мира на мировом туристическом рынке	88
Tsyganov S.A., Yurchenko E.E., Yurchenko S.A. Competitiveness of countries at the world tourism market	

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И РАССЕЛЕНИЯ REGIONAL RESEARCHES OF POPULATION

Глушкова В.Г., Хорева О.Б. Миграционная политика в экономически развитых странах мира	96
Glushkova V.G., Khoreva O.B. Migration policy in the developed countries	
Куричева Е.К., Попов А.А. Развитие жилищного строительства в 2010-е гг. как фактор трансформации московской агломерации	104
Kuricheva E.K., Popov A.A. Residencial construction in 2010-s as a factor of the transformation of the moscow metropolitan area	
Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация расселения в московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка	117
Makhrova A.G., Kirillov P.L. Seasonal fluctuations in population dustribution within moscow metropolitan area under travelling to second homes and labour commuting: approaches and estimations	
Манакон А.Г. Использование метода временных срезов в исторической географии населения	126
Manakov A.G. Time slicing method in historical geography of population	

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ HISTORY-GEOGRAPHY RESEARCHES REGIONAL DEVELOPMENT

Голичев В.Д., Голичева Н.Д. Социально-экономические последствия Великой Отечественной войны и ее «демографическое эхо» на Смоленщине	137
Golichev V.D., Golicheva N.D. Social and economic consequences of the great patriotic war and its demographic echo in Smolensk region	
Кулагин О.И. «Эффект колеи» зависимости в лесной промышленности Карелии как фактор социально-экономического развития региона в конце XIX–XX вв.	145
Kulagin O.I. The effect of path depence in timber industry of Karelia as a factor of social and economic development of the region in the end of XIX – XX centuries	

ИСТОРИЯ НАУКИ THE HISTORY OF SCIENCE

Кирчанов М.В. Советская география как научная «прародина» современного российского регионоведения (проблемы генезиса регионоведческих исследований)	153
Kirchanov M.V. Soviet geography as a scientific “homeland” modern russian regional (the genesis of regional studies research)	
Слука Н.А., Ткаченко Т.Х. Познание общественного пространства: от рекреации к мировому развитию (памяти профессора Н.С. Мироненко)	160
Sluka N.A., Tkachenko T.Kh. Knowledge of public space: from recreation to world development (in memory of professor N.S. Mironenko)	

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Гладкий А.В., Голубчиков Ю.Н. Интеграционная парадигма географической науки	169
Gladkey A.V., Golubchikov I.N. The intergration paradigm of geography	

ПОТЕРИ НАУКИ

Лаппо Г.М. Слово прощания – памяти Владимира Павловича Максаковского (1924–2015)	176
--	-----

Сведения об авторах	177
---------------------------	-----

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Блануца В.И. (Иркутск)

СТАНОВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВОЙ ГЕОГРАФИИ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА¹

Blanutsa V.I.

BECOMING OF INFORMATION-NETWORK GEOGRAPHY AS ANSWER TO CHALLENGES OF THE 21ST CENTURY

Аннотация. Формирование информационного общества поставило перед социально-экономической географией новые исследовательские задачи. Это привело к появлению ряда исследований, в которых были рассмотрены географические проявления отдельных сторон нового общества. Предложено объединить разрозненные исследования, дополнить их объектно-предметную область и сформировать обобщающее научное направление. Новое направление названо информационно-сетевой географией и оно направлено на познание пространственной организации информационного общества. Установлены основные параметры и определены перспективы развития этого направления.

Abstract. Formation of information society set new research tasks for human geography. It led to emergence of a number of researches in which geographical manifestations of the separate parties of new society were considered. It is offered to unite separate researches, to add their object-subject area and to create generalizing scientific direction. The new direction is called information-network geography and it is aimed at studying of the spatial organization of information society. Key parameters and prospects of development of this direction are defined.

Ключевые слова: информационное общество, информационная сеть, эволюция сетей, социально-экономическая география, новое научное направление, пространственная организация общества.

Keywords: information society, information network, network evolution, human geography, new scientific direction, spatial organization of society.

Введение. Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий в сочетании с глобализацией и некоторыми другими процессами привели к зарождению нового общества, которое называют по-разному – информационным [27], сетевым [14] или обществом знаний [4]. Это произошло в конце прошлого столетия (где-то между 1989 г. и 1995 г.) [6] и к настоящему времени в развитых странах охватило почти все основные виды человеческой деятельности [19, 28]. В такой ситуации социально-экономическая (общественная) география, понимаемая как комплекс научных дисциплин по изучению территориальной организации общества, должна реагировать на изменение объекта исследований. Возможны как минимум два способа (пути) реагирования –

трансформация традиционных дисциплин и формирование нового научного направления. Оба способа важны, но в рамках данной статьи рассматривается только второй путь развития общественной географии.

Новые научные направления формируются, как правило, стихийно и являются своеобразным ответом на внешние (относительно науки как института) и внутренние (междисциплинарные) вызовы. Так появились информационно-технологическая [22], виртуальная [29], Wi-Fi [38] географии, география Интернета [16], телегеография [37] и кибергеография [32]. Каждому из этих направлений в той или иной мере присущи три недостатка – отсутствие охвата всех географических проявлений информационного общества, доминирование описательного

¹ Статья подготовлена при поддержке Междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН № 67.

подхода (вместо конструктивного) и слабая направленность на выявление географических закономерностей.

Наличие этих и некоторых других недостатков указывает на то, что должно существовать некоторое более общее научное направление. Назовем его информационно-сетевой географией (инфосетегеографией). Выбор именно данного названия обусловлен тем, что в основе функционирования информационного общества лежат сети передачи информации и при этом само общество предстает в виде разнообразных (экономических, политических, социальных и др.) сетей. Для определения контуров информационно-сетевой географии в статье будет рассмотрена общая эволюция сетей передачи информации, дана характеристика производных сетевых структур и пространств, обобщен опыт географического изучения инфосетей, представлен набор основных параметров нового научного направления и приведена оценка перспектив расширения инфосетегеографического знания.

Эволюция сетей передачи информации. Краткий обзор эволюции сетей необходим для понимания пространственной структуры информационно-коммуникационных взаимодействий в обществе, поскольку именно такие структуры должны изучаться в рамках инфосетегеографии. Это своего рода вызов, идущий от информационного общества в сторону географических наук. Что касается ответа на вызов, то он будет зависеть от возможности географов выявлять закономерности эволюции пространственной структуры для определения оптимальных инфосетей будущего.

В истории человечества первыми информационными сетями, состоящими из линий связи и узлов обработки информации, были почтовые сети. В России «правильная» (регулярная) почта появилась в 1660-х гг. [8]. Однако отсчет лучше вести с 1714 г., когда начала работать Санкт-Петербургская почтмейстерская (почтовая) контора [10] как первый полноценный узел обработки русской почтовой корреспонденции. Второе поколение информационных сетей связано с развитием телеграфа – сначала оптического, а затем электрического. В России первая линия оптического телеграфа (Санкт-Петербург – Шлиссельбург) была сооружена

в 1824 г., а в 1851 г. начала работать первая междугородная линия электрического телеграфа – Санкт-Петербург – Москва [12]. В июле 1882 г. в Петербурге, Москве, Одессе и Риге начали функционировать городские телефонные сети, которые можно рассматривать как третье поколение информационных сетей.

Так сложилось, что в России основа конфигурации всех информационных сетей была заложена при прокладке почтовых трактов. Покажем это на примере Иркутской губернии (рис. 1). Здесь первые почтовые конторы появились в 1784–1785 гг. В эти же годы был налажен регулярный обмен почт по Московскому (Тобольск – Иркутск) и Якутскому (Иркутск – Якутск) почтовым трактам. В Иркутске телеграф начал работать в январе 1864 г., а телефон – в октябре 1887 г. Телеграфные, а затем и телефонные линии прокладывались вдоль почтовых трактов. Поэтому все последующие линии связи повторяли конфигурацию изначальной почтовой сети. Даже сегодня главная трансконтинентальная волоконно-оптическая магистраль Москва–Хабаровск проходит примерно по Московскому и Амурскому почтовым трактам.

Четвертое поколение информационных линейно-узловых структур представлено радиосетями. В России радиосвязь первоначально использовалась в основном в военных целях. Первая радиотелеграфная сеть общего пользования («искровой телеграф») начала функционировать в ноябре 1910 г. между городами Николаевск (ныне Николаевск-на-Амуре) и Петропавловск (ныне Петропавловск-Камчатский) [17]. Дальнейшее развитие технологий привело к созданию радиорелейных линий (прямой видимости и тропосферных), спутниковой, сотовой и сверхширокополосной беспроводной связи [2].

Развитие компьютерных сетей можно трактовать как пятое поколение информационных линейно-узловых структур. Оно опиралось на различные линии связи, но в итоге большинство магистралей стало волоконно-оптическими сетями 10G и 40G, со стремительно увеличивающейся долей 100G (скорость передачи данных до 100 Гбит/с). Последующее усложнение технологий, возможно, приведет к созданию шестой генерации, которую сейчас называют «сетями связи следующего поколения» (Next Generation Network) или инфокоммуникационными сетями [9].

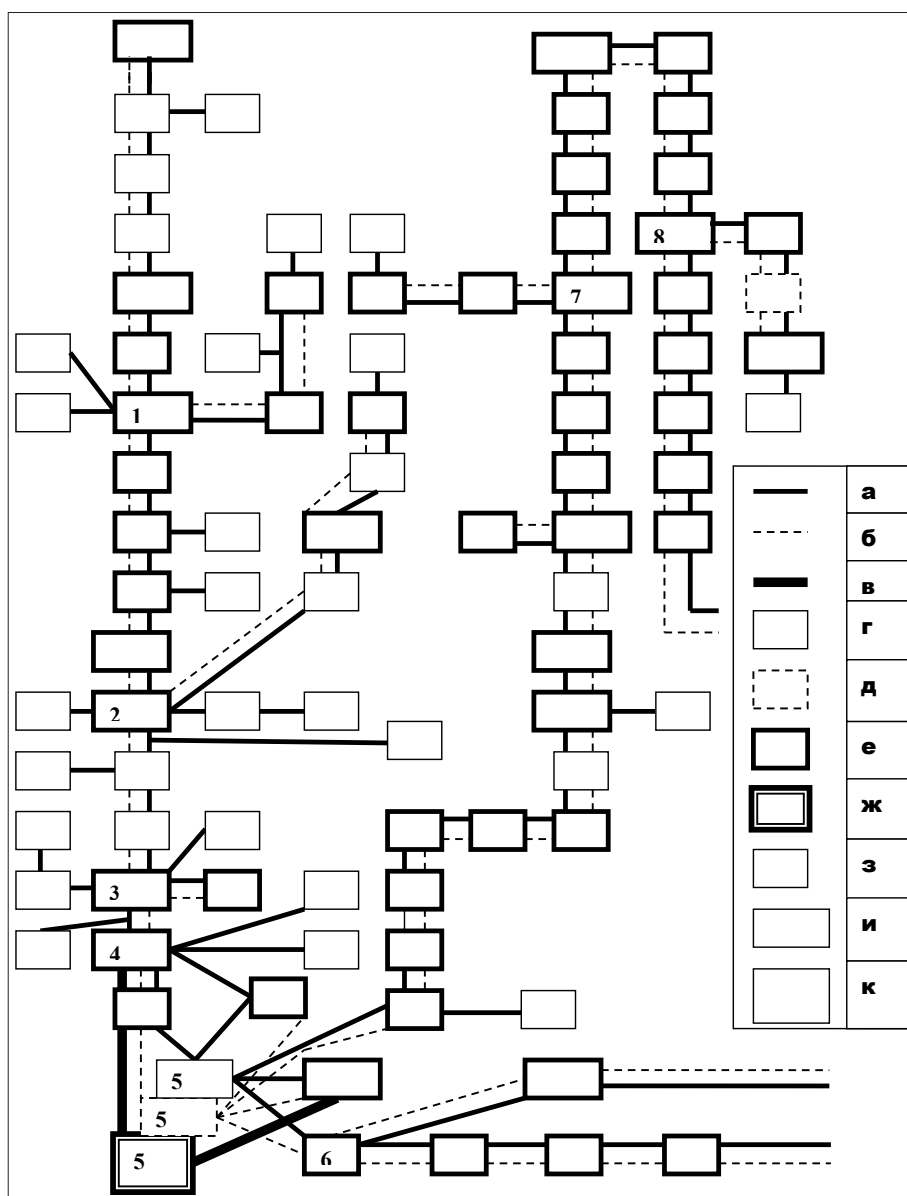

Рис. 1. Топологическая схема почтово-телеграфо-телефонной сети Иркутской губернии (по состоянию на 31 декабря 1916 г.)

Линии связи: а – почтовые, б – телеграфные, в – телефонные. Учреждения связи: г – почтовые, д – телеграфные, е – почтово-телеграфные, ж – телефонные. Статус учреждения: з – отделение, и – контора, к – городская сеть. Основные узлы: 1 – Тулун, 2 – Тyреть, 3 – Черемхово, 4 – Усолье (ныне Усолье-Сибирское), 5 – Иркутск, 6 – Култук, 7 – Усть-Кут, 8 – Витим.

В реальной жизни каждое последующее поколение сетей сосуществовало с предыдущими поколениями или частично их поглощало. Полная интеграция всех сетей или создание единой полифункциональной сети связи планируется только в шестой генерации. Возможные изменения территориальной структуры первых пяти поколений

инфосетей в абстрактном виде показаны на рисунке 2.

Обобщая сказанное, можно отметить постоянное усовершенствование способов передачи информации при относительной консервативности конфигурации сетей. Такая ситуация, проявляющаяся в различных пространственно-временных закономерностях

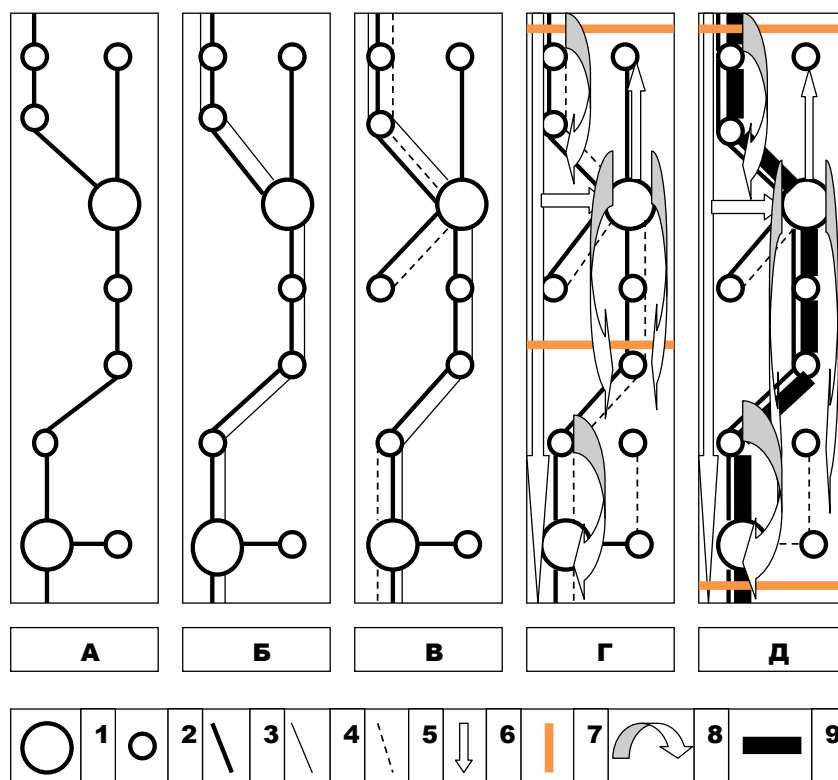

Рис. 2. Возможное изменение территориальной структуры информационных сетей в ходе их коэволюции:

А – только почтовая сеть, Б – почтовая и телеграфная сети, В – дополнительно к предыдущим сетям еще и телефонная сеть, Г – дополнительно радиоволновая сеть и Д – дополнительно компьютерная сеть. Поселения: 1 – большие, 2 – малые. Линии связи: 3 – почтовые, 4 – телеграфные, 5 – телефонные, 6 – радиорелейные, 7 – спутниковые (граница зоны покрытия), 8 – мобильной телефонии (граница зоны покрытия), 9 – волоконно-оптические.

стях развития человеческого общества, пока еще полностью не осмыслена с позиции географических наук. Поэтому можно говорить о существовании внешнего вызова, одним из ответов на который должно стать формирование информационно-сетевой географии.

Производные сетевые структуры и пространство. Другой внешний вызов связан с созданием на базе информационных сетей множества различных (экономических, политических, социальных, культурных, образовательных, религиозных, научных, террористических и др.) производных структур. В настоящее время их изучают в основном экономисты, политологи, социологи и психологи. Географический вклад в познание социальных и других производных сетей пока не очень виден. Один из путей исправления такой диспропорции – развитие инфосетевого географии.

Возьмем, к примеру, изучение социальных сетей специалистами в области информационных технологий [3]. Они предлагают для познания межличностных отношений в соцсетях использовать различные модификации теории динамического социального влияния. При этом их исследование опиралось на количественную оценку уровня «социального давления, направленного на индивидуума». Одни из важных параметров такой оценки – расстояние между индивидуумами и степень ослабления расстояния. Однако инфотехнологии имеют только наиболее общее представление о расстоянии, которое предлагают уменьшать по «закону обратной квадратичной зависимости от физического расстояния» или вообще «не принимать во внимание». Казалось бы, вот где находится поле для междисциплинарного взаимодействия, поскольку географы явля-

ются главными специалистами по изучению расстояний. К сожалению, наши представления о взаимной удаленности участников социальных сетей так же не развиты, как и у представителей других наук. Здесь мы сталкиваемся с иными – не физическими – расстояниями и другой – сетевой – метрикой. Что это за расстояния, как их следует измерять, в каких единицах фиксировать, каким образом сетевая удаленность связана с географическим расстоянием, можно ли управлять расстояниями между участниками соцсетей – вот лишь некоторые вопросы, на которые предстоит ответить в рамках нового научного направления.

Или возьмем, например, изучение социологами сетевых структур терроризма [20]. Опираясь на представления о «малом мире», «слабых связях», «кликах» и влиянии топологии сети на ее «гибкость и действенность» в упомянутой работе предлагается анализировать «архитектуру глобального салафитского джихада». Однако в этих построениях много неясного с расстояниями, топологическими различиями, возможностями деления на кластеры и границами между сетями. Нетрудно заметить, что данные «неясности» входят в компетенцию географических наук. Вот только насколько размыты границы между сетями в силу взаимодействия «всех со всеми», как проходит районообразование (кластеризация) при понимании сети как района, каковы топология и метрика таких сетей географы пока не знают. Будем надеяться, что с развитием инфосетевого географического произойдет расширение знания не только о специфике террористических сетей, но и других производных структур.

Еще один вызов происходит со стороны производных пространств, возникающих в результате функционирования информационных сетей. Такие производные образования называют виртуальным пространством или киберпространством. Их «природа» еще окончательно не определена. Возможно, они являются многомерными признаковыми пространствами, полями взаимодействий, совокупностями информационных потоков или миром гиперссылок. В любом случае предстоят продолжительные исследования этих пространств в рамках информационно-сетевой географии. При этом следует особо подчеркнуть, что киберпространство может быть как формой представления результатов

исследования информационного общества, так и некоторой (пусть и виртуальной) реальностью. Особый познавательный интерес представляет, конечно, второй случай.

Опыт географического изучения инфосетей. С некоторой долей условности все социально-экономические сети можно разделить на информационные и неинформационные. В первом случае между узлами передается информация, а во втором – материальные предметы (сырье, товары и т.д.). В прошлом веке географы изучали в основном неинформационные сети, особенно транспортные. Сейчас же приоритеты постепенно смещаются в сторону познания инфосетей. Тем не менее, географических публикаций по этой проблематике не так уж и много. Перечислим некоторые из них в плане соответствия трем основным разделам информационно-сетевой географии – изучению собственно информационных сетей, познанию производных структур (сообществ) и исследованию производных (виртуальных) пространств.

Один из идеологов информационного общества Фрэнк Уэбстер подчеркивал, что «информационные сети существуют ... с возникновения почтовой связи» [27, с. 27]. Именно почтовые сети сформировали исходный информационный каркас территории (см., к примеру, рис. 1), топология, а во многих случаях и метрика которого воспроизводились в последующих инфосетях. Однако, несмотря на всю значимость изучения первоначальных почтовых сетей, географические исследования в этой области начались относительно недавно [5]. Не намного лучше обстоит дело с изучением телеграфной и фиксированной телефонной связи. В этой сфере географические исследования не затрагивают собственно линии связи, а направлены на региональный учет косвенных показателей распространения технологии – трафик-потоков, времени проникновения на ту или иную территорию, количества аппаратов на 100 жителей и др. [7, 13, 21, 33, 34].

Радиоволновые сети, включающие радиосвязь, радиорелейные линии, спутниковую, мобильную телефонную и беспроводную компьютерную связь, изучались географами для определения особенностей пространственной диффузии [30, 31], региональных трендов [40], зон покрытия [38] и специфики картографирования [11].

Больше всего географических работ связано с изучением компьютерных сетей, особенно Интернета. В этой области уделяется внимание, например, пространственной диффузии [16, 23], интернет-трафику [13], распределению интернет-доменов [18], анализу рынка интернет-провайдеров [1] и картографированию компьютерных каналов связи [11, 32].

Географическое изучение производных структур (сообществ) является довольно сложной областью, в которой основные усилия направлены на познание взаимосвязи поведения социальных групп в виртуальном и реальном мирах. Наиболее интересные примеры связаны с территориальной привязкой социальных взаимодействий соперничающих банд Лос-Анжелеса [35], анализом влияния представления религиозных идей в Интернете на основные религии США [36] и исследованием поведения детей в «онлайне» и «офлайне» [39]. Что касается перспективных (еще не реализованных) направлений географического изучения экономических, социальных и политических сетей, то они были изложены автором ранее [6].

Отсутствие четкого представления о сути, топологии и метрике производных (виртуальных) пространств не мешает предпринимать единичные попытки их географического изучения. Более того, стихийное и разнонаправленное изменение представлений о пространстве способствовало соответствующей трансформации способов визуализации и картографирования [32]. В целом, в настоящее время идет процесс накопления первоначального знания о географических особенностях развития информационного общества. Для более успешного продвижения в этом направлении необходимо формирование обобщающего научного направления.

Основные параметры научного направления. Общую схему развития любого научного направления можно представить в виде трех стадий – становления, консолидации и институализации. Сначала научное направление представлено совокупностью разнообразных, не всегда связанных друг с другом исследований, которые объединяет только общая идея. В настоящее время именно такая ситуация имеет место в информационно-сетевой географии, которая

воспринимается не как устоявшееся научное направление, а скорее как некоторый вектор развития географической мысли. На второй стадии происходит упорядочение научной проблематики и формирование устойчивой коммуникационной сети исследователей («невидимого колледжа»). Дальнейшее развитие приводит к преобразованию направления в научную дисциплину с соответствующими атрибутами (учебные курсы, учебники, кафедры, защита диссертаций, разделы в старых научных журналах или новый специализированный журнал).

К числу основных параметров любого научного направления относятся объектно-предметная область, проблематика, понятийный аппарат и методы исследований. При этом, поскольку инфосетевогеография находится на стадии становления, основные параметры следует воспринимать как предварительные, нечеткие трактовки, которые могут получить некоторую завершенность только на второй стадии.

У нового направления объект исследования – это информационное (сетевое) общество, а предмет – пространственная организация этого общества. Если учесть, что социально-экономическая география изучает территориальную организацию общества, то рассматриваемое научное направление становится частью общественной географии в том объеме, в каком сегодня информационное общество проявляется среди всех видов человеческой деятельности. Помимо этого, в нашем случае вечный спор о том, что имеет место – территориальная или пространственная организация, однозначно решается в пользу второго понятия, поскольку необходимо изучать не только реальное, но и виртуальное пространство.

Текущая проблематика научного направления зависит от того, как изменяется изучаемый объект, насколько эффективно решены ранее сформулированные задачи, появились ли новые способы познания, сформулированы ли новые концепции и какие сложности возникают при внедрении результатов научного поиска в общественную практику. При этом на каждой последующей стадии набор основных проблем может существенно отличаться от проблематики предыдущей стадии. Что касается стадии становления информационно-сетевой географии, то в силу несогласованности исследований проблематика

не структурирована, первоочередные задачи не определены, поиск решений ведется «методом проб и ошибок» и полученные результаты не встраиваются в единую «картину мира». Несмотря на перечисленные «сложности роста», все же можно сформулировать хотя бы первоначальный набор основных проблем, который вытекает из сопоставления имеющегося опыта географического изучения инфосетей с теоретической конструкцией формируемого информационного общества [4, 14, 19, 27].

В плане изучения собственно инфосетей на повестке дня стоит решение, по крайней мере, следующих проблем (сформулированы в виде коротких вопросов): 1) если верхним пределом является глобальная сеть, то что является нижним пределом или элементарной информационной сетью, 2) каковы особенности эволюции территориальной структуры сетей – от почтовых до компьютерных, 3) как проходит процесс пространственно-временного развертывания сетей или в чем специфика информационно-сетевого освоения территории. 4) если объект имеет экономико-географическое положение, то каково его информационно-географическое положение, 5) может ли распространение сетевых инноваций воспроизводиться стандартными моделями пространственной диффузии нововведений, 6) если формирование сетей можно представить в виде последовательности инновационных волн, то каковы пространственно-временные характеристики этих волн, 7) являются ли региональные информационно-сетевые эффекты географическими закономерностями, 8) если формирование сети происходит неравномерно в пространстве и во времени, то насколько отличается скорость течения сетевого времени в разных точках пространства, 9) может ли развертывание сети на одной территории привести к блокированию создания сети на соседней территории и 10) если региональные информационные сети являются районами, то каковы структура, иерархия и границы этих районов?

Перспективные темы географического изучения экономических, социальных и политических сетей, сформулированные автором ранее [6], можно трактовать как проблематику исследования производных структур (сообществ). Что касается изучения производных пространств, то первоначальные

проблемы этого раздела связаны с определением топологии и метрики виртуальных пространств с последующим переходом к их визуализации (картографированию).

Обращаясь к уяснению понятийно-терминологического аппарата информационно-сетевой географии, следует подчеркнуть, что большинство терминов данного направления пока не имеет определения. Если взять последний словарь-справочник [24], то в нем вообще нет ни одного термина по рассматриваемому направлению, что говорит о его новизне. Впрочем, перечень основных понятий можно получить из существующих работ по географическому изучению инфосетей, проблематики данного научного направления и переосмысления понятий социально-экономической географии. Для реализации последнего варианта обратимся к ключевым понятиям, приведенным в публикации С.А.Тархова [26]. Тогда к числу основных понятий рассматриваемого направления следует отнести информационно-сетевое положение, район, ландшафт и освоение территории. Из проблематики можно взять такие понятия, как информационная сеть, элементарная инфосеть, региональная сеть, сетевая диффузия нововведений, информационно-сетевой эффект, сетевое время, топология пространства, метрика пространства, тип инфосети, виртуальное пространство, социальная сеть, линия связи и узел связи. Объединение перечисленных и некоторых других понятий в единую понятийно-терминологическую систему позволит исключить дублирование понятий, уточнить формулировку терминов и дать их определение. Создание такой системы – еще одна задача для будущих исследований.

Обобщая опыт географического изучения инфосетей и перспективную проблематику рассматриваемого научного направления, можно выделить основные методы инфосетевого географического исследования: сравнительно-географический анализ, типология, районирование, зонирование, картографирование, прогнозирование, сетевой анализ и теоретико-графовый анализ. Первые пять позиций соответствуют основным методам социально-экономической географии [26]. Сетевой анализ получил широкое распространение в социальных науках [15]; он может использоваться не только для изучения социальных сетей, но и других производных

сообществ. Необходимо только адаптировать алгоритмы сетевого анализа для изучения географических объектов. Включение в перечень основных методов теоретико-графового анализа вызвано тем, что все сети по своей структуре являются графами и это открывает широкие возможности для использования разнообразного методического аппарата теории графов в изучении пространственной организации информационного общества.

Совокупность всего рассмотренного выше – объект, предмет, методы, проблематика и понятийный аппарат исследований – позволяет выделить информационно-сетевую географию из множества других научных направлений и, вместе с тем, вписать ее в структуру социально-экономической географии.

Перспективы расширения инфосетевого географического знания. Генерация нового знания возможна двумя путями – формальным (институциональным) и неформальным (поисковым). На первом пути научное направление надо преобразовать в дисциплину, организационная структура которой будет стимулировать расширение географического знания об информационном обществе. Кроме этого, установление границ научной дисциплины способствует более четкому представлению о междисциплинарном взаимодействии и, следовательно, открывает возможность импорта идей из других наук. По второму пути можно идти уже сейчас, т.е. до оформления научной дисциплины. В этом случае поиск перспектив расширения знания основан на экстраполяции проведенных исследований и определении «областей незнания». Не принижая значимости первого пути, в рамках данной статьи кратко рассмотрим только второй путь.

Анализ существующих работ по географическому изучению инфосетей позволил выявить пять «прорывов» и один «мегапрорыв». Под прорывом понимается наиболее перспективный вектор научного поиска, от реализации которого ожидается получение более оригинального знания, чем от движения по другим траекториям. Выявленные прорывы назовем эволюционно-сетевым, сетевых эффектов, киберпространственным, прогностическим и управленческим.

Если «универсальный эволюционизм – основа современной научной картины мира»

[25, с. 641], то эволюционно-сетевой прорыв возможен за счет инфильтрации эволюционных идей в географические исследования развития различных видов информационных сетей. Здесь наибольший интерес представляет не эволюция территориальной структуры каждого вида в отдельности (почтовых, телеграфных и др. сетей), а их коэволюция. В свою очередь, прорыв сетевых эффектов позволит выявить пространственно-временные закономерности функционирования информационных сетей [6] и подойти к формулированию теоретического знания [25].

Киберпространственный прорыв нацелен на получение принципиально нового знания о виртуальном пространстве, которое может существенно изменить научную картину мира. Однако все инфосетево-географические исследования будут представлять интерес лишь для узкого круга исследователей до тех пор, пока не произойдут прогностический и управленческий прорывы. Иначе говоря, только возможность предсказывать будущую пространственную организацию информационного общества и оптимизировать ее через управление инфосетями сформирует повышенный социальный статус информационно-сетевой географии. Но и это не предел развития, пока существует возможность произвести мегапрорыв – создать сетевую парадигму географии [6] для получения метазнания обо всех (не только информационных) сетевых структурах.

Заключение. Развитие информационного общества еще не получило всестороннее осмысление со стороны географических наук. Создание собственно информационных сетей, формирование на их основе производных структур (сообществ) и пространств – вот лишь основные внешние вызовы, на которые географы пытаются ответить через формирование отдельных научных направлений (кибергеографии, телегеографии и др.). Имеет смысл объединить разрозненные попытки в одно научное направление, охватывающее все географические проявления информационного общества и названное информационно-сетевой географией. Обобщение опыта географического изучения информационных сетей и их производных позволило определить объектно-предметную область, проблематику, понятийный аппарат и методы исследований. Всё это выдели-

ло информационно-сетевую географию из множества других научных направлений и задало главную цель – познание пространственной организации информационного общества. Для успешного движения к этой цели выявлены наиболее перспективные («прорывные») векторы расширения географического знания.

Библиографический список

1. Андреева А.В., Максимова Н.А., Лифанов А.А. Развитие рынка интернет-провайдеров Смоленской области // Региональные исследования. – 2013. – № 4. – С. 44–48.
2. Арслан Х., Чен Чж.Н., Бенедетто М. Сверхширокополосная беспроводная связь. – М.: Техносфера, 2012. – 640 с.
3. Батура Т.В., Копылова Н.С., Мурзин Ф.А., Проскуряков А.В. Методы анализа данных из социальных сетей // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Информационные технологии. – 2013. – Т. 11. – Вып. 3. – С. 5–21.
4. Бехман Г. Общество знаний – краткий очерк теоретических поисков // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 113–126.
5. Блануца В.И. Почтово-географическое положение: понятие, алгоритм измерения (на примере почтовой сети Сибири начала XX века) // География и природные ресурсы. – 2010. – № 4. – С. 14–22.
6. Блануца В.И. Географическое изучение сетевого мира: исходные установки и перспективные направления // География и природные ресурсы. – 2012. – № 1. – С. 5–13.
7. Валькова Т.М. География телефонной связи Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1996. – № 6. – С. 54–61.
8. Вигилев А.Н. История отечественной почты. Ч. 1. – М.: Связь, 1977. – 160 с.
9. Гулевич Д.С. Сети связи следующего поколения: Учебное пособие. – М.: Интернет-Университет Информационных технологий; БИНОМ. Лаборатория знаний, 2012. – 183 с.
10. Добин М.А., Ратнер Л.Г. Из истории Санкт-Петербургской почты. 1703–1914. – СПб: Стандарт-Коллекция, 2004. – 352 с.
11. Козаченко Т.И., Онищенко М.Г. Методологические основы картографирования телекоммуникаций // География и природные ресурсы. – 2007. – № 2. – С. 26–33.
12. Мартынов В.Л. Развитие информационных систем и территориальная организация общества (на примере России) // Известия РГО. – 2001. – Т. 133. – Вып. 4. – С. 15–21.
13. Нагирная А.В. Глобальные закономерности распространения информационно-коммуникационных технологий // Известия РАН. Сер. геогр. – 2013. – № 5. – С. 30–40.
14. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61–75.
15. Назарчук А.В. О сетевых исследованиях в социальных науках // Социологические исследования. – 2011. – № 1. – С. 39–51.
16. Перфильев Ю.Ю. Российское интернет-пространство: развитие и структура. – М.: Гардарики, 2003. – 272 с.
17. Пестриков В. Искровые радиостанции Российской империи // IT news. – 2007. – № 17. – С. 26–28.
18. Пилясов А.Н., Курицына-Корсовская Е.Н. Региональное распределение российских интернет-доменов // Известия РАН. Сер. геогр. – 2009. – № 6. – С. 24–30.
19. Роговский Е.А. США: информационное общество (экономика и политика). – М.: Междунар. отношения, 2008. – 408 с.
20. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. – М.: Идея-Пресс, 2008. – 216 с.
21. Синцеров Л.М. Первая глобальная информационная сеть // Известия РАН. Сер. геогр. – 2004. – № 3. – С. 71–75.
22. Скопин А.Ю. Информационно-технологическая география: основания выделения и программа развития // Известия РАН. Сер. геогр. – 1994. – № 3. – С. 147–154.
23. Смирнов М.А. Пространственная диффузия сети Интернет в странах мира // Известия РАН. Сер. геогр. – 2005. – № 2. – С. 77–81.
24. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – 328 с.
25. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
26. Тархов С.А. Социально-экономическая география: ее сущность, предмет изучения и методы // Региональные исследования. – 2013. – № 3. – С. 9–13.
27. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 397 с.
28. Швецов А.Н. «Информационное общество»: теория и практика становления в мире и в России. – М.: КРАСАНД, 2012. – 280 с.
29. Batty M. Virtual geography // Futures. – 1997. – V. 29. – N 4. – P. 337–352.
30. Comer J.C., Wike T.A. Worldwide diffusion of the cellular telephone, 1995 – 2005 // The Professional Geographer. – 2008. – V. 60. – N 2. – P. 252–269.
31. Ding L., Haynes K.E., Li H. Modeling the spatial diffusion of mobile telecommunications in China // The Professional Geographer. – 2010. – V. 62. – N 2. – P. 248–263.
32. Dodge M., Kitchin R. Mapping cyberspace. – London: Routledge, 2001. – 260 p.
33. Downey G. Telegraph messenger boys: crossing the borders between history of technology and human geography // The Professional Geographer. – 2003. – V. 55. – N 2. – P. 134–145.
34. Perkins R., Neumayer E. Is the Internet really after all? The determinants of telecommunications diffusion in historical perspective // The Professional Geographer. – 2011. – V. 63. – N 1. – P. 55–72.

35. Radil S.M., Flint C., Tita G.E. Spatializing social networks: using social network analysis to investigate geographies of gang rivalry, territoriality, and violence in Los Angeles // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2010. – V. 100. – N 2. – P. 307–326.
36. Shelton T., Zook M., Graham M. The technology of religion: mapping religious cyberscapes // *The Professional Geographer*. – 2012. – V. 64. – N 4. – P. 602–617.
37. Telegeography report [Электронный ресурс] – Режим доступа (20.05.2014): <http://www.telegeography.com/products/telegeography-report>.
38. Torrens P.M. Wi-Fi geographies // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2008. – V. 98. – N 1. – P. 59–84.
39. Valentine G., Holloway S.L. Cyberkids? Exploring children's identities and social networks in one-line and off-line words // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2002. – V. 92. – N 2. – P. 302–319.
40. Wikle T.A., Comer J.C. Barriers to establishing low-power FM radio in the United States // *The Professional Geographer*. – 2009. – V. 61. – N 3. – P. 366–381.

Голубченко И.В. (Москва), Оборин М.С. (Пермь)

ГЕОРЕЛЯТИВИСТИКА: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ И ПРИМЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Golubchenko I.V., Oborin M.S.

GEORELATIVISTICS: GENERAL APPROACHES AND APPLICATION

Аннотация. В статье рассматриваются основные особенности изучения отношений между географическими объектами. Определена необходимость развития георелятивистики как научного направления. Представлены разные свойства отношений между различными объектами.

Abstract. The article discusses the main features of studying the relationship between geographic features. The necessity of georelativistics as research direction. Presents various properties of relations between different objects.

Ключевые слова: связи, компоненты, отношения, система, георелятивистика, свойства отношений.

Keywords: communications, components, relations, system, georelativistics, properties of relations.

География, как и большинство остальных наук, прежде всего имеет дело с объектами, которые в той или иной мере организованы. Одним из первых на организованность, как особое свойство окружающего мира, обратил внимание А.А. Богданов (Малиновский), создав противоречивый и часто цитируемый труд под названием «Тектология» [6]. С тех пор появились целые дисциплины, которые целенаправленно занимаются изучением организации объектов, явлений, процессов: системология, кибернетика, менеджмент, синергетика и т.д. И, конечно, соответствующие сюжеты стали центральными для исследователей практически во всех областях научного знания.

Изучая организованность как свойство объекта, организацию – как особенности его устройства, функционирования, развития, мы имеем дело с двумя вопросами:

а) из каких компонентов (элементов, подсистем) состоит объект,

б) как эти компоненты друг с другом связаны, соотносятся, взаимодействуют.

Есть и другие аспекты, но эти чаще становятся главными. В то же время, они заметно отличаются друг от друга по степени изученности. Кроме того, в плане общих, методологических основ изучения вопросов компонентов и их отношений, можно констатировать явный перевес в пользу компонентов – из работ об их свойствах, классификациях, оценке, управлению можно составить очень большую библиотеку. Гораздо меньше изучены аналогичные общие вопросы для отношений компонентов (и даже отношений между целостными объектами), являясь в основном предметом исследований достаточно узкого круга специалистов по искусственному интеллекту и общей теории систем.

Ту же картину можно наблюдать применительно к географии. Территориальная организация объектов (природных, общественных, природно-антропогенных) является одним из основных вопросов географических наук, но она изучается, по нашему мнению, с повышенным вниманием к одним

аспектам и недостаточным – к другим. Соотношение числа публикаций, относящихся к двум важнейшим аспектам анализа организации территории: изучение компонентов и изучение отношений этих компонентов, будет явно в пользу первого вопроса – при том, что второй представляется не менее важным [8]. Причины такого положения дел во многом объективны. Это, в частности, сложность отношений между географическими объектами [21]. Кроме того, общественно-географические отношения почти не находят отражения в таком важном источнике информации, как государственная статистика, при всей ее разветвленности и обилии фиксируемых показателей.

Это объясняет ситуацию с относительно слабой изученностью географических отношений, но не отменяет наличие проблемы и необходимость эту проблему решать. География как интегральное знание имеет большие возможности по изучению отношений, рассматривая объекты природные, социально-экономические, технические, природно-техногенные [11, 20]. Использование имеющихся наработок с учетом географической специфики и опыта должно способствовать прогрессу георелятивистики.

В общем понимании, отношение можно трактовать, как возможность сопряженного рассмотрения двух и более объектов, что выражается в определении и изучении потенциальных или существующих связей, взаимного влияния объектов друг на друга, потоков вещества, энергии либо информации между ними. Не случайно в приведенной формулировке заложены не только объективные, реальные аспекты сущности понятия «отношения» (связи, влияния, потоки). Мы должны учитывать также потенциальные отношения (предрасположенность объектов к их формированию, обстоятельства возможного формирования). И, наконец, необходимо иметь в виду и субъективные моменты: подход исследователя, выбирающего из массы отношений определенные их виды; воздействие исследователя на изучаемые им отношения; активность объектов в плане формирования и развития своих отношений.

В географии наиболее очевиден такой вид отношений, как географическое положение. Близко расположенные города рано или поздно оказываются связаны транспортными линиями некоторой мощности

(пропускной способности), по которым направляются потоки людей, товаров, энергии, информации. Города оказываются в сложных взаимоотношениях: помимо топологических (географическое положение), это могут быть иерархические (при явных различиях в размерах), генетические (если один породил другой в смысле информационном или миграционном), причинно-следственные, функциональные (разделение труда и выполняемых функций, в т.ч. при групповом расселении) и т.д.

Географические отношения менее стабильны по сравнению с объектами на территории. Это показали, например, изменения в территориальной организации России, произошедшие после распада СССР. В подавляющем большинстве случаев объекты (предприятия, населенные пункты и т.п.) остались на месте, в то же время отношения, реализующие их связи и проходящие по линиям связей потоки изменялись, зачастую кардинально. Это привело, в частности, к размыванию границ общепринятой до конца 1980-х гг. сетки экономических районов Госплана, составленной на основе старых связей между регионами. Хаотичность процесса формирования новой картины связей (особенно сложной в первое десятилетия независимости России) до сих пор не позволяет наметить даже примерные экономические районы нового времени, которые стали бы общепринятым вариантом районирования.

Отношения могут отличаться различными свойствами. Покажем описание свойств отношений на конкретном примере. Укажем два основных варианта возможного анализа: изучение отношений одного, центрального объекта по принципу средового подхода (объект – среда); изучение отношений объектов как равноправных участников взаимодействия (самый простой случай – бинарные отношения, т.е. между двумя объектами). По сути, аналогичным является изучение отношений внутри объекта. Для удобства описания, назовем данный подход объект-объектным.

Покажем один из возможных вариантов рассмотрения объект-объектных отношений на примерах двух пар однородных образований: городских агломераций и курортно-рекреационных комплексов (табл.1). Уфимская (УА) и Стерлитамакская (СА) агломерации располагаются в Башкирии,

Таблица 1

Сопоставление двух пар объектов по отношениям

Отношения	УА и СА	ЦКРК и ЮВКРК
Типы:		
1. Сущностные		
– иерархические	УА выше по уровню	ЦКРК выше по уровню
– функциональные	СА донор, УА реципиент (по р.Белая); сложные социально-экономические отношения	ЦКРК является ядром (основной или донор) курортной рекреации региона, а ЮВКРК (ведомый или реципиент) окраинного типа. Основная функция данных территорий – повышение качества здоровья и восстановления жизненных сил (отдых)
2. Пространственные		
– иерархические	одноуровневые	одноуровневые
– географическое положение	Смежность; УА севернее, ниже по реке	ЦКРК ближе к Перми (пермская агломерация); ЮВКРК транзитный
3. Временные		
– стадийность процессов	УА опережает (более раннее проникновение инноваций)	Развитие ЦКРК превосходит динамику ЮВКРК за счет более быстрого проникновения информационных и материальных ресурсов
– возраст	УА старше по центру, но ровесник СА по формированию как агломерации	ЮВКРК старше по возникновению курортного лечения, но как системный район курортной и оздоровительной реабилитации ЦКРК стал формироваться первым
Свойства:		
1. Сущностные		
– многообъектность	Бинарные, n-арные	Преобладают n-арные
– характер объектов	Однотипные, пространственные, крупные (межрегиональное значение)	Однотипные, сущностные, крупные (межрегиональное значение)
– составность	Сложные	Сложные
– степень выраженности	Тесные	Средней степени
– очевидность	Преобладают явные	Значительны скрытые
– значимость	Преобладают значимые	Преобладают значимые
– непосредственность	Преобладают прямые	Представлены как прямые, так и косвенные
– знак действия	Отталкивание в поле расселения, притяжение в транспортной системе	Отталкивание в поле конкуренции
– проблемность	Характерны проблемы в некоторых отношениях (бюджет, разделение полномочий и пр.)	Характерны косвенные конкурентные отношения за потенциального клиента
2. Пространственные		
– реализованность	Высокая степень (транспортные связи, потоки вещества, энергии, информации, людей)	Средняя или низкая степень (движение потоков энерго-вещественных и информационных продолжительные)
– направленность	Преобладают двунаправленные	Преобладают двунаправленные (движение отдыхающих, посещение исторических мест или концертов), иногда однонаправленные
– протяженность	Внутрирегиональные (120 км)	Внутрирегиональные (200 км)
3. Временные		
– длительность	Преобладают долгосрочные	Преобладают долгосрочные и среднесрочные отношения, которые определяются территориальной спецификой развития данного вида деятельности
– стабильность	Преобладают постоянные (например, иерархические)	Ярко выражена сезонность

а Центральный (ЦКРК) и Юго-Восточный (ЮВКРК) курортно-рекреационные комплексы – в Пермском крае.

Представленная схема описания отношений объектов позволяет определять степень организованности состоящей из них системы (группы). В нашем случае можно заключить, что пара агломераций связана более тесными отношениями и отличается от пары курортно-рекреационных комплексов более высоким уровнем организованности. Все это связано с тем, что агломерация имеет более высокий уровень сложности, а курортно-рекреационный комплекс представляет собой отраслевую систему, которая может быть компонентом городской агломерации [19].

Отметим, что разнообразие отношений далеко не ограничивается перечисленными выше. Например, не названными остались причинно-следственные отношения, по значимости занимающие в географических объектах одно из центральных мест [17]. Одним из основных вопросов географии является «почему здесь?», и, отвечая на него, исследователь устанавливает именно причинность (детерминизм, каузальность), включая не только собственно причины и вытекающие из них следствия, но и факторы, обстоятельства, условия [12]. Географическое изучение причинности обычно проводится либо в виде классического описания и объяснения [4], либо как строгий, формализованный факторный анализ (логический и/или статистический) [2, 15].

Приведем в качестве примера классификацию отношений из сферы теории искусственного интеллекта [13, 22]:

1. Синтаксические.
2. Стандартные (таксономические, теоретико-множественные, причинно-следственные и др.).
3. Концептуальные (бинарные).
4. Проблемно ориентированные (ролевые, пространственные, наследования, агрегирования и др.).

Очевидно, что без адаптации и переработки подобные классификации неприменимы в географии. Можно как версию предложить следующий рабочий вариант классификации, составленный нами при анализе литературы из разных областей знания [1, 3, 5, 6, 7, 9, 10, 16, 18, 21, 22].

1-й тип. Сущностные отношения:

- причинно-следственные (каузальные);
- функциональные (ролевые);
- иерархические (а) уровневые, или партономические, т. е. типа часть – целое; б) типа общее – частное – единичное; в) таксономические, т.е. типа частное – общее);
- топономические (типа частное – частное, общее – общее);
- генетические;
- семантические;
- синтаксические (?);
- атрибутивные (объект – его свойство);
- процессные (сущность – ее процесс).

2-й тип. Пространственные:

- топологические (географическое положение, смежность);
- пространственная иерархия.

3-й тип. Временные:

- генетические;
- сосуществование (историческое положение как аналог географического);
- причинно-следственные;
- фазовые (между фазами одного цикла).

Предстоит большая работа по созданию теоретически обоснованных и практически значимых и удобных классификаций отношений – как универсальных, так и направленных на решение конкретных географических задач.

Таким образом, георелятивистика представляется перспективным направлением, которое может помочь в решении задач структурного и системного анализа, представить традиционные и новые объекты географии в ином свете, сформулировать актуальные проблемы географической науки и находить пути их решения. Большое значение может иметь использование достижений релятивистики, имеющихся в одной науке, для изучения объектов другой. Уже упоминавшиеся примеры из разных научных направлений показывают разнообразие опыта рассмотрения отношений. Как нам представляется, теперь необходимо этот опыт обобщать, в т.ч. в плане формализации анализа. Такая работа значительно облегчит перенос принципов и методов изучения отношений из одной науки в другие, позволит создать основу для формирования междисциплинарного направления исследования отношений.

Библиографический список

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
2. Арманд Д.Л. Наука о ландшафте: (Основы теории и логико-математические методы). – М.: Мысль, 1975. – 288 с.
3. Бабурин В.Л. Циклические механизмы формирования неоднородности географического пространства России // Социально-экономическая география: традиции и современность / Под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова. – М.–Смоленск: Ойкумена, 2009. – С. 235–250.
4. Берг Л.С. Ландшафтно-географические зоны СССР. В 2 ч. Ч.1. – М.; Л.: Сельхозгиз, 1931. – 401 с.
5. Берталанфи Л. Общая теория систем. Обзор проблем и результатов // Системные исследования: ежегодник. – М., 1969. – С. 45–58.
6. Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука. – М.: Финансы, 2003. – 496 с.
7. Гайдес М.А. Общая теория систем (системы и системный анализ). – М.: ГЛОБУС-ПРЕСС, 2005. – 201 с.
8. Голубченко И.В., Оборин М.С. Георелятивистика: общие подходы и примеры применения // Социально-экономическая география в XXI веке: вызовы и возможные ответы / Под ред. А.Г. Дружинина. Материалы международной научной конференции (Москва, 14 сентября 2013 г.). – М.–Ростов н/Д, 2013. – С. 66–71.
9. Голубченко И.В., Оборин М.С. Проблемы использования системного подхода в географии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Естественные науки. – 2011. – № 21 (116). – С.144–149.
10. Голубченко И.В., Оборин М.С., Кагарманова А.И. Средовый подход и его место в географических исследованиях // Проблемы региональной экологии. – 2012. – № 4. – С. 136–142.
11. Горкин А.П. О релятивности показателей и понятий в социально-экономической географии // Известия РАН. Сер. геогр. – 2011. – № 1. – С. 8–16.
12. Кагарманова А.И. Теоретические основы исследования причинности в педагогике // Вестник БГПУ. Серия педагогика и психология. – 2000. – № 1. – С. 133–141.
13. Клещев А.С. Шалфеева Е.А. Определение структурных свойств онтологий // Известия РАН. Серия Теория и системы управления. – 2008. – № 2. – С. 69–78.
14. Национальный атлас России. В 4 т. Т. 3. Население. Экономика (электронная версия). – М.: ФГУП «ГОСГИСЦЕНТР», 2009.
15. Ныммик С.Я. Сущность, задачи и метод дробного экономического районирования (на примере Эстонской ССР): автореф. дисс. ... д-ра геогр. наук. – Тарту, 1970.
16. Родоман Б.Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. – Смоленск: Ойкумена, 1999. – 256 с.
17. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. – М.: Мысль, 1973.
18. Социально-экономическая география: понятия и термины: Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – 328 с.
19. Теоретические основы рекреационной географии / Отв. ред. В.С. Преображенский. – М.: Наука, 1975.
20. Теория и методология географической науки: учеб. пособие / М.М. Голубчик, С.П. Евдокимов, Г.Н. Максимов, А.М. Носонов. – М.: ВЛАДОС, 2005. – 463 с.
21. Трофимов А.М., Шарыгин М.Д. Общая география (вопросы теории и методологии). – Пермь: ПГУ, 2007. – 494 с.
22. Шалфеева Е.А. Классификация структурных свойств онтологий // Искусственный интеллект. – 2005. – № 3. – С. 67–77.

Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Ибрагимов З.Ф. (Уфа)

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-СТРУКТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОРОДА-МИЛЛИОНЕРА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ

R.G. Safiullin, R.M. Safiullin, Z.F. Ibragimov

TERRITORIAL-STRUCTURAL TRANSFORMATION CITY-MILLIONAIRE: THEORETICAL APPROACHES AND METHODS

Аннотация. В статье рассмотрены теоретико-методические основы территориально-структурной трансформации города-миллионера (на примере г. Уфы). Выделены виды трансформации, факторы, экономико-географические основы и уровни исследования. Территориально-структурная трансформация города-миллионера характеризуется в геодемографическом, территориальном, градостроительном, экономическом, экологическом, социальном, управленческом аспектах. Выявлены наметившиеся тренды в территориальном развитии г. Уфы: территориальный рост, субурбанизация, деиндустриализация, повышение экологической нагрузки, джентрификация и др. Даны прогнозные оценки численности населения до 2030 г. и территориальных направлений развития г. Уфы.

Abstract. The article considers theoretical and methodological foundations of the territorial-structural transformation of the city-millionaire (for example, Ufa). Selected kinds of transformations, determinants, economic and geographic backgrounds and levels of study. Territorial-structural transformation of the city-millionaire characterized in geodemographic, territorial, urban planning, economic, environmental, social and managerial aspects. Identified emerging trends in territorial development, Ufa: territorial growth, suburbanization, deindustrialization, increased environmental pressure, gentrification and others. Are projections of the population by 2030 and territorial development trends, Ufa.

Ключевые понятия: территориально-структурная трансформация, городская система, экономико-географический подход, пространственная организация города, демографическая нагрузка, инвестиционная привлекательность, тренды, прогноз населения, развитие, изменение.

Key concepts: territorial-structural transformation, urban, economic-geographical approach, the spatial organization of the city, the demographic burden, investment attractiveness, trends, forecasts of population, development, change.

Город-миллионер представляет собой целостную социально-экономическую систему, ключевыми объектами которой являются материально-пространственные элементы (население, территория, материально-технические объекты) и их взаимосвязи. Территория города-миллионера, как пространство жизни городского сообщества, выступает важным фактором его развития, поскольку, с одной стороны, составляет среду обитания человека, а с другой стороны, пространство хозяйственной деятельности [1]. В этом смысле город представляет собой социально-экономическую структурированную систему, трансформирующуюся в результате проявления внешних и внутренних факторов развития города.

Категория «территориально-структурная трансформация» является предметом изучения различных научных направлений. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования отечественных и зарубежных географов, социологов, экономистов, урбанистов, градovedов [4, 6, 10, 12, 14, 15, 16].

Научно-географическую основу исследования составили работы отечествен-

ных и зарубежных экономико-географов, геоурбанистов и специалистов в области территориального развития и городского расселения: Г.М. Лаппо [7], Е.Г. Анимиды [1], П.Я. Бакланова [3], В.Л. Бабурина [2], Е.Н. Перцика [11], А.Г. Махровой, Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша [8, 9], Р.Г. Сафиуллина, Р.М. Сафиуллиной [5], S. Sassen [17], P. Taylor [18].

Научно-прикладное исследование сложной системы, как город-миллионер, упирается в недостаточное знание множества составляющих его подсистем и элементов. В нашем исследовании мы попытались представить экономико-географический подход по оценке динамики территориальной организации города-миллионера на примере г. Уфы.

Территориально-структурная трансформация городской системы – это изменение материально-пространственных элементов системы и их связей (экономических, социальных, геодемографических, экологических, организационно-управленческих и т.д.), отражающее пространственно-планировочную организацию города.

Основу понятия территориально-структурная трансформация города-миллионера во многом определяют следующие особенности: историчность, динамичность, относительность рассматриваемой категории. Историческая особенность состоит в том, что для каждого этапа характерны определенные цели и приоритеты городского развития: становление, расцвет, стагнация, упадок. Динамичность состоит в том, что невозможно закрепить определение данной категории неизменным. Оно нуждается в неуклонном развитии в соответствии с постоянно возрастающими и изменяющимися требованиями к пространственной трансформации города.

В городских системах проявляются два вида территориально-структурной трансформаций:

- количественная – территориальный рост и развитие;
- качественная – структурная эволюция и модернизация.

Территориально-структурная трансформация города – явление сложное и многоаспектное, требующее изучения с использованием разнообразных подходов. Сформировались следующие научно-прикладные подходы: территориальный; градостроительный; междисциплинарный; исторический; проблемный; экологический; глобализационный; антропокультурный.

Экономико-географическая оценка территориально-структурной трансформации г. Уфы исследована нами в геодемографическом, территориальном, градостроительном, экономическом, экологическом, социальном, управленческом аспектах.

Для г. Уфы характерным является стабильный естественный прирост населения, наблюдаемый с 2008 г. Численность населения г. Уфы на 2014 г. составляет 1106 тыс. чел., что соответствует показателям 1993 года.

Рождаемость выросла с 9,6‰ в 2002 г. до 16,2‰ в 2014 г., смертность снизилась с 12,5 до 11,5‰ [13, с. 22]. Ограничивающим

геодемографическое развитие города фактором являются старение населения, снижение доли трудоспособного населения, несбалансированность рынка труда. К 2014 г. демографическая нагрузка пенсионерами составила 285 на 1000 человек.

По нашим прогнозным расчетам методом передвижки возрастов без учета миграционной составляющей численность населения г. Уфы будет в перспективе сокращаться (табл. 1).

По оптимистичному прогнозу численность населения г. Уфы уменьшится с 1100 тыс. чел. до 1072 тыс. чел. к 2015 г., а к 2030 г. – до 1000 тыс. чел. Пессимистичный вариант показывает, что г. Уфа потеряет статус «города-миллионера» к 2020 г., а по среднему варианту – к 2025 г.

Из анализа прогнозных данных г. Уфы следует, что национальные проекты и социальная политика, должны быть направлены на решение задач геодемографического развития.

Пространственная организация города претерпела существенные изменения. Наблюдается нарастание территориальных различий в уровне благосостояния и качества жизни населения районов города. Это во многом определяется исторически сложившимся неравномерным расселением, различиями в развитии промышленности, торговли, социальной инфраструктуры, жилищного строительства.

С 1991 года г. Уфа характеризуется тенденцией стихийного территориального разрастания за счет приграничных сельских земель и хаотичной, бессистемной, точечной внутренней застройкой городских территорий.

На сегодняшний день определились несколько территориальных направлений развития города с выходом застройки за пределы Уфимского полуострова:

- район Зауфимья (поселки Елкибаево, Шакша, Нагаево, Зинино, Федоровка), расположенный в восточной части в административных границах г. Уфы;

Таблица 1

Прогноз численности населения г. Уфы, тыс. человек

Варианты прогноза	2015 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.
Пессимистичный	1036	994	943	882
Средний	1047	1015	971	915
Оптимистичный	1072	1058	1037	1000
Наиболее вероятный	1030	987	936	878

Составлено авторами.

- район Забелья в западной части города (поселки Ветошниково, Романовка);
- район Демский;
- внутренние районы жилищного строительства г. Уфы (Глумилино, Кузнецовский Затон, Шакша)

В этих направлениях планируется строительство много- и малоэтажного типа застройки для массового жилья. Для развития данных территорий предусмотрено строительство транспортного коридора, где соединятся федеральные трассы М5 и М7, что обеспечит транзитное движение автотранспорта, но которое, по нашему мнению, не улучшит транспортную и экологическую ситуацию в городе.

Действующим генеральным архитектурным планом г. Уфы предусматривается увеличение площади застроенной жильем территории в два раза за счет территориального выхода города за пределы Уфимского полуострова. Освоение новых территорий города на противоположном берегу р. Белой потребует значительных инвестиций в инфраструктуру, защиту от наводнений и строительство мостов через реку Белую.

Пригородная зона города в радиусе 40–60 км на сегодняшний день представляет собой территорию стихийных свалок, сброса нечистот в водоемы (реки, озера, пруды), что связано было первоначально с бурным развитием коллективного садоводства в 1990–1998 гг., а с 2003 г. – хаотичным коттеджным строительством, продолжающимся до сих пор.

Наметилась тенденция «выдавливания» жителей с низким уровнем доходов из центральных частей города на периферию в силу быстрого роста стоимости квадратного метра жилья и развитием начального этапа процесса джентрификации.

Инвестиционная привлекательность г. Уфы в значительной мере зависит от решения следующих проблем градостроительного развития городской среды:

- повышение уровня благоустройства;
- регулирование территориального роста городской территории;
- развитие спортивной и рекреационной инфраструктуры до уровня стандартов развитых стран;
- управление трендами развития транспортной инфраструктуры;

- снижение промышленной и транспортно-загрязненности природной среды;
- развитие процессов «гриндлинга» на производственных территориях города.

В последнее десятилетие наблюдается тенденция увеличения объектов банковского сектора, появление сети гипермаркетов. За период с 2005 по 2010 г. количество предприятий торговли в городе увеличилось на 241 единицу, т.е. на 6%, а площадь торговых помещений на 258 тыс. м², т.е. почти на 40%. Отмечается концентрация торговли в крупных монополизированных гипермаркетах торговых сетей («Семья», «Икеа», «Магнит», «Лента» и др.).

При этом сохраняется территориальная неравномерность в обеспечении населения стационарными предприятиями торговли, общественного питания и бытового обслуживания по районам и микрорайонам города. Концентрация точек предпринимательской активности показывает, куда стремится бизнес и как следствие – сколько стоит там земля, жилье, аренда.

Наиболее престижными районами в г. Уфе являются: историческая часть города, центр, районы комплексной застройки (Центр, Сипайлово, Зеленая Роща, Проспект). Районы, обладающие средней престижностью: Дема, Затон, Черниковка. Наименее престижные районы – это Инорс, Шакша.

Средняя стоимость квадратного метра в городе составляет более 52 тыс. руб. на первичном и 57 тыс. – на вторичном рынке жилья. В то время как заработная плата работающих на крупных и средних предприятиях практически в два раза ниже. Среди городов-миллионеров России г. Уфа находится в лидерах по динамике роста стоимости жилья.

Экономический аспект развития г. Уфы характеризуется тем, что городская экономика сосредоточена на переработке нефтяного сырья. Другой сферой экономической деятельности является машиностроение – производство двигателей для авиационной и космической промышленности. Третья отрасль – это производство пищевых продуктов и их переработка. Слабой стороной экономики города является недостаточно диверсифицированная структура производства – до половины объема выпускаемой промышленной продукции приходится на нефтепереработку.

Численность работников предприятий и организаций в г. Уфе за период с 2005 по 2012 гг. сократилась с 377 до 325 тыс. чел., т.е. на 52 тыс. чел. Возросла численность занятых в сферах торговли (с 18 до 21 тыс. чел.), финансовой деятельности (с 9 до 11 тыс. чел.), государственного управления (с 27 до 29 тыс. чел.). Численность занятых в промышленности уменьшилась с 88 до 74 тыс. чел.

В экологическом аспекте трансформации г. Уфы преобладают такие тенденции, как увеличение занимаемой площади города и интенсивности использования территорий, повышение экологической нагрузки на все элементы биосферы. Экологическая ситуация в г. Уфе обостряется. Объем выбросов от стационарных источников и автотранспорта в городе составил 278 тыс. тонн в 2012 г. Основной вклад в загрязнение атмосферы от стационарных источников вносят предприятия нефтеперерабатывающей промышленности (83,6%) и электроэнергетики (7,6%). На долю автотранспорта в суммарном объеме выбросов загрязняющих веществ в атмосферу приходится 62,2%.

Интенсивность транспортного потока в городе за период с 1989 по 2013 г. в среднем выросла в 2,7 раза, в то время как уровень автомобилизации – почти в 6,8 раз.

Происходят следующие изменения в развитии транспортной инфраструктуры г. Уфы:

- расширение проезжей части улиц города за счет вырубки зеленых насаждений (ул. Цюрупы, ул. Коммунистическая);
- сужение пешеходных тротуаров до 1,5 метров;
- введение одностороннего автотранспортного движения (ул. Ленина);
- демонтаж части трамвайных путей (пр. Октября);
- введение для общественного транспорта (автобусы, троллейбусы) полосы свободного движения.

Социальный аспект трансформации г. Уфы сопровождается рядом явлений:

- изменением образа жизни людей, системы ценностей, культуры и интеллектуального развития населения;
- удорожанием стоимости проживания;

- нарастанием темпов психологического ритма жизни в городе и изменением ее условий;
- социально-экономическим расслоением населения и обострением кризисной ситуации.

Категорию «территориально-структурная трансформация», можно представить в трех аспектах: изменение, рост, улучшение.

1. Развитие территории города-миллионера, как изменение, влечет за собой разноплановые преобразования, которые могут улучшать многое для некоторых и совсем не обязательно улучшать многое для всех, прежде всего, для местного сообщества.

2. Развитие территории города-миллионера как рост, означает структурные изменения территории, сопровождающиеся увеличением количественных и качественных показателей. Однако это не всегда обеспечивает благоприятные условия для городского сообщества.

3. Развитие территории города-миллионера как улучшение, рассматривается, прежде всего, с позиции главного социального результата – улучшения качества жизни населения, подразумевающего широкий спектр ценностных человеческих ориентаций.

Таким образом, категорию «территориально-структурная трансформация», применительно к городам-миллионерам следует рассматривать как территориальные изменения, ведущие к повышению качественных и количественных показателей с обеспечением улучшения уровня жизни городского населения. Управленческим структурам при установлении целевых параметров стратегического пространственного развития городов-миллионеров следует исходить из прогнозных оценок численности и структуры населения, наметившихся трендов таких, как деиндустриализация, субурбанизация, джентрификация, автомобилизация населения, территориальной концентрации торговли и услуг в гипермаркетах, территориальной дифференциации удорожания стоимости земли и жилья. При этом пространственное развитие города-миллионера не должно рассматриваться в отрыве от пригородной зоны и от развивающейся агломерации в целом, как системного образования.

Библиографический список

1. Анимца Е.Г., Власова Н.Ю. Градоведение. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2010. – 433 с.

2. Бабурин В.Л., Кириллов П.Л., Махрова А.Г. Система расселения Московского столичного региона на рубеже веков: преемственность и новации // Известия РГО. – 2004. – Т. 136. – Вып. 6. – С. 60–68.
 3. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. – М.: Наука, 2007. – 239 с.
 4. Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. – М.: Новый хронограф, 2012. – 896 с.
 5. География миграционных процессов Республики Башкортостан: содержание, эволюция, политика // Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Хамадеева З.А., Глухих И.А. – Уфа: Изд-во УГАЭС, 2012. – 132 с.
 6. География населения и социальная география // Вопросы географии. Сб. 135. – М.: ИД «Кодекс», 2013. – 552 с.
 7. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. – М.: Новый хронограф, 2012. – 504 с.
 8. Махрова А.Г. Организованные коттеджные поселки: новый тип поселений (на примере Московской области) // Региональные исследования. – 2008. – № 2. – С. 13–20.
 9. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. – М.: Новый хронограф, 2008. – 344 с.
 10. Новый взгляд на экономическую географию. Доклад о мировом развитии. – М.: Весь Мир, 2009. – 384 с.
 11. Перцик Е.Н. Географическая мысль: история, проблемы, поиск решений. – М.: Мастер, 2013. – 428 с.
 12. Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. – М.: ОГИ, 2005. – 816 с.
 13. Статистический ежегодник. Город УФА: Стат. сборник. – Уфа: Башкортостанстат, 2014. – 78 с.
 14. Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. – 476 с.
 15. Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. – 166 с.
 16. Уфа: взгляд в будущее. Отчет о результатах рабочей сессии по разработке Стратегии развития города. – Уфа: Главархитектура, 2014. – 226 с.
 17. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton U.P., 2001
 18. Taylor P. Geography of Global Civil Society: Non-governmental Organizations in the World City Network // GaWC Research Bulletin. – 2003. – № 119.
-

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Зубаревич Н.В. (Москва)

КРИЗИСЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ

Zubarevich N.V.

CRISES IN POST-SOVIET RUSSIA: A REGIONAL PROJECTION

Аннотация. Статья посвящена анализу факторов и тенденций российских кризисов 1990–2010 гг. и их воздействия на экономическое развитие регионов, рынки труда и доходы населения, состояние бюджетов. Рассмотрены факторы и динамика нового кризиса 2014 г. и особенности его проявления в регионах разного типа. Дан анализ перспектив нового кризиса и мер государственной антикризисной политики, наиболее важных для регионов.

Abstract. The article deals with the Russia's crises of 1990–2000th and their impact on the regional economic development, labor markets and household incomes. The focus is on a new crisis factors and dynamics in Russian regions. The prospects of the new crisis for different territories are analyzed as well as anti-crisis policy of the state to support the regions.

Ключевые слова: кризис, регионы России.

Key words: crisis, Russia's regions.

Россия в 2014 г. вступила в новый кризис и пока не вполне ясно, как он будет развиваться. Для экономистов важнее всего – оценки глубины и длительности кризисного спада, поиск возможных механизмов его смягчения и стратегий выхода. Для географов более интересна региональная проекция кризиса: в каких регионах и почему негативные проблемы в экономике и занятости будут сильнее, а в каких есть возможности пройти кризис с меньшими потерями. Полезно рассмотреть и предыдущие кризисы, которые переживала Россия в постсоветский период. В таком сопоставлении есть два важнейших аспекта – социальный и географический: во-первых, как кризисные спады экономики влияли на рынок труда и доходы населения, и, во-вторых, какие типы или группы регионов оказались наиболее уязвимыми, выделялись максимальной глубиной экономического спада, ростом безработицы и падением доходов населения.

Очевидно, что каждый кризис имеет свою специфику, поэтому необходимо выделить ключевые факторы нового кризиса. Далее необходим анализ тенденций нового кризиса и его пространственной проекции, чтобы оценивать риски с учетом территориальных

факторов и барьеров развития. Пока тенденции кризисного спада только намечаются, поэтому количественные прогнозы его длительности и глубины в регионах вряд ли могут быть адекватными. Но на качественном уровне региональные риски можно систематизировать. Завершающий шаг – оценка адекватности мер антикризисной политики, которые разработаны российскими властями. В такой последовательности и построен анализ российских кризисов в данной статье.

1. Особенности прошлых кризисов

Обширная экономическая литература позволяет систематизировать основные факторы и тенденции предыдущих кризисов. Трансформационный кризис первой половины 1990-х гг. был обусловлен переходом от плановой к рыночной экономике, этот кризис был очень тяжелым во всех постсоветских странах, включая страны Восточной Европы. Российская экономика сократилась почти вдвое, доходы населения снизились еще сильнее – до 40% от уровня 1991 г. в первые кризисные годы. Региональная проекция трансформационного кризиса в самом обобщенном виде такова: спад экономики был менее сильным в регионах с экспорт-

ным потенциалом (отрасли ТЭК, частично – металлургия) и в Москве, где сильный промышленный спад был компенсирован опережающим развитием сектора рыночных услуг, обеспечившим новые рабочие места. Самым тяжелым был кризис для регионов текстильной и машиностроительной специализации, эти отрасли оказались неконкурентоспособными и не смогли вписаться в глобальный рынок. Тяжело переживали кризис 1990-х гг. и угольные регионы, где проходила реструктуризация отрасли с массовым высвобождением занятых. В результате, экспортные регионы к 1996 г. сохранили 60–75% промышленного производства от уровня 1990 г., а федеральные города, текстильные и некоторые машиностроительные регионы – 27–35% (в среднем по РФ – 48%). Слаборазвитые республики фактически деиндустриализировались, в них осталось 16–30% производства от уровня 1990 г. [4].

Финансовый кризис 1998 и кризис 2008–2009 гг. были частью глобальных экономических кризисов, затронувших и Россию. В 1998 г. главным следствием стала почти четырехкратная девальвация рубля и сокращение более чем на четверть реальных доходов населения. При этом спад промышленного производства в 1998 г. предшествовал девальвации, он был краткосрочным (январь–август 1998 г.) и не очень сильным (на 7% за тот же период). Девальвация сняла проблемы высоких издержек бизнеса из-за завышенного курса рубля, негативно влиявшего на экспортные доходы промышленности. Осенью 1998 г. в России начался быстрый промышленный рост, продолжавшийся десять лет. Первыми пошли в рост регионы пищевой промышленности благодаря импортозамещению, затем регионы экспортноориентированной промышленности вследствие снижения издержек и постепенного улучшения глобальной конъюнктуры, а затем и машиностроительные регионы, для них драйвером был рост спроса на технику российских экспортно-сырьевых компаний. Девальвационный шок способствовал повышению конкурентоспособности российской промышленности, которая имела значительные неиспользуемые мощности и поэтому быстро пошла в рост даже без значительного роста инвестиций. Гораздо сильнее пострадал банковский сектор, ведь в первую очередь это был финансовый кризис. Он за-

тронул в основном Москву, но массовое высвобождение занятых в банковском секторе, страховании и других рыночных услугах дало краткосрочный всплеск безработицы. Квалифицированное городское население быстро нашло альтернативные рабочие места в растущей экономике.

Следующий глобальный кризис дошел до России осенью 2008 г. и раньше всего проявился в банковском секторе, затем в металлургии из-за сокращения глобального спроса и мировых цен, а в 2009 г. распространился на отрасли импортозамещения, особенно на неконкурентоспособное российское машиностроение, так как спрос на его продукцию сократился. Для выхода из кризиса государство впервые выделило из накопленных резервов огромные средства на поддержку банков и крупных компаний. Хотя кризисный спад экономики был существенным (ВВП – на 7%, промышленное производство – на 11% в 2009 г.), реальные доходы населения, в отличие от предыдущих кризисов, продолжали расти (табл. 1). Этот кризис также был относительно краткосрочным, рост экономики начался с лета 2009 г., но был более медленным по сравнению с темпами выхода из кризиса 1998 г. Тем не менее, к 2012 г. российская экономика преодолела спад.

Региональная проекция кризиса 2008–2009 гг. отличалась от предыдущих: самый сильный спад имели машиностроительные и металлургические регионы, хотя последние быстрее начали выходить из спада. В меньшей степени оказались затронуты кризисом четыре типа территорий:

- регионы юга с высокой долей АПК в экономике,
- регионы Дальнего Востока, где многие неэффективные предприятия были санированы еще в кризис 1990 гг., а повышенная доля трансфертов из федерального бюджета поддержала занятость в бюджетном секторе,
- слаборазвитые регионы, живущие в основном на трансферты из федерального бюджета,
- ведущие нефтегазодобывающие регионы, поскольку спад цен на нефть был краткосрочным.

Особый тренд прохождения кризиса показала Москва. В сентябре–ноябре 2008 г. доходы москвичей сократились на 40% к соответствующим месяцам предыдущего года,

Таблица 1

Уровень и динамика показателей в кризисные периоды

	1991–1995 гг.	1998 г.	2009 г.	2014 г. (первая фаза)
Динамика промышленного производства, в % к предыдущему году	-52*	-5	-11	+1,7
Динамика доходов населения, в % к предыдущему году	-54**	-26***	+1,8	-1,0
Уровень безработицы по методологии МОТ в среднем за год	9,5	13,2	8,3	5,2
Наиболее пострадавшие регионы	Регионы обрабатывающей промышленности, слаборазвитые республики	Москва	Металлургические и машиностроительные регионы	Часть регионов Северо-Запада и регионы автомобильной промышленности
Менее пострадавшие регионы	Ведущие нефтегазодобывающие регионы, Москва	Периферия	Дальний Восток, высокودотационные республики	Аграрный юг

* 1996 к 1990 г.

** 1995 к 1991 г.

*** суммарно за 1998–1999 гг.

Источник: данные Росстата, [1; 3].

хотя отчасти это статистический дефект¹. Кроме того, в 2009 г. почти на четверть снизились доходы бюджета столицы. Безработица по методологии МОТ выросла в кризис незначительно, несмотря на масштабные сокращения в отдельных секторах экономики (банки, страхование, другие рыночные услуги). Столичный рынок труда опять быстро восстановился: образованные и адаптивные москвичи быстро находили альтернативные рабочие места. В результате кризисный удар по столице был сильным, но недолгим, за исключением доходов бюджета, для их восстановления потребовалось три года. В Санкт-Петербурге тенденции схожи, но выражены значительно слабее.

Кризисы 1990-х выявили своеобразие **адаптационных механизмов** в России. Существуют два способа снижения издержек бизнеса в кризисные периоды: с помощью сокращения занятости или заработной платы работников. Как показывают исследования российских экономистов [2], российский рынок труда адаптировался к кризисам 1990-х преимущественно путем резкого снижения заработной платы (длительные

задержки заработной платы, массовая неполная занятость, отпуска без сохранения содержания и др.) и, как следствие, доходов населения, в то время как рост безработицы был менее сильным (в 1998 г. – 13,2% по методологии МОТ). В наиболее проблемных странах ЕС ее современный уровень выше (Испания, Греция, Хорватия – более 20%). В России сформировалась особая модель адаптации рынка труда к кризисам, которая соответствует предпочтениям работников – они готовы терпеть снижение уровня оплаты труда, но не потерю работы. При такой модели сложно сокращать неэффективные рабочие места в кризисные периоды.

Ожидалось, что эта модель проявится и в кризис 2008–2009 гг., но ее подкорректировало государство. Накопив огромные финансовые ресурсы благодаря высоким ценам на нефть в 2000-х гг., оно фактически залило кризис деньгами. Крупные компании получили огромную финансовую помощь государства, что предотвратило банкротства и массовые увольнения работников. Значительные средства были выделены на поддержку занятости, появились новые инстру-

¹ Объяснить такой сильный спад можно только особенностями методики Росстата, в которой используется дооценка доходов населения на обмен валюты. Массовая покупка валюты при девальвации рубля наиболее характерна для столицы, что сильно искажает динамику доходов москвичей. За счет Москвы в четвертом квартале 2008 г. сократились доходы всего населения России.

менты: активные меры поддержки занятости в виде общественных работ, которыми были охвачены почти 2 млн чел., в значительно более скромных масштабах – переподготовка занятых и финансовая поддержка самозанятости. Помимо этого, власти прямо ограничивали увольнения на промышленных предприятиях и в моногородах. В результате уровень безработицы по методологии МОТ даже на пике кризиса в первом квартале 2009 г. не превышал 9,5%. При этом реальная средняя заработная плата сократилась в 2009 г. только на 3%, а реальные среднедушевые доходы населения даже выросли на 1,8%. Одна из основных причин – в 2009 г. были существенно повышены пенсии (на 25% к предыдущему году), что поддержало доходы населения. Занятость и заработную плату в бюджетном секторе поддержало также увеличение на треть трансфертов из федерального бюджета, поэтому доходы консолидированных бюджетов регионов сократились только на 4%. Таким образом, в кризис 2009 г. «отменилась» российская модель адаптации 1990-х гг. в виде резкого снижения заработной платы при умеренном росте безработицы.

Региональные различия в динамике безработицы и доходов населения в период кризиса 2009 г. были существенными и не вполне вписывались в общероссийский тренд. На пике кризиса в феврале 2009 г. уровень безработицы по методологии МОТ достигал 12–15% в полутора десятках регионов (без учета слаборазвитых республик с устойчиво высоким уровнем безработицы). Но уже к лету их число сократилось вдвое, высокую безработицу сохраняли в основном полупрецивные регионы (Ивановская, Брянская, Курганская области, Забайкальский край) и менее развитые республики Поволжья (Чувашия и Марий Эл). К концу 2009 г. высокий уровень безработицы сохранился только в Курганской области и в полупрецивных регионах востока страны (Амурская область, республика Бурятия, Забайкальский край), куда волна кризиса дошла позже.

Спад доходов населения в 2009 г. имели более половины регионов РФ, причем наиболее значительный – вовсе не регионы с максимальным уровнем безработицы, а более развитые регионы преимущественно экспортно-индустриальной специализации (Кемеровская, Вологодская области, Ярославская, Томская области, Ханты-Мансий-

ский и Ямало-Ненецкий АО, Красноярский край, республика Коми), а также входящие в состав крупнейших агломераций страны Ленинградская и Московская области. Основная причина в том, что в заработной плате занятых в экспортных отраслях промышленности значительно выше доля всевозможных надбавок, которые не выплачиваются в кризис, поэтому удар по доходам населения был сильнее. В регионах с трудоемкими обрабатывающими отраслями шире использовалась неполная занятость. Задержки заработной платы, типичные для кризисов 1990-х гг., на это раз были минимальными, органы власти контролировали ситуацию.

Таким образом, даже при значительной поддержке государства регионы по-разному реагировали на кризис 2009 г. В полупрецивных регионах и регионах с менее конкурентоспособной машиностроительной специализацией он чаще приводил к более существенному росту безработицы, а в более развитых регионах – к более значительному снижению уровня доходов населения. Еще одна особенность – в наименее развитых республиках с высоким уровнем дотационности кризис не ощущался ни заметным ростом и без того повышенной безработицы, ни снижением доходов населения; наоборот, доходы в них росли. Это относится и к большинству регионов Дальнего Востока. Территориальные различия не являются жесткими, но есть общая логика: более развитые регионы проходили кризис 2009 г. в основном по модели 1990-х гг. (снижение доходов), в менее конкурентоспособных регионах с большим числом неэффективных рабочих мест сильнее росла безработица, а регионы, живущие в основном за счет федеральных трансфертов и доходов от неформальной занятости, кризис чувствовали слабо.

2. Факторы нового кризиса и его региональная проекция. Генезис кризиса 2014 г. объясняют с разных позиций. Российские власти считают его продолжением глобального кризиса 2008–2009 гг. Из него удалось частично выйти благодаря поддержке государства, получившего огромные доходы при высоких ценах на нефть, но падение цен на нефть и внешнее давление на российскую экономику после Крыма опять ввергли страны в кризис. Среди экономистов доминирует иная точка зрения – новый кризис изначально обуслов-

лен внутренними причинами: страна исчерпала возможности роста в рамках сложившейся институциональной модели рентной экономики с плохими институтами. Российские «правила игры» тормозят активность бизнеса из-за низких гарантий прав собственности и тотальной коррупции, а резко возросшее присутствие государства в экономике обернулось крайне низкой эффективностью госкомпаний и их инвестиций. Санкции и спад нефтяных цен только ускорили уже сформировавшийся негативный тренд.

Статистика подтверждает это объяснение: стагнация российской экономики началась в конце 2012 г., то есть задолго до политических событий, связанных с Украиной. В 2013 г. промышленное производство не росло, а инвестиции начали сокращаться (на 0,2% к 2012 г.). Спад промышленного производства отмечался в 30% регионов, а спад инвестиций – в половине. Особенно сильно сократились инвестиции на Дальнем Востоке (на 27%), где завершились крупные инвестиционные проекты, финансируемые госбюджетом и госкомпаниями (саммит АТЭС, восточный нефтепровод и др.). Эти проекты так и не стали драйверами роста – притока новых, прежде всего частных, инвестиций в 2013–2014 гг. не последовало. Реальные доходы населения в 2013 г. росли, но темпы роста сократились до 3,7% (в период экономического роста 2000-х они достигали 11–12%). Динамика доходов также отражала растущие проблемы: в половине регионов Северо-Запада они сократились вслед за промышленным и инвестиционным спадом, хуже среднего была динамика доходов населения в Уральском и Сибирском ФО из-за торможения промышленного роста. Стагнация экономики не повлияла на рынок труда – уровень безработицы по методологии МОТ снизился к концу 2013 г. до исторического минимума (5,5%), тенденция снижения отмечалась почти везде, за исключением нескольких регионов Северо-Запада, где экономическая ситуация ухудшалась быстрее.

В первом полугодии 2014 г., то есть до санкций и падения цен на нефть, почти все эти тенденции сохранились. Только промышленное производство немного выросло (на 1,5% к первому полугодю 2013 г.), основным драйвером роста были обрабатывающие производства (на 2,6%), импортозамещению способствовало ослабление курса рубля

в конце 2013 г. и начале 2014 г. Однако в третьи регионы продолжалось снижение промышленного производства, в том числе в нефтедобывающем Ханты-Мансийском АО и в регионах автопрома (Самарская, Нижегородская, Ульяновская области). Ускорился спад инвестиций (–2,8% в первом полугодии), он отмечался в 40% регионов. Прекратился рост доходов населения (0,1%). Перестало быть драйвером роста спроса и потребительское кредитование, в 2014 г. закредитованность населения приблизилась к критическому уровню, большинство вновь взятых кредитов шло на погашение предыдущих. Только рынок труда оставался стабильным, уровень безработицы в апреле-июне снизился до 5%, хотя в России он всегда снижается летом и растет зимой из-за сезонных колебаний занятости в строительстве и сельском хозяйстве.

Со второй половины 2014 г. началось действие санкций, контр-санкций и падение цен на нефть, ускоривших экономический спад. Пока можно сделать только первую оценку его масштабов и территориальной проекции, так как региональная статистика по итогам 2014 г. еще не опубликована. Промышленность пока не ощутила кризиса, за 2014 г. объем производства вырос на 1,7%, в основном за счет обрабатывающей промышленности и фактора импортозамещения. В декабре рост промышленности даже ускорился – на 3,9% к декабрю 2013 г. По данным за январь-ноябрь 2014 г., позитивную динамику имели большинство регионов Дальнего Востока и юга России, а также Центрального и Приволжского ФО, негативную – более половины регионов Урала, Сибири и Северо-Запада, преимущественно регионы экспортно-сырьевой экономики и автопрома. Спад инвестиций в основной капитал за три квартала сохранился на том же уровне (–2,5%), а доля регионов с отрицательной динамикой инвестиций даже немного уменьшилась до 35%. Почти не изменился и уровень безработицы (5,2% в четвертом квартале 2014 г.), ухудшились показатели только в регионах Северо-Запада со спадом промышленности, начавшемся еще в 2013 г. (республика Карелия, Архангельская область) и в третьи регионов Сибири и Поволжья, хотя на негативную динамику влияет и сезонный фактор. Почти до конца года не было спада реальных доходов населения (100,4% за 10 месяцев 2014 г.), а доходы населения регионов Южного и Се-

веро-Кавказского ФО продолжали расти. Но более трети регионов имели отрицательную динамику, в том числе на Дальнем Востоке, в Сибири, на Северо-Западе и в Центральном ФО – около половины. До декабря ситуация по основным показателям выглядела «замороженной» – стагнация, но не кризис. В декабре произошло резкое снижение доходов населения вследствие обвальной девальвации рубля и ускорения роста инфляции: реальные денежные доходы населения снизились на 7,3% по сравнению с декабрем 2013 г., а реальная заработная плата – на 4,7%. В целом за 2014 г. реальные доходы населения России снизились на 1% по сравнению с 2013 г.

Таким образом, за исключением декабрьского спада доходов населения, остальные экономические индикаторы и рынок труда в 2014 г. не показывали заметного ухудшения. Кризис 2008–2009 гг. начинался более резким падением промышленного производства, инвестиций и занятости при незначительном снижении уровня заработной платы. Новый кризис 2014 г. развивается медленней. Региональная картина пока размыта, но можно отметить, что российский Юг чувствует себя лучше, чем восточные регионы и Северо-Запад.

Бюджеты регионов быстрее реагируют на кризисы. В 2008–2009 гг. основной проблемой стало резкое сокращение поступлений налога на прибыль, что сильнее всего ударило по бюджетам развитых индустриальных регионов и федеральных городов, где доля этого налога в доходах бюджета максимальна. Слаборазвитые республики Северного Кавказа и проблемные регионы Дальнего Востока избежали бюджетного кризиса благодаря более высокой доле трансфертов в доходах их бюджетов. В 2009 г. трансферты из федерального бюджета были увеличены на треть, а их доля в доходах консолидированных бюджетов регионов выросла с 19 до 27%. Фактически бюджетный кризис залили деньгами.

Новый кризис 2014 г. регионы встречают в гораздо худшем состоянии. Дестабилизация их бюджетов началась еще в 2013 г. из-за политических решений о повышении заработной платы занятым в бюджетном секторе, принятых на федеральном уровне и стагнации экономики. Выполнение этих решений в основном было возложено на бюджеты ре-

гионов, что привело к росту их расходов на 6% в 2013 г., в том числе на образование – на 12%. При этом доходы бюджетов регионов почти не росли (+1%), так как поступления налога на прибыль в 2013 г. сократились на 13%, а трансферты из федерального бюджета – на 6%. Дисбаланс доходов и расходов привел к трехкратному росту дефицита бюджетов регионов (до 642 млрд руб. в 2013 г. или 8% от всех доходов бюджетов). Дефицит нужно покрывать заимствованиями, поэтому суммарный долг регионов и муниципалитетов в начале 2014 г. достиг 2 трлн. руб., это 31% от собственных доходов их бюджетов (без учета трансфертов). В 34 регионах долг превышал половину собственных доходов.

В первые три квартала 2014 г. проблемы удалось немного смягчить благодаря росту поступлений налога на прибыль и трансфертов из федерального бюджета. Дефицит бюджетов регионов уменьшился. Долг оставался огромным, но перестал расти. Однако осенью 2014 г. ситуация резко ухудшилась: в октябре и ноябре поступления налога на прибыль сократились на 27–29% к уровню предыдущего года, перестали расти поступления налога на доходы физических лиц (НДФЛ), а это главный налог для бюджетов большинства регионов. Кроме того, в ноябре существенно (на 11% к уровню 2013 г.) сократились трансферты из федерального бюджета (без учета Крыма²). Если даже считать снижение трансфертов временным явлением, то негативная динамика основных налогов – НДФЛ и на прибыль, формирующих доходы бюджетов развитых и среднеразвитых регионов, будет усиливаться по мере развития кризиса.

Обострились и долговые проблемы, объем долга регионов за октябрь–ноябрь 2014 г. вырос на 5%, у половины регионов он составил от 50 до 130% собственных доходов их бюджетов. По данным за январь–ноябрь, дефицитными были бюджеты 60% регионов. Самое тяжелое положение у регионов, имевших и дефицит, и большой долг, таких более 30. Среди них преобладают среднеразвитые, у которых не так много собственных доходов и относительно невелика федеральная помощь. Самым богатым регионом (Москва, Санкт-Петербург, Тюменская и Сахалинская области, нефтегазодобывающие автономные округа) пока удается проводить более сбалансированную бюджетную политику.

² В сентябре–ноябре 2014 г. Крыма получал 8–9% от всех трансфертов регионам.

Таким образом, регионы вступили в острую фазу кризиса с разбалансированными бюджетами и огромными долгами, но им труднее рассчитывать на поддержку из федерального бюджета в объемах, сопоставимых с 2009 г. Новый кризис не удастся залить деньгами – их стало меньше. Сокращается нефтяная рента, а половина доходов федерального бюджета – нефтегазовые. Девальвация рубля помогла компенсировать падение доходов федерального бюджета от дешевающей нефти³, что позволило сохранить запланированный объем трансфертов регионам в 2014 г. Но в 2015 г. доходы расти не будут, принято решение о секвестре расходов федерального бюджета на 10%, что, скорее всего, приведет к снижению объема трансфертов регионам.

3. Перспективы и риски для регионов в 2015–2016 годах. Перспективы и риски развития регионов зависят от характера нового кризиса.

Во-первых, у него внутренние, прежде всего институциональные причины, усиленные внешними воздействиями и шоками.

Во-вторых, это более долгосрочный кризис, нет явных предпосылок, что он, как было обещано, ограничится двумя годами. Рост цен на нефть может смягчить ход кризиса, но системных институциональных проблем – плохого инвестиционного климата, неэффективного управления – он не решает.

В-третьих, этот кризис ударит и по развитым, и по менее развитым регионам, но направления «главного удара» и ущербы будут разными.

Анализ предыдущих кризисов показал, что их региональная проекция может рассматриваться по нескольким векторам, которые хорошо известны географам:

- по уровню развития (развитые – среднеразвитые – слабо развитые регионы);
- по структуре экономики (регионы со специализацией на добыче сырья и полуфабрикатов, востребованных глобальным рынком, со специализацией на обрабатывающих отраслях внутреннего спроса или с преобладанием сектора услуг);
- по географическому положению (более аграрный юг – промышленный

центр и север, а также регионы освоенной зоны – восточные регионы нового освоения);

- по центрально-периферийной модели (крупнейшие города – менее крупные – малые города и сельская периферия).

Российское пространство мозаично, поэтому эти векторы не формируют четкие типы территорий. Большинство российских регионов не так-то просто разложить «по полочкам». Тем не менее, территориальная дифференциация рисков нового кризиса просматривается, хотя бы на качественном уровне.

Для слабо развитых регионов, как и для высокостационарного Дальнего Востока, главным риском является снижение объема трансфертов из федерального бюджета. Это приведет к снижению занятости и легальной заработной платы, поскольку в этих регионах выше доля занятых в бюджетном секторе экономики. В кризисный период будет быстро расти неформальная занятость, усилится «теневилизация» экономики и доходов населения. Такая модель адаптации к кризисам типична для регионов с более жесткими барьерами развития.

Для регионов обрабатывающей промышленности выше риски роста безработицы, особенно для менее конкурентоспособных и полудепрессивных, что также приведет к снижению уровня доходов населения. Особо следует выделить инвестиционно активные регионы, которые вложили бюджетные средства в развитие инфраструктуры с целью привлечения инвесторов – Калужскую, Калининградскую, Ульяновскую, Белгородскую, республику Мордовия и др. Платой за успех стал рост долговой нагрузки бюджетов. Кризис не позволит этим регионам расплатиться с долгами, привлечь новых инвесторов трудно, а без инвестиций невозможен рост доходов бюджета. Инвестиционно активные регионы оказались заложниками федеральной политики, спровоцировавшей кризис, для них велик риск долгового кризиса в сочетании с ростом безработицы.

Для более развитых регионов с экспортными отраслями промышленности (ТЭК, металлургия, химия) последствия нового кризиса будут более заметными для бюджетов, доходы которых снизятся вследствие спада поступлений налога на прибыль. Существен-

³ После девальвации доходы федерального бюджета от экспортных пошлин и НДС значительно выросли, так как они рассчитываются в долларах.

но снизятся и доходы населения из-за сокращения переменной части заработной платы (надбавки, премии), доля которой в экспортных отраслях максимальна. Но даже при длительном спаде более развитые регионы, особенно с диверсифицированной структурой экономики, имеют повышенный «запас прочности».

В рамках центр-периферийной модели самый простой прогноз – для сельских периферий и малых городов. Периферийные муниципалитеты высокодотационны, но даже при снижении финансовой помощи они смогут исполнять те немногие функции, которые еще не переданы наверх, региональным властям. Население периферий сохраняет привычные модели выживания и самообеспечения и будет их только расширять в кризис.

Риски кризиса для средних и относительно крупных городов зависят от многих факторов. Считается, что наиболее уязвимы монопрофильные промышленные города. С этим трудно спорить, но многое зависит от качества промышленных активов, глобальной конъюнктуры цен и спроса на продукцию, географического положения таких городов. Как и в прежние кризисы, выше всего риски безработицы в городах с менее конкурентоспособной текстильной и машиностроительной специализацией. Однако российские власти еще в прошлый кризис научились их смягчать, используя меры активной поддержки занятости и не допуская массовых увольнений. Сложнее прогнозировать последствия кризиса для городов, почти утративших индустриальные функции, но сохраняющих функции местных центров услуг. В них выше доля занятых в бюджетном секторе, более развито малое предпринимательство и разные формы временной трудовой миграции населения в другие территории (вахтовики, сезонная занятость и др.). При одновременном сокращении занятости в бюджетном секторе из-за оптимизации расходов бюджетов, разорении части малого предпринимательства из-за сжатия платежеспособного спроса населения, сокращении трудовой миграции из-за общего снижения спроса на рабочую силу рост безработицы в этих городах может быть не менее значительным, чем в промышленных центрах. Поддержка городов-местных центров российскими властями вряд ли будет значительной, так как разнородные группы

потерявших работу имеют низкий социальный капитал и не способны координировать протестные действия, в отличие от работников, высвобождаемых с крупных промышленных предприятий.

Труднее всего прогнозировать последствия кризиса для крупнейших агломераций. Предыдущие кризисы показали, что рынок труда федеральных городов и городов-миллионников велик и наиболее диверсифицирован, поэтому риски роста безработицы ниже. Но в начавшемся кризисе риски повышаются, так он будет более длительным. Девальвация рубля, санкции и сокращение нефтяной ренты сильнее бьют по сектору рыночных услуг, который наиболее развит в крупнейших городах. При увольнении можно переждать полгода, но где будут трудоустроиваться «белые воротнички» при более длительном спаде, даже если они снизят свои зарплатные ожидания? Длительный кризис с большой вероятностью приведет к росту «беловоротничковой» безработицы и значительному снижению уровня жизни образованного населения крупнейших городов, относящегося к среднему классу. Для Москвы еще одним негативным фактором станет сокращение притока мигрантов, арендующих жилье в столице. Сожмется «серый» рынок аренды, обеспечивающий многим москвичам значительные рентные теневые доходы. Кроме того, население крупнейших городов потребляет больше импортных товаров и зарубежных услуг – рекреационных, развлекательных, учебных, медицинских, поэтому девальвация рубля для него наиболее болезненна. Кризис может изменить не только структуру потребления значительной части населения Москвы, С.-Петербурга и других крупнейших городов России, но и образ жизни: стратегии развития будут замещаться старыми стратегиями выживания домохозяйств. Это не просто снижение уровня жизни, а негативная трансформация образа жизни людей, относящих себя к среднему классу, что резко ухудшает социальное самочувствие. Образованное крупногородское население имеет больше возможностей и ресурсов для адаптации, но немалая его часть может выбрать эмиграцию. И Россия опять будет терять человеческий капитал.

Оценку территориальных рисков нового кризиса необходимо соотносить с действиями российских властей. В январе 2015 г.

правительство обнародовало антикризисную программу, в которой есть меры, нацеленные на поддержку регионов.

Во-первых, планируется реструктурировать долг субъектов РФ. Правительство выделяет 160 млрд руб., чтобы перевести часть кредитов банков в бюджетные кредиты, ставка по которым ниже и их легче пролонгировать. Это частично снизит напряженность с выплатами огромного долга регионов и муниципалитетов коммерческим банкам (830 млрд руб.), но не решает проблемы.

Во-вторых, в 2015 г. зарезервированы дополнительные средства федерального бюджета на поддержку занятости: субсидии на активные меры поддержки занятости (52 млрд руб.) и дополнительные субвенции на выплаты пособий по безработицы (30 млрд руб.). Для сравнения, в 2009–2010 гг. объем субсидий составил 36–38 млрд руб., а дополнительных субвенций – 40–50 млрд руб. Судя по всему, федеральные власти рассчитывают, что потребности в активной поддержке занятости будут сопоставимыми с предыдущим кризисом с поправкой на пятилетнюю инфляцию, а рост безработицы будет менее сильным, что уменьшит потребности в пособиях. Этому способствуют демографические факторы: до конца текущего десятилетия численность российского населения в трудоспособном возрасте ежегодно будет сокращаться на 600–800 тыс. чел. из-за особенностей демографической пирамиды, что объективно снижает напряженность на рынке труда. Кроме того, часть занятых старших возрастов в случае увольнения уйдет на пенсию. Расчеты властей можно будет проверить только эмпирическим путем – динамикой безработицы.

В-третьих, разработаны меры по поддержке малого предпринимательства. Регионам предложено существенно сократить ставки налогов на малый бизнес, поступающих в региональные и местные бюджеты. Суммарная доля налогов от малого бизнеса в консолидированных бюджетах регионов невелика – 4%, но есть регионы, где она существенно выше: Калининградская область (10%), Краснодарский край, Костромская, Кировская и Владимирская области (7–8%), Новосибирская, Ростовская области, Приморский и Ставропольский края (6%). Им есть что терять, особенно в условиях дестабилизации бюджетов и роста долга. Фактически федеральный центр в очередной раз перекладывает издержки принимаемых им решений на регионы, как это было и с выполнением президентских указов. Разница только в том, что состояние бюджетов регионов теперь намного хуже, и вряд ли многие реализуют эту антикризисную меру без сильного давления сверху.

Итак, начавшийся кризис, скорее всего, будет длительным, а также более болезненным для жителей крупных городов. Он идет по непривычной траектории: от дестабилизации бюджетов регионов, спада инвестиций и стагнации промышленного производства, произошедших вследствие внутренних факторов, затем, с годовым лагом, к спаду доходов населения в значительной степени из-за внешних факторов, но пока без заметного ухудшения состояния рынка труда в подавляющем большинстве регионов. Кризисные риски, в том числе территориальные, могут меняться, но как – пока неясно. Понятно только одно – накопленных денег в Резервном фонде и Фонде национального благосостояния хватит не более чем на 1,5–2 года.

Библиографический список

1. Мониторинг развития регионов России Независимого института социальной политики (2008–2014 гг.) http://www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/kris.shtml,
2. Обзор социальной политики в России: начало 2000-х / Под ред. Т.М. Малевой / Н.В. Зубаревич, Д.Х. Ибрагимова и др. Независимый институт социальной политики. – М.: НИСП, 2007.
3. Овчарова Л.Н., Бюрюкова С.С., Тер-Акопов С.А., Варданян Е.Г. Что изменилось в доходах, расходах и потреблении российского населения? Мониторинг доходов, расходов и потребления российских домохозяйств. – М.: ГУ-ВШЭ, 2014.
4. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / Под ред. Н. Зубаревич. – М.: Независимый институт социальной политики, 2005.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

Riabinina L.I., Surzhikov V.I.

TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF PRIMORSKY TERRITORY IN THE PERIOD OF ACTIVE INVESTMENTS

Аннотация. В статье представлены результаты оценки уровня и масштабов территориальной дифференциации базовых показателей социально-экономического развития Приморского края в период инвестиционной активности (2008–2012 гг.). На основе кластерного анализа интегральных коэффициентов уровня и динамики социальных и экономических показателей муниципальные образования региона разделены на четыре кластера. Представлена их краткая характеристика, обозначены основные причины и проблемы социально-экономической дифференциации. Для отстающих и депрессивных муниципалитетов края в долгосрочной перспективе предлагаются меры по выравниванию и инвестированию ускоренного развития.

Abstract. The article presents the results of assessing the level and extent of territorial differentiation of baseline socio-economic development indicators of Primorsky Region of Russia in the period of active investments (2008–2012). Based on cluster analysis of integral coefficients of the level and dynamics of social and economic indicators, the region's municipalities were divided into four clusters. The paper presents their short characteristics, identifies the main causes and problems of socio-economic differentiation. For backward and depressed municipalities, the authors propose measure to eliminate disparities and accelerate the development through investments.

Ключевые слова: территориальная дифференциация, муниципальное образование, вариационный анализ, кластерный анализ, показатели дифференциации.

Keywords: territorial differentiation, municipalities, analysis of variance, cluster analysis, performance differentiation.

Введение. Геополитические и геоэкономические реалии последнего десятилетия обусловили повышенное внимание к решению проблем социально-экономического развития Приморского края со стороны федерального центра в рамках кратко- и среднесрочного стратегического планирования. Это позволило начать процесс экономического «приближения» региона к остальной России в условиях постепенно усиливающейся интеграции всех дальневосточных территорий [1]. Тем более, что этому способствует и реализация ряда федеральных программных проектов, ориентированных на использование такого важного конкурентного преимущества Приморья, как его выгодное экономико-географическое положение относительно динамично развивающегося АТР и значительные собственные возможности организации высокоэффективных экспортоориентированных производств.

В то же самое время, федеральному центру и региональным властям потребуются приложить немало усилий, чтобы эти «конкурентные преимущества» эффективно «заработали». А для этого необходимо

устранить имеющиеся ограничения, в т.ч. и внутрирегиональные, выступающие как лимитирующий фактор расширения благоприятного инвестиционного пространства. В их числе и внутреннее территориальное социально-экономическое неравенство. Вполне закономерна роль «полюса роста» у Владивостока с его бесспорным конкурентным преимуществом в границах управляемой им территории – выгодное приморское положение с выходом к основным торговым путям в АТР. В «новой экономической географии» [13] это преимущество относят к факторам «первой природы». Уже этот факт позволяет сделать вывод, что под действием объективных факторов «первой природы» экономическое и социальное неравенство территорий будет лишь усиливаться – бизнес всегда активнее инвестирует в территории, имеющие конкурентные преимущества [3, 4].

Только лишь с началом «действия» в регионе факторов «второй природы» (значительная налоговая база, высокий инвестиционный, человеческий и научно-технический капитал, лучшая институциональная среда, агломерационный эффект и пр.), неразрыв-

но связанных с деятельностью государства и общества [3, 13], (при наличии, конечно, на территориях значительных собственных возможностей организации высокоэффективных производств), в регионах появляется возможность снижения их внутреннего социально-экономического неравенства. Так, например, по оценкам П.Я. Бакланова, А.В. Мошкова и М.Т. Романова [10], при эффективной деятельности государства и общества, действие факторов «второй природы» на территории Приморского края сможет проявиться уже к 2050 г., и здесь, наряду со сложившимися, могут получить опережающее развитие еще 15 экономических центров, которые станут «полюсами роста» для соответствующих дробных экономических районов (в виде укрупненных муниципальных образований).

Сейчас в пределах Приморского края сохраняется выраженное «поляризованное развитие», которое стало еще более проявилось после принятия в 2008 г. решения о проведении саммита АТЭС-2012 во Владивостоке. В период подготовки к нему объем инвестиций в экономику края, по сравнению с предыдущим пятилетием, увеличился более чем в 4 раза (со 163 до 686 млрд руб.), что позволило региональным властям успешно реализовать крупные инфраструктурные проекты. Сами по себе эти инвестиции не обеспечили значительного прироста промышленного и сельскохозяйственного производства в регионе, но способствовали некоторому улучшению ситуации в отраслях социальной сферы и внутреннего рынка [5].

Постановка проблемы. Проблемы территориального неравенства социально-экономического развития Приморского края определяют необходимость в постоянном его мониторинге в изменяющихся условиях. Научной общественности известны результаты исследований социально-экономической дифференциации муниципальных образований края, выполненные Ю.Д. Шмидтом и В.А. Денисенко [11, 12]. Но хронологически они ограничены 2000–2008 гг. Данное обстоятельство определило цель нашей работы – рассмотреть данный вопрос в рамках 2008–2012 гг., когда в Приморье были вложены заметные инвестиции в связи с саммитом АТЭС-2012 и строительством нефте- и газопроводов. В данной работе предстоит оце-

нить уровень территориального неравенства в регионе в этот период, и выявить наиболее проблемные муниципалитеты, нуждающиеся в специальных мерах поддержки и разработке адекватных управленческих мероприятий в рамках осуществления эффективной региональной и муниципальной политики.

Методы исследования. Для выполнения поставленной задачи использовалась методика А.А. Победина, позволяющая проводить анализ территориального неравенства не только по отдельным показателям, но и комплексно [6].

Изучение социально-экономического неравенства для 32 муниципальных образований Приморского края (без ЗАТО Большой Камень и Фокино) проводилась по следующему алгоритму: 1) отбор анализируемых показателей и приведение их к сопоставимому виду; 2) анализ дифференциации по отдельным показателям; 3) комплексный анализ территориального неравенства социально-экономического развития.

При формировании системы оценочных показателей учитывалось то, что они должны отражать важнейшие сферы и процессы социально-экономического развития муниципалитетов, с учетом определенной равноценности между ними. Это необходимо для того, чтобы интегральные показатели, рассчитываемые при комплексном анализе, объективно отражали общий уровень социального и экономического развития, а не его отдельные аспекты. Важным условием полноценного отбора индикаторов являлось и их наличие в статистических сборниках. В итоге были выбраны и приведены к сопоставимому виду 5 социальных показателей и 6 – экономических, представленные в таблице 1.

Для оценки внутрирегиональной дифференциации по каждому из этих показателей за 2008–2012 гг., рассчитывались статистические величины, применяемые в вариационном анализе: среднее значение, размах вариации, стандартное отклонение, коэффициент размаха вариации, коэффициент вариации. Из них два последних имеют особый смысл в рамках проводимого исследования. Так, по величине коэффициента размаха вариации (соотношение между максимальным и минимальным значениями показателя, в размах), можно судить о масштабах его неравномерности среди муниципалитетов.

В то же время, по коэффициенту вариации, характеризующему относительную величину разброса отклонений значений показателя от средней величины показателя, получаем объективную информацию о степени дифференциации обследуемой совокупности данных: если его значение ниже 33%, то вариация однородная, а если больше 33% – неравномерная [6].

Комплексный анализ территориального неравенства социально-экономического развития Приморского края проводился нами на основе кластерного анализа интегральных коэффициентов уровня и динамики социальных и экономических показателей (УСР, УЭР, ДСР, ДЭР). Интегральные коэффициенты рассчитывались по сопоставлению со средним уровнем развития и средним темпом роста по краю. Для образования кластеров муниципалитетов использовался метод Уорда с применением дистанции Евклида в качестве критерия близости значений интегральных показателей, а для определения оптимального количества кластеров анализировалась дендрограмма [6], реализованная в надстройке MS EXCEL statistiXL.

Результаты исследования. Оценка внутрирегиональной дифференциации выбранных социально-экономических показателей за 2008–2012 гг. позволила сгруппировать их по степени и масштабам неравенства (табл. 1).

В первую группу вошли 4 экономических показателя (объем отгруженной промышленной продукции (работ, услуг), объем продукции сельского хозяйства, объем строительных работ, инвестиции в основной капитал) с очень высокой степенью и масштабами территориального неравенства. За исследуемый период от остальных показателей они отличаются значительным превышением 33%-го порогового значения коэффициента вариации (в 3–4 раза) и коэффициентом размаха вариации – от 110 до 170 раз (табл. 1). Во вторую группу отнесены 2 социальных показателя (численность безработных, численность врачей) и 2 экономических (оборот розничной торговли, объем платных услуг), характеризующиеся *высокой* степенью и масштабами внутрирегиональной дифференциации. Для них значения коэффициента вариации в 1,5–2 раза выше порогового, а разрыв между максимальным и минимальным значениями варьирует от 9 до 18 раз (табл. 1).

Наличие преобладающего числа исследуемых социально-экономических показателей в первой и второй группе (8 из 11), подтверждает сохранение их сильной территориальной поляризации в исследуемый период и, соответственно, требует дальнейшей ее комплексной оценки. Основной причиной сильного разрыва по коэффициентам территориального неравенства в период наибольшего благоприятствования для краевой экономики, можно считать избирательный характер реализации крупных инвестиционных проектов во Владивостоке. В меньшей степени они коснулись трех городских округов южного Приморья (Артем, Уссурийск, Находка), пяти ведущих сырьевых муниципальных районов (Надеждинский, Партизанский, Октябрьский, Красноармейский, Тернейский), а также Хасанского района с его уникальным приморско-приграничным положением. Благодаря инвестициям «больших проектов», в этих муниципалитетах активнее всего развивалось строительство, оживилась предпринимательская деятельность, в том числе в промышленном и сельскохозяйственном производстве, появились новые рабочие места. Все это отразилось на повышении доходов и платежеспособном спросе населения и, в конечном итоге, ускорило оборот торговли и повысило объем платных услуг населения.

В третью группу попали 3 социальных показателя (среднемесячная заработная плата, обеспеченность жильем, число зарегистрированных преступлений) с величинами коэффициентов вариации в пределах 0,3–0,7 раза меньше пороговых 33% и разрывом между максимальным и минимальным значениями в 2–3 раза (табл. 1). Таким образом, они отражают слабую дифференциацию этой группы показателей по муниципалитетам. Однако из этого не следует, что соответствующие им социальные проблемы потеряли свою актуальность.

В сфере оплаты труда продолжает наблюдаться типичная для дотационного региона ситуация. Заработная плата по-прежнему является главным источником доходов, работающего в бюджетных отраслях, населения (более 50%), и сильно зависит от федеральной поддержки. В целом за 2008–2012 гг. размер заработной платы в среднем по краю увеличился более чем в 1,5 раза, а с 2009 г. он даже стал превышать среднероссийский показатель (в среднем на 3%) (табл. 1) [8].

Таблица 1

Показатели социально-экономической дифференциации муниципальных образований
Приморского края за 2008–2012 гг. [7]

Наименование показателя			2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Социальные показатели	Среднемесячная заработная плата, руб.	В среднем по муниципалитетам	16805	18997	21895	24433	27445
		Коэффициент размаха вариации, раз	2,0	2,0	1,9	2,1	1,9
		Коэффициент вариации, %	16,4	16,8	16,7	20,4	15,0
	Численность безработных, чел. на 1000 жит.	В среднем по муниципалитетам	29,6	33,6	25,7	20,8	18,6
		Коэффициент размаха вариации, раз	15,9	11,3	18,8	21,8	22,6
		Коэффициент вариации, %	59,1	54,6	64,5	69,1	69,7
	Численность врачей, чел. на 10000 жит.	В среднем по муниципалитетам	28	28	29	30	29
		Коэффициент размаха вариации, раз	8,6	9,0	9,0	9,8	10,3
		Коэффициент вариации, %	58,4	59,7	56,6	57,0	56,4
	Обеспеченность жильем, м ² на 1 чел.	В среднем по муниципалитетам	19,8	20,0	21,2	21,6	21,9
		Коэффициент размаха вариации, раз	1,8	1,8	1,7	1,6	1,6
		Коэффициент вариации, %	13,0	11,7	10,2	10,0	10,0
	Число зарегистрированных преступлений, на 1000 жит.	В среднем по муниципалитетам	28,94	25,56	24,63	23,82	24,81
		Коэффициент размаха вариации, раз	3,8	3,0	3,5	3,2	2,8
		Коэффициент вариации, %	25,8	23,2	24,1	23,9	21,9
Экономические показатели	Объем промышленной продукции (работ, услуг), тыс. руб. на 1000 жит.	В среднем по муниципалитетам	42247	47351	62005	73454	82228
		Коэффициент размаха вариации, раз	88,3	96,9	178,1	129,2	321,5
		Коэффициент вариации, %	106,8	103,4	122,6	127,2	131,6
	Объем продукции сельского хозяйства, тыс. руб. на 1000 жит.	В среднем по муниципалитетам	10187	13074	17360	18808	23456
		Коэффициент размаха вариации, раз	99,9	88,9	94,0	106,9	145,7
		Коэффициент вариации, %	70,8	74,6	73,8	77,3	78,8
	Объем строительных работ, тыс. руб. на 1000 чел.	В среднем по муниципалитетам	10096	14432	26166	42065	23602
		Коэффициент размаха вариации, раз	102,6	368,5	1416,6	352,1	108,1
		Коэффициент вариации, %	160,7	245,8	154,9	167,2	125,6
	Оборот розничной торговли, тыс. руб. на 1000 чел.	В среднем по муниципалитетам	42647	47213	53301	59083	66632
		Коэффициент размаха вариации, раз	17,2	16,2	12,8	12,7	11,6
		Коэффициент вариации, %	59,0	56,9	52,9	52,6	51,4
	Объем платных услуг, млн. руб. на 1000 чел.	В среднем по муниципалитетам	16999	19698	24056	28768	34349
		Коэффициент размаха вариации, раз	7,5	6,6	5,8	5,8	5,6
		Коэффициент вариации, %	64,3	60,7	56,0	52,4	50,0
	Инвестиции в основной капитал, тыс. руб. на 1000 чел.	В среднем по муниципалитетам	20344	29480	23903	23610	30499
		Коэффициент размаха вариации, раз	155,0	219,0	296,7	216,4	105,5
		Коэффициент вариации, %	207,3	190,9	161,0	158,9	106,9

Все это было обусловлено благоприятными условиями инвестиционной и строительной активности, когда существенный рост заработков отмечался, прежде всего, у работников высокодоходных сфер экономики:

в финансовой деятельности, управлении, транспорте и связи (в 1,3 раза), а также в строительстве – почти в 2 раза [7]. Несколько улучшилась статистика заработной платы в рыболовстве и добывающей промышлен-

ности, превысив среднекраевой уровень на 10%. Возросшие объемы федеральной помощи, способствовали увеличению заработной платы в бюджетных отраслях (от 20 до 40%) и подтянули их ближе к средним по краю. Однако отставание зарплат бюджетников от средних по краю по-прежнему остается и составляет у работников сельского и лесного хозяйства, образования 40%, а в обрабатывающей промышленности и здравоохранении – 20% [7]. Нельзя не отметить, что значения в уровне оплаты в таких важных для Приморья отраслях, как рыболовство и лесозаготовка, была бы значительно выше, если бы на нее не оказывала влияние высокая степень криминализации этих производств. Таким образом, для края серьезной социальной проблемой остаются не только отраслевые различия по заработной плате, но и сохраняющаяся ее дифференциация по муниципалитетам. Главная причина – это изменения, происходящие в территориальной структуре экономики края, когда старые аграрно-промышленные функции продолжают уступать свои позиции более жизнеспособным приморским функциям (транзитные и добычи морских ресурсов) и высокодоходным обслуживающим функциям.

Что касается показателя обеспеченности жильем, то в целом по краю он медленно, но растет. Правда, связано это не столько с вводом нового жилья, сколько с проведением ответственными органами инвентаризации жилищного фонда, а также с ежегодным сокращением численности постоянного населения (за 2008–2012 гг. почти на 3%) [7]. Усилившийся в этот период поток трудовых мигрантов, в т.ч. из депрессивных сельских районов и моногородов на стройки саммита АТЭС-2012 (Владивосток, Артем, Уссурийск), немедленно отразился на улучшении их жилищной статистики. Этим и объясняется снижение коэффициентов территориального неравенства в обеспеченности жильем, составившее в среднем 1,5 раза (табл. 1). Однако абсолютно ясно, что южно-приморские города, принимавшие, наряду с внешними трудовыми мигрантами, еще и внутренних, обрели в это время дополнительный «груз» жилищных проблем.

Приморский край за 2008–2012 гг. не утратил позицию лидера в ДВФО по уровню преступности. Регион по-прежнему продолжает испытывать угрозу для своей

экономической безопасности из-за сильной криминализации хозяйственной деятельности. Основные источники медленного снижения преступности – это сохранение значительного числа маргинального населения, безработица и проблемы в деятельности правоохранительных органов. Судя по величине коэффициентов, территориальный разрыв по численности зарегистрированных преступлений не такой уж и высокий (в среднем 3,3 раза). Из этого следует вывод – проблема преступности остается весьма актуальной не только для всех городских округов, но и для 13 сельских муниципальных районов края.

Оценка внутрирегиональной дифференциации основных социально-экономических показателей Приморского края, выявила наличие по большинству из них значительных территориальных различий. Но она обнаружила и благоприятную для них тенденцию – это наметившиеся регрессивные тренды значений коэффициентов территориального неравенства за 2008–2012 гг. по 8 из 11 социально-экономических показателей (варьирует от 1,1 до 1,9 раза) (табл. 1). В первую очередь, понижение динамики демонстрируют «бюджетозависимые» показатели (среднемесячная заработная плата, обеспеченность врачами), а также показатели сферы внутреннего рынка, зависящие от краткосрочных успехов социальной поддержки территорий (оборот розничной торговли, объем платных услуг, обеспеченность жильем). В то же время показатели, характеризующие деятельность предприятий сферы производства и сильно зависящий от них уровень безработицы, наоборот, демонстрируют усиление территориального неравенства. За исследуемый период коэффициент размаха вариации и коэффициент вариации по объему отгруженной промышленной продукции увеличился почти в 3 раза, а по объему продукции сельского хозяйства и численности безработных – в 1,5 раза (табл. 1).

Из этого следует вывод, что сильное территориальное неравенство показателей промышленного и сельскохозяйственного производства, более двадцати лет находящихся в кризисном состоянии, невозможно позитивно изменить только за счет одной территории опережающего развития, причем, – развития в течение весьма короткого периода. Этот процесс должен носить масштабный и долговременный характер, так как связан со

сложившимися диспропорциями в территориальной организации хозяйства большого региона. Следовательно, необходимо формирование сети таких территорий опережающего развития с объективными факторами «первой природы», достигнутый экономический эффект которых может быть использован для снижения экономического и социального неравенства территорий региона.

Комплексный анализ территориального неравенства социально-экономического развития Приморского края на основе кластеризации интегральных коэффициентов уровня и динамики социальных и экономических показателей (УСР, УЭР, ДСР, ДЭР) по 32 муниципальным образованиям, позволил представить его как регион, в типологическом отношении, состоящий из 4-х кластеров: с опережающим и догоняющим развитием, отстающие и депрессивные (табл. 2).

Общей особенностью для всех выделенных типов кластеров муниципалитетов является превышение средних значений инте-

гральных коэффициентов темпов роста, как для экономических, так и социальных показателей, над средними значениями по краю (табл. 2). Наравне с этим, рассчитанные показатели динамики социальных параметров во всех типах кластеров выше экономических. Причем, в отстающих и депрессивных муниципалитетах эта разница примерно в 2–3 раза выше, чем в развитых и благополучных. Сложившаяся ситуация вполне закономерна для периода инвестиционной активности – интенсивная финансовая поддержка регионального бюджета со стороны федерального центра позволила выделять ресурсы не только на развитие инфраструктуры и экономики, но и существенно увеличить расходы на социальные цели.

Кластеризацию (типологию) муниципальных образований Приморского края в период инвестиционной активности 2008–2012 гг. в значительной степени определили полученные разноуровневые показатели интегральных коэффициентов уровня эко-

Таблица 2
Типы кластеров муниципальных образований Приморского края и их средние значения интегральных коэффициентов социально-экономического развития, 2008–2012 гг. [7]

	Муниципальные образования	УЭР	УСР	ДЭР	ДСР	Тип (профиль) кластера
Кластер 1	ГО: Владивостокский	1,25	1,25	1,17	1,23	Опережающие (самые высокие уровни и динамика экономического и социального развития среди остальных кластеров муниципалитетов)
Кластер 2	ГО: Арсеньевский, Артемовский, Дальнегорский, Находкинский, Партизанский, Спасск-Дальний, Уссурийский МР: Михайловский, Октябрьский, Пожарский	1,04	1,06	1,13	1,17	Догоняющие (высокие уровни и динамика экономического и социального развития, но значимо отстающие от показателей первого кластера)
Кластер 3	ГО: Дальнереченский, Лесозаводский МР: Кавалеровский, Кировский, Красноармейский, Лазовский, Надеждинский, Ольгинский, Партизанский, Пограничный, Тернейский, Хасанский, Черниговский, Шкотовский	0,97	1,01	1,08	1,16	Отстающие (низкий уровень экономического развития и высокий – социального; по динамике экономического и социального развития значимо отстают от остальных кластеров муниципалитетов)
Кластер 4	МР: Анучинский, Дальнереченский, Спасский, Ханкайский, Хорольский, Чугуевский, Яковлевский	0,96	0,92	1,12	1,26	Депрессивные (самые низкие значения уровня экономического и социального развития; по динамике экономического развития – на уровне муниципалитетов второго кластера, а социального – один из самых высоких среди других кластеров)

Примечание: ГО – городские округа; МР – муниципальные районы; УЭР – уровень экономического развития; УСР – уровень социального развития; ДЭР – динамика экономического развития; ДСР – динамика социального развития.

номического и социального развития, отражающие сложившиеся различия в сфере производства и внутреннего рынка муниципалитетов.

Кластер 1 является монокластером, поскольку представлен опережающим в социально-экономическом отношении Владивостокским городским округом. Очень высокие интегральные коэффициенты уровня экономического и социального развития (на 25% выше средних по краю) вполне очевидны, так как связаны с функциями города Владивостока, как административного и экономического центра Приморского края. Округ обладает самой диверсифицированной структурой экономики в регионе и концентрирует более 41% промышленного производства, около 54% – объема строительных работ, более 52% розничной торговли и около 51% – платных услуг [7]. В период подготовки к саммиту АТЭС-2012 для строительства жизненно важных инфраструктурных объектов в бюджет городского округа поступило около 43% от общего объема инвестиций в Приморский край. Это способствовало не только значительному улучшению показателей экономической базы муниципалитета, но и достижению им «рекордных» краевых значений по среднемесячной заработной плате (более 32 тыс. руб.) и обеспеченности врачами – 22 чел. на 10000 жителей, а также минимальных – по численности безработных (4 чел. на 1000 жителей). В тоже время злободневными остаются проблемы с обеспечением жильем и самым высоким уровнем преступности (более 30 чел. на 1000 жителей) [7]. Владивосток сохраняет свой устойчивый «территориальный отрыв» от других муниципальных образований и, возможно, он был бы еще сильнее, если бы не политика краевых властей по частичному перераспределению финансовых ресурсов для решения проблем периферийных муниципальных районов и депрессивных моногородов.

В кластер 2 объединены 10 догоняющих в социально-экономическом отношении муниципалитетов с относительно неоднородной структурой экономики. Из них 7 являются городскими округами: Артемовский – с важными транспортно-логистическими функциями в составе Владивостокской агломерации; Находкинский и Уссурийский – с развитыми транспортно-промышленными функциями; Арсеньевский и Дальнегорский – с

монопрофильным статусом; Партизанский и Спасск-Дальний – с узкоспециализированными промышленными производствами. В этот кластер также вошли Пожарский, Михайловский и Октябрьский муниципальные районы, ориентированные на востребованные отрасли, основанные на эксплуатации минеральных ресурсов (вольфрамовые руды, бурый уголь, германий, стройматериалы) и земельных ресурсов сельскохозяйственного назначения, энергетики. Уровень промышленного развития Пожарского района (более 5% от среднего по краю) поддерживается размещением на его территории двух монопрофильных поселений – пгт. Лучегорск с градообразующим предприятием ЗАО «ЛутЭК» и с. Светлогорье – с Лермонтовским ГОК. В общей сложности на все муниципалитеты кластера приходится более 41% промышленного производства, около 47% – объема продукции сельского хозяйства, около 32% – объема строительных работ, более 32% – розничной торговли и около 35% – платных услуг [7]. Уровень экономического и социального развития этих территорий выше среднекраевого (УЭР на 4%, УСР на 6%). Однако пока они еще сильно отстают от аналогичных значений Владивостокского округа – по УЭР на 21%, а УСР на 19% (табл. 2).

За исследуемый период все муниципалитеты кластера достигли устойчивого выравнивания показателей развития производства и строительства, а также повысили долю показателей внутреннего рынка (розничный товарооборот, объем платных услуг) в среднем до 6%. Одновременно они добились превышения среднекраевого уровня по среднемесячной заработной плате (более 28 тыс. руб.), обеспеченности врачами (до 34 чел. на 10000 жителей) и жильем (около 22 м² на 1 чел.), а также снижения численности безработных до 14 чел. на 1000 жителей, что почти в 2 раза меньше средней по краю. Проблемной для большинства муниципалитетов кластера остается высокая преступность (более 26 чел. на 1000 жителей) [8].

В кластер 3 вошли 2 городских округа, отстающих по уровню социально-экономического развития, специализирующихся на деревообработке и производстве пищевых продуктов (Дальнереченский, Лесозаводский), а также 10 муниципальных районов центральной экономической зоны (Кавалеровский, Кировский, Лазовский, Надеж-

динский, Ольгинский, Партизанский, Пограничный, Хасанский, Черниговский, Шкотовский) и 2 – северо-восточной (Тернейский, Красноармейский). Для всех муниципалитетов этого кластера сельскохозяйственное производство является основным видом экономической деятельности. Наряду с ним существенную роль в хозяйстве некоторых районов играют лесозаготовительное и лесоперерабатывающее производство (Кавалеровский, Партизанский, Ольгинский, Тернейский, Красноармейский), добыча и переработка рыбы, морепродуктов (Ольгинский, Лазовский, Хасанский, Шкотовский), добыча и переработка полезных ископаемых (Надеждинский, Черниговский, Красноармейский). Закономерно, что в структуре экономики края кластер представлен высокой долей объема продукции сельского хозяйства (более 30%). На долю объема промышленной продукции приходилось всего лишь 11%, строительных работ – около 9%, розничной торговли – более 10% и платных услуг – около 9% [7].

Муниципалитеты, вошедшие в этот кластер, от двух предыдущих отличаются низким уровнем экономического развития (на 3% ниже средних) и среднекраевыми величинами социальных показателей. Коэффициенты динамики имеют общие положительные тренды по обеим группам показателей, однако, улучшение социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях кластера проходило в среднем на 6% медленнее, чем в остальных (табл. 2). Среди позитивных социальных изменений можно назвать только одно – это «приближение» к среднекраевому уровню размера среднемесячной заработной платы (27 тыс. руб.). Но по обеспеченности врачами муниципалитеты кластера отстают почти на 20% от среднекраевого уровня, а по числу безработных, из-за проблем в сельской занятости, наоборот, превышают его на 10%. Исследуемый период показал и относительно высокий уровень преступности, который имеет тенденцию на незначительное улучшение (около 25 чел. на 1000 жителей) [7].

В кластер 4 включены депрессивные муниципальные районы с сельскохозяйственной и лесозаготовительной специализацией (Анучинский, Дальнереченский, Спасский, Ханкайский, Хорольский, Чугуевский, Яковлевский), имеющие низкие показате-

ли уровня экономического и социального развития по сравнению со среднекраевыми значениями (на 4% и 7% соответственно). Хозяйственная специализация этих районов подтверждается тем, что, будучи в количественном меньшинстве, они обеспечивают в структуре экономики края около 25% объема продукции сельского хозяйства. Очевидно, что по остальным структурным показателям они значительно уступают: объем промышленной продукции составляет чуть более 2%, объем строительных работ – около 3%, розничной торговли – около 2,5% и платных услуг – более 2,5%. Выявленный для данных территорий отрицательный уровень социально-экономического развития несколько компенсируется позитивной динамикой анализируемых статистических показателей. Наличие в этом кластере самого высокого значения коэффициента ДСР (выше среднекраевого на 26%), доказывает лишь одну известную закономерность – в сложившихся условиях благоприятствования от реализации социальных программ со стороны всех уровней власти улучшение социальной ситуации в самых «бедных» районах происходит значительно быстрее (табл. 2). Тем самым, им удалось стать несколько ближе к среднекраевому уровню по размеру заработной платы (более 25 тыс. руб.) и обеспеченности врачами (более 21 чел. на 10000 жителей) – за счет перераспределения с «территорий опережающего развития». Однако они сохранили пороговую криминогенную ситуацию (число преступлений до 24 чел. на 1000 жителей) и наиболее критичную – с трудоустройством (численность безработных составляет 38 чел. на 1000 жителей). Последний показатель как раз и обеспечил поток сельских мигрантов в наиболее успешные городские округа края.

Выводы. Комплексная оценка территориального неравенства в пределах Приморского края, выполненная по данным 2008–2012 гг., подтвердила сохранение поляризованного социально-экономического пространства, формирующегося под влиянием, усилившей свои конкурентные преимущества региональной столицы. Краткосрочный «инвестиционный бум», создавший некоторые благоприятные условия для наращивания потенциала конкурентных преимуществ отдельных транспортных, промышленных городских центров

южно-приморских районов, не позволил им нарастить достаточный общий потенциал для развития и расширить свое диффузионное влияние на окружающие территории.

К «периферии» социально-экономического пространства края отнесены 14 муниципалитетов, характеризующихся отставшим развитием в сфере производства и внутреннего рынка, и 7 с депрессивным, обладающие самыми низкими показателями уровня экономического и социального развития. Для них требуется разработка как унифицированных, так и индивидуальных управленческих решений в рамках реализации эффективной региональной и муниципальной политики.

В долгосрочной перспективе для 14 муниципалитетов с отставшим развитием (3 кластер) нужно будет осуществить: 1) модернизацию и обновление материально-технической базы производства, ориентированно-

го на выпуск конкурентоспособной и более высокотехнологичной продукции; 2) развитие малых и средних городских поселений и изменение специализации районов на основе стимулирования развития малого бизнеса.

Для 7 муниципалитетов с депрессивным развитием (4 кластер) необходимы: 1) проведение активной политики занятости, перегруппировка трудовых ресурсов по сферам приложения – посредством развития малого предпринимательства; 2) развитие сельских населенных пунктов; 3) формирование транспортной и социальной инфраструктуры.

Необходимо шире использовать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию территориального планирования в регионе [2, 10]. Только в этом случае через 15–20 лет вполне могут оправдаться ожидания по снижению территориальных различий в крае.

Библиографический список

1. Бакланов П.Я. Развитие ресурсного потенциала Дальнего Востока. Круглый стол «Стратегия социально-экономического развития России на 10 лет» [Электронный ресурс] // Дальневосточный международный экономический форум. – Режим доступа: <http://dvforum.ru/>
2. Бакланов П.Я., Романов М.Т., Мошков А.В. Экономико-географические аспекты разработки Программы социально-экономического развития муниципального образования. – Владивосток: Дальнаука, 2007. – 87 с.
3. Зубаревич Н.В. Мифы и реалии пространственного неравенства // Общественные науки и современность. – 2009. – № 1. – С. 38–53.
4. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
5. Михеева Н.Н. Посткризисные изменения в экономике Дальнего Востока [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Политическое образование». – Режим доступа: <http://www.lawinrussia.ru/>
6. Победин А.А. Внутрирегиональная дифференциация муниципальных образований как проблема социально-экономического развития Свердловской области // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. – 2010. – № 4(13). – С. 100–116.
7. Приморский край. Основные показатели деятельности городских округов и муниципальных районов. 2013: Стат. сб. – Владивосток: Приморскстат, 2013. – 266 с.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. – М.: Росстат, 2013. – Социальный атлас российских регионов. Портреты: Приморский край. Под рук. Н.В. Зубаревич [Электронный ресурс] / Независимый институт социальной политики. – Режим доступа: <http://www.socpol.ru/>
9. Стратегия социально-экономического развития Приморского края до 2050 г. / П.Я. Бакланов, А.В. Мошков, М.Т. Романов. – Владивосток: ТИГ ДВО РАН. – 32 с.
10. Шмидт Ю.Д., Денисенко В.А. Дифференциация и регулирование социально-экономического развития муниципальных образований региона // Вестник ТГЭУ. – 2008. – № 3. – С. 3–14.
11. Шмидт Ю.Д. Об уровне дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований региона // Вестник ТГЭУ. – 2008. – № 1. – С. 3–10.
12. Krugman P.R. Geography and Trade. Cambridge (Mass.), 1991.

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА УСЛУГ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Savchenko Yu.Yu.

DEVELOPMENT OF REGIONAL MARKET OF HIGHER EDUCATION (FOR EXAMPLE OF ALTAY TERRITORY)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития регионального рынка услуг высшего образования в Алтайском крае. В рамках проблемно-ориентированного анализа, определены, региональные тенденции инновационной активности вузов Алтайского края. Отмечено, что, несмотря на положительные моменты в области интеграции, инновационная активность сферы услуг высшего образования края остается достаточно низкой. Выявлена специфика протекания интеграционного взаимодействия вузов и бизнес-сообщества в Алтайском крае.

Abstract. The article considers the issues of development of the regional market of services of higher professional education in the Altai region. In the framework of the problem-oriented analysis, defined, regional trends of innovation activity of higher education institutions of the Altai territory. Noted that, despite positive developments in the area of integration, innovation activity in the sphere of services of higher education in the region remains relatively low. Specifics of the course of integration of interaction between universities and the business community in the Altai region.

Ключевые слова: регион, Алтайский край, интеграция, высшее образование, бизнес, локальные рынки, инновационная активность, кластер.

Key words: the region, Altai territory, integration, higher education, business, local markets, innovative activity, cluster.

В связи с возрастанием роли вузов, как ядер инновационного развития регионов России, вопросы совершенствования территориальной и отраслевой структур приобретают особую актуальность и практическую значимость.

На необходимость совершенствования территориальной структуры системы высшего образования, приведение её в соответствии с национальными и региональными интересами, указывали многие исследователи. Как совершенно справедливо отмечает А.П. Катровский, «многие проблемы в значительной степени обусловлены современной территориальной организацией высшей школы, характером пространственных процессов в образовательном пространстве России» [4]. Модернизация отраслевой структуры зачастую не сопровождается адекватной трансформацией структуры подготовки кадров высшей квалификации. В этой связи, на региональном и локальном уровне важное значение приобретает формирование интегральных структур, включающих производство, профессиональное образование и науку.

Одна из задач исследования локальных рынков услуг высшего образования – выделение региональных конкурентных преимуществ, факторов, влияющих на активизацию

деятельности вузов в роли центров регионального инновационного развития.

Рынок услуг высшего профессионального образования Алтайского края характеризуется достаточно высокой степенью готовности к инновационным преобразованиям. Экономика края не имеет жесткой привязки к природным ресурсам, что приводит к необходимости развивать потенциал края по самым разным направлениям. Развитие экономики Алтайского края по инновационному пути является определяющим направлением региональной политики, обозначенным в Стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 г. Перспективы инновационного развития края связаны с изменением роли высшей школы в качестве аттрактора инновационной деятельности экономики региона.

К настоящему времени в Алтайском крае сложилась диверсифицированная отраслевая структура промышленности (рис. 1).

Алтайский край входит в тройку лидеров СФО по динамике промышленного производства. Особенно быстрыми темпами развивались текстильное и швейное производство – 126,4% при среднесибирском значении 108,9% (2 место среди субъектов округа); обработка древесины и производ-

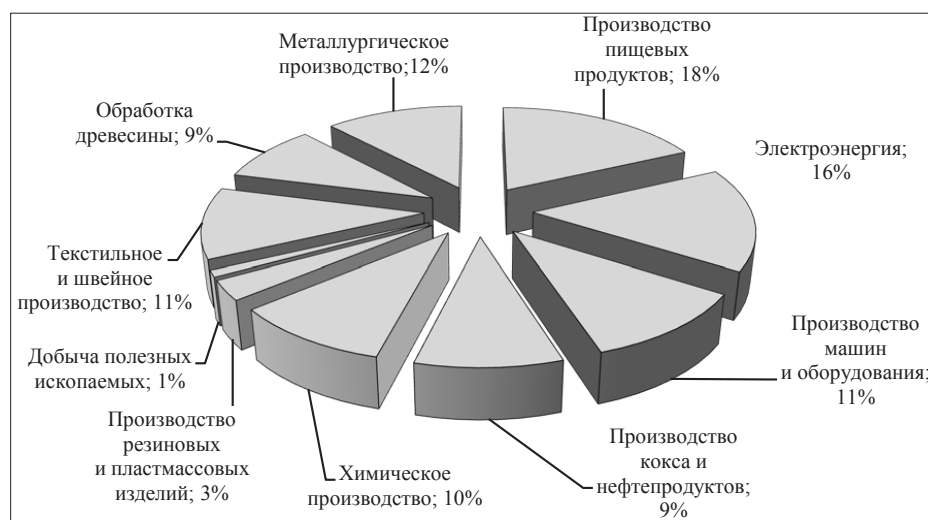

Рис. 1. Отраслевая структура промышленного производства Алтайского края в 2012 г.

ство изделий из дерева (128,3%, 112,3% и 2 место соответственно); производство кокса и нефтепродуктов (114,8%, 102,5%).

Инвестиционная политика Алтайского края направлена на реализацию комплекса мер, предусматривающих качественное улучшение инвестиционного климата, создание условий для существенного притока инвестиций в модернизацию основного капитала, осуществление проектов по созданию институтов развития, в том числе государственно-частного партнерства. Бизнес-сообщество пришло к осознанию того факта, что постоянный поиск идей и их освоение могут гарантировать выживаемость в современных условиях. Однако улучшение инвестиционного климата трудно достигнуть без глубокой модернизации системы высшего образования, усиления её ориентации на тенденции регионального экономического развития [6].

В качестве положительной тенденции следует отметить факт активного создания вузами Алтайского края малых инновационных предприятий. Около 30% из них осуществляют производство инновационной продукции с последующей трансляцией инноваций бизнес-сообществу региона.

В Алтайском государственном аграрном университете функционируют два малых инновационных предприятия – Научно-производственный центр «Современные технологии – Агро» и Научно-производственная фирма «Гамма-Тест» (совместно с АлтГУ), –

созданных для коммерциализации продуктов инновационной деятельности ветеринарного и инженерного факультетов. При Алтайском государственном университете имеются малые инновационные предприятия, осуществляющие разработку и проектирование систем и аппаратуры оповещения об опасности. Для координации их деятельности создан межвузовский инновационно-технологический центр Алтая.

Активизировались процессы интеграции высшего образования с бизнесом, в результате которой формируются некоммерческие партнерства. В состав отдельных некоммерческих партнерств вошли высшие образовательные учреждения края. Так, в структуру Алтайского биофармацевтического кластера входит Бийский технологический институт (филиал АлтГТУ им. И.И. Ползунова). При его участии был реализован целый ряд проектов: разработка технологий производства пищевых продуктов и вин из растительного сырья Алтайского края; исследование методов внесения сверхмалых доз наноматериалов для повышения эффективности сельского хозяйства; разработка датчиков контроля для быстродействующих средств подавления очагов возгорания и др.

В состав Алтайского кластера энергомашиностроения и энергоэффективных технологий входит Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова». Одна из целей функционирования

кластера – создание образовательного центра для осуществления мониторинга и прогнозирования потребностей рынка труда, совместной (предприятия и образовательные организации) реализации образовательных программ, привлечения предприятий кластера к оценке качества выпускников, организации стажировок и производственной практики на предприятиях кластера, вхождение представителей предприятий в наблюдательные и попечительские советы учебных заведений.

Формирование кластеров положительно отразилось на развитии экономики края. Так, в 2012 г. в Алтайском крае произошло стабильное восстановление промышленного сектора края, который показал рост на 20,9% относительно 2011 г., опередив темпы роста по стране в целом на 8,2%.

Проведенный анализ интеграционных процессов на рынке Алтайского края показал, что при оценке направлений интеграции «образование–бизнес» можно выделить две устойчивые модели:

- а) развитие материально-технической базы научного сектора вузов сопровождается обновлением инструментария научных исследований;
- б) расширение сферы применения готовых разработок вуза и других

организаций сочетается с совершенствованием управления научными исследованиями, развитием материально-технической базы вузов и развитием информационных технологий. Данная модель связана с совместной реализацией инновационных проектов, с укреплением кадрового потенциала и повышением квалификации персонала организаций на базе вуза, с усилением роли фундаментальных исследований. В этом случае проекты оказываются взаимовыгодными, однако их доля в общей массе проектов «образование–бизнес» не превышает 18%. Все остальные направления совместной деятельности вузов и субъектов бизнеса не образуют устойчивых комбинаций.

Несмотря на положительные моменты в области интеграции, инновационная активность сферы услуг высшего образования Российской Федерации остается достаточно низкой [1, 2, 7, 9]. Основные показатели выполнения научных исследований и разработок организациями Алтайского края за 2011–2012 гг. представлены в таблице 1.

Анализ выполнения научных исследований и разработок по секторам показал, что большая их часть выполняется в пред-

Таблица 1

Основные показатели выполнения научных исследований и разработок организациями Алтайского края за 2011–2012 гг.

Показатели	2012 г.			2011 г.	
	тыс. руб.	в % к		тыс. руб.	в % к итогу
		итого	2011		
Всего	1415379,9	100	131,4	1076856,0	100
по секторам деятельности					
в том числе:					
государственный сектор	442009,9	31,2	115,3	383413,3	35,6
предпринимательский сектор	744750,9	52,6	134,7	553029,8	51,4
сектор высшего профессионального образования	228019,1	16,1	162,4	140412,9	13,0
сектор некоммерческих организаций	600	0,1	x	-	-
по типам организаций					
в том числе:					
научно-исследовательские институты	986040,0	69,7	147,0	670679,9	62,3
проектные, проектно-изыскательские организации строительства	x		x	4179,5	0,4
конструкторские, проектно-конструкторские, технологические организации	x		x	32250,9	3,0
промышленные предприятия	187584,8	13,3	87,2	215084,7	20,0
университеты и другие высшие учебные заведения	228019,1	16,1	162,4	140412,9	13,0
Прочие	13736	1	96,4	14248,1	1,3

принимательском и государственном секторах (52,6% и 31,2%, соответственно). На долю высшего профессионального образования в 2012 г. приходится лишь 16,1%. Низкие показатели свидетельствуют о недостаточном внимании или неспособности вузов активно и эффективно заниматься НИОКР.

В реализации процессов интеграции не проявляется и заинтересованность вузов, поскольку это требует внедрения проектного и программного управления для создания и дальнейшего совершенствования организационного, маркетингового, технического и технологического обеспечения синергетического управления.

Проведенный анализ свидетельствует, что вузам Алтайского края не удастся в полном объеме реализовать идею интеграции с бизнес-сообществом. В связи с этим актуализируется потребность в изучении барьеров, возникающих на данном пути.

Основными факторами, сдерживающим развитие инновационной активности вузов Алтайского края, является: ограниченное количество инвестиций со стороны субъектов бизнеса; отсутствие взаимосвязи вузов с организациями и НИИ; отсутствие опыта коммерциализации высоких технологий.

В связи с этим предлагаем выделить следующие направления повышения инновационной активности вузов Алтайского края:

- согласование направлений проведения НИОКР внутри кластерных структур региона;
- разработка планов НИОКР в увязке со стратегическими программами развития региона;
- использование методов прогнозирования для постановки целей НИОКР;
- учет специфики развития экономики региона; организация совместных исследований.

Предложенные мероприятия повышения инновационной активности вузов могут быть реализованы и на межрегиональном уровне.

Следует так же подчеркнуть, что без осознания всеми участниками миссии интеграционного взаимодействия, понимаемой как рост инновационного потенциала, способствующий достижению важнейших рыночных показателей всеми партнерами, вряд ли можно будет получить конечный результат деятельности, который можно будет трактовать как инновацию.

При взаимодействии внутри системы последовательность стадий переходов к инновационной экономике не должна выглядеть традиционным образом: наука–технология–производство. «Истинная же структура рассматриваемой последовательности – иная, ... «экономика–производство–наука–технология» [5]. Именно такая последовательность стадий внутри научно-производственного комплекса позволит добиться получения инноваций.

Нельзя забывать и о роли государства в качестве регулятора интеграционных процессов между высшей школой и бизнесом. «Государственной политикой необходимо определять основные рамочные условия функционирования и поддержания сектора образования как части рыночного комплекса, при этом нельзя пренебрегать образованием как продуктом, возникшем на стыке двух секторов: образовательного комплекса и рынка труда» [3].

Таким образом, в рамках проблемно-ориентированного анализа, определены основные формы взаимодействия высшего образования с бизнесом в Алтайском крае, что позволило вывить специфику протекания интеграционных процессов и выделить основные направления развития научно-производственных интеграционных комплексов как наиболее перспективной формы интеграции «наука–образование–бизнес».

Библиографический список

1. Адамов Н.А. Интеграция науки и практики как фактор повышения конкурентоспособности российского образования // Проблемы интеграции образования, науки и бизнес-сферы в условиях новых вызовов глобальной экономики: материалы международной научно-практической конференции. – М.: ИД «Экономическая газета», 2013. – 176 с.
2. Ашихмина Я.Г. Интеграционные проекты в современной России: виды и характеристики // Научный ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. – 2010. – Вып. 10. – С. 193–203.
3. Гневашева В.А. «Общественное благо» и формирование рынка образовательных услуг // Экономика высшего образования. – 2006. – № 4. – С. 73–77.
4. Катровский А.П. Развитие территориальной структуры высшей школы России: дисс... д-ра географ. наук. – М., 2003. – 395 с.

5. Мамедов О.Ю. Тайна инновационной экономики в ее инновационной организации / О.Ю. Мамедов // TERRA ECONOMICUS (Экономический вестник Ростовского государственного университета). – 2009. – Т. 7. – № 2. – С. 5–8.
6. Савченко Ю.Ю., Земляк, С.В., Тенценции и закономерности развития процессов интеграции «образование-бизнес»: создание инноваций совместно // Аудит и финансовый анализ. – 2012. – № 4.
7. Семенов Н.Н. Особенности и перспективы взаимодействия субъектов образовательной, научной и хозяйственной деятельности // Проблемы интеграции образования, науки и бизнес-сферы в условиях новых вызовов глобальной экономики: материалы международной научно-практической конференции. – М.: ИД «Экономическая газета», 2013. – 176 с.
8. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р [Электронный ресурс] // <http://xn--80aealotwbjpid2k.xn--p1ai/gov/results/17449/> (дата обращения: 15.03.2014)
9. Муравьева Е.В. Формирование модели интеграции высших учебных заведений и промышленных кластеров: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Ульяновск: УлГУ, 2011. – 25 с.

Несговорова Н.П., Христолюбский В.С.,
Савельев В.Г. (Курган)

ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Nesgovorova N.P., Hristolyubsky V.S., Savelyev V.G.
ECOLOGICAL-ECONOMIC MECHANISM OF REGULATION OF NATURAL
RESOURCES AND ENVIRONMENTAL PROTECTION KURGAN REGION

Аннотация. Механизм эколого-экономического регулирования в сфере охраны окружающей среды Курганской области за пятнадцатилетний период претерпел значимые изменения в плане содержательного наполнения. Данные изменения обусловлены несколькими группами причин, в первую очередь связанными с динамикой природоохранного законодательства, а также с развитием промышленности и экономики региона. Пятнадцатилетняя динамика источников наполнения бюджетов разного уровня за счет природопользования и платы за негативное действие на окружающую среду региона представлена в данной статье.

Abstract. *The mechanism of ecological and economic regulation in the field of environmental protection Kurgan region in fifteen years has undergone significant changes in terms of substantive content. These changes are caused by several groups of reasons, primarily related to the dynamics of environmental legislation, as well as the development of industry and economy of the region. Fifteen-year dynamics of sources filling budgets of different levels by nature and pay for the negative effects on the environment of the region is presented in this article.*

Ключевые слова: *природопользование, негативное действие на окружающую среду, плата, налоги, сборы.*
Key words: *nature, the negative effects on the environment, charge, taxes, charges.*

Современное состояние окружающей среды, природных ресурсов и тенденций, сложившихся в сфере природопользования в начале XXI в., диктуется той ситуацией, в которой оказалась Россия в период резких экономических и экологических перемен. Социально-экономическая перестройка в России совпала с социальными потрясениями во многих странах, происходящими на фоне нарастающего воздействия человека на природу.

Практический аспект экономики природопользования объединяет три группы проблем: 1) экономическую оценку ресурсов природы; 2) расчеты (оценку) экономического ущерба от загрязнения окружающей сре-

ды; 3) способы вовлечения экологических факторов в хозяйственный механизм и процесс принятия решений в обществе [1].

В странах Запада экономику природопользования часто рассматривают как одно из направлений экономической теории. В России в последнее время появились сторонники аналогичной интерпретации. Вместе с тем автор американского учебника «Экономика окружающей среды и природных ресурсов» Т. Титенберг считает, что экономика природопользования – дисциплина как теоретическая, так и прикладная, разрабатывающая не только фундаментальные принципы эколого-экономического анализа, но и обосновыва-

ющая экологическую политику государства и конкретные механизмы эколого-экономического регулирования [8, 4].

Экономика природопользования как наука направлена на реализацию в обществе следующих основных функций [3]:

- направляющей – обоснование экологических целей и выбор главных путей их реализации;
- координирующей – обеспечение сбалансированности важнейших пропорций в потреблении природных ресурсов и согласование производственных интересов природопользователей с экологическими интересами общества;
- стимулирующей – активизация природоохранной деятельности субъектов хозяйствования и общества в целом.

Реализация функций предполагает решение следующих экономических задач в области природопользования:

- разработку стратегических направлений ресурсосберегающего развития экономики;
- формирование системы государственного регулирования, прогнозирования и контроля природоохранной деятельности;
- совершенствование организационных основ управления природопользованием;
- разработку экономического механизма охраны окружающей среды и эффективного природопользования;
- теоретическое обоснование и разработку методических подходов к определению экономических показателей природоохранной деятельности производственных объектов и степени их воздействия на окружающую среду;
- установление путей и методов повышения эффективности использования природных ресурсов, их воспроизводства, усиления режима экономии, комплексной переработки сырья и вторичных ресурсов производства, снижения материало- и энергоемкости производства в целях сокращения вредного воздействия на окружающую среду.

Двадцатилетие в период 1960–1980-х гг. ознаменован реализацией эколого-экономического принципа природопользования, что дало определенные положительные резуль-

таты: способствовало утверждению в общественном сознании нового природоохранного мышления, разработке и частичному внедрению новых, экологических технологий, расширению природно-заповедного фонда. Однако вследствие интенсивного экономического развития, вовлечения в сферу природопользования новых элементов природы и нарастания антропогенного воздействия на природную среду не произошло коренного перелома в решении проблемы взаимодействия природы и общества. Современное природопользование должно базироваться на **социоэкологическом принципе**, в рамках которого максимальный экономический эффект достигается при сохранении динамического равновесия экосистем и их составляющих. Реализация этого принципа позволила бы перейти от пассивной защиты природы к активному рациональному природопользованию, предусматривающему и охрану природы, и рациональное использование природных ресурсов, и оптимизацию жизненной среды обитания человека. Обязательным условием социально-экономического развития должно стать восстановление и сохранение высокого качества окружающей среды. При этом рациональное природопользование обеспечивает нормальные условия жизнедеятельности человека, предотвращает возможные вредные воздействия на окружающую природу, позволяет разумно регулировать освоение ее ресурсов. Оно предполагает гармоничное сочетание экономического и социального развития с изучением и охраной природных условий и ресурсов. Признаками нерационального природопользования является вымирание отдельных видов флоры и фауны, снижение плодородия почв, появление антропогенных пустынь и земель, непригодных для их дальнейшего использования, загрязнение атмосферы и поверхностных вод отходами производства и быта.

Прошедшие пятнадцать лет с 1999 г. по настоящий период характеризуются динамикой содержательного наполнения эколого-экономического регулирования в сфере охраны окружающей среды Курганской области. Сложившаяся в 1999 г. экологическая обстановка крайне отрицательно сказалась на экологической безопасности населения и потребовала значимого увеличения затрат общества на предотвращение и ликвидацию загрязнения окружающей природной среды.

В данной ситуации основным действующим элементом эколого-экономического регулирования в сфере охраны окружающей среды являлась система платежей за выбросы и сбросы загрязняющих веществ, размещение отходов (платежей за загрязнение). При этом учитывался существующий порядок корректировки, понижения размеров платы или освобождения от нее отдельных природопользователей. С целью сохранения стимулирующей роли платежей за загрязнение окружающей среды заключались договора с пользователями по отсрочке и зачету платежей для выполнения природоохранных мероприятий за счет собственных средств предприятий. По итогам года природопользователи представляли подтверждающие документы для зачета платежей за выполненные природоохранные мероприятия. Оказалось, что сумма платежей в 1999 г. на 14% меньше, чем в 1998 г., не все пользователи выполнили договорные обязательства.

Актуальными для региона того времени были проблемы загрязнения воды, воздуха и деградация почв. Внедрение современных методов экологического контроля позволило с целью совершенствования экономического механизма взимания платы за загрязнение окружающей среды и повышения эффективности природоохранной деятельности применять метод по взиманию платы с возвратных вод с учетом их токсичности (метод биотестирования при оценке качества возвратных вод), введенный с 1997 г.

Экологический фонд, в соответствии с нормативными документами правительства РФ, применял автономный механизм государственного финансирования природоохранной деятельности в области, дополняющий бюджетные средства и собственные средства предприятий, выделяемые на цели

охраны. Основную часть поступивших в экологический фонд средств (88,7%) составили в 1999 г. платежи за загрязнение окружающей природной среды, из них 66,7% – за загрязнение атмосферного воздуха.

Распределение платы по районам области может стать косвенным свидетельством уровня развития промышленности, вносящей существенный вклад в загрязнение окружающей среды.

Начиная с 2000 г. эколого-экономический механизм регулирования в сфере охраны окружающей среды потерпел изменения, наиболее значимыми среди них являются следующие:

1. Снижение доли платы за негативное действие на окружающую среду в структуре плат. Статистический анализ поступления платы в этом направлении показывает постепенное снижение ее доли в бюджетах, в том числе экологических фондов к 2007 г. Однако, плата за негативное воздействие на окружающую среду, претерпев спад в результате падения промышленного производства к 2007 г., уже в 2008 г. начала расти.

Высокий уровень собираемости платы (81,5%) достигнут в 2009 г. за счет погашения задолженности прошлых лет.

В целом же поступление платежей в консолидированный бюджет Курганской области возросло за пятилетие на 16%. За последние пять лет с 2009 по 2013 г. поступление платы за негативное воздействие на окружающую среду возросло еще на 12%.

2. Другим источником поступлений в бюджеты, в том числе экологического фонда являются поступления от налогов, сборов и регулярных платежей за пользование природными ресурсами. В этот раздел включены различные направления природопользования, историю принятия решения по взима-

Структура формирования средств экологического фонда

Таблица 1

Статья доходов	%
Всего платежей, в том числе:	100,0
– платежи за загрязнение природной среды, из них:	88,7
за загрязнение атмосферного воздуха	66,7
за загрязнение водных объектов	20,5
за размещение отходов	12,8
– штрафы, иски	5,5
– пени	0,5
– прочие поступления (возврат кредитов, прибыль от депозита)	5,3

Источник: [2].

нию которых можно проследить в следующей динамике.

Одним из первых, принятых правительством решений в области правового регулирования экологических проблем недропользования является налог на добычу полезных ископаемых, действие которого прослежено с 2003 г. Если рассматривать его правовой механизм, можно говорить о полной государственной монополии на недра. Если отдельные виды водных объектов (пруды и обводненные карьеры) могут находиться в муниципальной и частной собственности, то в отношении недр допускается только передача права пользования в «негосударственные руки» [5]. К государственному уровню собственности относятся: подтвержденные запасы недр (нефть, природный газ, уголь, запасы рудных и нерудных ископаемых, залегающих под землей или на ее поверхности, включая морское дно); некультивируемые биологические ресурсы (животные и растения, находящиеся в государственной и муниципальной собственности); водные ресурсы (водоносные пласты и другие ресурсы подземных вод).

В сравнении с 2003 г. уровень поступления налога на добычу полезных ископаемых в 2007 г. увеличился почти в шесть раз и составил 45,5 млн руб. Данная динамика свидетельствует о развитии недропользования на территории Курганской области, что подтверждается и результатами последнего пятилетия (2009–2013 гг.). Наблюдается устойчивая тенденция приоритетности данного направления в природопользовании на территории Курганской области.

Что касается платы за **водные ресурсы**, то в последние десятилетия происходили изменения в системе собственности (владения) данным видом ресурса, следовательно, и в экономическом механизме регулирования отношений. В последнее десятилетие плательщиками водного налога являются предприятия и организации, арендующие у государства данный вид ресурса и осуществляющие добычу подземных вод на основании лицензии пользования недрами.

При этом основным принципом экономического регулирования использования, восстановления и охраны водных объектов является платность водопользования. В динамике сбора водного налога проявляется устойчивая тенденция по его снижению. В качестве основных причин тому следует

отметить снижение водопотребления за счет различных механизмов, в том числе, повторного, цикличного водопользования и резкого снижения водопотребления за счет снижения сброса сточных вод, их очистки и повторного использования.

Платежи за пользование лесным фондом имеют длинную историю, насчитывающую столетия. Рассматривая поступление платежей за пользование лесным фондом с 2003 г. можно отметить тенденцию их увеличения. Так, пополнение федерального бюджета в 2007 г. возросло на 43,0 млн руб. по сравнению с 2003 г. Поступление платежей в бюджет Курганской области за пять лет увеличилось на 23,6%.

С целью повышения эффективности лесопользования, увеличения доходности лесного хозяйства Департамент природных ресурсов и охраны окружающей среды Курганской области с 2007 г. развивает арендные отношения – проводит аукционы по продаже права на заключение договора аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности. Кроме того, регулярно проводятся аукционы по продаже права на заключение договора купли-продажи лесных насаждений.

Поступление сборов за пользование объектами животного мира и объектами водных биологических ресурсов – одно из новых, насчитывающих менее десяти лет направлений учета ресурсов, относимых к государственной собственности. Данное направление устойчиво развивается и вносит свой вклад в бюджет, хотя пока незначительный.

3. Динамика распределения поступлений платежей за пользование природными ресурсами в бюджет Курганской области. Если проследить динамику распределения поступлений платежей в бюджеты с 2007 по 2013 г., то можно выявить основные тенденции в природопользовании на территории Курганской области в данный период.

В 2007 г. поступление налогов, сборов и регулярных платежей за пользование природными ресурсами в бюджетную систему Российской Федерации распределяется следующим образом: налог на добычу полезных ископаемых составил 104,2% от запланированного объема, платежи за пользование лесным фондом – 106,6% к плану, плата за негативное воздействие на окружающую среду – 106,5% к плану [6]. Наибольший

удельный вес среди указанных платежей занимает налог на добычу полезных ископаемых – 44,5%. Пользование объектами живой природы не вносит значимый вклад в бюджет. Следовательно, в 2007 г. основным источником пополнения бюджета являются платежи за добычу полезных ископаемых и пользование лесным фондом. Эти аспекты природопользования на территории региона являлись приоритетными.

Плата за негативное воздействие на окружающую среду и пользование объектами живой природы на крайних позициях. Что касается пользования объектами живой природы, низкая плата за пользование ими, скорее всего, связана с низким учетом и контролем с одной стороны и достаточно высоким уровнем несанкционированного пользования, в том числе, браконьерства.

Поступление налога и платы за пользование водными объектами или их частями в федеральный бюджет в 2007 г. составило всего лишь 87,2% от объема платежей 2006 г. Снижение поступлений в первую очередь связано со снижением объемов водопользования основных водопользователей: ОАО «Курганская генерирующая компания» и МУП «Курганводоканал».

По данным УФНС по Курганской области выросла сумма собранного налога на добычу полезных ископаемых в 2007 г., рост платежей обусловлен увеличением объемов добычи и цена на полезные ископаемые (уран, бентонит, строительный камень).

Низкие сборы платы за негативное воздействие на окружающую среду достаточно объективны и обусловлены низким уровнем промышленного производства. Плата за негативное воздействие на окружающую среду взималась в этот период за выбросы, сбросы загрязняющих веществ, размещение отходов и другие виды загрязнения бралась как в пределах установленных лимитов, а также сверх установленных лимитов. Распределение платежей показано в таблице 2.

Значительная часть платежей приходится на плату за размещение отходов производства и потребления – 57,8%.

В 2009 г. наблюдается перераспределение доли плат за природопользование и появление новых видов платежей. Наибольший удельный вес в общей сумме поступивших платежей в консолидированный бюджет Курганской области занимают плата за негативное воздействие на окружающую среду – 38,7% и налог на добычу полезных ископаемых – 38,1% из общего объема поступлений. Наименьшую долю занимает задолженность по отмененным налогам и платежам.

По сбору налогов и платежей 2009 г. отличается от предыдущих лет значимым их ростом. Так, в 2009 г. в соответствии с договорами водопользования в бюджетную систему РФ объем поступлений возрос в 3 раза по сравнению с предыдущим годом. В областной бюджет в 2009 г. поступали платежи от пользования недрами в 2 раза выше уровня 2008 г. Кроме того, пользователи недр продолжали платить налог на добычу полезных ископаемых, установленный в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах. Благодаря практически двойной плате, в целом сбор налога на добычу полезных ископаемых составил 99 % от начисленных сумм платежей. Сборы за пользование объектами животного мира и объектами водных биологических ресурсов поступили в бюджеты всех уровней в размере выше уровня 2008 года на 58%.

В целом, платежи за пользование недрами и предоставление рыбопромысловых участков в 2009 г. составляют незначительную долю в бюджете.

В 2013 г. число позиций платежей снижается, уходит отдельно выделенный платеж за выделение рыбопромысловых участков. Система платежей выглядит следующим образом: наибольший удельный вес в общей сумме поступивших платежей в консолидированный бюджет Курганской области

Таблица 2

Плата за негативное воздействие на окружающую среду по видам загрязнения

Вид платежа	Сумма, тыс. руб.	Доля платежа в общей сумме платы, %
Плата за выбросы в атмосферный воздух	14 645,4	18,6
Плата за выбросы в водные объекты, на рельеф местности	18 771,7	23,8
Плата за размещение отходов	45 391,7	57,6
Всего:	78 808,8	100,0

Источник: [6].

занимают налог на добычу полезных ископаемых – 51,7% и плата за негативное воздействие на окружающую среду – 32,6% из общего объема поступлений. Наименьшая доля платежей приходится за пользование другими природными ресурсами.

Наблюдается рост платежей в областной бюджет в 2013 г. за пользование недрами – в 2,7 раза выше уровня предыдущего года, сборы за пользование объектами животного мира и водных биологических ресурсов – на 13%.

В целом, за пятнадцатилетний период механизм эколого-экономического регулирования в сфере охраны окружающей среды Курганской области претерпел значимые изменения в плане содержательного наполнения. Данные изменения обусловлены несколькими группами причин, в первую очередь связанными с динамикой природоохранного законодательства, а также с развитием промышленности и экономики региона.

4. Регион имеет программу финансирования наиболее приоритетных направлений природоохранных мероприятий. Основные **направления финансирования** природоохранных мероприятий определяются остротой экологических проблем, выдвигаемыми стратегическими и тактическими задачами. В 1999 г. приоритетными направлениями финансирования объектов являлись газификация (перевод котельных на газ) и реконструкция очистных сооружений и сетей канализации и для улучшения санитарной обстановки городов и районов области и из средств экофонда финансируются работы по строительству полигона твердых бытовых отходов и рекультивации бывших свалок. В 2013 г. направления финансирования более разнообразны. Основное финансирование направлено на четыре ведомственные целевые программы: «Охрана и развитие государственных природных заказников Курганской области в 2013–2017 гг.», «Охрана лесов от пожаров на 2011–2013 гг.», «Охрана окружающей среды и экологическая безопасность Курганской области на 2011–2013 гг.», «Охрана и воспроизводство охотничьих ресурсов Курганской области в 2013–2015 гг.» и три целевые программы Курганской области: «Использование и охрана водных объектов Курганской области на 2012–2014 гг.», «Развитие водохозяйственного комплекса Курганской области в 2012–2020 гг.», «Обращение с отходами производства и потребле-

ния в Курганской области на 2012–2016 гг.» и территориальную программу Курганской области «Развитие и использование минерально-сырьевой базы Курганской области на 2009–2016 гг.» [7].

В планах на 2014 и последующие годы реализация государственной программы Курганской области «Природопользование и охрана окружающей среды Курганской области в 2014–2020 гг.».

В июне 1989 г. встреча на высоком уровне стран «большой семерки» призвала к скорейшему принятию во всем мире стратегии, базирующейся на концепции экологически устойчивого развития, которая предполагает паритет экономических и экологических ценностей.

В документах Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро («Декларация Рио», «Повестка дня на XXI век», 1992) подчеркнута необходимость превращения любого вида хозяйственной в экологически безопасную, совместимую с требованиями гармоничного развития общества и природы деятельность.

Следовательно, управление природопользованием можно определить как совокупность принципов, методов, форм и средств организации и рационального использования и воспроизводства природных ресурсов, сохранения природной окружающей среды с целью обеспечения экологической безопасности человеческой популяции, как одного из объектов природной среды на всех уровнях управленческой иерархии (от гражданина, предпринимателя и предприятия до государства и международного сообщества) [9]. В качестве основных механизмов рационального природопользования используются правовой и эколого-экономический. Правовая регламентация платежей за природные ресурсы, их использование, загрязнение окружающей среды установлена в законах РФ: «Об охране окружающей природной среды» (1991 г., 2002 г.), «О недрах», Земельный кодекс Российской Федерации, «О плате за землю», «Об охране атмосферного воздуха», «О континентальном шельфе Российской Федерации», «Об экологической экспертизе» и др. Вопросы природопользования регулирует также ряд постановлений Правительства РФ. Эколого-экономический механизм работает на уровне регионального природопользования.

Библиографический список

1. Голованов Е.Б. Экономика природопользования. – Челябинск: ЮУрГУ, 2009 – 135 с.
 2. Доклад о состоянии окружающей среды Курганской области в 1999 году // Государственный комитет по охране окружающей среды Курганской области. Ред. коллегия В.П. Шевелев., В.Б. Ворончихин и др. – Курган, 2000. – 74 с.
 3. Дрогомирецкий, И.И. Экономика природопользования / И.И. Дрогомирецкий, Е.Л. Кантор, Г.А. Маховикова. – М.: Юрайт, 2011. — 224 с.
 4. Крепша Н.В. Экономика природопользования и природоохранной деятельности / Национально-исследовательский Томский политехнический университет. – Томск, 2011. – 168 с.
 5. Перчик А.И. Горное право / изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ИД «Филология три», 2002. – 525 с.
 6. Природные ресурсы и охрана окружающей среды Курганской области. Доклад. Ред. коллегия В.П. Шевелев, В.А. Банников и др. – Курган, 2002–2007 гг.
 7. Природные ресурсы и охрана окружающей среды Курганской области. Доклад. Ред. коллегия В.П. Шевелев, В.А. Банников и др. – Курган, 2008–2014 гг.
 8. Титенберг Т. Экономика природопользования и охрана окружающей среды / П од ред. А.Д. Думнова, И.М. Потравного; пер. с англ. К.В. Паленова. – М.:Олма-Пресс,2001. – 591 с.;
 9. Тонкопий М.С. Ишкулова Н.П. Анисимова Н.М., Сатбаева Г.С. Экология и устойчивое развитие. – Алматы: ТОО «Издательство Экономика», 2011. – 393 с.
-

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВА

Богачев Д.В. (Москва)

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВЕРТИКАЛЬНО ИНТЕГРИРОВАННЫХ КОМПАНИЙ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИИ*

Bogachev D.V.

THE MAIN FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF VERTICALLY INTEGRATED COMPANIES IN THE RUSSIAN AGRICULTURAL SECTOR

Аннотация. Увеличение объёмов производства в российском АПК сопровождается усилением вертикальной интеграции. Развитие вертикально интегрированных компаний (ВИК) приводит к концентрации производственных активов и диверсификации функциональной и пространственной структуры. Возрастающее значение ВИК вызывает необходимость их всестороннего исследования. В статье рассмотрены причины и механизмы формирования ВИК, а также произведена их классификация и функционально-генетическая типология.

Abstract. Increase in the volume of production in Russia's agro-industrial complex has been accompanied by vertical integration. The intention of vertically integrated companies (VIC) for leadership in agribusiness give rise to concentration of production and the diversification of the functional and spatial structure. The increasing importance of VICs calls for their comprehensive study. The article discusses the causes and mechanisms of VIC formation, and contains classification approaches based on their functions and origin.

Ключевые слова: вертикально-интегрированные компании (ВИК), агрохолдинги, сельское хозяйство, агробизнес, агропромышленный комплекс (АПК).

Keywords: vertically integrated companies (VIC), agriholdings, agriculture, agribusiness, agro-industrial complex (AIC).

Постановка проблемы. Структурные преобразования во всех сферах хозяйства и общества, которыми отмечены последнее десятилетие XX и первые десятилетия XXI вв. имеют своеобразные черты в функционировании сельского хозяйства, агропромышленного комплекса и сельской местности в целом. Результатом преобразований в АПК стало проявление разнонаправленных тенденций в технологиях производства и в экономических принципах ведения сельского хозяйства, что в свою очередь привело к появлению аграрного бизнеса, зачастую ориентирующегося только на конъюнктуру рынка и не учитывающего действия социальных, экологических, физико-географических факторов. Вследствие этого большую значимость приобретают исследования территориальной структуры вертикально интегрированных компаний как новых форм ор-

ганизации производства агропромышленной продукции. В таких исследованиях важными этапами является рассмотрение значимых трендов развития сельского хозяйства страны, а также анализ деятельности и типология основных ВИК, функционирующих на территории России.

Методологическая база исследования. В отечественной науке исследование проблем развития сельского хозяйства и производства сельскохозяйственной продукции, а также проблем развития агропромышленной интеграции опирается на твёрдую методологическую основу, образованную трудами социологов, экономистов и географов в конце XIX – начале XX вв. Основателями экономической школы, изучавшей разнообразие форм и видов аграрной деятельности, а также механизмы кооперации и интегра-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект №13-06-00895.

ции, являются М.И. Туган-Барановский [12], А.В. Чаянов [14, 15], А.Н. Челинцев [16] и А.А. Рыбников [10]. В работах последнего исследовались географические факторы, детерминирующие развитие форм ведения хозяйства. В трудах экономико-географов А.Н. Ракитникова [8], К.И. Иванова [3], В.Г. Крючкова [4], А.М. Носонова [7] большое внимание уделяется выявлению закономерностей территориальной организации сельского хозяйства, аграрного производства и сельской местности. Интеграционные процессы в агропромышленном комплексе в основном исследуются в ключе оптимизации территориальной организации сельского хозяйства, а также повышения эффективности функционирования сельскохозяйственных предприятий.

В трудах современных учёных, например Т.Г. Нефёдовой [5, 6], многие экономико-географические проблемы аграрного производства рассматриваются в рамках полимасштабных исследований всех процессов, происходящих в сельской местности, через призму социально-географических методов. В работах Е.В. Серовой [11] напротив, многие социальные проблемы аграрного производства исследуются с позиций экономической теории и практики. Таким образом, несмотря на довольно серьёзную методологическую проработанность, приходится отмечать некоторую недостаточность работ в области экономико-географического изучения различных форм организации производства в сельском хозяйстве и АПК.

Методика исследования. На первом этапе была сформирована база данных интегрированных компаний, работающих в сельском хозяйстве, её основой стали данные Федеральной службы государственной статистики, а также рейтинг «АГРО-300» ВИАПИ им. А.А. Никонова [9]. В силу отсутствия статистического учёта консолидированной деятельности ВИК органами государственной статистики на данном этапе исследования полная количественная оценка процессов вертикальной интеграции невозможна. Однако база данных, сформированная в ходе исследования, позволила проанализировать основные черты функциональной и территориальной организации ВИК, работающих в агробизнесе, а также тренды их развития. В ходе следующего этапа выяснялось –

функционирует ли предприятие в настоящее время, а также выявлялась принадлежность к вертикально интегрированным структурам. Затем рассматривалась функциональная и территориальная структура для каждой выявленной компании на основе чего была произведена функционально-генетическая типология ВИК. В зависимости от масштаба охвата территории ВИК они были классифицированы как локальные, региональные и межрегиональные. На финальной стадии исследования сделаны выводы об основных географических закономерностях размещения интегрированных компаний по территории России и перспективах их развития.

Структура современного сельскохозяйственного производства. В отечественном производстве сельскохозяйственной продукции лидируют сельскохозяйственные организации – 48,7% в 2013 г. (табл. 1), причём этот показатель неуклонно растёт с 1998 г. на 1 процентный пункт в год, сельхозпроизводство в хозяйствах населения начиная с этого же года сокращается на 1,5 процентных пункта в год и составляет сейчас около 40%. В растениеводстве первые лидируют в зерновом хозяйстве – 75%, возделывании сахарной свёклы – около 90%, выращивании подсолнечника – более 70%, а вторые в картофелеводстве – 82% и овощеводстве – около 70%. В животноводстве явные тенденции концентрации производства в сельскохозяйственных организациях демонстрируют птицеводство – 80% и свиноводство – более 3/4. Специализация крупных производителей объясняется прежде всего возможностью автоматизации и внедрения индустриальных технологий производства в указанных отраслях, следствием чего является концентрация производства и снижение себестоимости производимой продукции. Картофелеводство и овощеводство по-прежнему остаются трудозатратными отраслями, потому и остаются основными для хозяйств населения.

Темпы наращивания производства в фермерских хозяйствах невысокие, не более 0,5–0,7 процентных пункта в год, однако этот тренд устойчив. На сегодняшний день фермеры производят более 10% сельхозпродукции. Серьёзные позиции они занимают в возделывании зерновых, подсолнечника и некоторых других технических культур,

Таблица 1

Основные показатели сельскохозяйственной деятельности по категориям хозяйств [18]

Основные показатели	Сельско-хозяйственные организации			Крестьянские (фермерские) хозяйства			Хозяйства населения		
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Структура продукции сельского хозяйства (в фактически действовавших ценах; в % к итогу)	47,2	47,9	48,7	9,0	8,9	10,2	43,8	43,2	41,1
Посевные площади сельскохозяйственных культур (тыс. га)	56643	55665	56096	16531	17155	18575	3488	3505	3386
Посевные площади сельскохозяйственных культур (в % от площади в хозяйствах всех категорий)	73,9	72,9	71,9	21,6	22,5	23,8	4,5	4,6	4,3
в том числе: зерновые и зернобобовые культуры	41,9	42,1	41,8	14,3	15,4	16,3	0,7	0,7	0,6
технические культуры	11,0	10,1	11,1	4,3	4,0	4,3	0,05	0,04	0,04
картофель и овощебахчевые культуры	4,7	4,6	3,8	0,5	0,4	0,4	3,1	3,1	3,0
кормовые культуры	20,5	19,6	18,5	2,5	2,7	2,9	0,7	0,7	0,7
Структура поголовья скота и птицы по категориям хозяйств (на конец года; в % от поголовья скота в хозяйствах всех категорий): КРС	45,5	45,3	45,1	8,4	9,7	10,3	46,1	45,0	44,6
коровы	41,3	41,0	40,8	9,6	11,0	11,8	49,1	48,0	47,4
свиньи	66,2	72,7	76,7	3,9	3,0	2,4	29,9	24,3	20,9
овцы и козы	19,5	18,9	18,1	30,8	34,5	34,6	49,7	46,6	47,3
птица	78,4	79,9	80,1	1,2	1,2	1,5	20,4	18,9	18,4
Производство продукции (в % от объёма производства в хозяйствах всех категорий): зерно (в весе после доработки)	76,8	76,8	74,5	22,1	22,2	24,6	1,1	1,0	0,9
сахарная свёкла	86,4	87,6	89,6	13,1	12,0	9,9	0,5	0,4	0,5
семена подсолнечника	71,9	72,4	70,7	27,7	27,1	28,9	0,4	0,5	0,4
картофель	13,0	13,1	10,9	7,4	8,0	6,8	79,6	78,9	82,3
овощи	19,7	17,1	16,3	13,7	13,8	14,3	66,6	69,1	69,4
скот и птица на убой (в живом весе)	60,4	63,7	66,9	3,4	3,3	3,3	36,2	33,0	29,8
молоко	45,5	46,3	45,8	4,8	5,4	5,9	49,7	48,3	48,3
яйца	77,5	78,0	78,1	0,8	0,8	0,7	21,7	21,2	21,2

Источник: [18].

а также в овцеводстве. По мнению многих аналитиков серьёзны их перспективы в овощеводстве и молочном скотоводстве.

Однако, согласно тем же аналитическим обзорам в агропромышленном комплексе России на современном этапе развития самые серьёзные позиции занимают вертикально интегрированные формирования – ассоциации, корпорации, агрофирмы, агрохолдинги, группы компаний и пр. Оценка вклада таких формирований в хозяйство – большая про-

блема, поскольку консолидированного учёта их деятельности Государственным комитетом статистики не производится. Но в рамках отраслевых отчётов по профильным министерствам оценить масштабы деятельности возможно. Так Н.И. Шагайда делает вывод, что в 2013 г. крупные агропромышленные компании произвели около половины сельскохозяйственной продукции [17]. Учитывая такую оценку и анализируя статистические данные возможно предположить, что мно-

Таблица 2

*Основные характеристики типов
вертикально интегрированных компаний*

№	Тип ВИК	Специализация в сельском хозяйстве	Уровень террито- риальной диверси- фикации	Уровень производ- ственной диверси- фикации	Уровень рыночной концентрации
1	Созданные на основе перераба- тывающего предприятия	животноводство	межрегиональный	не высокий	высокий
2	Созданные по инициативе торговых и логистических организаций	растениеводство и животноводство	межрегиональный	высокий	высокий
3	Созданные как подразделения финансовых организаций и сырьевых концернов	растениеводство	региональный (редко межрегиональный)	не высокий	не высокий
4	Созданные по инициативе региональных органов власти	растениеводство и животноводство	локальный и региональный (редко межрегиональный)	высокий	не высокий
5	Созданные на основе сельско- хозяйственных предприятий	растениеводство (редко животноводство)	локальный	не высокий	не высокий
6	Квазихолдинги	нет с/х предприятий	межрегиональный	не высокий	высокий

Составлено автором.

гие сельскохозяйственные организации так или иначе интегрированы в более или менее крупные компании. При этом следует отметить, что степень интеграции различна – от «мягкой», когда сельхозпроизводитель производит и поставляет продукцию на переработку по контракту, сохраняя юридическую и экономическую независимость, до «жесткой», при вхождении сельхозпредприятия в структуру интегрированной компании.

Объективно, по оценкам независимых экспертов уже к 2009 г. в России действовало около 200 ВИК, которым принадлежало около 14,5 млн га сельхозугодий, в том числе 11,3 млн га пашни (около 10% ее общей площади), при этом они обеспечивали до 30% объема производства в отрасли [1]. Они закупали около 60% (по стоимости) средств химзащиты, 50% импортных тракторов, 60% западных зерноуборочных комбайнов и 40% прицепной техники. А в животноводстве их роль еще выше. Это объясняется более широкими возможностями крупных ВИК, в том числе серьезными финансовыми ресурсами, возможностью лоббирования своих интере-

сов, а также тем, что многие структуры охотнее идут на сотрудничество с такими компаниями, поскольку это проще с технической точки зрения. «Тем же банкам даже технически проще выдать один кредит на 5 млрд рублей, чем 50 кредитов по 100 млн» [2].

Типология вертикально интегрированных компаний. При исследовании процессов формирования структуры вертикально интегрированных компаний мы исходили из того, что сам АПК имеет 3 сферы: 1. Производство средств производства; 2. сельского хозяйства; 3. Переработка, торговля и логистика. Кроме этого в исследовании мы исходили из того, что ВИК должна включать в себя все стадии агропромышленного производства, т.е. иметь завершённое производство от сельскохозяйственного до сбыта готовой продукции. Результатом данного этапа работы стала функционально-генетическая типология вертикально интегрированных компаний (табл. 2).

Сегодня в АПК России работают ВИК, в которых драйверами вертикальной интегра-

ции выступают предприятия различных сфер хозяйственной деятельности. Зачастую ядрами вертикально интегрированных компаний являются крупные предприятия пищевой перерабатывающей промышленности (в основном мясные и молочные комбинаты). Так образовались ОАО Группа «Черкизово», ОАО «Останкинский МК», Агропромышленная группа «БВК» и многие другие. В основном они были созданы в Московском столичном регионе, так как здесь всегда существовал ёмкий рынок сбыта продовольственной продукции. Несмотря на внушительные объёмы переработки их функциональная структура диверсифицировалась только в последние несколько лет в связи с приобретением новых производственных мощностей. Однако основным ядром остаётся перерабатывающее производство, а сельскохозяйственные предприятия, являющиеся поставщиками сырья, формируют сырьевую зону. Совершенствование способов транспортировки сырья привело к увеличению площади сырьевых зон, а модернизация оборудования к росту мощностей перерабатывающих предприятий. Сырьевые зоны таких крупных заводов существенно расширились и включили в себя сельскохозяйственные предприятия не только региона присутствия, но и соседних территорий.

Одновременно с формированием вышеуказанных компаний на отечественный агропродовольственный рынок выходят иностранные компании, создающие собственные интеграционные цепочки. Однако такая интеграция пошла по «мягкому» сценарию и низовые сельхозпредприятия в структуру таких компаний не вошли, работая в рамках долгосрочных контрактов на производство необходимого сырья. Поэтому такие компании как «Эрманн», «Кампина», «Данон-Юнимилк», ООО «Луис Дрейфус Комодитиз Восток» (субхолдинг ООО «Русская элеваторная компания» (РусЭлКо)), ООО «БУНГЕ СНГ», «Soufflet Group», ГК «Агролэнд», ГК «Эфко», ООО «Каргилл» и ряд других, не имеющих собственных сельскохозяйственных подразделений отнесены нами к квазихолдингам

Ещё одну группу вертикально интегрированных агропромышленных структур составили компании, где в роли интегратора выступали несельскохозяйственные предприятия и концерны, главным образом сырьевые или

финансовые. Как правило, все эти компании являлись частными, имели межрегиональный характер и сравнительно узкую специализацию. Сельскохозяйственные предприятия, вошедшие в структуру ООО «Орел Нобель-Агро», ОАО «Михайловский», ОАО «Стойленская Нива», Промышленно-финансовая группа Авангард (ОАО «Русский солод», «Авангард-Агро») главным образом расположены в разных областях Центрального и Центрально-Чернозёмного районов, в основном специализируются на производстве, хранении и переработке зерновых и технических культур. Причинами создания ВИК в структуре гигантских промышленных корпораций и финансовых групп стали: диверсификация бизнеса, необходимость контролировать процесс сельскохозяйственного производства для возврата ранее выданных кредитов и то, что сельское хозяйство превратилось в рентабельный бизнес для вложения капитала [13].

В Центральной России были созданы ВИК, учреждённые по инициативе региональных органов власти за счёт государственных средств и средств регионального бюджета. Примером таких регионов являются в основном области Центрально-Чернозёмного экономического района – Воронежская, Белгородская, Орловская, а также Рязанская, Брянская и ряд других. Региональные вертикально интегрированные холдинги, такие как ОАО «Орловская Нива», ГК «Агро-Белогорье», ЗАО АПК «Юность» смогли сконцентрировать ресурсы развития агропромышленного комплекса внутри областей и, в определённой мере, сохранить региональное сельскохозяйственное производство. Они отличались диверсифицированной территориальной и функциональной структурой производства, в которой отражались региональные особенности сельского хозяйства, связанные с природными и социально-экономическими условиями.

Самую диверсифицированную функционально-организационную структуру имеют ВИК, созданные на основе организаций занимавшихся реализацией сельскохозяйственной продукции, продовольствия. Например, ОАО «Группа компаний Агрохолдинг» в Курской области, ОАО «Группа «Разуляй», Агропромышленный холдинг «Мираторг» специализируются на птицеводстве, свиноводстве, производстве комбинированных

кормов, переработке мяса и молока, в настоящее время объединяет в себе предприятия Центрального, Южного, Поволжского и других регионов России. В отличие от первого типа, где интегратором выступали перерабатывающие предприятия, в данном случае эти функции выполняли торговые и логистические организации. Такие компании, как показывает пример, также зачастую работают на межрегиональном уровне.

Выделяется и небольшая группа ВИК, сформировавшихся на базе сельскохозяйственных предприятий. Такие компании возникают, когда стабильно работающее сельхозпредприятие самостоятельно приобретает оборудование по переработке произведённого сырья и выстраивает стратегию сбыта готовых продуктов. Примером могут служить агрохолдинги «Родное поле» и «Дмитровские овощи», работающие в Подмоскowie.

Территориальные аспекты размещения вертикально интегрированных компаний. В основном ВИК размещены и осуществляют деятельности на юге Центрального, а также Центрально-Чернозёмном, и на юге – в Северо-Кавказском райо-

не. Решающим фактором размещения таких компаний в Центральной России является относительно высокая плотность населения в данном регионе, а, следовательно, высокий спрос на произведённую продукцию (ёмкий рынок сбыта). Интерес ВИК к чернозёмным и южным регионам объясняется высокой продуктивностью сельского хозяйства в благоприятных агроклиматических условиях, которое сохранилось, несмотря на спад производства. Районами территориальной экспансии таких компаний являются также Поволжье и некоторые регионы Западной Сибири – прежде всего Волгоградская, Саратовская, Самарская, Свердловская, Омская, Новосибирская области, Алтайский край, республики Татарстан и Башкортостан. В северных регионах Центрального района, на севере и северо-западе Европейской России интенсивность деятельности вертикально интегрированных компаний довольно низкая, за исключением Ленинградской и Калининградской областей.

Локальные ВИК имеют самое широкое распространение в России (рис.1). На 2013 г. действовало более 100 таких компаний. В основном они специализируются на птицеводстве – производстве мяса птицы или

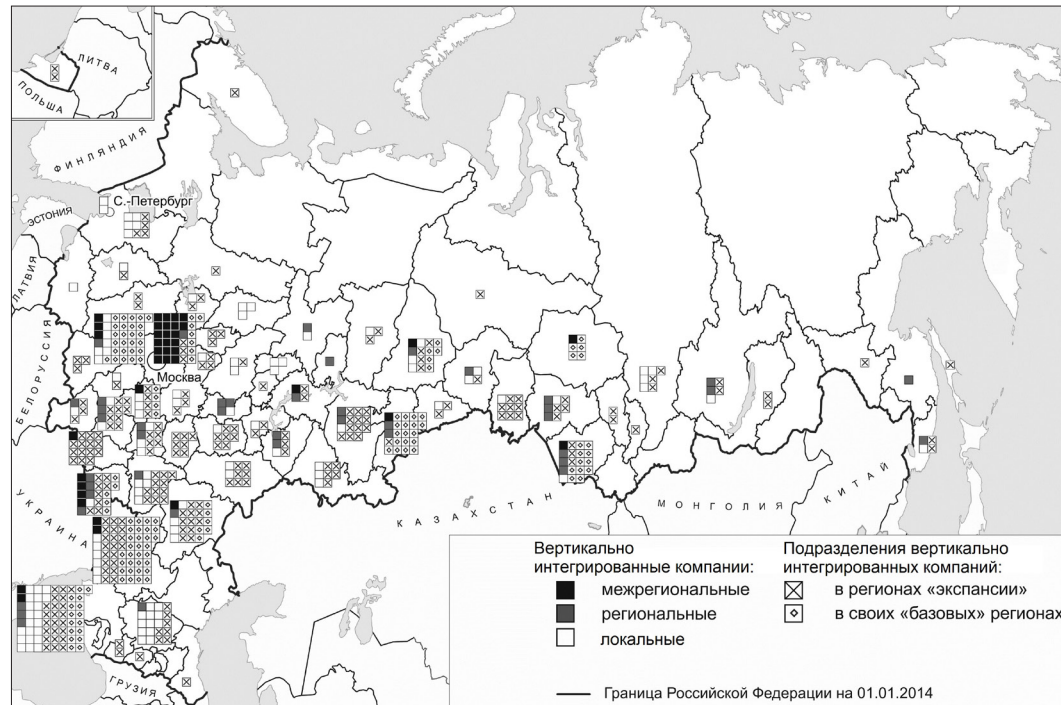

Рис. 1. Размещение крупных вертикально-интегрированных компаний и их подразделений по территории России*

* Карта выполнена С.Г. Сафроновым.

яиц, кроме этого многие являются производителями и переработчиками овощей. Лишь небольшая часть локальных компаний занимается зерновым производством, свиноводством и скотоводством. Размещаясь в пригородах крупных (областных) городов они развиваются за счёт гарантированного спроса, а благодаря маркетинговой стратегии, развитию логистики и транспорта находят рынки сбыта за пределами регионов присутствия. Однако функционирование таких компаний может стимулировать низкий уровень развития транспортной системы. Например, развитие локальных агрохолдингов в Забайкальском крае возможно объяснить только наличием внутреннего регионального спроса и его удалённостью от основных продовольственных рынков.

Территориальная структура таких ВИК довольно проста. Типичной ВИК локального уровня является ЗАО «Дашковка» Серпуховского района Московской области. Ядром компании стал совхоз «Большевик» образованный в 1929 г., имевший специализацию на выращивании картофеля, овощей и молочном животноводстве. Предприятие было акционировано в 1990-е гг., а в 1998 г. было приобретено новое оборудование и реорганизовано управление. К 2007 г. компания за счёт оборотных средств смогла расширить производство, в её структуре появилась первичная переработка и упаковка овощной продукции, а также линия по пастеризации и пакетированию молока. Производство и переработка продукции локализованы в пределах одного хозяйства.

Примером локальной ВИК специализирующейся на животноводстве является ОАО «Агрофирма Мценская» Орловской области. Предприятие возникло в 1972 г. когда на базе выделенного животноводческого комплекса колхоза «Путь к коммунизму» было организовано межхозяйственное предприятие по доращиванию и откорму КРС. Уже тогда на основе кооперационных отношений в работе предприятия участвовало 282 хозяйства из 14 районов области. В 1998 г. оно было акционировано, а полный пакет акций принадлежит региону. В структуре агрофирмы собственные земли, площадь пашни составляет более 15 тыс. га, поголовье КРС насчитывает более 5 тыс. голов, кроме этого есть свои мощности по хранению сельскохозяйственной продукции,

производства кормов и переработке мяса, а также собственный парк техники с МТС и строительно-ремонтное подразделение. Основной сферой деятельности агрофирмы является откорм КРС, производство мяса и мясных изделий, молока и их сбыт. Однако все подразделения локализованы на территории Мценского района Орловщины.

Таким образом, это компании имеющие в основе, сельхозпредприятие, которое в процессе развития, модернизации и диверсификации поставило линию первичной или глубокой переработки, а также упаковки готовой продукции. Иногда компания появляется на базе небольшого перерабатывающего предприятия, когда для снижения рисков сырьевого дефицита к ней присоединяется одно или несколько сельскохозяйственных организаций. Структура усложняется, если у компании появляется собственное маркетинговое подразделение. Но вся производственная деятельность осуществляется в границах одного (редко двух) административного района, а сама компания монопрофильная.

Около 60 ВИК работает на региональном уровне. Большая часть таких компаний сконцентрирована в пределах Центральной России – Орловской, Липецкой, Белгородской областей, в Поволжье – Татарстане, Башкортостане и Саратовской области, а также в Мордовии. Как уже было сказано выше, зачастую такие формирования были созданы по инициативе региональных властей и консолидировали в своей структуре предприятия различной специализации. Многие из них сохраняют многоотраслевую структуру производства и сегодня. Однако некоторые региональные компании, работающие в Центрально-Чернозёмном районе сдвинулись ближе к монопрофильным, их специализацией стало растениеводство, в основном в зерновом секторе АПК. В животноводстве региональные компании специализируются на самых технологичных отраслях – птицеводстве и свиноводстве, где современное производство практически имеет индустриальный характер.

Типичным примером компании, работающей на региональном уровне, может служить агрохолдинг «Белая Птица» Белгородской области [20], основанный в 2004 г. Предприятия холдинга охватывают большую территорию и расположены как в Белгороде, так и в Валуйском, Яковлевском, Шебе-

кинском, Алексеевском и Губкинском и др. районах. Ядром ВИК является ЗАО «Белгородская зерновая компания», имеющая более 30 тыс. га сельхозугодий (Белгородский и Прохоровский районы), выращивающая зерновые, зернобобовые, кукурузу и сою. Помимо этого в структуре холдинга есть ОАО «Белгородский комбинат хлебопродуктов», производящий около 240 тыс. т комбикормов в год. Базисными предприятиями являются ОАО «Загорье» (инкубаторий и три репродуктора мощностью более 100 млн. яиц в год) и ООО «Птицефабрика «Ново-Ездоцкая» (8 откормочных площадок с производством 110 тыс. т птицы). На входящем в структуру ВИК заводе осуществляется переработка птицы, упаковка готовой продукции. С собственного логистического центра ЗАО «ТД «Белая Птица» осуществляет оптовую торговлю и транспортную доставку, а также фирменную розничную торговлю. Руководство всеми подразделениями холдинга осуществляет управляющая компания ЗАО «Белая Птица».

Территориальная структура многопрофильных ВИК регионального уровня довольно сложна. Как правило – это два уровня организации, на первом уровне работают агрофирмы или подразделения которые, по сути, являются локальными вертикально интегрированными компаниями, т.е. в пределах административного района осуществляется производство сельскохозяйственного сырья и его первоначальная переработка, которая сосредоточена в районном центре. На втором, более высоком уровне, работают логистические, крупные перерабатывающие предприятия, выпускающие готовую продукцию и подразделения, занимающиеся маркетингом – торговые дома. Торговые представительства региональных ВИК могут быть во многих других регионах, а продукция распространяться по всей стране и идти на экспорт, но, как правило, вся производственная деятельность полностью сосредоточена в своём «базовом» регионе, обеспечивая до 40% региональной продукции АПК.

Наконец, к настоящему времени в агропромышленном комплексе страны сформировались *ВИК, деятельность которых имеет межрегиональный аспект*, они самые крупные, со сложной диверсифицированной структурой и многоотраслевым характером связей. Региональная локализация таких

агрохолдингов может быть определена по юридическому адресу головного офиса. Таких компаний около 50 и практически половина из них зарегистрирована в Москве и Московской области. По несколько межрегиональных ВИК расположены в Белгородской области и Краснодарском крае, и по одному в Курской, Ростовской, Челябинской, Новосибирской, Томской областях, Татарстане и Алтайском крае. Подразделения таких компаний могут располагаться в «базовом» регионе, однако большая часть подразделений вынесена в регионы экспансии с благоприятными агроклиматическими и почвенно-геологическими условиями.

Группа «Разгуляй» – одна из крупнейших интегрированных компаний, которая объединяет три отраслевых направления – сельскохозяйственное, зерновое и сахарное (предприятия хранения и переработки), а также подразделение по взаимодействию с розничными сетями. В холдинг входят 12 элеваторов, 7 мукомольных предприятий, 3 крупных завода и молочно-консервный комбинат. Под контролем группы находится более 350 тыс. га земли, в том числе 210 тыс. га – в обработке. В 2013 г. выращено более 2 млн т сахарной свеклы и более 500 тыс. т зерновых и крупяных культур, в т.ч. около 100 тыс. т риса. По производству свекловичного сахара группа «Разгуляй» находится на 3-м месте среди крупнейших производителей России (с долей 10% от внутреннего производства). В состав сахарных активов компании входят 10 заводов общей мощностью переработки 4 млн т сахарной свеклы фабричной и 1,4 млн т сахара-сырца. Компания ведет деятельность в 18 регионах России. Функционально предприятия аграрного направления – сельскохозяйственные организации – являются для предприятий сахарного и зернового направления поставщиками сырья и по существу – региональными АПК. Однако перерабатывающие предприятия, входящие в агрохолдинг ещё и закупают сельскохозяйственное сырьё сторонних производителей.

Определённый интерес представляет структура и география деятельности АПХ «Мираторг» (табл.3). Компания появилась в 1995 г. как поставщик продуктов питания в столичный регион – Москву и Московскую область из стран Латинской Америки. Грамотно выстроенная цепочка поставок про-

Структура и основные показатели деятельности АПХ «Мираторг»

Отраслевые подразделения	Основные активы	Регионы экспансии	Основные технологии	Количество занятых, человек
Растение-водство	381 тыс. га (56% пастбища, 44% пашня)	Брянская, Калининградская, Курская, Белгородская, Орловская области	No till («точное», беспашотное земледелие)	1100
Комби-кормовое производство	4 завода	Белгородская и Брянская области	Мультирецептурная технология для любой группы животных и времени года	450
Свиноводство	27 свинопунктов	Белгородская и Курская область	Полностью автоматизированное содержание и откорм	2000
Птицеводство	7 бройлерных птицеферм	Брянская область	Технология «Патю» - многоярусные корпуса, свобода перемещения	2500
Мясное животно-водство	37 ферм	Калининградская, Брянская, Курская, Орловская области	Технология открытого содержания и откорма - фидлот	2400
Мясо-переработка	3 завода	Брянская, Белгородская области	Технология постоянного совершенствования	3200
Производство полуфабрикатов	3 завода	Московская, Калининградская области	Технология адресной рецептур и шоковой заморозки	500
Транспортная и складская логистика	2 дистрибуционных центра класса «А»; 5 низкотемпературных складов, 1000 единиц транспортной техники	Москва (головной офис), Санкт-Петербург, Московская, Калининградская, Самарская, Свердловская области	Собственные мощности по эксплуатации и ремонту техники	1000
Дистрибуция и торговля	50 магазинов и 16 тыс. партнёров-дистрибьюторов	Более 30 субъектов федерации связаны прямыми поставками	Поставки «точно в срок» и «столько, сколько надо»	3800

Источник: [19].

дуктов питания из-за рубежа, с созданием крупного логистического центра в Калининградской области, позволили успешно пережить кризис 1998 г. В 2003 г., когда были введены квоты на импорт мяса в Россию, компания начала осуществление инвестиционного проекта по производству и переработке свинины в Белгородской области, уже к 2010 г. став крупнейшим её производителем. Такому динамичному росту способствовала реализация национального проекта по развитию аграрного сектора. Параллельно осуществлялась реализация проектов по выстраиванию полного цикла производства и переработки говядины в Калининградской, Брянской, Курской и Орловской областях и мяса птицы в Брянской области.

Кроме этого «Мираторг» создал практически крупнейшую в стране сеть дистрибуционных центров со своими складскими, транспортными организациями и сетью супермаркетов. В Подмосковье компании принадлежит крупное производство замороженных овощей, ягод и грибов, а в Калининградской области мясных полуфабрикатов. К 2014 г. в структуре агрохолдинга находилось около 400 тыс. га сельскохозяйственных земель, из которых 44% – занято в основном зерновыми, а также подсолнечником и соей, а остальное – пастбища. Собственное комбикормовое производство мощностью около 1,5 млн т в год полностью покрывает нужды животноводческих подразделений агрохолдинга. Являясь отечественным лидером в

производстве свинины (около 14%), компания при поддержке государства завершает реализацию крупнейшего инновационного проекта по выращиванию мясных пород крупного рогатого скота и производству говядины¹ на предприятиях, размещённых на территории Калининградской, Брянской, Курской и Орловской областей где откорм осуществляется по технологии содержания на открытых площадках – фидлотах. Кроме этого на 19 птицефабриках производится около 100 тыс. т мяса птицы.

Выводы. Таким образом, предпринятое исследование позволяет сделать ряд выводов:

- агропромышленный комплекс России в своём развитии идёт по пути создания крупного агробизнеса и концентрации производства в компаниях, имеющих завершённый цикл – «от поля до прилавка». Такая тенденция сохранится в ближайшей перспективе, однако не за счёт вхождения в сектор новых компаний, а в основном за счёт слияния и поглощения уже работающих в более крупные структуры;
- на современном этапе тренд концентрации производства затронул высокоинтенсивные, высокорентабельные отрасли сельского хозяйства с относительно коротким производственным циклом, а соответственно, быстрым оборотом капитала – птицеводство, свиноводство, производство зерновых, технических культур. Однако обозначился интерес крупных компаний к отраслям с длинным производственным циклом – садоводство и мясное животноводство, куда и направляют инвестиции. Такая тенденция стимулируется государственными программами по предоставлению льготных займов на долгосрочные инвестиции в агропромышленный комплекс;
- в условиях приоритетной государственной поддержки крупных ВИК для прочих производителей – фермерских и личных подсобных хозяйств сужаются возможности развития. Следствием такой ситуации является коренное изменение образа жизни постоянного населения сельской местности, а также ориентированность агробизнеса в основном на конъюнктуру рынка. Однако, следует отметить, что в АПК России ВИК играют роль локомотивов развития, являясь проводниками технологических и структурных инноваций в агробизнесе;
- выделяется три территориальных уровня функционирования и развития ВИК – локальный, региональный и межрегиональный. На локальном уровне работают небольшие компании, появившиеся на основе сельскохозяйственных предприятий или по инициативе региональных органов власти. Перспективы развития локальных ВИК состоят в дальнейшем углублении степени переработки сырья и повышении качества производимой продукции. Развитие региональных ВИК напрямую связано со степенью успешности региональных властей или непрофильных промышленно-сырьевых и финансовых компаний, по инициативе которых они и были созданы. Оценивать перспективы таких ВИК очень сложно, в силу множества косвенных факторов, оказывающих влияние на оценку.
- наиболее крупные ВИК, подразделения которых размещены в центре и на юге Европейской части России, а также на юге Западной Сибири работают в основном на межрегиональном уровне. Такие компании имеют наиболее сложную территориальную и функциональную структуру, именно они определяют основные направления развития АПК России.

Библиографический список

1. Анализ деятельности агрохолдингов в России. Презентация исследования. Группа компаний «Агриконсалт», 2013. . [Электронный ресурс] URL: marketing.rbc.ru
2. Голохвастов А., Глушакова Д. Некоторые тенденции в деятельности агрохолдингов в России. [Электронный ресурс] URL: www.tsenovik.ru
3. Иванов К.И. Территориальные системы общественного производства. Географические аспекты аграрно-промышленного комплексирования. – М.: Мысль, 1975. – 269 с.

¹ Сейчас только маточное поголовье породы абердин-ангус составляет около 130 тыс. голов.

4. Крючков В.Г. Территориальная организации сельского хозяйства. Проблемы и методы экономико-географического исследования. – М.: Мысль, 1978. – 268 с.
5. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. – М.: Ленанд, 2013. – 456 с.
6. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003. – 408 с.
7. Носонов А.М. Территориальные системы сельского хозяйства. – М.: Янус-К, 2001. – 324 с.
8. Ракитников А.Н. Избранные труды. – Смоленск: Ойкумена, 2003. – 472 с.
9. Рейтинги крупнейших производителей сельскохозяйственной продукции России (2006–2008 гг.). – М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, Энциклопедия российских деревень. 2009. – 152 с.
10. Рыбников А.А. Основные вопросы плана сельского хозяйства. – М.: Новая деревня, 1928. – 123 с.
11. Серова В.Е. Аграрная экономика. – М.: ГУ-ВШЭ, 1999. – 478 с.
12. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. – М., 1916. – 522 с.
13. Храмова И.Г., Серова Е.В. Вертикальная интеграция в продовольственном комплексе России. – М.: Институт экономики переходного периода, 2002. [Электронный ресурс] URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/741/678/1219/Vert-USAID.pdf>.
14. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. – М.: Экономика, 1989. – 492 с.
15. Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. – М.: Наука, 1991. – 454 с.
16. Челинцев А.Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. – М.: Новый агроном, 1928. – 231 с.
17. Шагайда Н. Ставка Минсельхоза на агрохолдинги – угроза продовольственной безопасности. [Электронный ресурс] URL: <http://www.akkor.ru/statya/753-eksperty-stavka-minselhoza-na-agroholdingi-ugroza-prodovolstvennoy-bezopasnosti.html>.

Интернет-источники

18. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096652250 – Основные показатели сельского хозяйства в России. Стат. сборник.
19. <http://www.miratorg.ru/about/SitePages/businessgeography.aspx> – сайт агропромышленного холдинга «Мираторг»
20. <http://www.belaya-ptica.ru/ru/company> – сайт агрохолдинга ЗАО «Белая птица»

Часовский В.И. (Калининград)

РЫНОЧНЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Chasovskii V.I.

MARKET FORMS OF INDUSTRIAL PRODUCTION IN THE MODERNIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

Аннотация. В статье описаны структурные изменения в промышленности России, вызванные изменившейся геополитической и экономической позицией России в мировой экономике в конце XX – начале XXI века. Проведён экономико-географический анализ создания и развития новых форм национального промышленного производства. В последнее десятилетие в Российской Федерации вопрос становления и развития новых форм организации промышленного производства приобретает всё большую актуальность, поскольку для эффективного развития страны требуется изыскивать прогрессивные формы и методы деятельности межотраслевых объединений, необходимых для развития многосекторального хозяйственного комплекса

Abstract. The article describes the structural changes in the industry of Russia caused by the changing geopolitical and economic position of Russia in the world economy at the end of the XX – beginning of the XXI century. Presents economic and geographical analysis of the creation and establishment of new forms of national industrial production. In the last decade in Russian Federation the question of becoming and development of new forms of organization of industrial production acquires all greater actuality, as for effective development of country it is required to find progressive forms and methods of activity of inter-branch associations necessary for development of manysectors economic complex.

Ключевые слова: промышленность, транснациональные компании, финансово-промышленная группа, холдинговая компания, предприятия с иностранными инвестициями, особая экономическая зона, технопарк, кластер, производственная специализация.

Keywords: industry, multinational companies, financial and industrial group, a holding company, enterprises with foreign investment, special economic zone, industrial park, a cluster, industrial specialization.

На современном этапе развития мировой экономики актуализируется изучение особенностей выявления экономических ядер для формирования стратегических направлений развития промышленности стран и их регионов. Особенно актуальным это направление изучения становится для стран с транзитивной экономикой, включая Россию.

Одну из методологических основ регионального, в том числе и промышленного развития, представляет теория поляризованного развития. Авторы данной теории Ф. Перру и Ж. Будвиль доказывали преимущества концентрации производства, особенно «динамичных», пропульсивных отраслей в нескольких центрах, что может дать немалый экономический эффект [13]. Среди сторонников идей Ф. Перру можно назвать и Х.Р. Ласуэна, который разрабатывал теорию процессов урбанизации и развития на основе теории «полюсов роста» и «диффузии нововведений», кроме того теория полюсов роста получила развитие в работах П. Потье об «осях развития» [4]. Все вышеперечисленные авторы сходятся во мнении, что главным

свойством «полюсов роста» является способствование развитию различных элементов экономики стран и регионов.

Между тем, существует большое количество других теорий формирования и развития конкурентоспособности, одной из которых является теория кластерного управления экономикой и производством, предложенная М. Портером [14, 15]. М. Портер не просто предложил новый термин для определения форм организации производства, кластеры были им обозначены как новые объекты проведения государственной политики по повышению национальной конкурентоспособности. Кластерный подход в реализации региональной промышленной политики стоит в одном ряду с такими понятиями, как «полюса роста», территориально-производственные комплексы, «новые города», технополисы и др.

В научной литературе термин «кластер» уже использовался отечественными экономикогеографами (А.П. Горкиным, Л.В. Смирнягиным) и зарубежными экономистами (К. Фредрикссоном и Л. Линдмар-

ком) для обозначения скоплений промышленных предприятий в пространстве [11, 12].

Больше всего с концепцией кластеров связана теория поляризованного развития. Формирование «полюса роста» предполагает выбор перспективного предприятия («точки роста») с дальнейшим выстраиванием вокруг него остальных компонентов цепочки добавленной стоимости. Разделение кластеров на внепространственные и пространственные группы помогает понять особенности современной кластерной политики [3, 4, 8].

Таким образом, положения теории поляризованного развития и концепции кластеров полезны при разработке промышленной политики в странах с переходной экономикой, в том числе и для России [6].

Новые формы организации промышленного производства в России, такие, как транснациональные корпорации, финансово-промышленные группы (ФПГ), предприятия с иностранными инвестициями, особые экономические зоны, кластеры, представляют собой своеобразные «точки роста» национальной индустрии.

Финансово-промышленные группы в России. Несмотря на постепенный отказ хозяйствующих субъектов от использования института ФПГ в начале 2000-х гг. и отказ государства от регулирования данного института, ФПГ, как ранее, так и на современном этапе, являются субъектами, оказывающими значительное влияние на формирование институциональной среды, способствующей реализации качественных изменений в национальной промышленности. Тот факт, что из числа созданных на предыдущих этапах, действующими в настоящее время остаются группы преимущественно в недобывающих отраслях промышленности и (или) имеющие инновационную направленность, свидетельствует о возможности данных субъектов успешно реагировать на вызовы модернизации национальной индустрии. Финансово-промышленные группы по своей экономической сущности представляют продукт слияния финансового, промышленного и торгового капитала [19].

Анализ региональной структуры российских ФПГ показывает, что они обладают достаточной степенью географической диверсификации участников с тенденцией регистрации центральной компании в Мо-

скве. Необходимо подчеркнуть, что анализ деятельности официальных ФПГ не даёт полного представления о ФПГ в России, так как большая их часть сформированных предпочитает функционировать без официального статуса, то есть без государственной регистрации в реестре ФПГ.

Обобщенный анализ деятельности российских ФПГ позволяет выделить наиболее важные классификационные признаки при их исследовании. Исходя из специфики российской экономики, ФПГ можно классифицировать по следующим критериям:

1) легитимность функционирования: а) формальные (официально зарегистрированные), например, «Донинвест», «Двигатели НК»; б) неформальные (не имеющие официального статуса), например, «Базовый элемент», «Ренова»;

2) отраслевая принадлежность. В целом совокупность ФПГ отличается достаточно широкой диверсификацией и охватывает более 100 направлений деятельности в самых разнообразных отраслях народного хозяйства (ФПГ «Магнитогорский металлургический комбинат» («ММК») и «Металлоинвест», действующие в горно-металлургическом комплексе; «Сургутнефтегаз» и «Роснефть» – в нефтегазовом секторе; «Новое содружество», «Концерн средне- и малотоннажного кораблестроения» («КСМК») и «Оборонительные системы» – в общем машиностроении);

3) масштаб деятельности (территориальные границы деятельности предприятий – участников объединения): а) региональные (ФПГ «Донинвест», активно осуществляющая деятельность в различных отраслях экономики в Ростовской области; группа «НПК «Алтай», работающая в пределах Алтайского края и вносящая большой вклад в его экономическое развитие. б) межрегиональные, формирующиеся на основе взаимодействия предприятий различных регионов, связанных между собой производственной кооперацией, например, «Уральская горно-металлургическая компания», предприятия и организации которой расположены более чем в 10 регионах России (Свердловской, Томской и Оренбургской областях, Республике Башкортостан, Карачаево-Черкесской Республике и др.); в) транснациональные ФПГ (ТФПГ) и международные ФПГ (МФПГ), деятельность которых выходит за

рамки одного государства. Наиболее частые партнёры в официально зарегистрированных ТФПГ и МФПГ – предприятия Белоруссии (11 ФПГ), что объясняется общностью подходов обеих стран в области таможенного и налогового законодательства, в вопросах управления государственной собственностью, наличием традиционно сложившейся системы производственных, торговых финансовых связей между российскими и белорусскими предприятиями. В качестве примера ТФПГ можно привести группу «Базовый элемент», объединяющую около 100 предприятий и осуществляющую деятельность в различных отраслях экономики в России и за рубежом [19, 29].

Следует отметить, что в постприватизационный период 2000–2009 гг. новых ФПГ в России практически не возникло. Количество групп, сохранивших свою регистрацию в качестве ФПГ, снизилось к 2009 г. до 71 [26]. Порядка 8 из числа 15 крупнейших ФПГ – участниц рейтинга РА «Эксперт» имели в своём составе предприятия, производящие или разрабатывающие высокотехнологичную продукцию или осуществляющие опытно-конструкторские разработки. В частности, ФПГ «Двигатели НК» занимается проектированием и производством уникальных авиационных двигателей и ракетополетов, осуществляет медико-биологические и технологические исследования; ФПГ «Авангард» – занимается научными разработками в области машиностроения, материаловедения, авиационного; МФПГ «Интернавигация» внедрением современных спутниковых технологий для развития навигационной инфраструктуры СНГ (система ГЛОНАСС/GPS) [24].

Транснационализация деятельности российских промышленных компаний. Данный процесс оказывает заметное влияние на развитие российской экономики в последние годы. ЮНКТАД к ТНК относит корпорации, включающие головные предприятия и их зарубежные филиалы (дочерние компании), причём головное предприятие контролирует активы других экономических единиц в государствах за пределами страны базирования материнской компании, как правило, путём участия в капитале.

В 2010 г. по размерам имеющихся иностранных активов в перечень 100 крупней-

ших нефинансовых ТНК из развивающихся стран и государств с переходным типом экономики, подготовленный ЮНКТАД, были включены 10 российских компаний. В отраслевом разрезе в рейтинге доминируют корпорации сырьевого сектора: 6 металлургических холдингов («ЕВРАЗ», «Северсталь», «Мечел», «РУСАЛ», «Норильский никель», «ТМК»), 3 телекоммуникационных и 1 нефтегазовый («ЛУКОЙЛ»). Крупнейшей российской ТНК уже многие годы остаётся «ЛУКОЙЛ», которая характеризуется не только внушительными масштабами зарубежных активов, но и обширной географией заграничного присутствия: «ЛУКОЙЛ» владеет в 35 странах дочерними фирмами, действующими в рамках его основной специализации, а ещё в нескольких государствах – сервисными и финансовыми компаниями. Второе место в рейтинге занимает ТНК «ЕВРАЗ» – вертикально-интегрированная металлургическая и горнодобывающая компания с активами в России, Украине, США, Канаде, Чехии, Италии и ЮАР [9].

Большинство ТНК России, как правило, территориально предпочитает ограничиваться своим регионом, что объясняется отсутствием значительных культурных и языковых барьеров, а также невысокими транспортными издержками. Вместе с тем наблюдается усиление зарубежной экспансии российских ТНК на других континентах, что свидетельствует об их эволюции – от региональных и бирегionalных корпораций – к глобальным.

Мощная российская инвестиционная экспансия распространяется, однако, лишь на несколько регионов. Так, около 50% зарубежных активов 20 ведущих российских нефинансовых ТНК приходится на страны ЕС, а ещё примерно по 20% на страны НАФТА и СНГ. Одновременно, наблюдается тенденция к расширению экспансии отечественного бизнеса на других рынках, включая Тропическую Африку (8%) и Азию (4%). Что касается других регионов мира, то российские инвесторы всё ещё проявляют осторожность. Например, Латинская Америка рассматривается ими как удалённый и не очень развитый регион с институциональными барьерами, такими, как отсутствие у России достаточного числа соглашений об избежании двойного налогообложения и инвестиционных соглашений. Многие африканские страны также

являются *terra incognita* для российских ТНК, хотя некоторые из них, действующие в цветной металлургии, имеют дочерние структуры в разных странах Западной и Южной Африки. В целом, анализ зарубежной экспансии российских ТНК показывает, что пока она характеризуется невысокой эффективностью и низким качеством управления, а также слабой обратной связью с национальной экономикой.

Следует отметить, что именно сейчас определяется дальнейшая траектория интернационализации российской экономики. Даже при отсутствии инновационных прорывов нефтегазовые и металлургические ТНК по-прежнему будут некоторое время наращивать свое присутствие в мире, а представители других отраслей – концентрировать свою зарубежную активность преимущественно в соседних странах. Однако, при таком варианте развития событий, Россия останется во втором десятке стран – экспортеров капитала, причем российские прямые иностранные инвестиции будут все больше походить на легализованное бегство капитала. Желателен, безусловно, другой сценарий – когда компании обрабатывающей промышленности и сферы услуг будут с помощью экспорта прямых иностранных инвестиций интегрироваться в глобальные цепочки создания добавленной стоимости, повышая конкурентоспособность своих российских предприятий.

Предприятия с иностранными инвестициями в России. Ещё одной формой международного сотрудничества в производственной сфере стало создание предприятий с иностранными инвестициями (ПИИ). ПИИ – это коммерческая организация, созданная в соответствии с российским законодательством на территории России, учредителями которой выступают иностранные граждане или организации. Закон предусматривает возможность создания в России как предприятий со 100-процентным иностранным участием, так и «совместных» предприятий, в которых участвуют российские и иностранные учредители [21].

В 2010 г. в России действовало 14134 организации с участием иностранного капитала (без малых предприятий) [27]. На основе анализа данных прямых иностранных инвестиций по отраслям российской промышленности в начале 2000-х гг., можно

сделать вывод о том, что инвестиции в основной капитал ПИИ широко вкладывались в автомобильную и пищевую промышленность. Существенные объёмы иностранных инвестиций направлялись также в добычу полезных ископаемых, пищевую, химическую промышленность, в производство оборудования. Таким образом, иностранные предприниматели предпочитают вкладывать средства в те отрасли промышленности, где не требуется масштабных первоначальных капиталовложений и где вложенный капитал быстро окупается. В незначительных объёмах инвестиции в основной капитал поступают в высокотехнологичные отрасли промышленности, с высокой степенью обработки продукта, такие как электроника, оптическая и лазерная техника, приборостроение. Это связано с тем, что в данных отраслях в принципе мало ПИИ и иностранные капиталы неохотно идут в эти сферы российской промышленности.

Анализ прямых иностранных инвестиций в российскую экономику по странам происхождения показывает, что быстрорастущий промышленный сектор РФ привлекает инвесторов преимущественно из США и стран ЕС. Первое место по размеру иностранных инвестиций в российскую экономику прочно удерживают США, которым принадлежат 16% зарегистрированных в России ПИИ, за ними следует Германия с 13% и Франция – с 6% зарегистрированных в России ПИИ [21].

Характерной чертой размещения ПИИ является их концентрация в весьма небольшом количестве российских регионов. Основное количество международных компаний сосредоточено, прежде всего, в регионах с высоко развитой инфраструктурой, в промышленно развитых областях, а также в регионах с преобладанием экспортноориентированной добывающей промышленности. Москва как объект для инвестиций, отвечающий европейским стандартам, притягивает к себе существенную часть проектов. Инвесторы, начинающие деятельность в России, незначительно продвигаются вглубь страны: 49% инвестиционных проектов реализуются в Москве или Санкт-Петербурге. Москва лидирует – на её долю приходится 37% проектов.

Следует подчеркнуть, что распределение иностранных инвестиций в России свидетельствует о том, что инвестиционный климат в стране неодинаков и имеет значительные

межрегиональные отличия. В целом в зависимости от разноплановых факторов, определяющих инвестиционный климат, все регионы России можно разбить на три группы.

Первая группа – регионы с относительно благоприятным инвестиционным климатом, с максимальной деловой активностью, высокими темпами формирования новых экономических структур. К данной группе относятся в первую очередь города Москва и Санкт-Петербург, Московская и Свердловская области, республики Татарстан и Башкортостан и др. На эти регионы приходится около 80% всех иностранных инвестиций, вложенных в экономику России.

Вторая группа – регионы промежуточного типа, с менее благоприятным инвестиционным климатом, с невысокой деловой активностью, средними темпами экономических преобразований. Данная группа является самой многочисленной, в нее входит почти половина субъектов России.

Третья группа – регионы с неблагоприятным инвестиционным климатом, с минимальной деловой активностью, низкими темпами формирования новых экономических структур. К третьей группе относится примерно 15 регионов, в их числе Республика Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Курганская область и др. [28].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что, во-первых, промышленные предприятия с участием иностранного капитала на сегодняшний день не играют значительной роли в экономике России, составляя лишь 12,3% от общего количества организаций в стране, а во-вторых, пока зарубежные капиталовложения не стали катализатором экономического роста даже в тех отраслях и субъектах РФ, где их концентрация особенно значительна. Поэтому Россия должна проводить не ограничительную, а наоборот, стимулирующую политику в отношении привлечения иностранных инвесторов в промышленность. При этом необходимо учитывать национальные интересы страны, использовать современные экономические и политические методы управления, направлять капитал в развитие предприятий перерабатывающей промышленности и наукоёмких отраслей, что важно для модернизации и инновационного развития всей экономики России.

Особые экономические зоны России.

Для развития экономики современной России большое значение имеют также особые экономические зоны (ОЭЗ), как инструмент диверсификации хозяйства и перевода национальной промышленности на инновационный путь развития. Каждую ОЭЗ государство наделяет специальным юридическим статусом, который даёт инвесторам ОЭЗ ряд налоговых льгот и таможенных преференций, а так же гарантирует доступ к инженерной, транспортной и деловой инфраструктуре [20].

В настоящее время в России создано и работает 6 ОЭЗ промышленно-производственного типа (ППТ), основная цель которых – развитие высокотехнологичных отраслей экономики, это: «Алабуга» (Татарстан), «Липецк» (Липецкая обл.), «Титановая долина» (Свердловская обл.), «Тольятти» (Самарская обл.), «Моглино» (Псковская обл.) и «Людиново» (Калужская область). Приоритетными направлениями деятельности промышленных зон России являются производство автомобилей и автокомпонентов (ОЭЗ «Калининградская область»), строительных материалов, химической и нефтехимической продукции, бытовой техники, торгового оборудования и др. [22].

Анализ географии ОЭЗ ППТ позволяет сделать вывод о том, что главными факторами их размещения являются:

- выгодное экономико-географическое положение,
- близость к сырьевым базам и основным транспортным путям,
- высокий уровень экономического развития субъекта РФ,
- высокий уровень концентрации промышленности различных отраслей,
- развитая социальная, производственная и транспортная инфраструктура,
- наличие квалифицированных трудовых ресурсов,
- благоприятный инвестиционный климат.

Для создания и реализации научно-технической продукции и доведения её до промышленного применения в России созданы и активно развиваются 4 ОЭЗ технико-внедренческого типа (ОЭЗ ТВТ): «Зеленоград» (Москва), «Дубна» (Московская область), «Санкт-Петербург» (Санкт-Петербург), «Томск» (Томск). Приоритетными направлениями деятельности технико-внедренческих зон России являются биотехнологии, нанотехнологии, IT-технологии, телекомму-

никации, новые материалы, точное и медицинское приборостроение, кремниевая и органическая микроэлектроника [20].

Анализ особенностей размещения ОЭЗ ТВТ позволяет сделать вывод о том, что все они расположены в ведущих научно-образовательных центрах, а главными факторами их размещения являются высокий научно-технический потенциал территории и наличие высококвалифицированных специалистов. В целом, можно сказать, что российские ОЭЗ представляют собой отраслевые и межотраслевые точки роста для региональных экономических систем. Они не образуют интегрированной сети, их скорее можно охарактеризовать как отдельные обособленные инновационно-ориентированные «оазисы» в «пустыне» низкотехнологичной российской экономики [22].

Технологические парки в национальной экономике. Это ещё одна из форм интеграции промышленности, предпринимательства, высшего образования, науки, финансов, региональных и местных органов управления в условиях рыночных отношений, являются технологические парки. Технопарк представляет собой научно-производственный территориальный комплекс, включающий исследовательский центр и прилегающую к нему компактную производственную зону, в которой на условиях аренды размещаются малые наукоёмкие фирмы [2, 5].

Отсутствие в России общепринятой терминологии (сейчас она по-разному изложена в различных ведомственных нормативных актах – например, изданных Министерством связи и массовых коммуникаций и Министерством экономического развития) не позволяет провести аккредитацию технопарков, из-за чего многие структуры, которые называют себя технопарками, на самом деле занимаются девелоперским бизнесом.

Между тем, по версии Министерства образования и науки, в стране действует 84 технопарк и 58 центров передачи технологий. По данным ассоциации «Технопарк» и Министерства связи и массовых коммуникаций, из общего количества технопарков всего 30 являются объектами, где осуществляется коммерциализация новых идей. Немногим более десяти технопарков были оценены как отвечающие международным требованиям (это менее 10% общего количества технопарков) [2].

Главным образом, технопарки работают в тех сферах, которые определены как ключевые направления модернизации экономики: информационные и компьютерные технологии («ИТ-парк» в Казани), энергосбережение («Кузбасский технопарк» в Кемерово), химия и нефтехимия («Технополис «Химград» в Казани), космические технологии («ИТ-парк» в Набережных Челнах), электроника и приборостроение («Технопарк «Мордовия») [16, 18].

Создают технопарки преимущественно в тех районах, где есть экономические перспективы и научный потенциал, то есть главными факторами их размещения выступают высокие темпы экономического роста региона, производственный и инновационный потенциал, развитая система подготовки квалифицированных кадров, наличие высокого научного и образовательного потенциала.

Основные проблемы российских технопарков связаны с нехваткой финансирования на государственном уровне, низкие финансовые отчисления на науку и уровень коммерциализации НИОКР, равный 5% против 65% в европейских странах, отсутствие заинтересованности у предпринимателей в развитии бизнеса в технопарках из-за высокой капиталоемкости проектов [19]. Бесспорно, подавляющее большинство из созданных и действующих технопарков не является масштабными и эффективными. Они еще не играют той роли, которую выполняют, например, исследовательские университетские парки США и Канады, научные парки Великобритании, технопарки и инновационные центры Германии, Франции, Финляндии, КНР. Тем не менее, ряд российских технопарков за это время нашел свои ниши в инновационном комплексе страны, сформировав среду поддержки инновационного предпринимательства и обеспечивая хороший уровень её функционирования. Поэтому, рассматривая возможные пути развития технопарков в России, помимо сложившихся направлений, следует особо выделить создание таковых на базе крупных промышленных предприятий с использованием их свободной производственной инфраструктуры [23].

Кластеризация производственного пространства. Известно, что в общеэкономическом смысле кластер представляет

группу географически локализованных и экономически взаимосвязанных компаний, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных услуг, научно-исследовательских центров, инфраструктуры, вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга в достижении конкретного хозяйственного эффекта и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и, следовательно, кластера в целом [6, 7].

Термин имеет две ярко выраженные составляющие – отраслевую и территориальную. К внепространственным кластерам относятся промышленные и национальные кластеры, а к пространственным – региональные, трансграничные и локальные кластеры. Под промышленным кластером понимается группа родственных взаимосвязанных отраслей промышленного комплекса и сферы услуг, наиболее успешно специализирующихся в международном разделении труда [3, 8, 22].

Несмотря на активную деятельность региональных властей по формированию кластерных структур в России, лишь относительно небольшая часть проектов достигла стадии практической реализации. И сегодня логичнее говорить о потенциальных промышленных кластерах, среди которых наиболее перспективными и системно развивающимися являются авиационно-космический кластер Самарской области, Ульяновский авиационный кластер, автомобильный кластер Свердловской области, нефтехимический кластер Республики Татарстан и некоторые другие [7, 10].

Тем не менее, можно смело утверждать, что формирование кластеров в стране осуществляется, о чём свидетельствует утверждение Министерством экономического развития РФ в 2012 г. перечня из 25 инновационных территориальных кластеров, на территории которых при финансовой поддержке государства будет осуществляться проектирование, разработка и создание инновационной продукции [20, 25].

Данные кластеры располагаются на территориях с высоким уровнем концентрации научно-технической и производственной деятельности, в регионах с достаточно высоким инновационным потенциалом, что подтверждается исследованием Центра стратегических разработок «Северо-Запад», экс-

пертами которого были выделены 6 групп (кластеров) регионов, характеризующихся разным уровнем инновационности [28].

Основными направлениями, реализуемыми в национальных производственных кластерах, являются ядерные технологии, новые материалы, нефтегазопереработка и нефтегазохимия, медицина и фармацевтика, электроника, приборостроение, производство летательных и космических аппаратов. Например, НП «Калужский фармацевтический кластер» является формированием научно-производственного комплекса взаимосвязанных инновационных производств по выпуску фармацевтической и другой медицинской продукции. Анализ особенностей формирования кластера свидетельствует о том, что он уже влияет и на перспективу будет в еще большей степени положительно влиять на социально-экономическое развитие Калужской области, которая планирует развиваться не только за счет уже созданного в регионе автомобильного кластера (который уже приносит прибыль) [1]. Формирование уникальных конкурентных преимуществ позволяет кластеру развиваться быстрее за счет привлечения новых знаний и компетенций, человеческого потенциала, ускорения инноваций. Одновременно, создаваемый кластер оказывает многоаспектное влияние на экономическое состояние и перспективы дальнейшего развития региона, на территории которого он формируется и развивается.

И все же, российские регионы еще слабо используют зарубежный опыт кластеризации экономики. На региональном уровне только начинают формироваться механизмы содействия кластерному развитию. Прежде всего, это создание организаций инфраструктуры – Центров кластерного развития. Исследование, проведенное институтом территориального планирования «Урбаника» (Санкт-Петербург), которое было направлено на выявление результатов территориальной и отраслевой трансформации российской промышленности по итогам 20 лет развития рыночной экономики, показало, что происходит активное развитие городов «промышленной инновации», где сосредоточен промышленно-технологический потенциал России, наиболее актуальные и востребованные производственные инновации [17]. Но пока почти все эти производственные структуры размещаются в 250 наиболее крупных

промышленных центрах. Между тем, недостаток опыта практической деятельности в данной сфере и отсутствие готовых специалистов для работы с кластерами, снижают эффективность данных начинаний. Таким образом, несмотря на фактическое наличие формирующихся кластеров в различных регионах России, кластеризация экономики остаётся одной из целей экономической политики страны, эффективным средством решения тех масштабных задач, которые стоят перед страной.

Выводы.

1. Анализ зарубежной экспансии российских ТНК показывает, что пока она характеризуется невысокой эффективностью и достаточно низким качеством управления, а также слабой обратной связью с национальной экономикой. При этом, в России до сих пор не существует продуманной государственной политики в отношении инвестиционной деятельности отечественного бизнеса за рубежом. Вместе с тем, отечественные компании, расширяя и диверсифицируя предпринимательскую деятельность за рубежом, путем приобретения недостающих факторов производства и компетенций, а также встраиваясь в глобальные производственные сети или формируя собственную цепочку производства полного цикла, повышают свою конкурентоспособность.

2. Несмотря на постепенный отказ хозяйствующих субъектов России от использования института ФПГ в период 2000–2009 гг. и государства от регулирования данного института, ФПГ, как ранее, так и на современном этапе являются субъектами, оказывающими значительное влияние на формирование институциональной среды, способствующей реализации качественных изменений в национальной экономике. Тот факт, что из числа созданных на предыдущих этапах, действующими в настоящее время остаются группы преимущественно в недобывающих отраслях промышленности и (или) имеющие инновационную направленность, свидетельствует о возможности данных субъектов успешно реагировать на вызовы модернизации.

3. В целом, можно сказать, что российские особые экономические зоны представляют собой отраслевые и межотраслевые точки роста для региональных экономических систем. Они не образуют интегрирован-

ной сети, их скорее можно охарактеризовать как отдельные обособленные инновационно-ориентированные «оазисы» в «пустыне» низкотехнологичной российской экономики.

4. Российская практика развития технопарков намного уступает передовому опыту многих зарубежных стран, в том числе Китая, США или Индии, преимущества которых связаны с наличием финансируемой главным образом государством адекватной инфраструктуры, наличием стабильной правовой базы, благоприятным инвестиционным климатом. В целом, российские технопарки представляют собой небольшие по объёму инвестиционные проекты, учитывающие сложившийся в том или ином регионе производственный, инновационный и интеллектуальный потенциал. В России технопарков пока очень мало, их количество, а главное, материальная и финансовая база, не обеспечивают реализацию даже имеющегося интеллектуального потенциала и спроса на инновационную продукцию.

5. Анализ региональной кластерной политики страны показал, что российские регионы не спешат использовать зарубежный опыт кластеризации экономики. Даже там, где кластерная политика заявлена в качестве приоритета, особой результативности не заметно. Пока регионы только определяют, какие кластеры есть на территории (вернее, предприятия каких отраслей доминируют), какие можно «вырастить» (дополнить недостающими звеньями) и какие могут появиться в будущем. Иногда в концептуальных документах обозначены направления кластерной политики и проводятся различные мероприятия, реализуются кластерные проекты, поддерживаются кластерные инициативы.

6. Несмотря на проблемы формирования рыночных структур, в России возрастает роль современных форм организации промышленного производства, таких как ТНК, ФПГ, холдинги, ПИИ, ОЭЗ, технопарки и кластеры, где происходит концентрация промышленного, технологического, финансового и научного потенциала. Рыночные формы организации национальной промышленности постепенно могут стать основой формирования нового промышленного каркаса России, на базе которого в будущем будут разворачиваться уже более сложные стратегии роста, например, включающие развитие новых секторов инновационной экономики.

Библиографический список

1. Богачев И.И., Родионова И.А. Характеристика состояния и проблемы развития фармацевтического кластера в Калужской области // Вестник РУДН. Серия Экономика. – 2014. – № 1.
 2. Гаврилова Н.М. Технопарки в мире и в России // ЭКО. – 2012. – № 10. – С. 78–84.
 3. Гареев Т.Р. Кластеры в институциональной проекции: к теории и методологии локального социально-экономического развития // Балтийский регион. – 2012. – № 3. – С. 7–33.
 4. Гареев Т.Р., Елисеева Н.А. Модель товарных потоков эксклавного региона: в поисках ренты «переходного периода» особой экономической зоны // Балтийский регион. – 2014. – № 1. – С. 72–90.
 5. География мирового хозяйства / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.–Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. – С. 177–188.
 6. Михайлов А.С. Формирование международных кластеров в Балтийском регионе // Балтийский регион. – 2013. – № 1. – С. 53–63.
 7. Пространственная организация хозяйства: ТПК или Кластеры? // Материалы XXIII ежегодной сессии экономико-географической секции Международной Академии регионального развития и сотрудничества (Липецк 2–5 июня 2006 г.). – М., 2006. – С. 30.
 8. Шаститко А.Е. Кластеры как форма пространственной организации экономической деятельности: теория вопроса и эмпирические наблюдения // Балтийский регион. – 2009. – № 2. – С. 9–31.
 9. Чебанов С. Российские ТНК: экспансия продолжается // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 3. – С. 118–121.
 10. Чернобродова Л.А. Развитие предпринимательства на основе региональных промышленных кластеров России // Экономика. – 2011. – № 16. – С. 110–114.
 11. Fredriksson C.G., Lindmark L.G. From Firms to Systems of Firms: A Study of Interregional Dependence in a Dynamic Society // Spatial Analysis, Industry and the Industrial Environment, Progress in Research and Applications. Vol. 1: Industrial systems / ed. by F.E.I. Hamilton and Linge G.J.R. Chichester. N.Y., Brisbane, Toronto: Wiley, 1979. P. 155–186.
 12. Gorkin A.P., Smirnyagin L.V. A structural approach to industrial systems in different social and economic environments // Spatial Analysis, Industry and the Industrial Environment. Progress in Research and Applications. Vol. 1: Industrial systems / ed. by F.E.I. Hamilton and Linge G.J.R. Chichester. N.Y., Brisbane, Toronto: Wiley, 1979. P. 25–36.
 13. Perroux F. Note on the Concept of Growth Poles in Economic Policy for Development: Selected Reading / ed. by T. Livingstone. London: Harmondsworth, 1971.
 14. Porter M.E. Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review. 1998. November–December. P. 77–90.
 15. Porter M.E. The economic performance of regions // Regional Studies. 2003. Vol. 37. August–October. P. 549–578.
 16. Ассоциация технопарков в сфере высоких технологий [Электронный ресурс]. URL: <http://prtechpark.ru> (дата обращения 18.05.2013).
 17. Институт «Урбаника» [Электронный ресурс]. URL: <http://urbanica.spb.ru> (дата обращения 11.04.2013).
 18. Информационно-аналитический портал ТАСС-Телеком / Новости / Инновации и Телеком // В России реально действует 100 технопарков [Электронный ресурс]. URL: <http://tasstelecom.ru> (дата обращения 18.05.2013).
 19. Костюнина Г.М., Баронов В.И. Технопарки в зарубежной и российской практике // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – №3 (24). – С. 91–99 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru> (дата обращения 18.05.2013).
 20. Министерство экономического развития Российской Федерации / Деятельность / Направления // Особые экономические зоны [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.gov.ru> (дата обращения 16.03.2013).
 21. Морозова А.Г. Анализ развития промышленных предприятий с участием иностранного капитала в Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. – 2011. – Вып. 2. – С. 49–53 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.udsu.ru> (дата обращения 17.04.2013).
 22. Особые экономические зоны [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russez.ru> (дата обращения 18.05.2013).
 23. Павлов Э. Технопарки – важный элемент современной инновационной экономики // Умное производство. 2013. Выпуск 21 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.umpro.ru> (дата обращения 15.04.2013).
 24. Рейтинговое агентство «Эксперт» [Электронный ресурс]. URL: <http://raexpert.ru> (дата обращения 18.05.2013).
 25. Российская кластерная обсерватория [Электронный ресурс]. URL: <http://cluster.hse.ru> (дата обращения 10.03.2013).
 26. Система комплексного раскрытия информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.skrin.ru> (дата обращения 18.05.2013).
 27. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 21.04.2013).
 28. Центр стратегических разработок «Северо-Запад» / Новости// ЦСР «Северо-Запад» составил инновационную карту России. 13.09.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://csr-nw.ru> (дата обращения 19.05.2012).
 29. Цветков В.А. Современное состояние и перспективы развития российских финансово-промышленных групп [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cemi.rssi.ru> (дата обращения 18.03.2013).
-

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Заяц Д.В., Зорина Д.С. (Москва)

ДИСПРОПОРЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Zayats D.V., Zorina D.S.

DISPARITIES OF ECONOMIC DEVELOPMENT POST-SOVIET STATES

Аннотация. В статье проанализированы данные длины новых постсоветских границ относительно общей протяженности границ государств постсоветского пространства и уровень современного экономического развития отдельных регионов внутри этих стран. Проводятся «горизонтальные» сравнения уровней экономического развития единиц АТД 1-го порядка разных стран постсоветского пространства. Рассчитываются градиенты экономических различий внутри и между странами бывшего СССР. Распад Советского Союза наиболее негативно сказался на экономическом развитии Украины, Киргизии, Таджикистана и стран Закавказья, в то время как Казахстан и Туркменистан от него скорее выиграли. Авторы констатируют тенденцию постепенной утраты Российской Федерацией своих позиций в большинстве постсоветских стран (за исключением непризнанных государств) и попытку создания новой волны экономической и политической интеграции в рамках формируемого Евразийского экономического союза.

Abstract. The authors analyze the length of new frontiers in the total length of the boundaries of the Post-soviet countries and the degree of modern economic development of the region, changes in economic development since the collapse of the Soviet Union, the magnitude of the differences and gradients in the new state borders in Post-soviet countries. The collapse of the Soviet Union has affected most negatively in Ukraine, Kyrgyzstan, Tajikistan and the South Caucasus. Kazakhstan and Turkmenistan win in economic terms from the collapse of the USSR. The authors consider the tendency of putting Russia's position in almost all Post-soviet countries and attempts to create a new wave of economic and political integration within the new established Eurasian Economic Union.

Ключевые слова: постсоветские государства, непризнанные государства, государственные границы, валовой внутренний продукт, пространственные диспропорции, градиенты экономических различий.

Key words: Post-soviet states, unrecognized states, state borders, gross domestic product, spatial disproportions, gradients of economic differences.

Исследования многообразных последствий распада Советского Союза, экономической, культурной и политической дезинтеграции прежде единого пространства, стали приметой последних двух десятилетий развития отечественной географической науки. Изучались как общие вопросы установления новых границ и их влияние на социально-экономические процессы, проходящие в странах, образовавшихся на пространстве СССР [3, 5, 11, 13, 16, 17], так и географические следствия появления государственных границ на конкретных участках [4, 6, 12, 18]. В последние годы на первый план в исследованиях выходит изучение практики приграничного взаимодействия, а также анализ институциональной и правовой инфраструктуры, опре-

деляющей соотношение между барьерными и контактными функциями границы.

Цель настоящего исследования – показать место России в современном сообществе постсоветских государств путем сравнения степени экономического развития разных частей некогда единой страны, проведенного на уровне административных единиц первого порядка (небольшие государства – Эстония, Латвия, Литва, Грузия, Армения в работе рассматриваются целиком). Впервые после присоединения Крыма к России проведен расчет протяженности сухопутных границ России и оценен макроэкономический потенциал присоединенной территории.

Анализ причин распада СССР, равно как и подтверждение или опровержение тезиса

о том, что союз был обречен, – предмет отдельного исследования. Здесь же попытаемся представить постсоветские республики частями единого экономического пространства и проследить территориальные различия в их хозяйственном развитии.

Независимые государства, образовавшиеся на месте СССР без малого четверть века назад, все еще тесно экономически и культурно связаны друг с другом. Эта связь проистекает, прежде всего, из пространственной близости государств. На постсоветском пространстве нет ни одной страны, протяженность старых (появившихся до 1991 г.) сухопутных границ которой превышала бы протяженность бывших межреспубликанских границ внутри СССР (табл. 1). У Эстонии, Латвии, Абхазии и Южной Осетии все сухопутные государственные границы – новые, возникшие в результате распада СССР. У Узбекистана и Литвы доли новых границ в общей протяженности их внешних рубежей – более 90%. В Узбекистане к старым участкам относится лишь граница по Амударье с Афганистаном, а у Литвы – лишь 91-километровая граница с Польшей. Близкое к равному соотношение протяженности старых и новых участков границ у республик, занимавших окраинное положение в СССР, – Туркмении, России, Таджикистана. Но даже для них протяженность

границ с бывшими союзными республиками больше, чем длина фронта соприкосновения со «старым зарубежьем».

Преобладание в межгосударственных рубежах участков, получивших международный статус в 1991 г. и позже, а до того имевших вид административных границ, осложняет взаимоотношения молодых и не до конца прошедших процесс становления суверенных государств, способствует появлению территориальных споров. Затраты на обустройство новых границ, создание необходимой пограничной инфраструктуры, пунктов пропуска и таможенного контроля лежат тяжким бременем на бюджетах всех бывших республик. Это утверждение справедливо и в отношении трех прибалтийских государств, вошедших в 2004 г. в Европейский Союз и уже пользующихся преимуществами Шенгенской зоны безвизового перемещения. Участки границ Эстонии, Латвии и Литвы с Россией и Белоруссией стали внешними границами Евросоюза и должны отвечать всем западноевропейским стандартам, поэтому затраты на их содержание существенно увеличились.

В новых условиях существования постсоветских независимых государств далеко не все новые границы безопаснее и бесконфликтнее старых. Так, в Армении наличие

Протяженность старых и новых сухопутных границ республик бывшего Советского Союза

Таблица 1

Республика	Протяженность сухопутных границ, 2014 г., км			Доля протяженности границ, существующих с 1991 г., от общей, %
	общая	получивших международный статус до 1991 г.	после 1991 г.	
Россия	20 264*	9 045	11 219*	55
Эстония	633	0	633	100
Латвия	1 382	0	1 382	100
Литва	1 574	91	1 483	94
Белоруссия	3 306	605	2 701	82
Украина	4 588*	1 159	3 429*	75
Молдавия	1 390	450	940	68
Грузия	1 666	252	1 414	85
Армения	1 254	303	951	76
Азербайджан	2 013	620	1 393	69
Казахстан	12 185	1 533	10 652	87
Узбекистан	6 221	137	6 084	98
Туркмения	3 736	1 736	2 000	54
Киргизия	4 051	858	3 193	79
Таджикистан	3 651	1 620	2 031	56
Абхазия	418	0	418	100
Южная Осетия	474	0	474	100

* Включая границу в Крыму (22 км).

старой границы с Ираном выступает гарантом стабильности и безопасности страны. Армяно-азербайджанская граница за недолгий период своего существования в качестве межгосударственной, стала одной из наиболее эшелонированных и укрепленных в мире. Это единственная граница внутри бывшего СССР, через которую прерваны любые связи. Напряжение чувствуется на границах Абхазии и Южной Осетии с Грузией, Таджикистана и Киргизии с Узбекистаном, а с начала 2014 г. еще и Украины с Россией.

Совокупный валовой внутренний продукт стран, образовавшихся на пространстве бывшего СССР, взятый с учетом паритета покупательной способности валют, на 2013 г. составил 3786 млрд долл. Если представить, что все наши республики вновь стали единым государством, по экономической мощи оно бы занимало пятое место в мире, после США, Китая, Индии, Японии, опережая Германию и Бразилию. На республики бывшего Советского Союза в 2013 г. приходилось 17% мировой добычи нефти и 23% добычи природного газа [21], поэтому единое государство, несомненно, сейчас являлось бы еще более крупным и влиятельным игроком на международном энергетическом рынке, нежели Российская Федерация.

Главный экономический узел постсоветского пространства – Москва и Московская обл. Здесь производится около 10% совокупного ВВП республик бывшего СССР – 422 млрд долл. Примерно такую же экономическую мощь имеет Австрия, а Венесуэла, Таиланд, Дания уступают этому показателю. ВВП Московского столичного региона в 2,4 больше ВВП всей Украины.

Выражение ВВП областей, краев и республик бывшего СССР в долларах США (пересчет по официальному обменному курсу валют) позволяет оценить реальные масштабы экономик российских регионов на фоне окружающих государств. Так, ВВП нефтедобывающего Ханты-Мансийского АО сопоставим с ВВП нефтедобывающего Азербайджана. Примерно столько же продукции в стоимостном выражении дают Петербург с Ленинградской областью. Самарская область сопоставима с Латвией, Кемеровская – с Эстонией, Ярославская – с Арменией, Омская – с Грузией, Пензенская – с Молдавией.

Любопытны «горизонтальные» сопоставления экономик регионов ближнего за-

рубежья. Киев и Киевская обл. производят примерно столько же продукции, что и Литва. Главный казахстанский нефтедобытчик – Атырауская обл. – сопоставим с промышленной Днепропетровской обл. Украины и угледобывающей индустриально-аграрной Ростовской обл. России. Новая столица Казахстана Астана по ВВП сопоставима с Харьковской обл., не последним регионом Украины по экономическому развитию. Восточно-Казахстанская область, середнячок в своей стране, на наднациональном уровне становится аналогом целого независимого государства – Киргизии.

Несомненно, на точность подсчетов и корректность сравнений влияет экономическая конъюнктура: высокие цены на топливо приводят к повышению хозяйственных показателей нефте- и газодобывающих регионов (возможно, и не совсем оправданному). Но нефтяные деньги ничем не отличаются от получаемых в других отраслях экономики, их также можно тратить на развитие производств в других отраслях и на повышение уровня жизни населения.

Еще более интересно ознакомиться с территориальными диспропорциями душевых показателей ВВП по регионам бывшего СССР. Бесспорный полюс экономического процветания на постсоветском пространстве – Ненецкий АО, в котором ВВП на душу населения составляет 125 тыс. долл. Это выше уровня самых богатых стран современного мира – Катара и Лихтенштейна. И, как и у них, к столь высоким показателям привели небольшая численность населения и значительное развитие всего лишь одной главной отрасли экономики. Далее в рейтинге опять же нефте- и газодобывающие регионы: Ямало-Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО, Атырауская обл., Сахалинская обл. В этом списке лишь одна территория не представляет Россию – Атырауская (ранее Гурьевская) обл., в которой находятся крупнейшие нефтегазовые месторождения Казахстана – Тенгиз и Кашаган. Показатель душевого ВВП в этой области (40 тыс. долл.) примерно такой же, как и в нефтяном Кувейте, и почти достигает показателя Канады.

Привыкшая везде и во всем лидировать Москва в списке регионов бывшего СССР с наивысшими показателями душевого ВВП занимает только 7-е место (перед ней еще и Чукотский АО) – 29 тыс. долл., это немного

меньше среднего уровня для Европейского Союза. Экономически благополучны две столицы Казахстана, причем старая (Алма-Ата – 26 тыс. долл.) пока опережает новую (Астана – 22 тыс. долл.). Показатели душевого ВРП в обоих городах сопоставимы с уровнем Португалии и Чехии.

В целом территории западной половины Казахстана экономически более развиты, нежели юго-восток этой страны. Этому способствует ряд факторов: богатство запада республики углеводородами, близость развитых промышленных районов (Урала и Поволжья), западный вектор экспорта казахстанской продукции. Подобным локомотивом развития Туркмении стал прикаспийский нефтегазовый Балканский велаят (бывшая Красноводская обл. Туркменской ССР).

Как и в Казахстане, наиболее экономически процветающими регионами стран СНГ чаще всего являются их столицы. Это утверждение справедливо для Минска в Белоруссии, Киева на Украине, Ташкента в Узбекистане, Бишкека в Киргизии, Душанбе в Таджикистане. Лишь в Туркмении Ашхабад по душевому ВРП уступает Балканскому велаяту.

Внутри каждой крупной страны СНГ пространственные экономические диспропорции могут достигать значительных размеров. Так, в России душевой ВРП лидера – Ненецкого АО – превышает 120 тыс. долл., а у аутсайдеров ниже 3 тыс. долл. (в Чечне – 2,6 тыс., в Ингушетии – 2,7 тыс.). В Казахстане лидер – нефтедобывающая Атырауская обл. – имеет 40 тыс. долл., а наиболее экономически отсталые Южно-Казахстанская и Жамбылская области – 4,7–4,8 тыс. долл. На Украине лидирует Киев (10 тыс. долл.), а замыкает рейтинг Черновицкая обл. (1,7 тыс.). В узбекском лидере (Ташкенте) на душу приходится 4 тыс. долл., а в занимающей последнее место Республике Каракалпакстан – 0,6 тыс. долл. Невелик разрыв в экономическом развитии между регионами Белоруссии – всего 1,9 раза между лидером Минском (8 тыс. долл.) и наиболее отстающей Брестской обл. (4,2 тыс.).

Наименее экономически развитыми регионами в бывшем СССР следует признать области Киргизии – Ошскую (513 долл. на душу населения), Таласскую (591 долл.) и Баткенскую (595 долл.). Это зона экономического бедствия с массовой безработицей, криминалом и периодическими антиправи-

тельствственными выступлениями, уже приведшими к нескольким сменам власти в горной республике. Несмотря на это, киргизский душевой ВВП (2,5 тыс. долл.) все же немногим выше таджикского (2,3 тыс. долл.). Расслоение регионов Таджикистана по уровню экономического развития менее контрастно.

На карте душевого ВРП постсоветских стран зияют провалами территории непризнанных и частично признанных государств. Все они не могут похвастаться высокими показателями; они ниже, чем в «материнских государствах». Показатель ВРП на душу населения в Абхазии составляет 3 тыс. долл., в Нагорном Карабахе – 3 тыс., а Приднестровской Молдавской Республике – 2,1 тыс., в Южной Осетии – 1,1 тыс. долл. Однако фактически в этих регионах реальные показатели существенно выше. Во-первых, официальная статистика преуменьшает экономическую активность в рамках государственных образований с неурегулированным статусом, часть экономических активов зарегистрирована в «состоявшихся» государствах для удобства выхода на внешний рынок. Во-вторых, не учитывается финансовая и экономическая помощь со стороны государств-спонсоров (России для Абхазии и Южной Осетии, Армении для Нагорного Карабаха). В-третьих, реальное население этих регионов часто меньше декларируемого, а, следовательно, душевой ВРП выше, чем принято считать. По тем же причинам и из-за значительного сектора теневой экономики реальный душевой ВРП выше определяемого статистикой в российских республиках Северного Кавказа, особенно в Чечне и Ингушетии.

Наивысшие градиенты экономических различий между наиболее бедными и богатыми регионами лежат вдоль государственных границ постсоветских стран. Самый вопиющий случай – граница между процветающей Мангистауской обл. Казахстана (душевой ВРП – 19 тыс. долл.) и Республикой Каракалпакстан в составе Узбекистана (0,6 тыс. долл.). Велики контрасты между пограничными Краснодарским краем и Абхазией, областями России (особенно Белгородской) и Украины [12], Эстонией и Латвией – с одной стороны и Псковской обл. – с другой стороны. Эти различия приводят к вымыванию населения из бедствующих регионов и трудовым миграциям в сторону ареалов экономического роста.

Таблица 2

Позиции России в постсоветских государствах

Государство	Статус русского языка	Присутствие вооруженных сил России	Режим пребывания граждан России	Таможенный союз с Россией	Доля русских в населении государства, %	
					1989 г. (перепись)	2010–2014 гг.
Эстония	иностранный	нет	визовый	нет	30,3	25,4
Латвия	иностранный	нет	визовый	нет	33,6	26,9
Литва	иностранный	нет	визовый	нет	9,4	5,8
Белоруссия	официальный	есть (радиолокационная станция «Волга» в Ганцевичах, 43-й узел связи ВМФ России в Вилейке)	безвизовый	есть	13,2	8,3
Украина	региональный в ряде областей ¹	нет	безвизовый	нет	22,1 ³	14,3 ⁴
Молдавия	иностранный (в Приднестровье и Гагаузии официальный)	есть (мировые силы в Приднестровье)	безвизовый	нет	13,00	5,9
Грузия	иностранный	нет	безвизовый	нет	6,3	1,6
Армения	иностранный	есть (102-я военная база в Гюмри)	безвизовый	есть	1,6	0,5
Азербайджан	иностранный	нет	безвизовый	нет	5,6	1,3
Казахстан	официальный	есть (Байконур, испытательный полигон Сары-Шаган и др.)	безвизовый	есть	37,8	23,7
Узбекистан	иностранный	нет	безвизовый	нет	8,3	1,5
Туркмения	иностранный	нет	визовый	нет	9,5	3,2
Киргизия	официальный	есть (военно-воздушная база в Канте и др.)	безвизовый	есть (присоединение намерено на 1 января 2015 г.) [10]	21,5	6,9
Таджикистан	язык межнационального общения	есть (201-я военная база, оптико-электронный комплекс «Окно»)	безвизовый	нет	7,6	1,1
Абхазия	официальный	есть (7-я военная база и др.)	безвизовый	есть	14,6	17,3
Юж. Осетия	официальный	есть (4-я военная база и др.)	безвизовый	есть	2,1	2,8

¹ Одесская, Николаевская, Херсонская, Запорожская, Донецкая, Луганская, Днепропетровская области, город Харьков.² В марте 2014 г. новые власти Украины сообщили о намерении ввести визовый режим на границе с Россией.³ Включая Крым.⁴ Без учета Крыма. Включая Крым – 17,3%.

Так как в статистике СССР не принято было просчитывать ВРП по областям, краям и республикам, затруднительно провести сравнение современных экономических различий с теми, что были в едином Союзе. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что регионы Казахстана и Туркмении, особенно на западе этих стран и столичные города, существенно усилили свои позиции. В союзных республиках значительная часть нефтяных и газовых доходов шла в общесоюзный бюджет, в то время как в суверенных государствах они остаются на местах. Экономическое положение в регионах Украины, а также в Молдавии и Закавказье в советское время было более оптимистичным. Вряд ли в СССР Крым имел душевой ВРП ниже, нежели чем в Тыве и Калмыкии, как регистрируется сейчас.

В результате самостоятельного плавания государств постсоветского пространства длинной в четверть века, позиции России существенно ослабели в большинстве из бывших

союзных республик (табл. 2). В отличие от советского времени, наибольшим экономическим потенциалом ныне обладают регионы, специализирующиеся на добывающей, а не обрабатывающей промышленности. Наиболее негативно распад СССР сказался на ряде республик Средней Азии (особенно на Киргизии и Таджикистане) и Закавказья. Бедственность экономического положения из-за разрыва внутрисоюзных связей наиболее ярко отмечается в регионах Украины. Властям России необходимо предпринять радикальные действия для подъема экономики Крыма и Севастополя, в целях интеграции этих новых субъектов федерации в общероссийское экономическое пространство. Создание с 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза в составе России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии [10] укрепит экономические связи между этими республиками, позволит снизить диспропорции хозяйственного развития в едином таможенном пространстве.

Библиографический список

1. Агентство по статистике Республики Таджикистан. [Электронный ресурс] URL: www.stat.tj.
2. Агентство Республики Казахстан по статистике. [Электронный ресурс] URL: www.stat.gov.kz.
3. Бабурин В.Л. Эволюция российских пространств: от Большого взрыва до наших дней (инновационно-синергетический подход). – М.: УРСС, 2002.
4. Бабурин В.Л., Даншин А.И. Проблемы интеграции России и стран Центрально-Азиатского региона в мировую экономику: десять лет спустя // География в школах и вузах Казахстана. – 2014. – № 5. – С. 3–10.
5. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации. – М.: Либроком, 2008.
6. Восточные соседи СНГ: факторы и проблемы сотрудничества / Под ред. Л.Б. Вардомского. – М.: ИЭ РАН, 2010.
7. Государственная служба статистики Украины. [Электронный ресурс] URL: ukrstat.gov.ua.
8. Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. [Электронный ресурс] URL: www.stat.uz.
9. Государственный комитет Туркменистана по статистике. [Электронный ресурс] URL: www.stat.gov.tm.
10. Киргизия присоединится к Таможенному союзу с января 2015 года. [Электронный ресурс] URL: <http://lenta.ru/news/2014/10/21/join>.
11. Колосов В.А. Исследования политических границ с начала XX века и до наших дней // Известия РАН. Сер. геогр. – 2008. – № 5. – С. 8–20.
12. Колосов В.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б. Структурные особенности экономики и градиенты социально-экономического развития приграничных районов Беларуси, России и Украины // Известия РАН. Сер. геогр. – 2014. – № 5. – С. 32–46.
13. Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Феномен нового российского пограничья // Известия РАН. Сер. геогр. – 1997. – № 6. – С. 51–61.
14. Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. [Электронный ресурс] URL: www.stat.kg.
15. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. [Электронный ресурс] URL: <http://belstat.gov.by>.
16. Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития / Под общ. ред. Л.Б. Вардомского. – М.: Институт экономики РАН, 2012.
17. Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. – М.: НОФМО, 2002.
18. Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен / Под ред. А.П. Катровского и Ю.П. Ковалева. – Смоленск: Универсум, 2012.
19. Справочник ЦРУ США по странам мира. [Электронный ресурс] URL: www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook.
20. Федеральная служба государственной статистики России (Росстат). [Электронный ресурс] URL: www.gks.ru.
21. BP Statistical Review of World Energy. June 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/Energy-economics/statistical-review-2014/BP-statistical-review-of-world-energy-2014-full-report.pdf>.
22. International Comparison Program database. (2013) / World Bank. [Электронный ресурс] URL: <http://data.worldbank.org>.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА

Горина К.В., Козырева К.С., Новиков А.Н. (Чита)

ТУРИСТСКОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕКТОВ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РАЗНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ УРОВНЕЙ

Gorina K.V., Kozyreva K.S., Novikov A.N.
TOURIST POSITIONING OF RELIGIOUS OBJECTS TRANS-BAIKAL TERRITORY
IN THE INFORMATION SPACE OF DIFFERENT TERRITORIAL LEVELS

Аннотация. В статье представлены результаты исследования известности религиозных объектов Забайкальского края в информационном пространстве соседствующих с регионом субъектов, а также с пограничными странами – Китаем и Монголией. Исследование проводилось на основе представленности информации об объектах региона в среде Интернет стран и субъектов РФ посредством контент-анализа. Полученные результаты отражают слабую представленность ключевых религиозных объектов на мезоуровне, и определяют геополитические аспекты их туристского позиционирования в пограничном регионе, значимость сохранения основ многоукладности конфессионального пространства Забайкальского края в системе культурного трансграничья.

Abstract. The article presents the results of a study known religious objects in the Zabaikalskiy region information space adjacent to the region of subjects, as well as with border countries - China and Mongolia. The study was conducted on the basis of the information about the objects in the environment of the region's countries and the Internet of the Russian Federation by means of content analysis. The obtained results reflect the weak representation of key religious sites on the meso level, and determine the geopolitical aspects of the tourist positioning in the border region, the importance of preserving the foundations of multiculturalism confessional space in the Zabaikalskiy region transboundary cultural system.

Ключевые слова: Забайкальский край, религиозные объекты, позиционирование территории, контент-анализ, пограничное положение.

Keywords: Zabaikalskiy region, religious objects, positioning territory, content analysis, a boundary position.

Географическая наука при рассмотрении проблем позиционирования территорий выходит на практический уровень, взаимодействуя с маркетингом и PR-технологиями. Развивающаяся индустрия туризма как элемент регионализации, поиска идентичных особенностей территории – туристских брендов внедряется в различные сферы культурной жизни людей, в том числе и духовную.

Конфессиональное пространство России находится в состоянии активного возрождения. Традиционные религии, активно создавая культурно-религиозную инфраструктуру, формируют конфессиональное пространство регионального и национального уровней. В национальном конфессиональном пространстве России формируются региональные конфессионально-географические об-

разы субъектов страны. Они складываются из культурно-религиозных особенностей территории, способных стать туристическими брендами. Продвижение этих брендов в информационном пространстве может существенно изменить туристско-географическое положение территории, способствовать повышению ее открытости для макро- и мезоэкономических систем.

Механизм продвижения туристских брендов территории способствует усложнению функционального назначения культурно-религиозных объектов. В связи с тем, что «развитие территорий практически повсеместно обретает выраженную рыночную (маркетинговую) ориентацию» [5, с. 18], можно говорить о формировании на ее основе некоего «позиционного давления», под действием

которого изменяются пространственные характеристики уникальных объектов и культовых мест, расширяется спектр предлагаемых туристских возможностей территории. Особенно актуальным это является для пограничных регионов, которые, благодаря своему географическому положению, обладают большими возможностями для развития туристской отрасли. Конкурентные условия на туристском рынке способствуют применению инструментов активного позиционирования территории, что позволяет расширить поле влияния ключевых, религиозно-культурных объектов в информационном пространстве.

Забайкальский край является пограничным регионом России, который располагает своеобразным туристским потенциалом. Учитывая, что информированность потенциальных туристов о существующих туристских объектах является важным фактором в развитии соответствующей отрасли [8, с. 109], в данной статье предлагается провести анализ известности религиозных объектов Забайкальского края в информационном пространстве на разных территориальных уровнях. Анализ позволит выявить наиболее туристско-ориентированные (по степени известности) религиозные объекты территории, способные стать визитной карточкой региона, и оценить возможности их эффективного позиционирования на рынке туристских услуг.

Общими вопросами позиционирования территорий для развития туристской отрасли занимались Блащенко В.С. [3], Щербакова С.А. [16], Татаркин А.И. [17], Дружинин А.Г. [5] и др. Применительно к территории Забайкальского края данные исследования отражены в материалах Козыревой К.С. [8], Жукова А.В. [6], Новикова А.Н. [8, 13] и ряде других работ.

Индикативными объектами для исследования выбраны религиозные места, объекты культа и храмовые сооружения, отражающие конфессиональные особенности и специфику Забайкальского края, являющиеся компонентами единого религиозно-географического образа территории. Озеро Иргень – единственное в Забайкалье священное место, являющееся местом паломничества. Оно священо для всего населения Забайкалья, без различия вероисповедания и национальности. Объяснением этого является

предание о замученных воеводою А. Пашковым казаках и о чудесах, происходящих по молитвам этих воинов-мучеников [12, с. 2]. Другим значимым религиозным объектом является Успенская церковь в селе Калинино. Эта церковь – последнее напоминание о бывшем здесь некогда монастыре. Согласно Сибирской «Киприановской» летописи, первый в Забайкалье Нерчинский Успенский мужской монастырь был основан в 1664 году, через десять лет после постройки Нерчинского острога. В 1706 г. здесь начали возводить новый каменный храм, первый на востоке от Байкала, который освятили в 1712 г. [15]. Другим символом православия на территории Забайкальского края выступает Кафедральный собор во имя Казанской иконы Божией Матери, возведенный в 2003 году на привокзальной площади, «который должен доказать существование пространственной сферы «Православного Забайкалья»» [7].

Значимыми в формировании конфессиональных свойств территории выступают объекты буддизма. Одним из ведущих центров буддийского образования в регионе является Агинский дацан, основанный в 1811 г., в последней четверти XIX в. считающийся самым крупным буддистским монастырем Забайкалья [1]. Статус памятников природы регионального значения имеют два уникальных объекта на территории национального парка Алханай – Храм-Ворота и вершина горы Алханай. Алханай отличается от других национальных парков России наличием природно-культового комплекса святынь северного буддизма. В комплекс входит более 20 культовых объектов [2].

Для определения привлекательности религиозных объектов Забайкальского края в развитии туризма на основе контент-анализа проведено исследование их известности в информационном пространстве страны, а также приграничных, соседствующих странах, способных выступать потенциальными партнерами в области туризма. Исследование проводилось с использованием поисковых систем, наиболее популярных в данной стране – Yandex (для России), Googl.mn (для Монголии) и Baidu.com (для Китая), причем приоритетность отдавалась тем сайтам, которые позволяют ограничивать регион поиска запросов, тем самым отразить общую картину информационной представленности туристско-религиозных объектов Забайкалья

ского края на конкретном территориальном уровне. Настройки поисковиков Google и Baidu позволяют получить результаты по запросу только для конкретной территориальной единицы – страны в целом, но не позволяют проводить поиск по провинциям в Китае или аймакам в Монголии, поэтому авторами был использован общий показатель ответов по запросу, который приписывался стране без подразделения на регионы. Исследование в поисковых системах Китая и Монголии производилось на английском языке, а небольшое количество найденных ответов дали возможность отследить все полученные данные на поиск точного соответствия запросу, что снижает вероятность ошибки. Забегая вперед, добавим, что данное допущение не исказило картину полученных результатов на микроуровне. Ввиду большого объема полученных результатов в поисковой системе Yandex, возникли сложности идентификации полученных данных – их точного соответствия запросу, поэтому выполненные расчеты предполагают наличие погрешностей.

Уровневый подход в дифференциации информационного пространства. Основное свойство выделения территориальных уровней в исследовании – их относительность, выборность начальной точки анализа, зависит от поставленной цели рассматриваемого вопроса. В качестве данной исходной точки исследования выступает территория Забайкальского края. Регион является уникальной территорией с точки зрения его географического положения: периферийность и удаленность от политического и культурного центра страны определяет сложности в транспортной доступности туристских объектов. Это подтверждает и мнение А.Г. Дружинина о «специфичности позиционирования периферии, связанной с ее изолированностью (транспортные издержки, неразвитость базовой инфраструктуры и др.) в сочетании с высокой степенью зависимости от внешних обстоятельств» [5, с. 205]. Однако, указанные факторы при эффективной организации туристской деятельности могут компенсироваться выгодным пограничным положением, особенно ориентированностью отрасли на потенциальных туристов из Китая и Монголии. В связи с этим, границы территориальных уровней исследования отражают приоритеты возможного взаимо-

действия и своеобразную дифференциацию единой информационной среды в рамках пространств конкретных субъектов и стран.

Взаимоотношения на межрегиональном уровне определяются качественными свойствами региональных пространств. Выделение микроуровня, как уровня взаимоотношений с соседями первого порядка, позволяет оценить потенциальные возможности религиозных объектов региона в привлечении туристов близлежащих территорий. Для Забайкальского края микроуровень включает несколько регионов: Республику Бурятию, Иркутскую область, Республику Саха (Якутию) и Амурскую область, а также Восточный Аймак Монголии и Внутреннюю Монголию Китая (провинция Хэйлундзянь). Специфика данного территориального уровня заключается в функциональных антагонистических свойствах границы, ее барьерности и контактности одновременно, что, с одной стороны, определяет разделение разнокачественных конфессиональных пространств территорий, а с другой, создает возможности для развития мультикультурных взаимодействий в едином пространстве трансграничья.

Этот уровень отражает исторические и геополитические предпосылки формирования существующего конфессионального поля Забайкальского края. Вопросы сохранения равновесия в регионе продолжают рассматриваться с учетом сложившегося конфессионально-географического доминирования традиционных религий: православия, буддизма. По национальному составу Забайкальский край представлен 88,3% русского населения, 6,8% бурят, 0,6% украинцев, 0,5% татар и представителями других народов, по численности составляющих до 1% [14]. Конфессиональный потенциал региона отражает определенную тождественность с национальной принадлежностью жителей: 70,9% жителей отнесли себя к православию, 7,8% – к буддизму, 0,1% – к представителям шаманизма, а также зафиксировано присутствие носителей других религиозных взглядов [6, с. 224]. Преобладающее население задает свойства всего конфессионального пространства территории, что находит отражение в развитии религиозно-культурной инфраструктуры. На территории края насчитывается 120 православных религиозных объектов (90 функци-

онирующих и 30 строящихся), 14 объектов буддизма, 1 мечеть, римско-католическая церковь и церковь христиан-баптистов. Указанные особенности национального состава и географическое положение Забайкальского края позволяют рассматривать культурное трансграничное взаимодействие нескольких стран, позиционируя регион как часть территории православной России с сохранением мировоззренческих взглядов представителей других народов, что накладывает отпечаток на развитие международных связей.

Конфессиональные пространства соседствующих субъектов РФ разнообразны, но при этом прослеживаются общие черты в числе распространенных религий и конфессий. Выделяемые регионы характеризуются доминирующим числом зарегистрированных религиозных организаций Русской православной церкви, значительной долей организаций буддизма, особенно в Республике Бурятия, и организаций мусульман [4].

Качественно иные свойства демонстрируют конфессиональные пространства соседних стран – Китая и Монголии. Культурное поле Китая в целом иноконфессионально для России (конфуцианство, буддизм, даосизм, католицизм и другие религии) [10], поэтому православная культура на пограничных территориях исторически выступает как некая идентификационная составляющая территориальной принадлежности к России.

Конфессиональное пространство Монголии также характеризуется в основном иными свойствами, здесь распространен тибетский буддизм, ислам, христианство и другие немногочисленные конфессии. При этом, оно исторически связано со становлением и развитием религиозного поля Забайкальского края. Буддизм проник из Монголии и Тибета и стал распространяться среди монголоязычных племен в Забайкалье с конца XVI в. Широкое распространение он получил только в XVIII в., что имело историческое значение – новая религия еще более прочно связала Южное Забайкалье с Монголией, а через нее и с Тибетом [9, с. 40–41]. Распространение христианства на современном этапе в Монголии в основном представлено прихожанами различных протестантских церквей [11].

Проведенный анализ показал, что православные объекты в большей степени известны в информационном пространстве Забайкальского края. Объекты буддизма набрали

наибольшее количество ссылок в Республике Бурятия (рис. 1). Ассиметричность такого распределения можно объяснить историческим развитием религиозно-культурных связей с жителями соседнего региона, на территории проживания которых распространен буддизм и расположен центр буддизма в стране – Традиционная буддийская сангха России.

Второе место среди регионов по известности православных объектов занимает Иркутская область. Взаимосвязь с данным регионом прослеживается с момента вхождения территории Забайкальского края в состав Иркутской и Нерчинской епархии в 1707 г. Значительно позднее (в 1894 г.) была образована самостоятельная Забайкальская епархия с епископской кафедрой.

В меньшей степени информация о религиозных объектах в интернет-пространстве регионов представлена в Амурской области и Республике Саха (Якутия). Возможно, сказывается меньшая географическая контактность с Забайкальским краем, северные районы которого характеризуются слабой заселенностью территории по причине суровых природно-климатических условий. Определенную роль сыграло отсутствие исторических религиозно-культурных связей с этими субъектами.

Известность религиозных объектов в трансграничном информационном пространстве имеет черты, схожие с региональными особенностями российских субъектов. Распространенная в Монголии поисковая система Googl.mn по количеству ссылок продемонстрировала большую известность объектов буддизма: большой объем информации представлен о национальном парке Алханай и Агинском дацане. С учетом историко-религиозных взаимосвязей Монголии и России, данные результаты были ожидаемы. На современном этапе культурный диалог между странами представлен взаимодействием в сфере тибетского буддизма. Так, Агинская буддийская академия готовит специалистов по тибетской медицине, буддийской философии и живописи. Совместными мероприятиями стран также являются международный бурятский национальный фестиваль «Алтаргана» и симпозиум «Мир буддийской культуры». Это яркий пример культурного диалога родственных народов Монголии и Забайкалья, возрождающих и сохраняющих свои традиции.

Рис. 1. Карта-анаморфоза известности религиозных объектов Забайкальского края на микроуровне (данные на май 2014 г.)

Большая степень известности объектов буддизма отмечается и в информационном пространстве Китая. Характерно, что в данном регионе наблюдается практически полное отсутствие информации о православных религиозных объектах. Полученные данные демонстрируют слабую представленность религиозных объектов в информационной среде рассматриваемых стран, что отражает не ошибку в выборе индикативных объектов исследования, а определенную ориентированность жителей Китая и Монголии в восприятии территории Забайкальского края в большей степени, как части буддийской Азии [8, с. 12]. Кроме того, на основе полученных данных складывается впечатление о Забайкальском крае как о «terra incognita», информация о котором слабо представлена в интернет-среде пограничных пространств.

Таким образом, при туристском позиционировании религиозных объектов Забайкальского края на микроуровне необходимо учитывать различия в религиозно-мировоззренческой ориентированности потенциальных туристов. Если для привлечения туристов из соседних с регионом субъектов страны создание и продвижение образа территории должно строиться на основе как православных, так и буддийских объектов,

то развитие международного туризма в регионе целесообразно строить, основываясь на объектах, представляющих Забайкальский край частью буддийской Азии. Кроме того, для жителей Китая и Монголии, ввиду национально-культурной специфики населения приграничных стран, необходимо акцентировать внимание на уникальных объектах территории, обладающих архитектурно-историческими и религиозно-мифологическими ценностями иной культуры, что позволит расширить спектр туристских услуг: развивать и паломнический, и познавательный туризм.

Мезоуровень включает в качестве объектов наблюдения равнозначные территориальные единицы в общерегиональной системе страны. Под равнозначностью значений понимается не размер территории, а ее статус в государственной системе [13, с. 24]. Этот уровень характеризуется степенью известности религиозных объектов и мест паломничества Забайкальского края в информационном пространстве России.

Исследование на данном уровне проведено с учетом упоминаемости религиозных объектов Забайкальского края на сайтах известных религиозных организаций страны (табл. 1). Выбор данного подхода про-

Таблица 1

Ранжирование религиозных объектов Забайкальского края по степени их известности на мезоуровне (данные на май 2014 г.)

Интернет-ресурс	Озеро Иргень в Забайкальском крае	Кафедральный собор во имя Казанской иконы Божией Матери в Забайкальском крае	Алханай	Гинский дацан	Успенская церковь в селе Калинино в Забайкальском крае
<i>Ресурсы традиционных религиозных организаций</i>					
http://www.pravoslavie.ru/	0	0	0	0	0
http://www.patriarchia.ru/	0	0	0	0	0
http://www.sedmitza.ru/	0	0	0	1	2
http://buddhist.ru/	0	0	15	37	0
http://sangharussia.ru/	0	0	9	54	0
<i>Полирелигиозные ресурсы</i>					
http://www.portal-credo.ru	0	0	0	0	0
http://www.interfax-religion.ru/	0	0	1	3	
http://religionip.ru	0	0	0	0	0
http://www.travel.ru/about	0	0	7	2	0
<i>Крупные туристические сайты страны</i>					
http://r-express.ru/	0	0	0	0	0
http://www.zvput.ru/	0	0	0	0	0
http://evroport.ru/	0	0	0	0	0

диктован нецелесообразностью использования предыдущих приемов исследования по данному вопросу, так как полученные результаты не удовлетворяют поставленным целям анализа.

Особенность полученных результатов на мезоуровне в определенной мере отражает не только территориальную периферийность Забайкальского края, но и информационную закрытость, слабую представленность данных о религиозных объектах территории, как о потенциальных местах паломничества, так и о туристских объектах. Среди ресурсов сети Интернет на разных сайтах традиционных религиозных организаций представлена информация об объектах буддизма, сведения же о православных местах и объектах почитания практически полностью отсутствуют. При этом, данные как о буддизме, так и о православии присутствуют лишь на единственном сайте (сайт православной энциклопедии). Интернет-ресурсы буддийского направления в большей степени ориентированы на расширение информационного пространства за счет представления и популяризации данных о существующих культовых местах и объектах, чем православные сайты. Те же тенденции наблюдаются при анализе полирелигиозных ресурсов сети Интернет. Проявляется определенный вакуум в представленности православных религиозных объектов Забайкальского края, что создает сложности в развитии туристской отрасли. Только эффективная и целенаправленная политика позиционирования территории региона и ее особенностей на мезоуровне позволит создать особый туристско-конфессиональный образ Забайкальского края.

Макроуровень оценки охватывает самый верхний уровень территориальной иерархии, который вбирает в себя критерии больших масштабов во всех качественных параметрах [13, с. 21]. Он позволяет рассмотреть возможности организации отрасли региона с выходом на мировой рынок туристских услуг. Несмотря на имеющийся потенциал конфессионального пространства Забайкальского края, нецелесообразно рассматривать этот уровень, как основной рынок для продвижения туристско-конфессиональных брендов периферийного региона России. Имеющиеся объекты относятся к местнопочитаемым и обладают низкой

конкурентоспособностью относительно паломнических центров мирового уровня. Отсутствие религиозных ресурсов мирового значения, которые могли бы выступать туристско-конфессиональными брендами, ограничивает возможности туристского позиционирования региона на макроуровне. Для такого позиционирования необходима масштабная политика в создании привлекательного образа региона.

Туристско-конфессиональный образ региона как инструмент позиционирования территории. Выявленные особенности информационной представленности религиозных объектов Забайкальского края на разных территориальных уровнях позволяют определить, насколько они соотносятся с «продуцируемыми» на современном этапе религиозными мифами и символами территории – элементами активного позиционирования региона. Их можно рассматривать как формируемые туристско-конфессиональные образы, выступающие брендами не только новой политики традиционных религиозных объединений, но и символами туристского позиционирования в информационном пространстве.

Наиболее действенным инструментом мифологизации населения Забайкальского края является распространение православной символики. Читинская и Краснокаменская епархия РПЦ на территории региона практикует обращение к значимым символам, представленным в отечественной истории и культуре, которые должны доказывать существование пространственной сферы «Православного Забайкалья». Руководство епархии проводило поиск символической личности, способной стать воплощением религиозного идеала для верующих. Первоначально им был выбран Варлаам Чикойский. Следующим символом был избран князь А. Невский. Содержание мифологемы сводится к тому, что А. Невский вошел в историю как государственный деятель, который своими делами совершая великий подвиг христианского смирения, дипломатическими усилиями предотвратил вторжение монголов на Русь [6, с. 95–96].

Одновременно с этим, в конфессиональном поле региона наблюдается стремление бурятского населения к возрождению национальной культуры. В этой среде реализуются

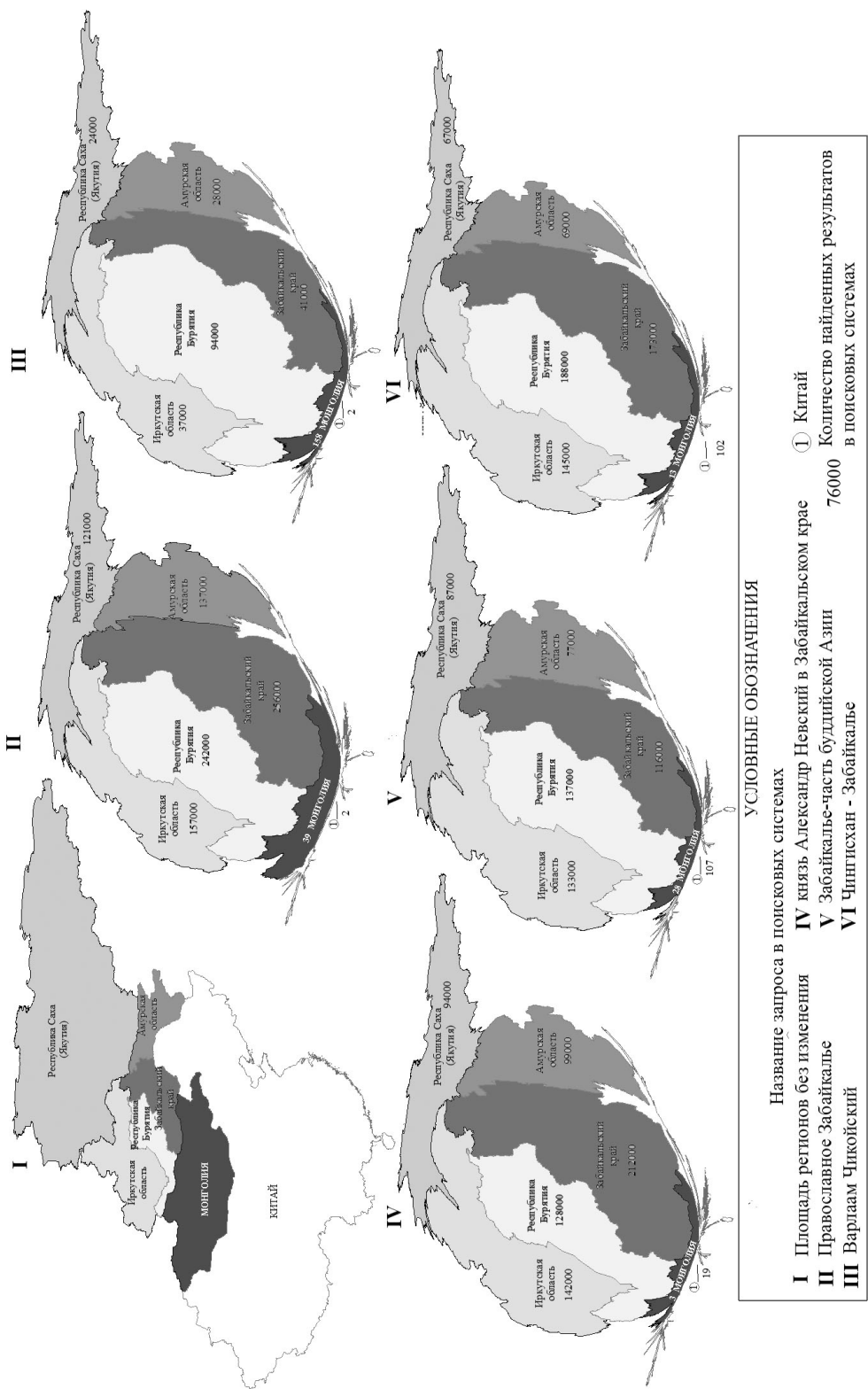

Рис. 2. Карта-анаморфоза известности мифологем Забайкальского края на микроуровне (данные на май 2014 г.)

несколько проектов, направленных на возрождение «подлинной религии». Лозунгом одного из них является «объединение бурят с монгольским народом» на основе единства шаманского верования [6, с. 102]. Многие предания современных бурят объединяют поиски земли обетованной, мифической прародины, объединяющей бурят с монголами. Примером является реализация на территории Забайкальского края проекта «Чита–Чингисхан», суть которого заключается в привлечении современных «кочевников»–туристов в Читу. Мифологическое содержание проекта воплотилось в ряде официальных мероприятий и театральных постановок [6, с. 103].

Данные конструируемые религиозные образы позволяют определить их действенность в позиционировании территории Забайкальского края на современном этапе. С использованием методов контент-анализа проведен анализ указанных мифологем и слоганов в информационном пространстве рассматриваемых территорий (рис. 2). На микроуровне территория Забайкальского края позиционируется как «Православное Забайкалье». Для Республики Бурятия регион ассоциируется с именем Чингисхана и развитием буддизма. Обращает на себя внимание малое количество ссылок о Варлааме Чикойском. Эта символическая личность является известной в регионе, но мифологемы, связанные с именем Чингисхана и А. Невского представляют регион активнее, несмотря на историческую дискуссионность многих вопросов [6, с. 97, 104].

Заключение. Проведенное исследование отражает авторский взгляд в выявлении точек развития туристской отрасли региона на примере позиционирования его конфессиональных особенностей в информационном пространстве. Учитывая роль представленности информации о туристских объектах в сети Интернет в развитии данной отрасли экономики, выявлена значимость ключевых религиозных объектов Забайкальского края на микро- и мезоуровне по средствам контент-анализа.

Анализ на микроуровне определил направления возможного развития туристской отрасли, позиционируя регион в отношении соседствующих субъектов РФ как территории с распространением православия, а для

трансграничных стран проявления большего интереса в сфере буддизма.

Подтверждением асимметричности восприятия территории Забайкальского края являются конструируемые туристско-конфессиональные образы, создающие двоякое представление о регионе: функциональный дуализм конфессионального пространства пограничного региона определяет православный фон как идентификационную составляющую российской территории, в тоже время развитие взаимоотношений в сфере буддизма с родственными народами Монголии обуславливает значимость территории Забайкальского края как этноконтактной зоны, исторически отличающейся многоукладностью и толерантностью отношений.

Еще одним аспектом характеристики микроуровня является значимость культурно-хозяйственных стереотипов жизнедеятельности населения, главной географической задачей которых является сохранение и расширение своего ареала влияния. Именно на региональном уровне проявляется стремление мировых религий упрочить свои позиции, не допустить пересмотра глобальных границ ареалов сплошного распространения. Только учитывая эту специфику, можно адекватно оценить особенности туристско-конфессионального позиционирования религиозных объектов Забайкальского края в трехуровневой системе разнокачественных конфессиональных пространств соседних территорий.

Туристско-конфессиональное позиционирование региона в условиях социокультурного пространства трансграничья должно строиться на принципах открытости и одновременного баланса геополитических и геокультурных интересов России. Забайкальский край может быть представлен на глобальном уровне именно как регион на границе двух мировых религий, что обеспечит полноценное использование туристско-конфессионального потенциала территории, сохранение и поддержание устойчивости конфессионального пространства.

Основные трудности позиционирования религиозных объектов и мифов Забайкальского края на мезоуровне связаны с низкой известностью особенностей региона в информационном пространстве страны. Анализ крупных религиозных Интернет-ресурсов

подтверждает вывод об отсутствии сформированного религиозного образа региона на уровне субъектов России. Это связано с определенной исторической молодостью конфес-

сионального пространства Забайкальского края, обусловленной значительно поздними процессами освоения территории по сравнению с европейской частью страны.

Библиографический список

1. Агинский дацан [Электронный ресурс]. URL: <http://aginskydatsan.ru/>
2. Алханай [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
3. Блаженкова В.С. Семь типовых ошибок позиционирования территории (города, района, области, края, республики) // Городское управление. – 2010. – № 3. – С. 23–27.
4. Данные о количестве зарегистрированных религиозных организаций представлены статистическими управлениями Республики Бурятия, Республики Саха (Якутия), Амурской и Иркутской областям.
5. Дружинин А.Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. – 288 с.
6. Жуков А.В. Народная религиозность и религиозное мифотворчество: Монография. – М.: изд-во МГОУ, 2011. – С. 224–237.
7. Засухина В.Н. Православное Забайкалье // Православное Забайкалье. – Чита. – 2004. – С.8.
8. Козырева К.С., Новиков А.Н. Туристско-географические особенности трансграничного позиционирования Забайкальского края во Внутренней Азии/ Перспективы науки. – 2011. – № 23. – С. 10–15.
9. Константинов А.В. Забайкалье: ступени истории (с древнейших времен до 1917 года). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – 264 с.
10. КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
11. Монголия [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
12. Немеров В.А. Иргень место святое. – Чита, 1911 г.
13. Новиков А.Н., Булаев В.М. Географическое положение как предмет исследования конкретной территории. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – 140 с.
14. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Забайкальскому краю Стат. сб./Забайкалкрайстат. – Чита, 2013. – 101 с.
15. Успенский храм в с. Калинино. [Электронный ресурс] URL: <http://www.eparhiachita.ru/index.php/ct-menu-item-47/ct-menu-item-201/ct-menu-item-235>
16. Щербакова С.А. Формирование имиджа Смоленской области на туристском рынке России // Региональные исследования. – 2013. – № 4. – С. 109–113.
17. Татаркин А.И. Конкурентное позиционирование регионов и территорий в пространственном развитии России // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – № 8. – С.148–158.

Цыганов С.А. (Киев), Юрченко Е.Е., Юрченко С.А. (Харьков)

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СТРАН МИРА НА МИРОВОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ РЫНКЕ

Tsyganov S.A., Yurchenko E.E., Yurchenko S.A.

COMPETITIVENESS OF COUNTRIES AT THE WORLD TOURISM MARKET

Аннотация. В статье показана дифференциация туристического пространства. На основе кластерного анализа было выделено 11 типов стран по характеру конкурентоспособности на мировом туристическом рынке. Дана характеристика их конкурентной среды. Выявлены зависимости общего индекса конкурентоспособности в сфере туризма и путешествий от его составляющих.

Abstract. Differentiation of tourism area is shown in this article. Based on a cluster analysis 11 types of countries were selected according to their competitiveness level on the world tourism market. Characteristic of their competitiveness environment is given. Dependence between general index of tourism competitiveness and its components is revealed.

Ключевые слова: туризм, туристическое пространство, конкурентоспособность в туризме, индексы конкурентоспособности.

Key words: tourism, tourism area, competitiveness in tourism, competitiveness index.

Туризм – один из самых стабильно развивающихся секторов экономики в XXI в., оказывающий значительное влияние на социально-экономическое развитие многих государств. Туристическая отрасль набирает силу и изменяется в связи с появлением новых дестинаций и повышением их конкурентоспособности на мировом рынке туризма. Ее развитие обусловливается наличием природных, историко-культурных, инфраструктурных и трудовых ресурсов, экономических факторов, законодательных актов и политической ситуацией. Благодаря активизации туристской деятельности все в новых странах, на мировом рынке туризма происходят процессы деконцентрации туристских прибытий и доходов от туризма.

Значительный вклад в изучение конкуренции и конкурентоспособности на рынке туризма внесли А.Ю. Александрова, Л.И. Гонтаржевская, Т.И. Ткаченко, М.Н. Дмитриев, М.Н. Забаева, Е.Н. Малыгина, О.А. Любичева, Б.С. Житнигор, В.В. Павлов, Е.И. Богданов, О.Н. Кострюкова, В.П. Орловская, П.М. Фенин, А.И. Тарасенок, Д.С. Ушаков и др. Несмотря на большое количество опубликованных работ, выявление пространственных закономерностей конкурентоспособности стран мира в сфере туризма требует дальнейшего анализа и осмысления.

Цель статьи – дать пространственную оценку конкурентоспособности стран мира в сфере туризма и путешествий.

На основе обобщения определений, данных Организацией экономического сотрудничества и развития [1], Ю.В. Гончаровым, Ю.О. Петиним, О.М. Сальник [2], Киляк [3], Дж. Маркусеном [9], М. Портером [8], А.П. Румянцевым [6] и др., конкурентоспособность применительно к туризму можно рассматривать, как способность страны (региона, предприятия) оказывать туристские услуги более высокого уровня, по сравнению с зарубежными предложениями, чтобы победить в борьбе за туриста на внутреннем и внешнем туристических рынках благодаря оптимизации соотношения «качество–сервис–цена» и эффективному использованию туристско-рекреационного потенциала. Высший уровень конкурентоспособности страны на мировом туристическом рынке возможен при иерархическом единении конкурентоспособности туристского продукта, предприятия, кластера, туристического сектора экономики, развития соответствующего спроса и предложения в стране и за ее пределами.

М. Портер при анализе конкурентных преимуществ приходит к выводу, что государство может достичь успеха только в группах отраслей, связанных между собой вертикальными и горизонтальными связями, т. е. в кластерах. Проблемы разработки концепции формирования туристических кластеров разного уровня рассматривались в трудах Ю.П. Ковалева [4], О.А. Любичевой [5] и других ученых.

В конкурентной борьбе роль кластеров увеличивается. Их географические границы могут меняться в зависимости от соседних регионов, стран. Исследование конкурентоспособности с позиции кластера представляет новый взгляд на экономику страны, региона, места, определяет значение географического места с конкурентными преимуществами.

Изучение территориальных особенностей конкурентоспособности стран на мировом туристическом рынке можно проводить

на основе данных отчетов о конкурентоспособности сектора путешествий и туризма, опубликованных Всемирным экономическим форумом (ВЭФ). Всего было проведено 5 таких обследований: в 2007 г. по 124 странам, в 2008 г. – 130, 2009 г. – 133, в 2011 г. – 139, в 2013 г. – 140 странам на основе специальной системы оценки, которая учитывает более 70 различных индикаторов, объединенных в 14 основных групп. Последние группируются в 3 субиндекса (рис. 1).

Рис. 1. Индексы конкурентоспособности в сфере туризма и путешествий [1]

Рейтинг конкурентоспособности свидетельствует о ведущих позициях экономически развитых стран на мировом туристическом рынке. По данным ВЭФ, в 2013 г. список топ 10 в целом не изменился, но внутри него произошли перестановки (табл. 1).

Для типологии 140 стран мира, по которым в 2013 г. ВЭФ определял их рейтинг конкурентоспособности, на основании 14 индексов был проведен кластерный ана-

лиз с помощью компьютерной программы «STATISTICA». Решением задачи кластерного анализа в нашем случае является группировка стран мира, удовлетворяющая критерию оптимальности, который представляет собой функционал:

$$W = \sum_{j=1}^n (x_j - \bar{x})^2 = \sum_{j=1}^n x_j^2 - \frac{1}{n} \left(\sum_{j=1}^n x_j \right)^2,$$

где x_j – значения измерения j -того признака страны.

Таблица 1

Рейтинг конкурентоспособности в секторе путешествий и туризма

Страна	2013 г.		Рейтинг			
	Рейтинг	Индекс	2011 г.	2009 г.	2008 г.	2007 г.
Швейцария	1	5,66	1	1	1	1
Германия	2	5,39	2	3	3	3
Австрия	3	5,39	4	2	2	2
Испания	4	5,38	8	6	5	15
Великобритания	5	5,38	7	11	6	10
США	6	5,32	6	8	7	5
Франция	7	5,31	3	4	10	12
Канада	8	5,28	9	5	9	7
Швеция	9	5,24	5	7	8	17
Сингапур	10	5,23	10	10	16	8

Составлена по данным: [10–13].

В результате было выделено 11 типов стран и территорий, каждый из которых имеет общие признаки развития туристической деятельности (табл. 2).

1-й тип образуют 19 экономически развитых стран, занимающие в общем ранге по конкурентоспособности в сфере туризма и путешествий места от первого в мире и в своем регионе (Швейцария) до, соответственно, 32-го и 22-го (Греция). Он выделяется максимальным средним общим индексом конкурентоспособности и минимальным значением индекса ценовой конкурентоспо-

собности в туризме и путешествиях (табл. 3). При незначительных различиях между максимальным и минимальным значениями общего индекса конкурентоспособности (0,91) в первом кластере, максимальный размах вариации наблюдаются по индексу конкурентоспособности природных ресурсов (3,16).

2-й тип образуют 11 стран и территорий, занимающих в ранжированном ряду общего показателя конкурентоспособности от 10-го до 33-го места в мире и от 1-го (Сингапур) до 19-го (Кипр) – в своем регионе. По сравнению с первым типом средний общий индекс

Таблица 2

Группировка стран по показателям туристической деятельности

Тип	Страны и территории
1	Швейцария, Австрия, Испания, Германия, Франция, Великобритания, Япония, Швеция, Нидерланды, Дания, Финляндия, Бельгия, Португалия, Республика Корея, Италия, Греция, США, Канада, Австралия
2	Исландия, Норвегия, Ирландия, Новая Зеландия, Мальта, Кипр, Барбадос, Люксембург, Тайвань (Китай), Сингапур, Гонконг (Китай)
3	Эстония, Словения, Черногория, Хорватия, Болгария, Чешская Республика, Венгрия, Польша, Латвия, Израиль, Литва, Словацкая Республика, Турция, Сейшелы, ОАЭ
4	Российская Федерация, Аргентина, Панама, Коста-Рика, Южная Африка
5	Грузия, Уругвай, Азербайджан, Армения, Казахстан, Молдова, Вьетнам, Монголия, Египет
6	Румыния, Македония, Сербия, Украина, Босния и Герцеговина, Ливан, Албания, Йордания, Марокко, Кабо-Верде, Ямайка, Доминиканская Республика, Маврикий, Пуэрто-Рико, Чили, Оман, Саудовская Аравия, Катар, Бахрейн
7	Мексика, Таиланд, Бразилия, Китай, Перу, Колумбия, Эквадор, Индонезия, Малайзия, Индия
8	Тринидад и Тобаго, Бруней-Даруссалам, Кувейт, Суринам, Венесуэла, Боливия, Гвиана, Таджикистан, Киргизия, Пакистан, Алжир, Иран
9	Гондурас, Гватемала, Никарагуа, Филиппины, Республика Эль-Сальвадор, Намибия, Ботсвана, Шри Ланка, Парагвай, Непал, Камбоджа, Гамбия
10	Кения, Танзания, Руанда, Сенегал, Гана, Буркина Фасо, Бенин, Кот-д'Ивуар, Нигерия, Мозамбик, Мадагаскар, Замбия, Уганда, Камерун, Малави, Зимбабве, Эфиопия
11	Гаити, Гвинея, Бангладеш, Йемен, Мавритания, Сьерра Леоне, Чад, Свазиленд, Мали, Лесото, Бурунди

Составлено по данным: [13].

конкурентоспособности в сфере туризма и путешествий здесь ниже; менее конкурентоспособны инфраструктура, связанная с туризмом, устойчивость окружающей среды, состояние здоровья и гигиены. Значительны расхождения по индексам конкурентоспособности природных и культурных ресурсов.

Максимальные расхождения между странами 2 типа наблюдаются по индексам конкурентоспособности инфраструктуры (размах вариации – 2,94) и природных ресурсов (размах вариации – 2,91).

3-й тип объединяет 15 стран. Уровень их экономического развития, конкурентоспособности в сфере туризма и путешествий ниже, чем в предыдущих двух типах, а туризм, в основном, здесь стал развиваться относительно недавно. Они занимают от 28-го до 55-го места в ранжированном ряду по конкурентоспособности, а в своих регионах – от 1-го (ОАЭ, Сейшелы) до 32-го (Словакия) места. Наиболее существенные различия в группе наблюдаются по индексам конкурентоспособности инфраструктуры воздушного и наземного транспорта, инфраструктуры туризма, информационно-коммуникационной инфраструктуры.

Внутри группы большие различия имеются по индексу конкурентоспособности инфраструктуры воздушного транспорта (размах вариации – 3,88), а также по индексу конкурентоспособности культурных ресурсов (2,81), инфраструктуры туризма (2,42). Высокие индексы конкурентоспособности инфраструктуры воздушного транспорта в кластере, в основном, имеют страны, где рост туристических прибытий значительно зависит от его развития (ОАЭ, Сейшелы, Турция). Наиболее развита инфраструктура туризма в Болгарии (6,72) и Хорватии (6,71), а хуже всего – в Литве (4,30).

В 4-й тип входят 5 стран с объемом ВВП на 1 человека, превышающим среднемировой уровень. Они находятся во второй четверти рассматриваемых стран по рангам конкурентоспособности, а в своих регионах – в первой десятке, за исключением Аргентины (11-е место) и России (33-е место).

Индекс конкурентоспособности в сфере туризма и путешествий здесь ниже по сравнению с первыми тремя группами. Большие площади и вытянутость территорий России и Аргентины, отдаленность их и других стран группы стимулировали развитие инфраструктуры воздушного транспорта.

В пределах группы размах вариации среднего общего индекса конкурентоспособности в сфере туризма и путешествий имеет самое низкое значение (0,41). Максимальное различие между странами наблюдается по индексу конкурентоспособности здоровья и гигиены (2,20) за счет очень высокого индекса в России (6,40) и низкого в Южной Африке (4,20).

5-й тип образуют 9 стран, в т. ч. пять республик бывшего СССР, которые, начиная с 1990-х гг., стали позиционировать себя на мировом туристическом рынке. В группе только Казахстан и Уругвай имеют ВВП на душу населения выше среднемирового уровня. Все страны кластера в настоящее время проводят активную политику по развитию международного туризма. Однако общие ранги их конкурентоспособности в сфере туризма и путешествий в мире невысоки и варьируют от 59-го (Уругвай) до 102-го (Молдова), а в пределах своих регионов – от 10-го (Уругвай, Египет) до 42-го (Молдова). В целом среднее значение этого показателя в этом типе (3,90) ниже по сравнению с предыдущими кластерами.

5 тип стран отличается более высокими средними значениями, по сравнению с 4 типом, индексов конкурентоспособности человеческих ресурсов (4,82), здоровья и гигиены (5,62), охраны и безопасности (4,63), приоритета путешествий и туризма (4,57), индексом ценовой конкурентоспособности в туризме и путешествиях (4,76).

Максимальное значение размаха вариации наблюдается по индексу конкурентоспособности культурных ресурсов (2,84).

В группу 6 типа входят 19 стран с разным уровнем социально-экономического развития. Это быстро развивающиеся туристические рынки, занимающие по общему индексу конкурентоспособности в мире от 41-го (Катар) до 90-го (Босния и Герцеговина) места. В своих регионах европейские страны группы находятся на последних местах, а все остальные страны, кроме Доминиканской республики (17) и Ямайки (12), – в первой десятке.

6-й тип, по сравнению с 5, выделяется более высокими средними значениями общего индекса конкурентоспособности в сфере туризма и путешествий (4,09) благодаря более высоким индексам конкурентоспособности по 10 параметрам. Отрицательное воздействие в сторону понижения общего индекса конкурентоспособности сыграли индексы конкуренто-

Средние индексы конкурентоспособности стран мира
в сфере туризма и путешествий

Индексы	Типы стран											Max/ min
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
Общий индекс	5,18	4,99	4,53	4,29	3,90	4,09	4,24	3,54	3,68	3,31	2,94	1,76
законодательного регулирования	4,95	5,21	4,66	4,53	4,50	4,57	4,24	3,83	4,31	4,07	3,63	1,44
Устойчивости окружающей среды	5,32	5,05	4,91	4,48	4,08	4,45	4,38	3,91	4,51	4,67	4,01	1,36
охраны и безопасности	5,73	5,96	5,09	4,33	4,63	4,92	4,26	4,21	4,2	3,97	3,72	1,60
здоровья и гигиены	6,18	5,97	5,93	5,03	5,62	4,82	3,88	4,36	3,52	2,09	1,96	3,15
приоритета путешествий и туризма	4,82	5,46	4,61	4,56	4,57	4,66	4,33	3,22	4,73	3,72	3,17	1,72
инфраструктуры воздушного транспорта	5,10	4,67	3,83	4,03	2,73	3,22	3,70	2,66	2,60	2,30	1,94	2,63
инфраструктуры наземного транспорта	5,45	5,30	4,36	3,39	3,22	3,81	3,50	3,18	3,28	2,97	2,80	1,95
инфраструктуры туризма	5,84	5,62	5,43	4,79	2,82	4,48	3,52	2,41	2,62	2,04	1,78	3,28
информационно-коммуникационной инфраструктуры	5,09	5,11	4,05	3,46	3,19	3,23	2,85	2,71	2,3	1,86	1,71	2,99
ценовой конкурентоспособности в туризме и путешествиях	3,70	4,54	4,34	4,59	4,76	4,54	4,80	4,97	5,07	4,47	4,56	1,37
конкурентоспособности человеческих ресурсов	5,51	5,59	5,01	4,64	4,82	4,97	4,92	4,66	4,35	3,89	3,46	1,62
привлекательности туризма и путешествий	4,84	5,45	4,81	4,56	4,54	4,96	4,55	4,03	4,65	4,43	4,17	1,31
природных ресурсов	4,44	3,57	3,55	5,04	2,92	2,79	5,37	3,41	3,75	4,17	2,66	2,02
культурных ресурсов	5,76	3,34	3,58	2,70	2,38	2,21	4,00	2,01	1,66	1,52	1,40	4,11

Рассчитано по данным: [4].

способности: здоровья и гигиены (4,82), природных (2,79) и культурных ресурсов (2,21), а также индекс ценовой конкурентоспособности в туризме и путешествиях (4,54).

Максимальный размах вариации наблюдается по индексу конкурентоспособности наземного транспорта (3,27) при высоких значениях размаха вариации конкурентоспособности воздушного транспорта (2,78). Это объясняется существенными различиями в географическом положении стран. Также страны сильно различаются по индексу конкурентоспособности здоровья и гигиены (размах вариации 3,16).

7-й тип объединяет 10 стран, которые имеют динамично развивающиеся туристические рынки, являющиеся центрами тяготения либо со всего мира, либо в пределах своего макрорегиона. Из них Китай, Мексика, Малайзия входят в первую десятку мира по прибытиям туристов.

Ранги конкурентоспособности в мире стран 7 типа варьируют от 34-го (Малайзия) до 84-го (Колумбия), а в пределах своего ре-

гиона – от 5-го (Мексика) до 16-го (Колумбия). Средний общий индекс конкурентоспособности в сфере туризма и путешествий выше, чем в группах 5 и 6 типа, благодаря высоким значениям индекса конкурентоспособности воздушного транспорта (3,7), индекса ценовой конкурентоспособности в туризме и путешествиях (4,8), а также индексам конкурентоспособности природных (5,37) и культурных ресурсов (4,0), по которым этот тип уступает только странам первого типа. Наиболее существенное отрицательное влияние на конкурентоспособность оказал очень низкий уровень конкурентоспособности здоровья и гигиены (3,88).

В пределах группы значительные расхождения в индексах конкурентоспособности наблюдаются по природным ресурсам (3,37), а также по инфраструктуре туризма (3,07).

8-й тип образуют 12 стран, сильно различающиеся по объему ВВП на 1 чел., что значительно повлияло на развитие инфраструктуры, связанной с туризмом. Большая часть стран этого типа (9) на мировом тури-

стическом рынке имеют ранги 100 и выше, а в пределах своего региона все они находятся во второй половине стран с более низкими рангами (11–25). В целом, средний общий индекс конкурентоспособности в сфере туризма и путешествий (3,54) значительно ниже, чем в предыдущих типах. В то же время, этот тип отличается более высоким индексом конкурентоспособности здоровья и гигиены (4,36) благодаря его высоким значениям в Киргизии, Кувейте, Брунее, Тринидаде и Тобаго, а также индексом ценовой конкурентоспособности в туризме и путешествиях (4,97) благодаря Ирану, Брунею, Боливии, Тринидаду и Тобаго и Пакистану.

В пределах группы 8 типа наиболее существенные различия наблюдаются по индексам конкурентоспособности природных ресурсов (3,02) и инфраструктуры туризма (2,95). Следует отметить, что все страны с объемом ВВП на 1 чел. меньше среднемирового уровня имеют индекс конкурентоспособности инфраструктуры туризма меньше, чем в среднем по группе. Особенно низкий этот показатель в Таджикистане (1,16) и Киргизии (1,27).

9-й тип включает 12 стран. Ранг конкурентоспособности по странам колеблется от 74-го (Шри Ланка) до 115-го (Парагвай). Неоднозначно их положение и в своих регионах. Так Намибия, Гамбия, Ботсвана занимают соответственно 5, 6, и 7 места в рейтинге конкурентоспособности в сфере туризма и путешествий Африки, остальные страны в Азии и Америке входят во вторую половину стран по данному показателю. Среднее значение индекса конкурентоспособности больше, чем в 8 типе, на что положительно повлияла, прежде всего, высокая степень конкурентоспособности приоритета путешествий и туризма (4,73), законодательного регулирования (4,31), устойчивости окружающей среды (4,51), более высокий уровень конкурентоспособности туристической инфраструктуры (2,62). При этом в среднем страны кластера имеют значительно ниже, чем в 8 кластере, индексы конкурентоспособности здоровья и гигиены (3,52), природных ресурсов (1,66).

В пределах стран 9 типа максимальные различия наблюдаются по индексам конкурентоспособности инфраструктуры наземного транспорта (2,63), здоровья и гигиены (2,44) и инфраструктуры туризма (2,41).

10-й тип образуют 17 бедных стран Африки. За исключением Кении (96), все страны имеют ранг конкурентоспособности в сфере туризма более 100, в т. ч. 9 из них находятся в последней двадцатке стран. В своем регионе Кения (8), Руанда (9), Сенегал (10) входят в первую десятку рангов конкурентоспособности. При низком среднем значении индекса конкурентоспособности в сфере туризма и путешествий, этот тип, благодаря очень высоким значениям показателя в Руанде, Кении, Замбии, уступает по индексу конкурентоспособности устойчивости окружающей среды (4,67) первым трем типам, а по индексу конкурентоспособности природных ресурсов (4,17), из-за высоких значений в Танзании, Кении, Зимбабве, Уганде и Замбии – первому, четвертому и седьмому типам. Кроме того, индекс конкурентоспособности законодательного регулирования выше, чем в 8 типе. По всем остальным показателям наблюдаются значительно более низкие значения индексов конкурентоспособности, чем в рассмотренных ранее типах. Обращает внимание очень низкий уровень конкурентоспособности инфраструктуры, связанной с туризмом.

Наиболее существенные расхождения в значениях индексов конкурентоспособности при достаточно высоких показателях по странам 10-го типа имеются по природным ресурсам (3,05), а наименьшие – по привлекательности туризма (0,73).

11-й тип состоит из 11 бедных стран мира. 8 стран этого типа входят в последнюю десятку рангов индекса конкурентоспособности в туризме и путешествиях в целом по миру и своим регионам. Он отличается от других самыми низкими значениями индекса конкурентоспособности, кроме индекса конкурентоспособности устойчивости окружающей среды и индекса ценовой конкурентоспособности в туризме и путешествиях. Минимальное значение имеет индекс конкурентоспособности культурных ресурсов (1,40), с размахом вариации признака в 1,36.

Анализ индексов конкурентоспособности в сфере туризма и путешествий по кластерам позволил сделать следующие выводы.

Максимальный средний общий индекс конкурентоспособности в сфере туризма и путешествий имеет 1-й тип за счет самых высоких значений, по сравнению с другими кластерами, по 6-ти его составляющим.

Минимальный индекс конкурентоспособности имеет 11-й тип, где при низких показателях его составляющих, 12 из них имеют наименьшие значения по сравнению с другими кластерами.

Наиболее существенные расхождения между максимальными и минимальными значениями по типам стран наблюдаются по средним индексам конкурентоспособности: культурных ресурсов – в 4,1 раза, инфраструктуры туризма – в 3,28, здоровья и гигиены – в 3,15, инфраструктуры воздушного транспорта – в 2,63, инфраструктуры наземного транспорта – в 1,95 раза (1 и 11 типы), информационно-коммуникационной инфраструктуры – в 2,99 раза (2 и 11 типы), что во многом объясняется уровнем развития экономики стран, а также по индексу природных ресурсов – в 2,02 раза.

Минимальные расхождения между типами стран наблюдаются по средним значениям индексов конкурентоспособности привлекательности туризма и путешествий (1,31), что свидетельствует о том, что туризм становится значимым для населения стран мира.

По сравнению с другими типами, 1-й тип выделяется очень низкой ценовой конкурентоспособностью в сфере туризма и путешествий за счет более дорогого сервиса. Остальные типы по данному показателю различаются незначительно.

Политика по приоритетности путешествий и туризма проводится не во всех группах стран на должном уровне. Хуже всего она проводится в странах 11-го типа, о чем свидетельствует самый низкий коэффициент конкурентоспособности по данному показателю (3,63).

Самые высокие уровни безопасности в среднем имеют 1-й и 2-й типы стран, а самые низкие – 10-й и 11-й типы, что также отрицательно сказывается на туристической привлекательности этих стран.

Применительно к схеме туристического пространства, рассмотренного в [7], в полученной типологии стран его центр составляют, в основном, страны 1-го и 2-го типов, которые обладают наиболее конкурентоспособной туристической средой. Полупериферию образуют страны 3–7 типов. К продвинутой пе-

риферии относятся страны 8 и 9-го типов, а глубокой периферии – 10 и 11-го типов.

Расчеты коэффициентов парных корреляций показали, что общий индекс конкурентоспособности путешествий и туризма имеет тесную связь с индексами конкурентоспособности: законодательного регулирования ($R = 0,71$), здоровья и гигиены ($R = 0,8$), охраны и безопасности ($R = 0,81$), инфраструктуры воздушного транспорта ($R = 0,88$), инфраструктуры наземного транспорта ($R = 0,83$), инфраструктуры туризма ($R = 0,86$), информационно-коммуникационной инфраструктуры ($R = 0,92$), человеческих ресурсов ($R = 0,87$), культурных ресурсов ($R = 0,82$).

Для определения степени совокупного влияния на общий показатель конкурентоспособности путешествий и туризма отдельных групп факторов нами рассчитаны коэффициенты множественной корреляции по формуле:

$$R = \sqrt{\frac{R^2 YX_1 + R^2 YX_2 - 2R YX_1 * R YX_2 * R X_1 X_2}{1 - R^2 X_1 X_2}},$$

которая определяет степень совокупного влияния наиболее важных факторов ($X_1, X_2, \dots, X_n$) на исследуемое явление Y .

Результаты показали, что самые высокие значения квадрата коэффициента множественной корреляции наблюдаются с двумя группами факторов:

1) индекс информационно-коммуникационной инфраструктуры, индекс человеческих ресурсов ($R^2 = 0,878$);

2) индекс конкурентоспособности инфраструктуры воздушного транспорта, индекс конкурентоспособности инфраструктуры туризма ($R^2 = 0,871$).

Итак, проведенное исследование позволяет сделать выводы относительно характера туристической деятельности в отдельных типах стран и их привлекательности среди туристов. Выделенная группировка стран свидетельствует о зависимости развития туризма от уровня экономики, что, в свою очередь, влияет на уровень развития инфраструктуры, связанной с туризмом, на наличие культурных ресурсов; от политики стран, проводимых по безопасности туристов; приоритетности туристической сферы.

Библиографический список

1. Богомолов О.Т. Анатомия глобальной экономики: учебное пособие [для вузов]. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. – 216 с.

2. Гончаров Ю.В., Петин Ю.О., Сальник О.М. Світ. Європа. Україна: Трансформація економіки та інтеграція. – К.: Знання України, 2007 – 504 с.
 3. Кифяк В.Ф. Організація туризму: навчальний посібник. – Чернівці: Книги-XXI, 2008. – 344 с.
 4. Ковалев Ю.П. Методика разработки концепции формирования локальных туристских кластеров // Региональные исследования. – 2014. – № (45). – С. 157–165.
 5. Любіцева О.О. Ринок туристичних послуг: навчальний посібник. – К.: Альтерпрес, 2003. – 436 с.
 6. Міжнародна економіка : підручник / [А.П. Румянцев, Г.Н. Климко, В.В. Рокоча та ін.]; за ред. А.П. Румянцева. – [3-тє вид., перероб. і доп.] – К.: Знання, 2006. – 479 с.
 7. Тарасенок А.И. Геоэкономика туризма: учеб. пособие. – Минск: Новое знание; М. : ИНФРА-М, 2011. – 272 с.
 8. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран / Пер. с англ.; под ред. В.Д. Щетинина. – М.: Междунар. отношения, 1993. – 896 с.
 9. Markusen J.R. The positive theory of production externalities under perfect competition // Journal of International Economics. – 1990. – № 1–2 (29). – P. 69–91.
 10. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2008: Beyond the Downturn / Jennifer Blance, Thea Chiesa. – World Economic Forum, 2008 [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TravelTourismCompetitiveness_Report_2008.pdf.
 11. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2009: Beyond the Downturn / Jennifer Blance, Thea Chiesa. – World Economic Forum, 2009 [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TravelTourismCompetitiveness_Report_2009.pdf.
 12. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2011: Beyond the Downturn / Jennifer Blance, Thea Chiesa. – World Economic Forum, 2011 [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_TravelTourismCompetitiveness_Report_2011.pdf.
 13. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2013. Reducing Barriers to Economic Growth and Job Growth: Beyond the Downturn / Jennifer Blance, Thea Chiesa. – World Economic Forum, 2013 [Електронний ресурс]. – Режим доступа: – http://www3.weforum.org/docs/WEF_TT_Competitiveness_Report_2013.pdf.
-

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И РАССЕЛЕНИЯ

Глушкова В.Г., Хорева О.Б. (Москва)

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ЭКОНОМИЧЕСКИ РАЗВИТЫХ СТРАНАХ МИРА

Glushkova V.G., Khoreva O.B.
MIGRATION POLICY IN THE DEVELOPED COUNTRIES

***Аннотация.** В статье рассматриваются организационно-правовые и экономические особенности современного управления трудовой иммиграцией в экономически развитых странах мира. Особое внимание уделяется миграционной политике стран традиционно принимающих трудовых мигрантов.*

***Abstract.** The article examines the organizational, legal and economic peculiarities of the modern management of labour immigration in different countries. Particular attention is paid to migration policy of the classical countries of immigration.*

***Ключевые слова:** миграционная политика, системы отбора иммигрантов, квотирование иммиграции, миграционный учет, миграционный контроль.*

***Keywords:** migration policy, system of selection of immigrants, immigration quotas, immigration account, immigration control.*

Российская Федерация с начала 90-х гг. XX в. активно принимает трудовых мигрантов, преимущественно из стран Средней Азии и Закавказья. Несмотря на то, что миграционный прирост России в последние годы составляет около 300 тыс. чел. в год, РФ по-прежнему нуждается в притоке молодых и квалифицированных мигрантов (на временной, долгосрочной и постоянной основе). Федеральная миграционная служба России активно разрабатывает механизмы регулирования внешних и внутренних миграционных процессов, привлечения и адаптации иностранной рабочей силы. Сегодня особенно актуально изучение опыта экономически развитых стран мира в этой сфере.

Основные иммиграционные потоки в развитые страны мира можно разделить на несколько групп: высококвалифицированная миграция (в том числе предприниматели, бизнес-мигранты и инвесторы); низкоквалифицированная миграция (как правило, временная); образовательная миграция; воссоединение семей; беженцы (гуманитарный класс) и др.

Существуют следующие основные разновидности современных методов отбора пере-

селенцев и трудовых иммигрантов, принятые в ряде экономически развитых стран мира:

- система преференций (предпочтений) в США (Закон об иммиграции и гражданстве Уолтера-Маккарена 1952 г., Закон об иммиграции 1990 г.);
- балльная система отбора (впервые применила Канада (1967 г.), Австралия, Новая Зеландия, Великобритания, Чехия, Сингапур и др.). При расчете баллов обычно учитывается образование, род занятий, знание языка, возраст.

Соотношение между данными разновидностями миграции существенно различается в конкретных странах. В Австралии, Канаде и Новой Зеландии, как правило, принимаются на постоянное жительство только высококвалифицированные и экономически востребованные иммигранты. По каналам воссоединения семей много мигрантов прибывает в США. Если посмотреть на структуру иммиграции по времени пребывания в стране, то такие традиционные страны поселенческой иммиграции, как США и Канада, Австралия, все большее предпочтение отдают малоквалифицированной сезонной и кратковременной миграции.

В ряде стран Европы (Греции, Италии, Финляндии) существовали законодательно подтвержденные программы репатриации, основывающиеся на этнической принадлежности, независимо от места рождения и проживания.

Одна из причин современных изменений в миграционном законодательстве – повышение социально-экономической эффективности миграции и требования учета миграционной безопасности. В Австралии и Канаде для этого изменили балльную систему в сторону улучшения качества отбора мигрантов (уровень образования и владение языками).

Одно из главных направлений современной миграционной политики – усиление борьбы с нелегальной миграцией в развитых странах мира. К мерам борьбы с нелегальной миграцией можно отнести:

- усиление мер пограничного контроля (современные технологии сканирования и идентификации личности);
- ужесточение визового режима по отношению к государствам, отдающим мигрантов;
- ужесточение санкций против организаторов нелегальной миграции, контроль и наказание работодателей;
- депортации;
- т.н. «иммиграционные амнистии» (меры регулирования нелегальной миграции по амнистированию и легализации положения нелегальных мигрантов в стране пребывания).

С целью предупреждения заключения фиктивных браков ради получения вида на жительство, во многих странах, в том числе и в странах традиционной иммиграции, усложняется процедура регистрации браков с иностранцами.

Вопросы миграции могут решаться не только на государственном уровне, но и посредством деятельности неправительственных организаций, организаций коммерческого сектора, общественных объединений [6]. Во многих странах существуют специальные советы, ассоциации, помогающие интеграции мигрантов в принимающее общество и т.д.

Реализация миграционной политики различается в странах мира традиционно привлекаемых для мигрантов и странах, получивших статус мировых центров иммиграции относительно недавно. В первом случае речь идет о странах, созданных в ре-

зультате миграции, имеющих разработанную законодательно-нормативную базу и богатый исторический опыт организации управления миграционными и трудовыми процессами. В отличие от этих стран, миграционная политика большей части европейских государств была сформирована в период после второй мировой войны для активного приема трудовых мигрантов и лиц в поисках убежища. Одновременно формировалось и международное законодательство, обеспечивающее права беженцев и вынужденных переселенцев.

Миграционная политика стран классической иммиграции. Современные страны классической иммиграции – это страны «старого света» (Канада, США, Австралия, Новая Зеландия и др.), а также страны, основанные на этнической иммиграции (Израиль). Поскольку в этих странах всегда был высок удельный вес иммигрантов в обществе, их отличает либеральный подход к иммиграции, ориентация на переселение или долговременное пребывание иммигрантов, а также на содействие процессу воссоединения их семей, что является важным фактором ускорения интеграции иммигрантов.

Иммиграционная политика в США возникла вместе с Декларацией независимости 1776 г. и на протяжении более чем двух веков менялась в зависимости от развития экономики страны. Законом об иммиграции США от 1990 г. была введена система категорий предпочтения (преференций), основанных на родстве и система квотирования трудовой иммиграции.

Преференции, основанные на родстве, включают прямых родственников граждан США (супруги, вдовы и вдовцы, если прожили со своими супругами минимум 2 года), не состоящих в браке детей до 21 года, родителей граждан США, достигших 21 года.

Категории семейного предпочтения: не состоящие в браке дети (старше 21 года) граждан США; супруги и несовершеннолетние дети (до 21 года) постоянных жителей США, не состоящие в браке дети (старше 21 года) постоянных жителей США; состоящие в браке дети граждан США; братья и сестры граждан США, достигших 21 года.

Преференции трудовой иммиграции имеют лица с выдающимися способностями в области науки, искусства, образования, бизнеса или спорта, исследователи и международные

менеджеры, квалифицированные специалисты, недавние выпускники учебных заведений по ряду специальностей; лица с дипломами, соответствующими степени бакалавра и магистра; священнослужители; инвесторы, вкладывающие более 1 млн долл в экономику США.

Для выдачи квот в экономическом классе требуются: предложение о найме от американского работодателя, а также прохождение процедуры трудовой сертификации в Министерстве труда, удостоверяющей, отсутствие претендентов на должность на внутреннем рынке труда.

В США активно используются режимы временного пребывания в стране (для высококвалифицированных работников – до 6 лет, для малоквалифицированных – до 3 лет). При этом от работодателей не требуется проверка подлинности иммиграционных документов, но они обязаны вычитать из зарплаты мигрантов федеральный налог на заработную плату.

В 2002 г. в США были реформированы все службы, занимающиеся миграцией населения. Служба иммиграции и натурализации была выведена из ведомства Министерства юстиции и передана вновь созданному Министерству национальной безопасности, а отдел пограничного контроля Службы иммиграции превратился в самостоятельную единицу в рамках Министерства безопасности. В Министерстве внутренней безопасности задачи по регулированию миграционными процессами были разделены между Управлением безопасности границ и перевозок (BTS) и Бюро гражданства и иммиграции (BCIS).

По Указу Президента США от 30 января 2003 г. BTS включило в себя Бюро таможенного и пограничного контроля (BCBP) и Бюро расследований нарушений таможенного и миграционного законодательства (BICE). Последнее занимается расследованием нарушений таможенного и иммиграционного законодательства США, обеспечением задержания и депортации нелегальных иммигрантов, сбором, анализом и распространением информации, необходимой для осуществления оперативной деятельности подразделения.

Бюро гражданства и иммиграции занимается рассмотрением: прошений о продлении сроков пребывания; изменением категорий визы; иммиграционными и не иммиграци-

онными петициями; заявками на получение статуса постоянного жителя, гражданина США и беженца.

С 2012 г. действуют новые иммиграционные правила проживания и получения работы для детей иммигрантов (в возрасте до 30 лет) при соблюдении следующих условий: приезд в США в возрасте до 16 лет; непрерывное проживание в США не менее 5 лет, предшествующих дате и нахождение в США на дату подписания соответствующего документа; обучение в школе, окончание средней школы, получение аттестата об образовании или служба в Вооруженных силах США; отсутствие судимости за уголовное преступление и непредставление угрозы для национальной или общественной безопасности.

В США существуют Госпрограммы по адаптации, ассимиляции и образованию иммигрантов, работает Программа «этнического разнообразия».

Управлением миграционной политикой в Австралии занимается Департамент миграции и пограничного контроля. В основе регулирования миграционных процессов в Австралии лежат законы об иммиграции и эмиграции. По принятому в 1901 г. закону об иммиграции предусматривался контроль за въездом и пребыванием иммигрантов в стране, включая судебное преследование и депортацию нелегальных мигрантов. В 1947 г. был принят закон об иностранцах, определяющий порядок регистрации всех иностранных граждан в стране, а в 1948 г. – закон о депортации иностранцев.

Особенность австралийской иммиграции – разнообразие стран исхода иммигрантов. По Закону 1958 г. правительство отказалось от концепции «белой австралийской иммиграции» (отмена обязательного письменного теста на владение европейским языком), что сказалось на устойчивом притоке в страну выходцев из азиатских стран.

В 1973 г. были внесены поправки в Закон о гражданстве [3], которые отменяли привилегии для британских иммигрантов. Натурализация возможна для всех без исключения иммигрантов после 3-х лет пребывания в стране. Там же были определены основные категории иммигрантов на постоянное место жительства:

- семейный класс (иммиграция по линии воссоединения семей);
- гуманитарный класс (гуманитарная иммиграция и прием беженцев);

- квалифицированные специалисты (независимая профессиональная иммиграция, спонсорская иммиграция, семейно-спонсорская иммиграция). Кроме этого, в Австралии существует независимая и спонсорская иммиграция иностранных студентов.

Миграционная политика в Австралии реализуется и на региональном уровне. Северная территория (субъект федерации в составе Австралии) активно принимает квалифицированных рабочих из Греции, которые могут получить возможности трудоустройства по ряду дефицитных профессий, не востребованных на местном уровне. Северная территория в настоящее время переживает период значительного экономического роста благодаря реализации крупных горнодобывающих и ресурсных проектов и имеет один из самых низких в Австралии уровней безработицы.

В Австралии существует система помощи в поиске работы для квалифицированных трудовых иммигрантов. База данных содержит подробную информацию об образовании, занятости и работе для квалифицированных мигрантов, которые заинтересованы жить и работать в провинциях Австралии. База данных используется работодателями, а также правительствами штатов и территорий Австралии. Для включения в базу данных необходимо подать заявку на одну из категорий виз. Большинство заявителей визы остаются в базе данных до их прибытия в Австралию [19].

Действует ряд программ бизнес-иммиграции, в том числе порядок получения бизнес-виз, автоматически предоставляющий право на постоянное проживание в Австралии без прохождения системы отбора.

Под спонсорской миграцией понимается поддержка правительства или территории Австралии, что они готовы принять мигранта как специалиста, предоставить жилье, финансирование, социальную поддержку и информационное содействие в поиске работы.

Право на получение социальных выплат иммигранты приобретают в Австралии лишь спустя два года пребывания в качестве резидентов страны, а возможность получения пенсий по возрасту и инвалидности (минимальный социальный пакет) имеют лица, прожившие в Австралии 10 лет в качестве гражданина или резидента страны.

В последние годы в странах классической иммиграции важным каналом привлечения

высококвалифицированных кадров является обучение иностранцев, значительная часть которых после окончания обучения остается в стране пребывания.

В социальном составе иммигрантов вместе с наемными работниками, предпринимателями, значатся и инвесторы, переезд которых практически во все страны классической иммиграции сопровождается значительными льготами.

Миграционная политика стран Северной Европы и Канады. Большинство северных стран проводят политику, поощряющую, в той или иной степени, въезд иностранной рабочей силы.

Канада, Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания в обязательном порядке обеспечивают:

- ежегодные квоты на убежище для беженцев;
- прием близких родственников граждан своих стран;
- прием предпринимателей и инвесторов;
- прием квалифицированных специалистов, приезжающих на краткосрочную или долгосрочную контрактную работу по приглашению компаний соответствующих стран;
- квотированный прием временной неквалифицированной рабочей силы;
- защиту от нелегальной иммиграции и т.д.

Вопросами организации миграционной политики в Канаде занимается Министерство гражданства и иммиграции [11]. Балльная система отбора иммигрантов впервые в мире была разработана и принята в Канаде в 1967 г. для претендентов, желающих въехать на постоянное место жительства в рамках программы экономического класса. Основные цели и принципы современной иммиграционной политики Канады были сформулированы в Акте об иммиграции 1976 г.: содействие экономическому и демографическому росту; выполнение Канадой международных обязательств по беженцам; отсутствие дискриминации; сотрудничество всех уровней власти при расселении иммигрантов. Согласно этому Акту переселенцы разделялись на семейный класс, гуманитарный класс и класс независимых переселенцев.

28 июля 2002 г. в Канаде вступил в силу новый Закон (Акт) об иммиграции и защите беженцев и сопровождающие его новые правила и процедуры, в котором были повышены

требования к уровню образования мигрантов, а также к уровню знания ими английского или французского языка для быстрой интеграции в канадское общество. Установлены три статуса для иммигрантов [10]:

- экономический класс (квалифицированные работники и сопровождающие их близкие родственники, бизнес-иммигранты);
- семейный класс;
- беженцы.

Практикуются иммиграционные программы по вопросам численности, распределения, расселения мигрантов, трудовой политики. В Канаде существуют разработанные программы сезонной миграции для сельского хозяйства.

Представляет большой интерес политика федерально-провинциальных соглашений в Канаде. Согласно этим соглашениям, провинции уполномочены устанавливать критерии отбора, которым должен соответствовать иммигрант для получения статуса постоянного «резидента»; предоставлять статус постоянного резидента; устанавливать финансовые критерии спонсорства; проводить консультации по вопросам программ иммиграции и защиты беженцев; проводить консультации по количеству квот, с учетом региональных, экономических, демографических особенностей провинции.

Провинция Квебек самостоятельно проводит политику независимой иммиграции. В рамках этой политики разработаны иммиграционные программы для постоянных квалифицированных рабочих, бизнесменов, предпринимателей, инвесторов, временных работников. Существует регулярная программа для временных работников или работы на каникулах, а также регулярная программа для иностранных студентов в Квебеке. Интеграционные программы включают программы профессиональной переподготовки, изучения французского языка, финансовой помощи и т.д.

Вопросами миграционной политики в Норвегии занимается Директорат по делам иностранцев (UDI). За миграцию также отвечают Министерство труда и социальной интеграции, иммиграционная полиция, Управление по вопросам интеграции и многообразия, Иммиграционный апелляционный совет, специализированное отделение иммиграционной администрации по информации.

По Закону об иммиграции (с 1 января 2010 г.) в Норвегии был введен единый постоянный вид на жительство, усилен статус беженца, приняты правила облегченной регистрации для граждан стран Европейского экономического пространства (ЕЭП). Более жесткие правила приняты для семей иммигрантов.

Существуют различные виды на жительство для квалифицированных специалистов и неквалифицированных рабочих. Некоторые виды на жительство могут быть предоставлены гражданам России, проживающим в Баренцевом регионе [13]. Это трансграничные работники (для работы неполный день в Нурланде, Тромсе и Финнмарке), неквалифицированная рабочая сила (для работы на срок до 2-х лет в Нурланде, Тромсе и Финнмарке), рыночные торговцы (желающие продать продукцию России на рынках и муниципальных мероприятиях в Северной Норвегии).

В Швеции существуют специальные иммиграционные правила для отдельных профессий и стран. Практикуется упрощенная выдача разрешений на работу для художников, помощников по хозяйству, приглашенных ученых, спортсменов, тренеров, сборщиков ягод. Швеция имеет миграционные соглашения с Австралией, Канадой, Новой Зеландией, Южной Кореей, Швейцарией. Граждане, проживающие в другой стране Европейского Союза, имеют особые условия для въезда и проживания в стране.

Требования к предоставлению вида на жительство в Швеции для бизнес-иммигрантов [15]: знание шведского и (или) английского языка, наличие не менее 50% компании, доказательства прибыльности бизнеса (наличие необходимых средств для содержания мигранта и его семьи в течение двухлетнего испытательного срока), а также наличие опыта ведения собственного бизнеса в определенном секторе экономики.

Миграционная политика в некоторых странах Европейского союза. В преамбуле Европейского пакта об иммиграции и убежище» (2008 г.) говорится, что европейский континент нуждается в иммиграции по экономическим и демографическим причинам. В Пакте сформированы принципы миграционной политики Европейского Союза, такие, как необходимость контроля границ для лучшей защиты Европы, организация легальной миграции в соответствии с по-

требностями каждого государства-члена ЕС в иммигрантах, организация избирательной репатриации нелегальных иммигрантов, создание единого для стран ЕС статуса беженца и общие гарантии прав на предоставление убежища в ЕС, содействие развитию стран иммиграции,

Реализацией миграционной политики Германии занимается Федеральное агентство по вопросам миграции и беженцев (BAMF).

Для трудового мигранта, не являющегося гражданином страны-члена ЕС, ЕЭП или Швейцарии, желающего долгосрочно проживать в Германии, необходимы разрешение на пребывание, вид на жительство, разрешение на долгосрочное пребывание в ЕС [22]. Категории мигрантов на постоянное место жительство отбираются на основе балльной системы. Право на постоянное поселение без системы отбора имеют лица с выдающимися способностями, а также предприниматели, создающие рабочие места не менее, чем для 10 человек и инвестирующие в экономику не менее 1 млн евро.

В Германии работает Центральный регистр иностранцев. В январе 2005 г. принят Закон об иммиграции. Практикуются два вида разрешений на жительство: временное (для временных мигрантов) и неограниченное (для постоянных эмигрантов).

На протяжении последних десятилетий в стране проводится политика репатриации этнических немцев, в том числе из России. Так, в период с 1990 по 2011 г. из бывшего СССР и стран СНГ и Балтии в Германию переехало более 2 млн российских немцев и членов их семей [9]. Разработаны Программы интеграции иммигрантов и беженцев, включающие попечительство и наставничество коренных жителей для людей, недавно прибывших в Германию, стажировки, курсы и консультации для родителей, обучение немецкому языку, работу городских консультационных службы предложений по проведению свободного времени и т.д.

В Германии активно проводится контроль за внутренней иммиграционной политикой общин в виде регистрации, социальной поддержки, интеграции иммигрантов. Для усиления заинтересованности общин в приеме мигрантов практикуется выделение на эти цели субсидий из бюджета. Создан фонд социального жилья для переселенцев. Размер денежного пособия на съем жилья зависят от

количества членов семьи, суммарного дохода и величины квартплаты. Владельцы квартир и домов также могут получить денежное пособие от государства. Политика интеграции проводится по месту проживания мигранта ведомствами по делам иностранцев; консультационными центрами для молодежи и взрослых, администрацией города или округа.

Во Франции миграционную политику осуществляет Министерство иммиграции, интеграции, национальной идентичности и развития сотрудничества [17]. Согласно Закону «О пребывании иностранцев во Франции» 2006 г. установлены правила заключения с иммигрантом договора о приеме и интеграции. Кодексом правил о въезде и проживании иностранцев и норм права убежища (2004 г.) устанавливаются привилегированные категории граждан: ученые, учащиеся, иностранные сотрудники фирм и их семьи, а также определяется политика интеграции иностранцев в принимающее общество. Законом о введении этнической переписи (октябрь 2007 г.) фиксируются данные о стране происхождения мигранта для предотвращения дискриминации в процессе интеграции. Отдельно регулируются миграционные процессы на французских территориях Новая Каледония, Майотта, Валлис, Футуна, Французская Полинезия, Южные и Антарктические французские земли.

В Испании принят Закон «О правах и свободах иностранных граждан и их социальной адаптации» (2000 г.). Осуществляется борьба с нелегальной иммиграцией, а также с дискриминацией иностранцев. Работают визовые режимы для поиска мигрантом работы и специальный режим для сезонных рабочих. Действуют особые правила для пребывания в Испании граждан государств-членов Европейского союза или другого государства-участника Соглашения о Европейском экономическом пространстве [16]. На срок до 3-х месяцев (независимо от цели приезда) достаточно паспорта или документа, удостоверяющего личность. На срок свыше 3-х месяцев – при следующих обстоятельствах: работают по найму в Испании; имеют достаточное финансовое обеспечение, чтобы не стать бременем для социальной системы Испании в период пребывания и иметь возможность пользования государственным или частным здравоохранением; являются студентами государственных или частных

учреждений, аккредитованных или финансируемых органами образования; являются членами семьи гражданина государства-члена Европейского Союза или государства-участника Соглашения о Европейском экономическом пространстве или Швейцарии.

В условиях кризиса увеличены денежные пособия для возврата на родину тем, кто не вернется в Испанию в течение 5 лет, с 40 до 60 дней увеличили срок задержания нелегалов. Ограничен въезд родственников иммигрантов.

Миграционная политика Японии и Сингапура. Вопросами организации иммиграционной политики в Японии занимается Иммиграционное бюро, основанное в 1947 г. и состоящее из Иммиграционного департамента Министерства юстиции, региональных департаментов и отделений по всей стране [3]. В последние годы иммиграционная политика в Японии изменяется. В соответствии с японским иммиграционным законодательством, основой разрешительной системы въезда иммигрантов в Японию, проживания и работы в ней является Система статусов пребывания. Иммиграционное бюро Японии является частью Министерства юстиции и имеет 8 региональных отделений.

Для въезда в страну разработано 7 категорий виз (дипломатическая, служебная, рабочая, общая, особая, краткосрочная и транзитная). Министерством юстиции Японии утверждены 28 статусов пребывания иностранных граждан (принимаются во внимание цель и предполагаемый срок пребывания иностранца, в большинстве случаев – его служебная принадлежность, профессиональная квалификация, образовательный уровень, трудовой стаж, финансовое положение и др.). За каждым статусом одновременно закреплен период, в течение которого иностранец может находиться в Японии.

Для получения иммигрантом работы в Японии выделено 16 статусов: дипломатический, служебный, преподаватель, деятель искусства, религиозный деятель, журналист, инвестор, юрист, специалист в области финансовой деятельности, медицинский работник, исследователь, инженер, специалист в области гуманитарной и международной деятельности, перевод в рамках одной компании, шоу-бизнес. В Японии разработана политика по борьбе с нелегальной миграцией

и нарушениями иммиграционного законодательства. В случае нелегального въезда иностранных граждан, в том числе проникновения в страну по фальшивым документам, нарушение статуса и сроков их пребывания предусмотрены депортация, крупный денежный штраф или тюремное заключение.

Иммиграционное бюро Японии является частью Министерства юстиции и имеет 8 региональных отделений. Действует система по получению мигрантом статуса беженца.

В последние годы наблюдается рост числа иностранных студентов, приезжающих в Японию с целью получения образования и стажировок. Срок пребывания по системе стажировок не превышает 3-х лет.

Вопросами иммиграции в Сингапуре занимается Министерство трудовых ресурсов. Правительство Сингапура предпринимает меры, чтобы снизить поток мигрантов. Рабочие визы в Сингапуре подразделяются на следующие типы: для специалистов, для квалифицированных рабочих, для низкоквалифицированных рабочих, для краткосрочных визитов рабочих, для иностранных студентов и стажеров, для семей.

Подать документы на гражданство Сингапура могут [12] респонденты старше 21 года, постоянно проживающие в Сингапуре от 2 до 6 лет до даты подачи документов на гражданство; супруг (супруга) гражданина Сингапура с минимумом 2-летнего проживания в Сингапуре и состоящий в браке не менее 2-х лет; ребенок, родившийся за пределами Сингапура, у которого, по крайней мере, один из родителей является гражданином Сингапура.

Применимость опыта реализации миграционной политики развитых стран мира к России. Руководство Федеральной миграционной службы России в последние годы активно учитывает опыт развитых стран мира. В РФ разрабатывается дифференцированная (балльная) система отбора мигрантов, принимаются особые условия для иностранных предпринимателей и инвесторов, установлен особый статус для высококвалифицированных мигрантов и т.д. С 2007 г. реализуется Государственная программа по оказанию содействия добровольному привлечению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом (Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637).

На 1 июля 2014 г. в Россию прибыло 97 тыс. участников Госпрограммы, вместе с членами семей 199,2 тыс. чел. Предполагалось, что приток переселенцев составит не менее 50 тыс. чел. в год [2].

К основным задачам современной миграционной политики в РФ, кроме реализации госпрограммы содействия переселению соотечественников, относится также разработка дифференцированных механизмов привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы, содействие развитию внутренней миграции; содействие образовательной миграции и поддержка академической мобильности; выполнение гуманитарных обязательств в отношении беженцев и вынужденных переселенцев; содействие адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом; противодействие незаконной миграции.

Основным механизмом противодействия незаконной миграции в РФ служит система иммиграционного контроля, а понятие иммиграционного контроля в РФ было закреплено Указом Президента РФ от 16 декабря 1993 г. № 2145 «О мерах по введению иммиграционного контроля» [8]. В современной России имеются серьезные ограничения политики интеграции и адаптации иммигрантов. Это касается, в частности, рынка труда и жилья для мигрантов. Существуют проблемы в сфере практики взаимодействия принимающего населения и властей с мигрантами [7].

Основная проблема регулирования трудовой миграции в РФ в том, что большую

часть иммигрантов привлекают наиболее динамично развивающиеся и успешные регионы – Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Москва и Московская область, Краснодарский край, Новосибирская область и т.д., а потребность в притоке мигрантов имеют регионы с устойчивой естественной и миграционной убылью, к каким относятся большинство северных регионов России.

В сложившейся ситуации северные регионы России могут разрабатывать свои программы трудовой и миграционной мобильности населения, включающие, в том числе, вопросы поддержки образовательной политики, политики в сфере малого и среднего предпринимательства, развитие сферы занятости и рынка труда. Сегодня для регионов РФ, особенно для северных, необходимы трудовые ресурсы, обладающие особыми характеристиками и компетенциями.

Выводы. Миграционная политика играет важную роль в экономической жизни современного государства. В зависимости от потребностей национального рынка труда государства выступают экспортерами или импортерами иностранной рабочей силы, в последние годы эти процессы тесно взаимосвязаны. Усиление мировых хозяйственных связей и миграционных процессов, новые задачи экономического развития, негативные демографические тенденции и проблемы безопасности заставляют правительства разных стран мира разрабатывать новую миграционную политику, принимать новые законы об иммиграции и поправки к существующим законам.

Библиографический список

1. Глушкова В.Г., Хорева О.Б. Региональная экономика. Демографическая и миграционная политика. – М.: КНОРУС, 2013. – 91 с.
2. Глушкова В.Г., Хорева О.Б. Управление демографическим развитием России: региональный аспект // Региональные исследования. – 2013. – №14 (39). – С.68–72.
3. Денисенко М.Б., Хараева О.А., Чудиновских О.С. Миграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. – М., 2003. – 284 с.
4. Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие / Пер. с англ.; ПРООН – М.: Изд-во «Весь мир», 2009. – 30 с.
5. Каспицкая Т.В. Механизмы сокращения внутрирегиональной дифференциации на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югра / Региональные исследования. – 2013. – №4 (42). – С. 67–73.
6. Кононов Л.А. Миграционная политика России: проблемы и пути решения (Аналитические обзоры). №4 (14) 2010. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – 9 с.
7. Мукомель В. Интеграция мигрантов: Российская Федерация, CARIM-East RR 2013/01, Robert Schuman Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI): European University Institute, 2013.
8. Основы миграционной политики: учебно-методическое пособие / Под общ. ред. И.Н. Барцица, В.К. Егорова, К.О. Ромодановского, М.Л. Тюркина. – М., 2010. – 223 с.

9. Савоскул М.С. Резмиграция российских немцев из Германии в Россию: факторы и масштабы явления // Региональные исследования. – 2014. – №3 (41). – С. 57–68.
10. Canada Gazette Part II EXTRA Vol. 136, № 9. Immigration and Refugee Protection Regulations.
11. Департамент гражданства и иммиграции Канады: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cic.gc.ca/english/department/index.asp>.
12. Департамент иммиграции и пограничного контроля Сингапура: <http://www.ica.gov.sg/page.aspx?pageid=132&secid=130>.
13. Директорат по делам иностранцев в Норвегии (Utlendingsdirektoratet (UDI), [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.udi.no/Norwegian-Directorate-of-Immigration/About-UDI/Immigration-administration>.
14. Иммиграционное бюро Японии. Immigration Bureau. Министерство юстиции. Руководство к процедуре признания статуса беженца: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.immi-moj.go.jp/tetuduki/nanmin/pdf/English.pdf>.
15. Миграционная служба Швеции: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.migrationsverket.se/info/start_en.html.
16. Министерство внутренних дел Испании. Иностранцы. Граждане Европейского Союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interior.gob.es/web/servicios-al-ciudadano/extranjeria/ciudadanos-de-la-union-europea/estancia-y-residencia>.
17. Министерство иммиграции, интеграции, национальной идентичности и развития сотрудничества Франции <http://www.immigration.gouv.fr>.
18. Правительство Австралии. Департамент миграции и пограничной охраны. Миграционная программа на 2015-2015 годы: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.immi.gov.au/publications/Documents/discussion-papers/Migration-Programme-2015-16-Discussion-Paper.pdf>.
19. Правительство Австралии. Департамент миграции и пограничной охраны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.immi.gov.au/skills>.
20. Правительство Сингапура. Министерство трудовых ресурсов: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mom.gov.sg/profile-gateways/Pages/job-seeker.aspx>.
21. Федеральная служба государственной статистики РФ. Численность и миграция населения России в 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_107/Main.html.
22. Федеральное ведомство Германии по вопросам миграции и беженцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bamf.de/RU/Willkommen/Aufenthalt/WichtigeInformationen/wichtigeinformationen-node.html>.

Куричева Е.К., Попов А.А. (Москва)

РАЗВИТИЕ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В 2010-е гг. КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МОСКОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Kuricheva E.K., Popov A.A.

RESIDENCIAL CONSTRUCTION IN 2010-S AS A FACTOR OF THE TRANSFORMATION OF THE MOSCOW METROPOLITAN AREA

Аннотация. В статье рассмотрено воздействие жилищного строительства на трансформацию пространственной структуры Московской агломерации в 2010-е гг. Предложена типология жилищных проектов с учетом исходного назначения земельных участков и площади. Определены объемы жилищного строительства и доля жителей других регионов России среди покупателей новостроек, на основе чего проведена оценка ожидаемого роста населения. Проанализировано пространственное распределение жилищных проектов и их влияние на трансформацию различных зон агломерации.

Abstract. The article studies the influence of housing construction on the transformation of the spatial structure of the Moscow metropolitan area in 2010-s. Typology of projects, taking into account the original purpose of the land plots for construction and area of residential real estate, was proposed on the basis of the collected database. The volume of housing construction and the proportion of residents of other regions of Russia among the buyers of primary residence were defined. The expected growth of the population was estimated according to these data. The spatial distribution of housing projects and their impact on the transformation of the different zones of metropolitan area was analyzed.

Ключевые слова: Московская агломерация, жилищное строительство, жилищная недвижимость, трансформация территории.

Keywords: Moscow metropolitan area, housing construction, residential real estate, transformation of the territory.

Введение. Сравнение пространственной трансформации крупнейших агломераций мира в 1990–2010-е гг. демонстрирует уникальность столицы РФ. Столицы развитых

стран к 1990-м гг., в отличие от Москвы, уже находились на постиндустриальной стадии развития, обладали сформировавшимися рынками недвижимости и земли, а также

прозрачной схемой принятия градостроительных решений. Социально-экономические преобразования в постсоциалистических странах повлияли на пространственное развитие городов. После появления свободных рынков жилья изменились предпочтения населения по выбору места жительства. Сравнительный анализ развития селитебной зоны Будапешта, Вильнюса, Софии и Санкт-Петербурга позволил выделить общие социально-пространственные тенденции в изменении жилых территорий данных городов: дальнейшее развитие крупных районов массовой застройки, развитие субурбанизации, возрождение селитебных функций центра [14]. Для постсоциалистических стран характерны рост концентрации населения в столичной агломерации и высокая маятниковая миграция, что показано на примере Загреба [11]. Указанные тенденции присутствуют во всех рассмотренных городах, что говорит об общих закономерностях пространственного развития «постсоциалистического города».

Эмпирические исследования пространственной трансформации территории под воздействием жилищного строительства ряда других постсоциалистических городов (Праги, Риги, Белграда и Тираны) показали, что жилищное строительство в них сосредоточено на городских окраинах и ближайших пригородах, но различается по характеру застройки [17]. В Праге и Риге сформировавшийся средний класс обеспечил спрос на более комфортное жилье, что привело к строительству элитных поселков в ближнем пригороде и стимулировало процессы субурбанизации. В Белграде и Тиране ситуация принципиально иная – жилищное строительство приняло характер плотной застройки пригородов многоквартирными корпусами, что стимулировалось массовой миграцией населения в столицы и появлением на рынке дешевого жилья. Важным следствием постсоциалистической трансформации является социально-пространственная дифференциация различных районов жилой застройки, которая подробно рассмотрена на примере столиц 15 стран Центральной и Восточной Европы, включая Москву [16]. Вопросы социальной поляризации исследовались также на примере пригородов, центра и районов массовой жилой застройки Санкт-Петербурга [1].

Указанные тенденции характерны и для развития Московской агломерации. Среди

столиц постсоциалистических стран (кроме Китая), испытавших схожую с Россией социально-экономическую трансформацию, Москва и агломерация в целом выделяются своими размерами, численностью населения и разнообразием условий. Для планирования развития Москвы наиболее близок опыт крупных городов Латинской Америки (Мехико, Сан-Паулу) в связи со сходством институциональных условий (монополизацией рынка земли, неэффективностью налогообложения недвижимости, неэффективным регулированием градостроительной деятельности), авторитарными тенденциями в управлении, притоком мигрантов, отсутствием развитых механизмов местного самоуправления, высокой ролью ренты.

Московская агломерация является уникальным объектом исследования, испытавшим радикальную социально-экономическую трансформацию. Изменилась структура занятости и рынка труда, усилилась концентрация населения и экономической активности в столицах, выросла маятниковая миграция, интенсифицировалась массовая жилищная застройка крупных районов, произошло возрождение селитебных функций городского центра, началось развитие субурбанизации. Эти факторы вызывали изменение сформировавшейся к концу 1980-х гг. структуры агломерации.

Развитие Московской агломерации в постсоветский период. В позднесоветский период значимая часть Московской агломерации развивалась как крупный научно-промышленный центр, включающий в себя наукограды, города военно-промышленного комплекса. Населенные пункты ближнего Подмосковья (Химки, Мытищи, Люберцы, Балашиха) были достаточно автономны в обеспечении местами приложения труда. Старопромышленные города (Орехово-Зуево, Волоколамск, Можайск и ряд других) продолжали специализироваться на традиционных отраслях промышленности. Условия трансформации Московской агломерации в постсоветский период определялись сформировавшейся еще в советское время пространственной структурой, которая получила мощный вторичный толчок для развития за счет изменения институциональных условий – сформировался рынок земли и жилья, изменилась структура занятости,

из-за разрыва в уровне жизни с другими регионами вырос приток мигрантов, сформировался рентный характер экономики. За 1990–2000 гг. усилилось включение городов ближнего Подмоскovie в процессы маятниковой миграции, сложился единый с Москвой рынок труда. Ближайшие пригороды морфологически слились с Москвой и образовали сплошную урбанизированную территорию. Экономический спад 1990-х гг. привел в Московской области и, особенно, в Москве, к резкому снижению промышленного производства и доли промышленности в занятости, формированию заброшенных промзон. Частичная реиндустриализация в 2000-е гг. сопровождалась созданием ограниченного числа рабочих мест (преимущественно на периферии Московской области).

В настоящее время Московская агломерация развивается как постиндустриальная, что обусловлено сверхконцентрацией в столице управленческих функций, финансовых и демографических ресурсов, технологических и социальных инноваций. Опережающими темпами развиваются услуги и торговля, а рабочие места за 1990–2000 гг. стянулись в центральную зону ядра агломерации, что вызвано концентрацией в центре Москвы органов власти и штаб-квартир крупнейших компаний, являющихся основными агентами перераспределения нефтегазовой ренты. Характерное для развитых стран усиление экономической активности в ядре городской агломерации при переходе на постиндустриальную стадию развития [10, 12, 15] реализовалось в Москве в гипертрофированной форме. Процесс децентрализации в размещении офисной недвижимости, начавшийся в 2005–2007 гг. (строительство бизнес-центров и бизнес-парков на МКАД, на трассах к аэропортам), тем не менее, не привел к коренным изменениям в характере размещения мест приложения труда. Ряд функций ядра переместился в пригороды, но формирование новых центров потребления, услуг и развлечений в ближайших пригородах происходило существенно активнее, чем появление новых мест приложения труда. На общем фоне в лучшую сторону выделяется городской округ Химки – окраинный субцентр, сформировавшийся за последние 15 лет и расположенный вдоль Ленинградского шоссе. Он включает не только торгово-развлекательные, но и общественно-де-

ловые функции и характеризуется развитым рынком труда, обеспечивающим рабочими местами не только местных жителей, но и москвичей [13]. Другая зона концентрации офисной недвижимости в пригородной зоне, вдоль Рублевского и Новорижского шоссе, отражает ориентацию не на близость к рядовым сотрудникам, а на соседство с местом жительства владельцев бизнеса.

Важным фактором ускоренного роста Московской агломерации стало усиление межрегионального неравенства в стране, что увеличило миграцию населения страны в столицу и ее пригороды [2]. Доля Москвы в численности всех занятых в России с 1992 по 2013 г. выросла с 6,9 до 9,5%, а в розничном товарообороте – с 11,5 до 17,0% [6]. Отток наиболее активных и образованных слоев населения из других субъектов РФ уменьшает их кадровый и инновационный потенциал, понижает инвестиционную привлекательность. Круг замыкается, формируется ловушка развития [5]. Концентрация финансовых ресурсов в Москве, усиление межрегионального неравенства, высокий уровень доходов населения на фоне низкой обеспеченности жильем (19,3 м²), постоянный приток мигрантов, роль недвижимости в Москве как инвестиционного актива, обостряют жилищную проблему и формируют стабильный платежеспособный спрос, что стимулирует массовое жилищное строительство. Такой спрос опирается на ренту, в первую очередь, нефтегазовую [3]. Механизмами перераспределения ренты из добывающих регионов в крупные города являются межтерриториальные бюджетные и корпоративные трансферты. Несмотря на высокие доходы населения, комфортность жилья и городской среды являются в Москве наиболее существенным ограничением для повышения качества жизни.

В постсоветский период Московская агломерация продолжала инерционное моноцентричное развитие, сохраняя тенденции уплотнения ядра, усложнения структуры и расширения за счет пригородной зоны. За 1990–2014 гг. на территории Московской агломерации было введено в эксплуатацию 193,9 млн м², из них 59,0% – на территории Московской области, а в 2010–2014 гг. эта доля достигла 75,2%. К началу 2013 г. площадь жилищного фонда в Москве составила 230,7 млн м², увеличившись по сравнению с 2001 г. на 24,6%, а в Московской области –

210,0 млн м² (+46,9 %). Темпы прироста жилищного фонда за 2001–2013 гг. в области в 2 раза больше, чем в столице. Расчет прироста жилищного фонда за тот же период в старых административных границах дает уже трехкратную разницу между Москвой и областью – 18,6 и 54,6% соответственно.

Масштабное жилищное строительство стало одним из основных факторов пространственной трансформации агломерации. Активно продолжается экспансия жилой многоэтажной застройки за пределы «реального» города (зоны сплошной застройки). Расползание города (sprawl) дополнялось расширением агломерации вдоль всех магистралей с последующим освоением межмагистральных пространств. Увеличивается численность населения пригородов, растет расстояние ежедневных трудовых поездок, усложняется и без того критическая транспортная ситуация. Это усиливает давление на городскую и природную среду Московской агломерации. Заметное влияние на изменения пространственной структуры агломерации оказывает и развитие сегмента загородной недвижимости. Активное строительство коттеджных поселков, комплексов таунхаусов привело к значимым изменениям в структуре землепользования в зоне лесопаркового защитного пояса Москвы. Вместе с тем, влияние этого сегмента рынка на изменения в размещении населения представляется переоцененным. Суммарный объем предложения на рынке загородной недвижимости в конце 2014 г. составляет около 7,0 млн м² [20] (в то время как в многоквартирных домах – около 35,5 млн м²), существенная часть коттеджей и таунхаусов используется лишь как сезонное жилье или вовсе пустует.

Институциональная специфика, связанная со слабостью местного самоуправления, присущей постсоциалистическому городу структурой рынка земли с большим числом обременений и высоким уровнем монополизации, отсутствием действенной системы налогообложения земли и недвижимости – приводит к весьма медленной оптимизации использования дефицитного земельного ресурса [7]. В результате и в черте города, и за МКАД сохраняется большая инерция пространственной структуры. Стратегической задачей для повышения связности и качества городской среды агломерации, в первую очередь, ее ядра, является активизация процесса

редевелопмента, включение в ткань города территорий бывших промзон, складов, объектов железнодорожной инфраструктуры. Столица с 1995 по 2012 г. формально оставалась в неизменных границах, в то время как ее население выросло на 2,9 млн чел., пятно застройки продолжало расплываться на зону ближайших пригородов, а вдоль ряда магистралей – на расстояние 15–25 км от МКАД (до Пушкино, Лобни, Подольска). Альтернативные идеи полицентричного развития, высказанные еще в проектах Б. Сакулина, А. Щусева, С. Шестакова и многих других по созданию спутников и противовесов столице, так и не были воплощены в жизнь в полной мере [9].

Изменение пространственной структуры жилищного строительства в Москве и Московской области. Активизация жилищного строительства в Москве началась в первой половине 2000-х гг. К 2005 г., в силу ряда причин объективного (нехватка площадок, инфраструктурные проблемы, ограниченная мощность стройкомплекса) и субъективного характера (олигополия, наличие аффилированных с городскими властями строительных групп), темпы роста строительства в Москве замедлились. С 2008 г. начался резкий спад, вызванный как экономическим кризисом 2008–2010 гг., так и ограничениями, связанными с приходом новой управленческой команды и последовавшей ревизией разрешительной документации в 2010 году.

Спрос на жилье после завершения острой фазы кризиса осенью 2009 г. оставался стабильно высоким, что вынудило девелоперов перенести строительство жилья из Москвы в ближнее Подмосковье, где дополнительными триггерами спроса стали существенная разница в стоимости квадратного метра и менее жесткое градостроительное регулирование (в части обеспеченности машиноместами и социальной инфраструктурой). Если в 2000 г. в Московской области строили меньше, чем в Москве, а в 2005 г. – немного больше, то в 2011 г. – больше уже в 4,2 раза. Активизация строительства жилья в Московской области началась с городов ближнего Подмосковья, расположенных непосредственно за МКАД (Мытищи, Химки, Красногорск, Балашиха), где были сравнительно дешевые площадки для строительства, существовали резервы по инженерной инфраструктуре, а для некото-

рых компаний был создан «благоприятный» режим по подготовке разрешительной документации. После кризиса 2008–2009 гг. стали появляться проекты строительства крупных жилых комплексов, отделенных от уже существующих городов, что сместило строительную активность на свободные территории. Массовое коммерческое строительство распространилось и на населенные пункты, удаленные от МКАД на 15–25 км (Лобню, Щелково, Подольск, Пушкино).

К 2013 г. интенсивность жилищного строительства в Москве и области несколько выровнялась, а в Москве наметилась тенденция нового роста. В 2013 г. в Москве было выдано 827 разрешений на строительство жилья – больше, чем когда-либо ранее. Это связано с активизацией редевелопмента промышленных зон, снижением административных барьеров выхода на площадки. В Московском регионе в 2013 г. было введено в эксплуатацию 10,0 млн. м² жилья, из них в Москве – 3,1 млн м², в Московской области – 6,9 млн м². Согласно предварительной оценке за 2014 г., в Москве осуществлен ввод 3,2 млн м² жилья [19]. Резкий рост жилищного строительства в начале 2010-х гг. привел и к усилению конкуренции между участниками рынка недвижимости. Впервые за свою историю из «рынка продавца» он трансформировался в «рынок покупателя». Этому способствовало изменение законодательной базы, связанное с принятием закона о долевом строительстве, ставшим относительно надежной страховкой для покупателей.

Активизация жилищного строительства перевела вопрос об особенностях границ между различными составляющими Московской агломерации в практическую плоскость. Он стал одним из важнейших для тех компаний, которые стремятся оптимизировать развитие своих активов. В большинстве научных исследований для описания структуры Московской агломерации принято использовать схему «ядро (Москва в «старых границах») + 4 сектора – 4 пояса пригородной зоны», построенную на действующем административно-территориальном делении [4]. Для анализа развития рынка жилой недвижимости Москвы и Московской области такое деление применить нельзя. Это связано со сложной структурой как ядра, так и пригородной зоны агломерации применительно к реалиям рынка земли и недвижимости.

Для анализа рынка жилой недвижимости нами предлагается внешнюю границу ядра агломерации провести по МКАД, а в составе ядра отдельно выделить исторический центр Москвы с окружающим его поясом промышленных зон.

Пригородную зону предлагается разделить на два пояса – внутренний, в котором объекты нового строительства ориентированы на московский спрос, и внешний, в котором они ориентированы преимущественно на тех жителей, кто не совершает ежедневных маятниковых миграций в ядро агломерации. Граница между ними близка к изолинии предельной двухчасовой транспортной доступности московского рынка труда, что в современных условиях в большинстве секторов соответствует трассировке Московского малого кольца (ММК), проходящего приблизительно в 30 км от МКАД. За ММК застройщики почти не строят для тех, кто хочет жить в Московской области, а работать в Москве, ценообразование в этой зоне слабее зависит от транспортной доступности столицы по сравнению с локальными факторами. На фоне четырехкратного роста ежегодного ввода жилья за период с 1993 по 2010 г. по области в целом, за пределами ММК этот рост составил всего 60%. Доля ввода жилья за пределами ММК к вводу во всей области сократилась в 2,5 раза с 29,8% до 11,8% [22]. Доля жителей Подмоскovie среди покупателей жилья за пределами ММК превышает 50%, более 20% составляет доля жителей других субъектов РФ [21]. В соответствии с ориентацией жилищного строительства на московский или на местный рынок труда, разделились и функции подмосковных городов-субцентров [13]. Ближние центры (Химки, Мытищи, Красногорск, Одинцово и др.), как часть «реальной» Москвы, в ходе постиндустриального развития быстро развивают деловые и торговые функции в расчете на спрос, как москвичей, так и местных жителей. Другая группа – это ядра периферийных субагломераций (Серпухов, Клин, Коломна, Ногинск). Эти города также развились в центры приложения труда и потребления, но они ориентированы на местное население. Еще одним отличием «дальних» субцентров от «ближних» стала их частичная реиндустриализация, сопровождающаяся размещением предприятий пищевой и мебельной промышленности, производства

строительных материалов. Таким образом, под внутренним поясом пригородной зоны Московской агломерации понимается территория между МКАД и ММК, на которой с 1990-х гг. идет активная трансформация московских пригородов, сопровождающаяся массовым жилищным строительством, ориентированным на московский рынок труда.

Типологическая и территориальная дифференциация в жилищном строительстве в Москве и Московской области.

Современное состояние жилищного строительства в Московской агломерации было проанализировано с помощью мониторинга жилищных проектов в границах ММК по данным Росстата и открытой информации девелоперских компаний. В результате была получена информация об общем количестве проектов, площади возводимого жилья, числе корпусов и квартир на стадии строительства, цене квадратного метра, наличии инфраструктуры и др. Авторами были определены объемы жилищного строительства, проведена оценка предполагаемого роста населения, сделаны выводы о перспективном состоянии городской среды.

Всего в Московской агломерации на сентябрь 2014 г. реализовывалось 772 жилищных проекта, включающих в себя 2739 корпусов на стадии строительства (от котлована до сда-

чи в эксплуатацию). Суммарная площадь застройки всех проектов составляет 35,5 млн м² (табл. 1). Резкая девальвация рубля и инфляционные ожидания осенью 2014 г. вызвали всплеск продаж на первичном рынке жилья Московского региона. Стагнация в экономике, низкие цены на нефть, повышение кредитных ставок на фоне большого объема предложения могут привести к кризисным явлениям на рынке жилья, удлинению периода реализации некоторых проектов. Тем не менее, в формируемых моделях мы исходим из того, что все заявленные объемы, на которые получена разрешительная документация, будут достроены.

На рынке жилищного строительства действуют 426 компаний-застройщиков, 27 наиболее крупных из них ведут строительство свыше 300 тыс. м² жилья каждая, а 4 крупнейшие – свыше 1 млн м² («Мортон» – 2,5 млн м², «СУ-155» – 1,3 млн м², «ПИК» – 1,1 млн м², «Абсолют» – 1,0 млн м²).

Для анализа воздействия жилищного строительства на пространственную структуру агломерации и на трансформацию городской среды по характеру застройки, все проекты были разделены на три типа: точечная застройка, жилой комплекс и жилой квартал (табл. 1). В качестве критериев типологии использовались суммарная площадь квартир, количество корпусов, наличие коммерческой, социальной и транспортной ин-

Таблица 1

Распределение жилищных проектов по типам в различных зонах Московской агломерации, сентябрь 2014 г.

	Тип застройки	Кол-во проектов	Площадь жилья, млн м ²	Доля в общей площади, %
Все проекты до ММК	Тип 1 точечная застройка	450	7,3	20,6
	Тип 2 жилой комплекс	245	14,6	41,1
	Тип 3 жилой квартал	77	13,6	38,3
Всего до ММК		772	35,5	100
В т.ч. в ядре агломерации (до МКАД)	Тип 1 точечная застройка	175	2,4	30,8
	Тип 2 жилой комплекс	47	3,8	48,7
	Тип 3 жилой квартал	10	1,6	20,5
Всего (до МКАД)		232	7,8	100
В т.ч. в ЦАО	Тип 1 точечная застройка	75	0,8	53,0
	Тип 2 жилой комплекс	5	0,3	30,0
	Тип 3 жилой квартал	3	0,4	27,0
Всего в ЦАО		83	1,5	100
В пригородной зоне (между МКАД и ММК)	Тип 1 точечная застройка	275	4,9	17,7
	Тип 2 жилой комплекс	198	10,7	38,6
	Тип 3 жилой квартал	67	12,1	43,7
Всего в пригородной зоне		540	27,7	100

Источник: расчеты авторов.

фраструктуры. Принадлежность проекта к тому или иному типу зависит от сочетания параметров, что приводит к частичному взаимопересечению типов проектов по площади жилых корпусов:

1-й тип – точечная застройка с площадью жилья после завершения проекта до 50 тыс. м², 1–2 корпуса без объектов социальной инфраструктуры, в ряде проектов может присутствовать коммерческая инфраструктура на первых этажах зданий (магазины, предприятия сферы услуг);

2-й тип – жилой комплекс с площадью жилья от 50 до 150 тыс. м², обеспеченный рядом объектов социальной и коммерческой инфраструктуры (магазины, предприятия сферы услуг, детские сады, многоуровневые или подземные паркинги);

3-й тип – жилой квартал с площадью жилья 150 тыс. м² и более, включающий большое количество корпусов с объектами социальной, коммерческой и транспортной инфраструктуры (детские сады, школы, поликлиники, многофункциональные торговоразвлекательные и физкультурно-оздоровительные центры, элементы улично-дорожной сети общего пользования).

Пространственное распределение проектов жилищного строительства в соответствии с предложенной типологией показано на рис. 1. Концентрация проектов наблюдается в ядре агломерации, что отражает ее моноцентрический характер. Кроме того, проекты группируются рядом с основными транспортными магистралями. Особенно ярко это проявляется по Ленинградскому (Химки), Волоколамскому (Красногорск), Симферопольскому (Щербинка – Подольск), Ярославскому (Мытищи – Пушкино) и Горьковскому (Балашиха) направлениям.

На территории ЦАО, занимающего всего 0,7% площади, ограниченной ММК, реализуется 83 проекта или более 10% от числа всех проектов, а по площади строящегося жилья – 4,2% (1,5 млн м²). Превратившись в элемент престижного потребления и инвестиционный актив, проживание в городском центре стимулирует центростремительный вектор в расселении состоятельной части населения, что ведет к увеличению селитебной функции в историческом центре.

В пределах МКАД реализуется 232 проекта с объемом жилья в 7,8 млн м², наиболее крупный проект – ЖК «Царицыно» на месте

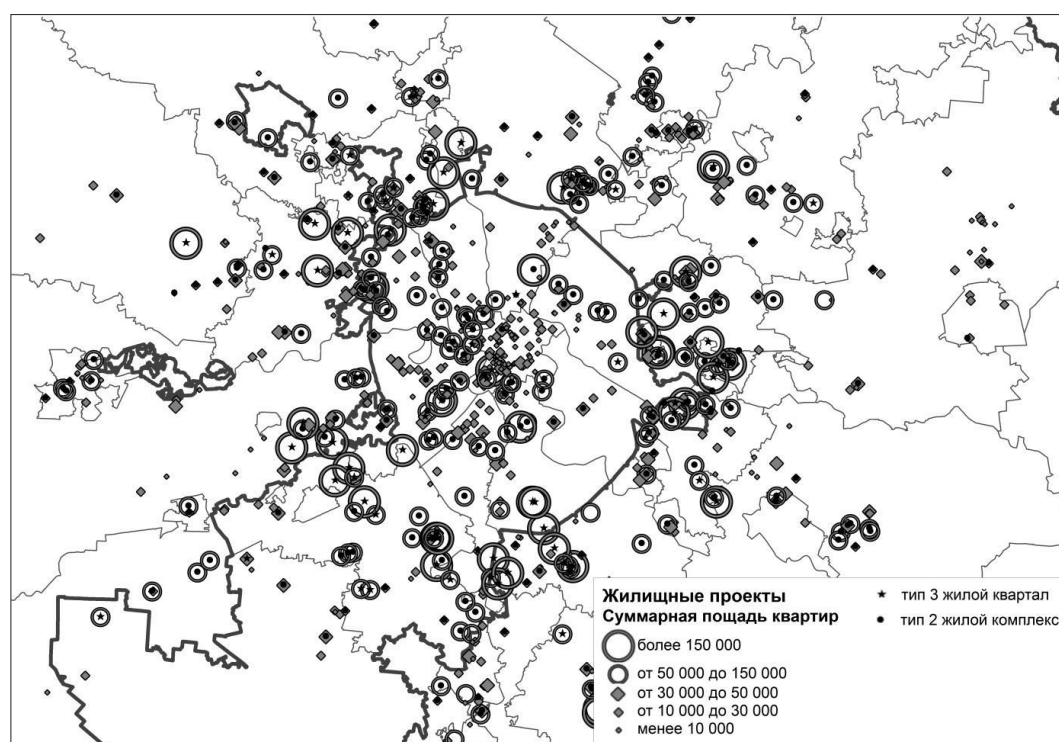

Рис. 1. Типология жилищных проектов по признаку суммарной площади квартир, наличию коммерческой, социальной и транспортной инфраструктуры, сентябрь 2014 г.
Источник: составлено авторами.

Московского комбината хлебопродуктов в Восточном Бирюлево (350 тыс. м² в стадии строительства). В административных границах Москвы, включая Новую Москву, строится 295 проектов (12,9 млн м² жилья).

Во внутренней части пригородной зоны (на территории между МКАД и ММК, административно относящейся как к Москве, так и к Московской области) реализуется 540 проектов с объемом жилья в 27,7 млн м² или 78% от всего жилья, возводимого в пределах ММК. Из них в Московской области реализуется 477 проектов (22,6 млн м² жилья). Таким образом, пространство города «расширяется» путем одновременного уплотнения центра и расположения в пригороды по принципу «масляного пятна».

Характер секторальной дифференциации нового жилищного строительства в ядре и в пригородной зоне агломерации различен. В пределах МКАД проекты сконцентрированы вдоль сложившихся «осей престижности» (Ленинского проспекта на юго-западе, Кутузовского проспекта и Звенигородского шоссе на западе, Ленинградского проспекта на северо-западе). Эта тенденция пока наследует вектор развития московского рынка жилья, заданный в 2000-х гг., когда новостройками застраивались, в первую очередь, центр и окрестности лесопарковых зон западной части столицы. В среднесрочной перспективе это распределение изменится, так как планируется реализация масштабных проектов по застройке бывших предприятий востока и юго-востока города («ЗиЛ», «Серп и Молот», АЗЛК, Карачаровский механический завод и др.).

В пригородной зоне наибольшая активность застройщиков в последние годы не привязана ни к продолжениям «осей престижности» за МКАД, ни к сформировавшейся системе расселения. Решающим фактором локализации зон с наиболее высокой концентрацией жилых комплексов стали институциональные особенности рынка земли. Повышенная концентрация новостроек в южном и юго-западном секторах пригородной зоны связана с реализацией проектов на месте бывших сельхозугодий. Активное освоение территории подмосковных городов Балашихи, Железнодорожного, Химок во многом связано с наличием строительных компаний, частично аффилированных с городскими властями.

Наиболее многочисленную группу формируют проекты точечной застройки, состоящие из 1–2 корпусов, на которые приходится 20,6% всего строительства жилья (7,3 млн м²). В стадии строительства находятся 450 проектов, состоящих из 573 корпусов, а после завершения проектов число корпусов вырастет до 595. В ядре агломерации в пределах МКАД доля точечных проектов по площади возводимого жилья составляет 30,8% (2,4 млн м²), а в пригородной зоне уменьшается до 17,7% (4,9 млн м²).

Несмотря на морфологическую общность, точечные проекты объединяют жилье различных ценовых сегментов и, по существу, различных подтипов. Так, в рамках точечного строительства возводится наиболее дорогое жилье повышенной комфортности в исторически плотной застройке Москвы и подмосковных городов, причем преимущественно в их центральной части. В ЦАО к точечной застройке относится 75 из 83 проектов, а их доля в площади возводимого в округе жилья составляет 53%.

Другая ситуация складывается, когда местом строительства точечных проектов становится городская периферия или территория вне сплошной урбанизированной зоны. Распространение подобных проектов обусловлено не столько недостатком свободных участков, сколько возможностью для небольших компаний-застройщиков войти на рынок с минимальным уровнем затрат.

Проекты жилых комплексов вносят наибольший вклад в жилищное строительство, их доля в площади возводимого жилья достигает 41,4%. Всего подобных проектов – 245, в их рамках ведется строительство 1337 корпусов общей площадью жилья 14,6 млн м², а после завершения проектов число корпусов вырастет до 2028. Проекты жилых комплексов обладают наиболее равномерным пространственным распределением. Их доля в площади жилья среди проектов в пределах МКАД составляет 48,7% (3,8 млн м²), а в пригородной зоне – 38,6% (10,7 млн м²).

Строительство 77 проектов жилых кварталов предполагает возведение 13,6 млн м² жилья, их доля в площади возводимого жилья составляет 38%. В стадии строительства находится 829 корпусов. Данные проекты формируют новые центры расселения с суммарным ожидаемым числом жителей почти 450 тыс. человек. Большинство проектов

жилых районов (67 из 77) расположено вне пределов МКАД, причем средний радиус удаления от кольцевой автодороги – 6–8 км. Территория муниципалитетов, расположенных непосредственно за МКАД, подвергается активной функциональной трансформации. Доля жилья, строящегося в рамках жилых кварталов, возрастает от 27% в ЦАО (3 проекта) до 43,7% в пригородной зоне. Проекты преимущественно сконцентрированы в северо-западном, юго-западном и юго-восточном направлениях, где еще остались значительные резервы свободных площадей.

Строительство жилья на участках вне городских поселений в ряде случаев приводит к возникновению серьезных проблем для жителей, которые сталкиваются с острым дефицитом социальных услуг, инженерных и транспортных коммуникаций. Но острота жилищной проблемы и высокие цены на недвижимость в столичном регионе обуславливают готовность покупателя приобретать дешевое жилье даже в случае серьезных инфраструктурных проблем и при отсутствии развитой городской среды.

Помимо типологии, проведенной по объему строящегося жилья и инфраструкту-

ры, проекты строительства можно классифицировать по исходной принадлежности используемой земли. Это могут быть земли градостроительного резерва, на которых возводится 5,1 млн м² жилья, дома снесенного или реконструированного ветхого жилого фонда – 1,3 млн м², проекты редевелопмента промышленных зон – 4,4 млн м², проекты точечной застройки на землях жилого фонда – 7,1 млн м². Суммарно на этих территориях возводится 50% жилья. Другая половина строящегося жилья (17,5 млн м²) относится к категории Green field и возводится на территориях, которые документами территориального планирования не были предназначены для строительства. Столь высокая доля возводимого жилья в рамках Green field говорит об экстенсивном пути развития агломерации (рис. 2).

Сравнительный анализ структуры жилищного строительства в зависимости от исходной принадлежности земли на территории ядра агломерации внутри МКАД с территорией вне кольцевой автодороги показывает наличие больших различий (рис. 3). В пригородной зоне за пределами МКАД преобладает застройка свободных террито-

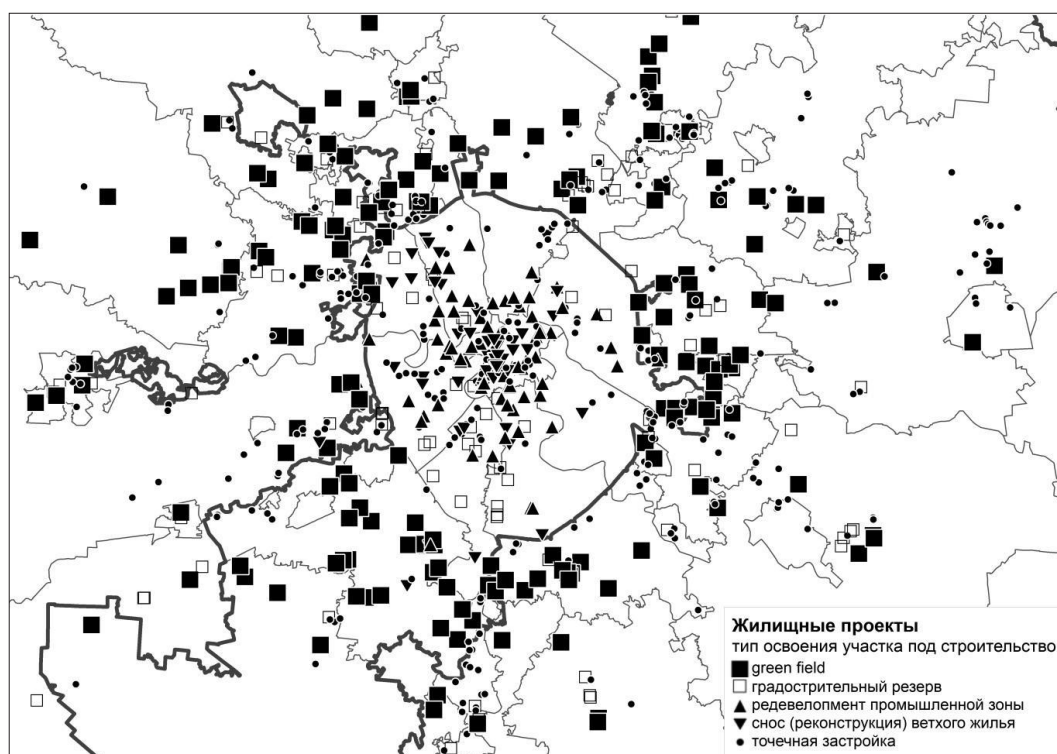

Рис. 2. Типология жилищных проектов по признаку функционального назначения участка под строительство, сентябрь 2014 г.

Источник: составлено авторами.

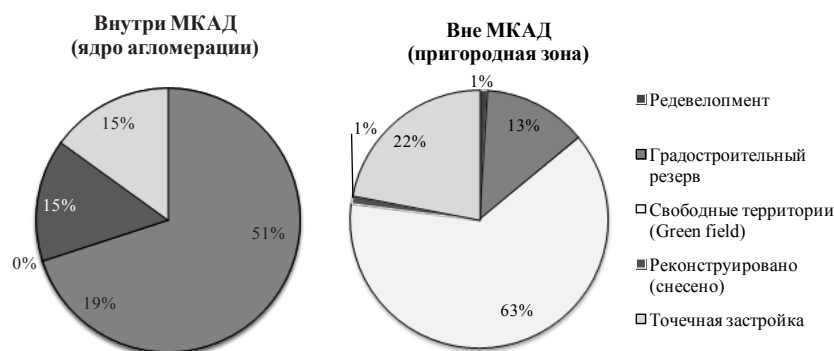

Рис. 3. Структура строительства жилья в ядре и пригородной зоне агломерации по исходной принадлежности земли, используемой в рамках проектов, %

Источник: составлено авторами.

рий Green field – 63%, а доля редевелопмента и реконструкции минимальна – по 1%. На территории ядра агломерации внутри МКАД большая часть строительства осуществляется в результате редевелопмента промышленно-коммунальных зон – 51%, строительство в рамках Green field отсутствует.

Реорганизация производственных территорий активно началась в Москве во второй половине 2000-х гг. Развитие Москвы как крупного финансово-делового центра страны на фоне деиндустриализации вызвало частичное замещение производственных площадок на офисную и торговую недвижимость, а высокий спрос на жилье обусловил перепрофилирование ряда бывших промышленных предприятий под жилые функции [8]. В рамках редевелопмента в настоящий момент реализуется 80 проектов, предполагающих возведение 4,4 млн м² жилья, что составляет 12% от всего объема строительства. Почти все проекты редевелопмента (78 из 80) расположены в Москве, лишь 2 проекта – в Московской области. Из московских проектов 1 находится в Новой Москве, 1 – в Митино за МКАД, остальные 76 лежат внутри МКАД, причем 29 проектов с суммарной площадью жилья 750 тыс. м² реализуются в ЦАО. В результате редевелопмента получают распространение лофты – относительно новый для России тип жилья в переоборудованных бывших промышленных и инфраструктурных зданиях, такие как «Даниловская мануфактура» (на месте текстильной фабрики им. Фрунзе), «Кадашевские палаты» (в корпусах Кадашевских бань), «Вайн Хаус» (на территории завода шампанских вин «Корнет») и др. Половина проектов редевелоп-

мента (40 из 80) – это точечные проекты, хотя есть и 7 крупных проектов жилых кварталов.

В настоящий момент анонсирован ряд проектов по застройке жильем крупных участков промышленного назначения вдоль Третьего транспортного кольца (ТТК) – это площадки заводов «ЗиЛ», «Серп и Молот», «Кристалл», «Мелькомбинат №4» и др., прекративших свою деятельность. Реализация данных проектов в ближайшие 7–10 лет радикально изменит территориальную структуру города. Вместо промышленного пояса, сформировавшегося сто лет назад на бывших окраинах Москвы, возникнет новая селитебная зона, дополненная офисными и торговоразвлекательными функциями.

На основе деперсонифицированной базы данных Росреестра, содержащей адреса регистрации покупателей первичного жилья в ЖК разного класса и разной локализации, авторами была проанализирована региональная принадлежность покупателей по месту их регистрации и сделаны обоснованные выводы о том, жители каких регионов являются покупателями квартир в новостройках с различным местоположением. База Росреестра содержит данные о 37358 покупателях квартир в 63 проектах в Москве и Московской области в пределах ММК за 2011–2013 гг. В Москве из 24475 покупателей жилья доля москвичей составляет 69,6%, а доля жителей Московской области – 12,9%. В Московской области доля москвичей падает до 53,8%, тем не менее, продолжая составлять большинство покупателей, а доля жителей Подмосковья увеличивается почти в 2 раза и достигает 23,3%. Доля жителей других субъектов РФ среди покупателей жилья составля-

ет 17,5% в столице, заметно увеличиваясь в области – до 22,9%.

После завершения реализации всех рассмотренных проектов, новоселами, по оценке авторов, станут около 1,4 млн человек. На территории Новой Москвы жильем будут обеспечены 175 тыс. человек, в Красногорске – 50 тыс., в Химках – 65 тыс., в Балашихе – 80 тыс., внутри МКАД – 310 тыс. человек. Происходит перераспределение населения в сопредельные с Москвой муниципальные образования за счет москвичей, жителей периферии Московской области и жителей других регионов. Рост населения пригородной зоны, как в существующих городах, так и в новых центрах расселения, увеличивает маятниковую миграцию и усугубляет транспортную ситуацию в агломерации. Усиление взаимосвязей между Москвой и сопредельными муниципальными образованиями способствует расширению ядра агломерации.

Предпосылки для дальнейшей структурной перестройки агломерации созданы и в результате исторически нехарактерного секторального, а не радиально-кольцевого расширения Москвы в юго-западном направлении. На новых территориях в сентябре 2014 г. на стадии строительства находилось 52 проекта, предполагающих возведение 4,3 млн м² жилья, или 16% от объема строительства в Московской области, в то время как площадь территории и население Новой Москвы составляют лишь 3,2% от соответствующих показателей Московской области [18]. Процессы урбанизации и формирования новых селитебных центров, происходящие на территории Новой Москвы, в концентрированном виде отображают тренды и проблемы развития Московской области.

В новых центрах расселения вслед за возведением жилья возникают «ядра» потребления товаров и услуг. Строительство коммерческой недвижимости отстает от потребностей быстро растущего населения в местах приложения труда. Первоочередное формирование селитебных центров, а на их основе – центров потребления, отражает постиндустриальный этап развития агломерации, в отличие от индустриальной эпохи опережающего формирования центров производства, а уже на их основе – центров расселения. Возникает своеобразная постиндустриальная полицентричность.

Таким образом, на территории, ограниченной Московским малым кольцом, функционирует «реальный» московский рынок жилой недвижимости, покупатели которой ориентированы на московский рынок труда, причем большинство из них составляют москвичи, как внутри МКАД, так и за ее пределами. Достаточно высокая доля иногородних покупателей (около 20%) приведет к тому, что без учета покупателей на вторичном рынке, население агломерации после завершения проектов и продажи жилья увеличится минимум на 300 тыс. человек.

Заключение. В постсоветский период развитие Москвы как общенационального центра происходило в рамках постиндустриальной трансформации. В столичном регионе увеличилась концентрация финансовых ресурсов, экономической активности, управленческих структур. Эти факторы в совокупности с агломерационным эффектом и ростом межрегионального неравенства увеличили миграцию жителей других субъектов РФ в Москву и Подмоскowie, что привело в 2000-е гг. к значительному росту численности населения. Концентрация финансовых ресурсов и рост численности населения стимулировали жилищное строительство, что привело к уплотнению существующей городской застройки, ее дальнейшему распространению за МКАД.

На сентябрь 2014 г. в пределах ММК в стадии строительства находилось 772 проекта с общей площадью жилья 35,5 млн м², что составляло 8,1% от наличного жилого фонда Московского региона. Стоимость этого пула жилья составляла более 120 млрд долл (в ценах ноября 2014 г.). Несмотря на столь внушительные объемы, притягательность московского рынка труда обеспечивает платежеспособный спрос на поступающее на рынок жилье. Большинство покупателей нового жилья, как в Москве, так и в Московской области (в пределах ММК) составляют москвичи (70 и 54% соответственно), для которых переезд в область, как правило, не сопровождается сменой места работы. Для жителей Подмоскowie характерно перемещение на постоянное место жительства в ближайшие пригороды или в Москву. После завершения всех проектов население агломерации увеличится ориентировочно на 300 тыс. чел. за счет жителей других регионов,

доля которых среди покупателей жилья составляет около 20%.

Анализ процесса жилищного строительства на уровне проектов, проведенный в работе, в отличие от интегрального анализа на уровне региона или муниципальных образований, многие из которых имеют сложную конфигурацию, позволит принимать более обоснованные решения государственными структурами и инвесторами при дальнейшем планировании развития агломерации. Пространственное распределение проектов отражает моноцентрический характер агломерации. Точечные проекты сконцентрированы в исторически плотной застройке городского центра Москвы и городов Подмосковья. С другой стороны, часть точечных проектов, в основном мелких застройщиков, расположена на городских окраинах или на свободных территориях. Проекты жилых комплексов характеризуются равномерным пространственным распределением по агломерации. Проекты жилых кварталов преобладают в пригородной зоне, где их доля достигает 43,7% от суммарной площади квартир, максимум их концентрации наблюдается на расстоянии 6–8 км от МКАД. Анализ пространственной структуры жилищного строительства в разрезе исходной принадлежности земельных участков под застройку показывает, что в пригородной зоне за пределами МКАД преобладает застройка свободных территорий – 63%, а в ядре агломерации внутри МКАД – redevelopment бывших промышленных предприятий – 51%. В пределах ММК redevelopment обеспечивает строительство 12% жилья, его развитие увеличивает связанность территорий и повышает комфортность городской среды. Активное жилищное строительство внутри МКАД и в зоне ближайших муниципальных образований за ее пределами вызывает структурные изменения агломерации – расширение и уплотнение ее ядра.

Пространственное распределение ввода жилья претерпит в ближайшее время се-

рьезные изменения. Начавшись во второй половине 2000-х гг. строительный бум в ближнем Подмосковье получил дополнительный стимул после прихода в 2010 г. на пост столичного мэра С. Собянина, который на продолжительное время ограничил строительство новых объектов в Москве. С 2015 г. на московском первичном рынке жилья запланированы к выходу в реализацию рекордно большие объемы квартир. В стадии строительства, даже без учета новостроек Новой Москвы, находится 8,6 млн м², а всего в административных границах Москвы – 12,9 млн м² жилья. Соотношение объемов предложения на первичном рынке жилой недвижимости между Москвой и областью будет выравниваться. Выход на столичный рынок больших объемов жилья приведет к росту доли московского региона в стоимости первичной жилой недвижимости России. За первые девять месяцев 2014 г. доля московского региона составила 28%, но в ближайшие 1–2 года следует ожидать её увеличения до 40%. Ухудшение экономической ситуации в стране за счет внешнего экономического давления, роста инфляции, ослабления рубля отразится на динамике реализации жилой недвижимости. Несмотря на эти неблагоприятные тенденции, авторы полагают, что все заявленные проекты в те или иные сроки будут достроены.

Таким образом, в перспективе активное жилищное строительство приведет к пространственной трансформации Московской агломерации по следующим основным направлениям: 1) дальнейшее уплотнение ядра агломерации за счет проектов точечной застройки и redevelopment; 2) возникновение в ближайшие 5–7 лет новой селитебной зоны на месте промышленного пояса вдоль ТТК; 3) расползание ядра агломерации за МКАД, распространение сплошной урбанизированной зоны вдоль полимагистралей с заполнением оставшегося резерва слабо застроенной территории Новой Москвы.

Библиографический список

1. Аксенов К., Брадэ И., Рох К. Развитие социально-пространственной дифференциации в районах массовой жилой застройки в постсоветском городе (на примере Ленинграда-Санкт-Петербурга) // Известия РАН. Сер. геогр. – 2010. – № 1. – С. 42–53.
2. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
3. Зубаревич Н.В. Рента столичного статуса // Pro et Contra. Москва как физическое и социальное пространство. – 2012. – № 6 (57), ноябрь – декабрь. – С. 6–19.

4. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. – М.: Новый хронограф, 2008. – 344 с.
5. Полтерович В. М. Элементы теории реформ. – М.: Экономика, 2007. – 446 с.
6. Российский статистический ежегодник. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2014. – 693 с.
7. Трутнев Э.К. Качество городской среды и право // Городской альманах: вып. 5. – М.: Институт экономики города, 2012.
8. Чернышова Н.А. Современные проблемы реорганизации производственных зон Москвы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2010. – № 1. – С. 72–77.
9. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. – М.: Стройиздат. 1996. – 709 с.
10. Ellison, G., E. Glaeser, and W. Kerr. What Causes Industry Agglomeration? Evidence from Coagglomeration Patterns // *The American Economic Review*, 2010. 100 (3), pp. 1195–1213.
11. Feletar P. The Function of Zagreb as a factor of the transformation of the greater Zagreb girdle – with a separate commentary on daily migration. *Revija za geografijo* – *Journal for Geography*, 4–2, 2009, p. 61–70.
12. Glaeser, E., 2008, "Cities, Agglomeration and Spatial Equilibrium", Oxford: Oxford University Press.
13. Golubchikov, O. and Phelps, N. The political economy of place at the post-socialist urban periphery: governing growth on the edge of Moscow // *Transactions of the Institute of British Geographers*. V. 36 (3), 2011, pp. 425–440.
14. Neugebauer, C., Herfert, G., Brade, I. Sozialräumliche Entwicklungspfade in der postsozialistischen Stadt: empirisch-konzeptionelle Reflexionen zum sozialräumlichen Wandel in mittel- und osteuropäischen Großstadregionen nach 1990 // *Europa regional*. 19.2011 (2014), 3–4, pp. 64–82.
15. Rosenthal S.S., Strange W.C. The determinants of agglomeration // *Journal of Urban Economics*. 2001. 50. pp. 191–229.
16. Tsenkova S. Managing change: The Comeback of Post-Socialist Cities // *Urban Research and Practice*, vol.1, No.3, 2008, pp. 291–310.
17. Tsenkova S. Winds of change and the spatial transformation of post-socialist cities. 2013. *Baltic Words*, Sodertons University, v. 1. pp. 20–26.
18. Департамент развития новых территорий Москвы // Режим доступа: www.drnt.mos.ru (дата обращения: 10.12.2014).
19. Департамент строительства г. Москвы. Портал стройкомплекса // Режим доступа: <http://stroim.mos.ru/stroitelstvo-v-okrugah-raionah> (дата обращения: 29.11.2014).
20. Индикаторы рынка недвижимости. Исследование рынка коттеджных поселков Новой Москвы и Подмосковья за 2013-2014 годы // Режим доступа: <http://www.irm.ru/research108> (дата обращения: 14.01.2015).
21. Росреестр. Портал услуг // Режим доступа: <https://rosreestr.ru/wps/portal/#> (дата обращения: 26.11.2014).
22. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) // Режим доступа: www.gks.ru (дата обращения: 10.11.2014).

СЕЗОННАЯ ПУЛЬСАЦИЯ РАССЕЛЕНИЯ В МОСКОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ДАЧНОЙ И ТРУДОВОЙ МАЯТНИКОВОЙ МИГРАЦИИ: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ И ОЦЕНКА¹

Makhrova A.G., Kirillov P.L.

SEASONAL FLUCTUATIONS IN POPULATION DISTRIBUTION WITHIN MOSCOW METROPOLITAN AREA UNDER TRAVELLING TO SECOND HOMES AND LABOUR COMMUTING: APPROACHES AND ESTIMATIONS

Аннотация. Проанализирован отечественный и зарубежный опыт учета дачных и трудовых маятниковых миграций населения, а также методические подходы к их применению для оценки численности дачников и коммютеров в Московской агломерации. Рассмотрена пульсация населения Москвы и Московской области в разные сезоны года и выявлены изменения в формах мобильности населения при поездках на дачи и на работу.

Abstract. Domestic and foreign practice of estimating the size of second-home (dacha) travelling and labour commuting is reviewed along with the methodological approaches for summer residents and commuters estimations in the Moscow metropolitan area. Fluctuations of population of Moscow and Moscow oblast are considered throughout various seasons. Contemporary changes in population mobility patterns for both second-home owners and commuters are revealed.

Ключевые слова: пульсация населения, Московская агломерация, поездки на дачи, трудовая маятниковая миграция

Keywords: Population fluctuations, Moscow metropolitan area, travelling to second homes, dachas, labour commuting.

Сложная пространственная организация крупнейших городских агломераций требует переосмысления подходов к анализу их расселенческих свойств. Современные агломерации следует рассматривать как сочетание стационарных и динамических элементов расселения, формирующихся в результате возвратной мобильности населения. Для Московской городской агломерации в качестве динамических элементов выступают миграции населения, обусловленные недельной (трудовой, учебной и т.д.) и сезонной ритмикой жизнедеятельности. Возникающие в результате формы взаимосвязанного расселения характеризуются выраженной пространственной пульсацией в пределах различных временных периодов.

Несмотря на то, что факторы формирования маятниковых миграционных потоков населения на работу в отечественной и зарубежной практике идентичны и определяются соотношением градиентов доходов от трудовой деятельности и издержек на обеспечение жизнедеятельности (стоимости жизни), принципиально различаются механизмы их формирования. В условиях субурбанизации западного типа происхо-

дил переток трудовых ресурсов из районов, прилегающих к местам приложения труда, в места с более низкими издержками проживания, т.е. из ядра и в пригороды. В крупнейших постсоветских агломерациях, напротив, увеличение потоков происходило на фоне сложившихся трудовых миграций за счёт ускоренного прироста стоимости труда в ядрах агломераций без переселения населения в пригороды. Другой важной особенностью постсоветских агломераций остаётся наличие в их пределах масштабных дачно-рекреационных функций, формирующих альтернативную систему расселения с выраженной сезонной пульсацией.

В РФ проблема оценки масштабов внутриагломерационных колебаний размещения населения продолжает оставаться одной из «terra incognita» в сфере статистического учёта и исследования расселения, поэтому в рамках настоящего исследования предложены основные подходы к её решению на примере Московской агломерации. В её пределах вопрос учёта маятниковых мигрантов особенно актуален, так как это не только ареал самых масштабных возвратных миграций, но и место проявления новых трендов

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме») Института географии РАН.

в их развитии. При этом накопленный опыт исследований, проводившихся на примере этого полигона, в том числе и авторами данной статьи [2, 7, 11], делает интересным и возможным сравнительный анализ как методов исследования возвратной мобильности, так и оценок пульсации численности населения ядра и пригородной зоны агломерации с учетом их сезонной изменчивости. Вопрос о границах Московской агломерации, а также ее ядра и пригородной зоны остается открытым и разными авторами трактуется по-разному; в данной работе она упрощенно рассматривается в границах Москвы и Московской области.

В зарубежной практике статистического учета сбор информации о возвратной мобильности, как правило, выходит за рамки программ текущих оценок населения и расселения и осуществляется в виде специализированных исследований. Например, Бюро цензов США проводит «Оценки дневного населения с учетом маятниковых мигрантов» [19]. Национальное статистическое ведомство Великобритании осуществляет статистические оценки, привязанные к данным переписей населения, которые выполнены в рамках «Модели маятниковых миграций» [20]. Эти исследования содержат сведения о размещении рабочих мест, а также позволяют определять миграционный обмен между муниципалитетами, проводить сопоставление численности их наличного и постоянного населения, выявлять пространственную дифференциацию в концентрации населения в течение недельного и суточного циклов.

Проблема оценки миграционных потоков дачного типа во многом обусловлена путаницей в терминологии, используемой при исследовании дачного феномена, а также дефицитом статистики. Наиболее распространенными и полными источниками информации служат данные обследований жилья. В Великобритании – это English Housing Survey, охватывающее 1,5–2 десятков тысяч домовладений, во Франции – оценки, проводимые Национальным институтом статистики (INSEE), в США второе жилье вот уже более полвека исследует Бюро цензов [16]. Исследования дачных миграций проводятся только эпизодически: работы такого типа могут быть объединены в рамках тематики «туризма второго дома»,

получивших распространение в странах с наличием информационных условий для такого анализа [21].

В данной работе для оценки трудовой маятниковой и дачной миграции были использованы разные источники информации, включающие как прямые, так и косвенные количественные показатели. К ним относятся данные, получаемые из федеральных и региональных статистических сборников, Пенсионного фонда РФ, баланса трудовых ресурсов и др. Кроме того, были использованы результаты социологических опросов, рассматривающих вопросы возвратной мобильности населения, обобщены материалы исследований, проводившихся по данной тематике ранее [7, 11, 18 и др.].

Численность московских дачников: результаты применения разных методов. Несмотря на то, что Россия – «чемпион мира» по количеству и распространенности дач [16], отдельным объектом мониторинга статистических служб они не стали, хотя некоторую информацию из официальных изданий Росстата все-таки можно получить. Данные о количестве семей, владеющих садами и огородами и занимаемой ими площади, приводятся в сборниках «Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России». Однако наиболее полным источником сведений о количестве и типах дач, их локализации и некоторых особенностях использования земельных участков (в том числе в региональном разрезе) служит сельскохозяйственная перепись. Первая и пока единственная работа этого рода была выполнена в 2006 г. [5]; в настоящее время ведется подготовка для выполнения в 2016 г. аналогичного обследования. После проведения сельскохозяйственной переписи в сборниках «Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России» региональный разрез о дачах исчез, осталась информация только по стране в целом.

Таким образом, существующие данные для анализа дач дают срез примерно десятилетней давности, но инерционность сдвигов в этой области делает все еще возможным их использование. По данным сборника Росстата по состоянию на 2003 г. в Московской области площадь земель под садами и огородами (включая не только коллективные, но и индивидуальные владения) составила 140,6 млн га [15]. Сельскохозяйственная пе-

репись уточнила, что коллективными садами, дачами и огородами в 2006 г. было занято 125,8 млн га при среднем размере участка 7,4 сотки. Одновременно было уточнено число участков (свыше 1,3 млн владений), появилась информация об их размещении в разрезе муниципальных образований и об особенностях использования дач в садовых, огородных и дачных объединениях.

Определенные возможности для анализа дачного сегмента давала статистика на региональном уровне. Так, на основе данных о наличии земель и их распределении (форма Мособлкомзема 22-3) можно было анализировать динамику земель, занимаемых садами, дачами, огородами, ИЖС и ЛПХ (за 1995–2004 гг.). Однако с образованием Ресреестра доступ к этому источнику информации осложнился.

Большой интерес представляла информация Мособлкомстата о числе дачных и личных подсобных хозяйств с выделением владений москвичей и жителей области, а также земель под садоводством, огородничеством и ИЖС (форма 1-зем, регион). После 2004 г. эта форма не разрабатывается, но медленные темпы изменения количества имеющихся владений и их структуры позволяют дать приблизительную оценку доли москвичей в структуре дач: около 1% по огородным владениям, примерно 60% по садам и свыше 70% от всех владений в дачных объединениях [9].

В Московской области была предпринята попытка создания реестра дачников, который мог бы стать источником разнообразной информации, включая и инфраструктурную обеспеченность садово-огородных товариществ, и даже наличие/отсутствие договора на вывоз мусора. Однако эта база получилась со значительными пробелами по отдельным муниципалитетам, а количество учтенных земельных участков составило лишь 0,9 млн единиц. По сравнению с данными сельскохозяйственной переписи меньше и общее количество всех объединений (10,6 тыс. против 11,7 тыс.), но число членов СНТ оказалось существенно выше (1,56 млн чел.). Комментировать эти данные сложно, хотя несомненный интерес представляет анализ отдельных ключей (по муниципалитетам, где садово-дачные объединения не только представлены

достаточно полно, но и охарактеризованы с разных позиций).

Информация по такому относительно новому объекту дачного сегмента как коттеджные поселки в открытых источниках представлена слабо (наиболее полные данные представлены в отчетах компаний «IRN», «МИЭЛЬ», «Blackwood» и др.). В большей части этих работ основное внимание уделяется строящимся и «активным» поселкам, в которых еще не все объекты проданы, так как здесь представлен основной объем предложения. В отличие от садово-дачных товариществ число коттеджных поселков всех видов быстро увеличивается: в 2014 г. оно превысило 1,5 тыс. единиц [8].

Еще одним источником информации о локализации садово-дачных и коттеджных поселков и общем числе дач могут стать результаты дешифрирования космических снимков. Согласно исследованию, выполненному в Институте географии РАН, на территории Московской области находится 7330 поселков с 861,2 тыс. домов². При близкой оценке общего числа домов меньшее количество поселков может быть связано с тем, что многие рядом расположенные товарищества, включая и поселки советского образца, и новые коттеджные, представляют собой единые массивы застройки. Например, три соседних СНТ (Архангельское–1, Архангельское–2, Архангельское–3) в Веселевском сельском поселении Наро-Фоминского района с одинаковой нарезкой участков по 12 соток сложно распознать как самостоятельные единицы.

Отдельный источник информации – социологические опросы, которые позволяют не только получить оценку числа дачных владений москвичей, но и характеризовать многие стороны дачной жизни. В опросах, проводимых Всероссийским центром изучения общественного мнения, и в обследованиях Росстата дачники-москвичи не выделяются. Однако в опросе Фонда общественного мнения (ФОМ) Москва дана отдельной строкой: согласно этим данным в 2014 г. 41% опрошенных имели дачный участок [4]. По результатам обследования, проведенного в 2012 г. Институтом гуманитарного развития мегаполиса (ИГРМ), дачным жильем владело 28% респондентов [3]. Еще один опрос,

² Работа выполнялась в лаборатории картографии под руководством А.А. Медведева, которому авторы статьи благодарны за предоставленную информацию.

выполненный по заказу «Центра экономики инфраструктуры» (ЦЭИ) в 2014 г., дал несколько более высокий уровень охвата дачным жильем (34,8%)³.

Различия в оценках степени распространенности дач связаны, прежде всего, с методическими особенностями проведения каждого из опросов, и при уточнении формулировок вопросов результаты сближаются. Так, без учета квартир в многоквартирных домах, которые не выделены как отдельная категория второго жилья в опросе ИГРМ, согласно обследованию ЦЭИ дачами будет обеспечено уже меньше трети москвичей (31,5%). Кроме того, опросы ИГРМ и ЦЭИ учитывают москвичей, которые владеют дачами, а не дачными участками, как в обследовании ФОМ, оценки которого, в свою очередь, отличаются в разные годы [4, 6, 14]. Более высокую обеспеченность давали опросы 2012 г. и 2014 г. (50% и 41%), но речь в них шла о владении дачными участками, которые вообще могут быть безо всяких построек. Однако в обследовании того же ФОМ в 2013 г. выясняется доля москвичей, имеющих дачные дома, а не участки: в этом случае показатель составляет уже 31% [14]. Таким образом, результаты всех трех опросов (ФОМ, ИГРМ, ЦЭИ) неплохо согласуются между собой, показывая небольшой разброс значений (от 28% до 31,5%). Однако это данные выглядят заниженными по сравнению с экспертными оценками, что может быть связано с одним и тем же недостатком всех трех опросов: невысокий уровень охвата населения с высоким уровнем дохода, для которого характерен более высокий уровень обеспеченности дачами.

Оценка потоков трудовых маятниковых мигрантов: подходы и результаты. Федеральная статистика учет коммьютерных передвижений населения, как и дачных миграций, не ведет. Исключением стала перепись населения 1970 г., давшая информацию об объеме и направлениях поездок, причем и на меж-, и на внутрирегиональном уровнях; в дальнейшем при проведении переписей

такой учет не проводился. Высокая стоимость обследований трудовых маятниковых миграций, проведенных в двух пилотных муниципалитетах Москвы и Московской области, стала главной причиной отмены ранее планировавшегося опроса коммьютеров при проведении переписи населения 2002 г. [18].

Некоторое представление о численности межрегиональных трудовых миграций, но без их разделения на отходников и коммьютеров, можно получить из ежегодника Росстата «Труд и занятость в России». Согласно этим данным в 2012 г. в Москву приезжало 1,15 млн человек, а выезжало лишь 8,9 тыс. мигрантов; по Московской области объемы въезда и выезда составили 183 тыс. и 479 тыс. работников [17]. Большинство исследователей считают эти оценки, несмотря на их рост в динамике, сильно заниженными [10, 12, 13], но в первом приближении они позволяют оценить порядок величины потоков возвратных миграций без выделения передвижений работников с разными временными ритмами.

На региональном уровне численность трудовых маятниковых мигрантов определяется службами по труду и занятости населения при разработке баланса трудовых ресурсов. Так, по оценке профильного комитета правительства Московской области в 2012 г. за пределы региона выезжало 890,4 тыс. трудовых маятниковых мигрантов, а приезжало на работу из других регионов, включая Москву, 190,2 тыс. чел. В целом эти данные продолжают тренды предшествующих периодов; к их традиционным недостаткам относится занижение объемов коммьютеров. На сайте Департамента труда и занятости населения г. Москвы в балансе трудовых ресурсов трудовая маятниковая миграция не выделена.

Представление о масштабах и направлениях поездок коммьютеров дает транспортная статистика. В середине 1980-х гг. в результате сбора сведений о проданных абонементов на электрички, дополненных данными учета счетчиками пассажиров в часы пик в узлах пересадок с пригородных электричек/автобусов на метро, были полу-

³ Для анализа дачных и трудовых маятниковых миграций населения в работе были использованы результаты социологического опроса, проведенного в 2014 г. по заказу «Центра экономики инфраструктуры» в рамках разработки «Стратегии социально-экономического развития Московской области до 2030 года». Объем выборки составил 1200 респондентов по Москве и 4000 респондентов по Московской области. Выборка строилась пропорционально численности населения и социально-демографическим показателям административных округов города, за исключением Зеленограда, а также аналогичным характеристикам муниципальных образований Московской области, сгруппированных в три пояса удаленности по принципу ближних, средних и дальних пригородов.

Авторы благодарны П.А. Чистякову за возможность использовать результаты опроса при написании статьи.

чены оценки объемов маятниковых миграций. Въезд на работу в Москву составлял примерно 750 тыс. чел., а выезд в область – около 150 тыс. чел. [7]. В настоящее время доступны данные РЖД о годовом размере пассажиропотока между станциями пригородного сообщения. Вместе с информацией по интенсивности движения транспорта по ним можно лишь косвенно определить размер пассажиропотока и выделить зоны разной интенсивности поездок, а также центры и узлы трудового тяготения. Качество этих данных немного обесценивается за счёт большого числа безбилетных пассажиров, включая так называемых «зайцев» и «полузайцев», наличия нелегальных перевозчиков, а также практики перевозки пассажиров с выдачей билетов только по требованию.

Для российской практики новым источником информации стали данные о передвижениях абонентов сотовых компаний, которые входят в группу так называемых BigData («большие данные»), отражающих и особенности поведения маятниковых мигрантов (как и дачников). Как и данные РЖД, они служат для делимитации зон трудового тяготения, но не для определения объемов поездок. Первая из работ такого рода по Москве была выполнена в 2013 г. на основе данных ОАО «Мегафон» [1].

Еще одним относительно новым источником данных служит информация Пенсионного фонда (ПФ) РФ о месте жительства и месте работы работников, но сложность получения делает ее малодоступной. По наиболее полным оценкам на 2005 г. поток на работу из Московской области в Москву достигал 1,2 млн чел., а из столицы в область – около 300 тыс. коммьютеров [7].

Главный недостаток этой информации связан с тем, что с момента получения индивидуального номера налогоплательщика (ИНН) может неоднократно меняться адрес регистрации работника, что никак не будет отражено в его ИНН. Так, по данным отделения Пенсионного фонда по Москве и Московской области в ноябре 2014 г. в Подмоскovie работало 517,4 тыс. чел., зарегистрированных в системе обязательного пенсионного страхования Москвы. При этом в столице было занято 823,6 тыс. работников,

зарегистрированных в системе пенсионного страхования Московской области. Эти результаты плохо согласуются с другими оценками: сильно завышенными выглядят данные о численности москвичей, работающих в области. Вопрос вызывает и достоверность изменения пропорций центробежного и центростремительного потоков. В последние два десятилетия советского периода, как и в течение первых пятнадцати лет постсоветского времени соотношение центробежного и центростремительного потоков было достаточно устойчиво, оставаясь примерно на одинаковом уровне. Въезд в Москву составлял около 80%, выезд – около 20% общего объема маятниковой миграции [7].

Вероятно, рост населения Московской области из-за притока мигрантов, ориентированных на столичный рынок труда, но купивших жилье в области из-за дороговизны московских квартир, не учтен в центростремительном потоке (статистика показывает их как жителей других регионов, работающих в столице). Кроме того, возможно, что «ложных» москвичей, постоянно живущих и работающих в Московской области, ПФ относит к категории маятниковых мигрантов. Так, примерно половина из 20% жителей коттеджного поселка «Дмитровец»⁴, которые круглый год проживают в своем загородном жилье, сохраняя при этом московскую регистрацию, работает в Московской области. Невозможность отразить изменение адреса регистрации в данных Пенсионного фонда делает этот источник информации мало применимым для анализа маятниковых миграций.

Разброс имеющихся оценок делает актуальным использование социологических опросов. В распоряжении авторов было уже упоминавшееся обследование «Центра экономики инфраструктуры». Согласно его результатам, численность маятниковых мигрантов из Московской области в Москву оценивалась в 1,2 млн чел., а встречный поток – в 300 тыс. чел. Кроме того, эти данные позволяют оценить категорию «ложных» москвичей, которые постоянно живут в области, но ездят на работу в столицу: их численность, изменяясь по сезонам года, превышает 300 тыс. чел.

⁴ Поселок, обеспеченный всей необходимой инженерной и транспортной инфраструктурой, расположен в деревне Лупаново Дмитровского района и имеет статус ТЖС, что позволяет его жителям безо всяких проблем регистрироваться в своем загородном жилье. Однако пока никто из владельцев примерно 200 домов этого не сделал.

Еще одно исследование было проведено с применением метода трудового баланса и данных натурных обследований транспортных потоков⁵. Оно показало, что въезд в Москву из центральной части Московской области оценивается в 1,6 млн чел., из которых москвичи, проживающие в Московской области, добавляют около 1 млн. При этом суммарная величина центробежного и центростремительного потоков трудовых маятниковых мигрантов составила 2,3 млн коммютеров, т.е. поток из Москвы – это 700 тыс. чел. В целом полученные результаты дают более высокие значения центробежного потока и числа москвичей, постоянно живущих в области. Возможно, это связано с тем, что оценка численности «ложных» москвичей, постоянно проживающих в Московской области, сделана на основании объемов жилья, построенного в Подмоскovie, и доли покупателей-москвичей, без учета того, что значительная часть введенного жилья представлена дачами москвичей. Вероятно, что 1 млн чел. – это москвичи, живущие в летний сезон в области и ездящие на работу в Москву.

Таким образом, в отличие от оценок размеров дачной миграции москвичей, объемы потоков трудовой маятниковой миграции, полученные с использованием разных методов, отличаются значительным разбросом значений и плохо интерпретируются. Тем не менее, эти замеры показывают, что происходит изменение традиционных типов подвижности, прежде всего, за счет москвичей – обладателей жилья в области, которые живут на два дома, мигрируя между работой и городским (первым) и загородным (вторым) жильем.

Пульсация населения: от лета к зиме через межсезонье. Все эти потоки населения, мигрирующего с разными целями и интервалами времени, требуют не только мониторинга, но и оценки вариаций расселенческих нагрузок ядра и пригородной зоны Московской агломерации по сезонам года. Из-за отсутствия информации исследования сезонности расселения крайне немногочисленны [11], однако уже упоминавшийся со-

циологический опрос ЦЭИ позволяет сделать некоторые прикидки.

Ключевым показателем оценки пульсаций в Московской городской агломерации является частота перемещений с учетом сезонности и «глубины» поездок. При этом центробежные и центростремительные потоки коммютеров в ритме рабочей недели и дачников на выходные летом играют роль «фоновых» нагрузок, обуславливая относительно стабильную ритмику пульсации сети расселения. Наибольшую изменчивость этой системе придают нерегулярные миграции москвичей на дачу, которые перетекают в трудовые маятниковые миграции из дачного жилья на работу в Москву.

В современных условиях сформировавшаяся еще в советское время модель постоянного проживания в городской квартире и на даче в теплый сезон стала еще более распространенной практикой, о чем свидетельствует рост популярности загородного жилья. Так, почти 60% всех дач (новых и перестроенных старых) появилось у москвичей уже в условиях рыночной экономики, а около 30% – в последние десять лет, когда дачи перестали быть необходимы для обеспечения «своими» овощами и фруктами.

Увеличились и размеры дачных владений: по сравнению со стандартными шестью сотками советского времени средняя площадь участка возросла до 11 соток, а средняя площадь дома – до 86 м², что увеличивает обеспеченность жильем москвичей почти до 28 м²/чел., приближая ее к европейскому уровню. Появление автономных систем канализации, водопровода и отопления не только увеличила комфортность жизни на даче, но и возможность ее круглогодичного использования. Согласно результатам опроса, почти 20% всего загородного жилья – это зимние дачи, пригодные для постоянного проживания в них.

Еще одно изменение традиционной модели дачной жизни связано с массовой автомобилизацией населения, давшей принципиально другую степень доступности и свободы использования загородного жилья. Большая часть респондентов (почти 58%) для поездки на дачи использует личный

⁵ Данная работа проводилась А.А. Эпштейном для оценки потенциала развития сети скоростного внеуличного транспорта в центральной части Московской области по методике, разработанной совместно с одним из авторов данной статьи в рамках работы по актуализации Генерального плана Москвы в 2007 г.

Авторы благодарят А.А. Эпштейна за возможность использования результатов этого исследования.

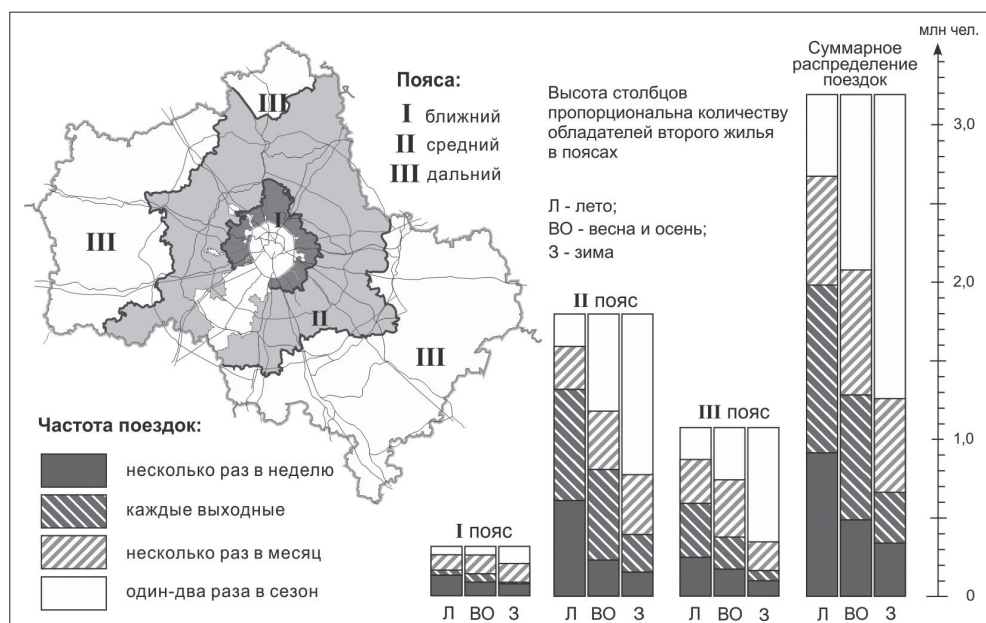

Рис. 1. Поездки во второе жилье

транспорт, но и электричка в условиях постоянных и непредсказуемых пробок сохраняет свои позиции (более 25%).

Как и в советское время, наиболее распространенный вариант использования дач — это поездки летом на выходные дни: свыше трети всех дачников выбирают именно этот способ пребывания на дачах (рис. 1). Одновременно почти 30% респондентов приезжают в свои загородные дома несколько раз в неделю, т.е. используют их как второе постоянное жилье. Таким образом, за счет этих двух категорий москвичей-дачников минимальная численность сезонного населения увеличивается более чем на 2 млн чел., причем чуть менее 1 млн москвичей живет в Подмоскowie в летний сезон постоянно.

В межсезонье частота использования дач уменьшается: каждые выходные приезжает только четверть всех дачников, а на постоянной основе дачами пользуется около 15% всех респондентов, что приводит к снижению численности москвичей, живущих в Подмоскowie. Количество дачников выходного дня сокращается до 0,8 млн чел., а численность москвичей, постоянно живущих на дачах, — до 0,4 млн чел.

Зимой дачи используются еще реже: по сравнению с весной и осенью несколько раз в сезон приезжает уже не 35%, а 60% их владельцев, а доля дачников выходного

дня и москвичей, живущих на дачах постоянно, сближается (по 10% в каждой группе респондентов). Таким образом, несмотря на то, что свыше 0,6 млн москвичей владеет теплыми домами, лишь половина из них живет зимой на дачах постоянно.

В целом, роль второго — по сути дачного — жилья, как основного места жительства закономерным образом увеличивается от зимы к лету. Эта двудомность москвичей, размывая старые формы дачной мобильности (на выходные, отпуск, каникулы), увеличивает поток коммьютеров из загородного жилья в Москву. Согласно оценкам, сделанным на основе периодичности поездок, их численность достигает почти 1 млн чел. летом, сокращаясь до полумиллиона в межсезонье и 300 тысяч в зимний сезон.

Таким образом, фактор сезонности проявляется в существенном изменении пропорций расселения между разными частями агломерации. В общей сложности на территории области в зимний сезон находится как минимум 600 тыс. москвичей, наполовину компенсируя ежедневный отток маятниковых мигрантов из области в столицу. Летом же, в период полноценной реализации субурбанизационных дачных установок, численность сезонного населения в пиковый период (выходные дни) возрастает в пять раз, увеличивая «официальное» население области более чем на 3 млн чел.

*Пульсация «реальной» численности населения
Московской области (по поясам периферийности)*

Период	Всего	Ближний пояс	Средний пояс	Дальний пояс
Летний выходной день, тыс. чел.	11265,7	2438,7	5705,9	3121,2
Зимний будний день, тыс. чел.	5943,4/(6237,4*)	1558,9	2815,7	1568,9
Годовая амплитуда	1,89 (1,81)	1,56	2,03	1,99

Рассчитано по данным социологического опроса «Центра экономики инфраструктуры».

* Оценка с учётом маятниковых мигрантов из Москвы в Московскую область.

На основе оценок сложившихся сезонных колебаний расселенческой нагрузки в пределах поясов периферийности Московской области выявляются следующие пространственные особенности расселения (таблица 1). Во-первых, приведённые данные подтверждают высокий уровень интегрированности ближнего пояса подмосковных муниципалитетов в единое социально-экономическое пространство ядра агломерации. Сезонные колебания населения здесь не превышают 60% (2,4 млн чел. в выходные летом против 1,6 млн в будни зимой), хотя в целом по области различия в реальной численности летом выше зимнего уровня в 1,9 раза.

Во-вторых, как следствие пространственной неравномерности дачной субурбанизации, сезонные перепады реальной численности населения максимальны в среднем поясе подмосковных муниципалитетов – более 2 раз (5,7 млн летом при 2,8 зимой). Именно в его пределах сложилось оптимальное для субурбанизации сочетание факторов концентрации дачно-рекреационных ресурсов и транспортной доступности ядра агломерации. В дальнем поясе амплитуда колебания незначительно нивелируется. Однако в отдельных, наименее густонаселённых муниципалитетах приток дачников весьма ощутим (например, в Серпуховском, Талдомском, Волоколамском и других периферийных районах области).

Таким образом, главным «носителем» сезонности расселения является феномен дачной субурбанизации или в более широком смысле – «двудомности». В совокупности с регулярными маятниковыми миграциями они формируют своего рода зону диффузии двух структурных элементов агломерации – ядерной и внешнего окружения. В совокупности эта «мобильная зона» диффузии расселения охватывает в течение года до 4,5 млн человек (почти четверть всего населения Московской агломерации).

Выводы.

1. При оценках дачной и трудовой подвижности населения, как и для анализа других форм возвратной мобильности, важно применять любые доступные приёмы, включая и простые визуальные наблюдения, и такие затратные, как социологические опросы. При этом методика исследования должна базироваться не на каком-то одном методе, а использовать всю возможную палитру подходов, представляя собой микс-метод, в рамках которого совокупность разных приемов дополняет и уточняет друг друга.

2. Сезонная дачная миграция, по-прежнему, определяет специфику субурбанизации в Московской агломерации: более 3 млн москвичей имеет дачное жильё, причем свыше полумиллиона владеют всесезонными дачными домами, однако масштабы проживания за городом на постоянной основе пока существенно меньше. Доминирование рекреационной функции дач над функцией постоянной селитьбы подтверждает и сохранение традиционной модели проживания на даче в выходные дни независимо от сезона года. Пока для москвичей жизнь в мегаполисе невозможна без дач, но и постоянное проживание за городом для них еще неприемлемо.

3. Масштабная автомобилизация вместе с развитием альтернативных форм занятости (удаленная работа, фрилансинг, гибкий рабочий график и др.) и наличием зимних дач стимулирует жизнь на два дома на постоянно-периодической основе, приводя к трансформации старых форм дачной мобильности. Одновременно рост числа москвичей, которые используют дачу в качестве еще одного постоянного жилья, независимо от сезона года, проявляется и в увеличении объемов трудовых маятниковых миграций, когда несколько раз в неделю они ездят из области на работу в Москву и обратно.

4. Свобода выбора изменяет традиционные практики дачно-компьютерной мобильности

москвичей, причем двудомность не только формирует особый стиль жизни, но размыкает само понятие резидентности, приводя к пульсации динамичных элементов расселения Московской агломерации как проявление одной из форм современного общества «текущей модерна» с его беспрестанно меняющейся

действительностью. В значительной степени то, как дальше будет трансформироваться характер системы расселения, будет определяться масштабами реализации потенциала субурбанизации в ближнем и среднем поясах агломерации, напрямую зависящей и от характеристик связности ее элементов.

Библиографический список

1. Богоров В. Новиков А., Серова Е. Самопознание города // Археология периферии. – М., 2013. – С. 380–405. [Электронный ресурс]. URL: http://issuu.com/mosurbanforum/docs/_d_uf_380-405_data (дата обращения 25.01.2015).
2. Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Особенности субурбанизации в Московской агломерации в постсоветский период // Известия РАН. Сер. геогр. – 2013. – № 2. – С. 19–29.
3. Бурдяк А. Субурбанизация в России: решает ли дача жилищный вопрос? // Экономическая политика. – 2013. – № 2. – С. 82–96.
4. Дачный урожай. «ФОМнибус». 15 июня 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/11636> (дата обращения 05.01.2015 г.).
5. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года (в 9 томах). Том 1. Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: кн. 1.: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по Российской Федерации. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2008.
6. Кому и зачем нужна сегодня дача? Опрос «ФОМнибус». 22 апреля 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/10432> (дата обращения 10.01.2015).
7. Махрова А.Г. Особенности стадийного развития Московской агломерации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2014. – № 4. – С. 10–16.
8. Махрова А.Г. Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в постсоветской России // Известия РАН. Сер. геогр. – 2014. – № 4. – С. 49–59.
9. Махрова А.Г. Территориальная дифференциация рынка загородного жилья в Московской области // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2006. – № 2. – С. 29–34.
10. Махрова А.Г., Кириллов П.Л. «Жилищная проекция» современной российской урбанизации // Региональные исследования. – 2014. – № 4. – С. 134–144.
11. Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. Московская агломерация и «Новая Москва» // Pro-contra. – 2012. – № 6 (57). – С. 19–32.
12. Мкртчян Н., Карачурина Л. Миграция в России: потоки и центры притяжения // Демоскоп Weekly. 2014. № 595–596. 21 апреля – 4 мая. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0595/tema04.php> (дата обращения 12.02.2015).
13. Нефедова Т.Г. Миграционная привлекательность городов как индикатор трансформации постсоветского городского пространства России // Науки о Земле. Наука, инновации, технологии. – 2014. – № 2. – С. 106–135.
14. О дачах и дачниках. «ФОМнибус». 14 июля 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/11029> (дата обращения 22.01.2015).
15. Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России. 2004: Стат. сб. – М.: Росстат, 2004.
16. Трейвиш А.И. «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН. Сер. геогр. – 2014. – № 4. – С. 22–32.
17. Труд и занятость. Статистический справочник. – М.: Федеральная службы гос. статистики, 2013.
18. Шитова Ю., Шитов М. Маятниковая трудовая миграция в Московском регионе. Демоскоп Weekly. № 569–570. 30 сентября – 13 октября 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0569/tema01.php> (дата обращения 15.01.2015).
19. Commuter Adjusted Daytime Population: 2006-2010 5-year American Community Survey. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.census.gov/hhes/commuting/files/2013/WP2013-26.pdf> (дата обращения 12.02.2015).
20. Commuting Patterns in the UK, 2011 / Part of 2011 Census, Origin-destination Statistics on Migration, Workplace and Students for Local Authorities in the United Kingdom Release. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/census/2011-census/origin-destination-statistics-on-migration-workplace-and-students-for-local-authorities-in-the-united-kingdom/sum---commuting-patterns-in-the-uk--2011.html> (дата обращения 02.01.2015).
21. Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses / Roca Z. (ed.). Farnham, UK – Burlington, USA: Ashgate Publishing, 2013.

Манаков А.Г. (Псков)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ВРЕМЕННЫХ СРЕЗОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ

Manakov A.G.

TIME SLICING METHOD IN HISTORICAL GEOGRAPHY OF POPULATION

Аннотация. В статье представлен опыт использования метода временных срезов в исторической географии населения на примере Псковской области. Временной интервал исследования охватывает более чем вековой период – между Первой всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г. и последней на данный момент Всероссийской переписью 2010 г. С опорой на картографический анализ результатов переписей 1897, 1926, 1959 и 2010 гг. рассмотрена динамика ключевых характеристик сельского расселения на уровне низовых административных единиц (уездов и районов).

Abstract. The article presents the experience of using time slicing method in historical geography of population at the example of the Pskov region. Timeframe study covers more than century-long period – between the first general population census of the Russian Empire in 1897 and the recent one in 2010. According to cartographic analysis of the census of 1897, 1926, 1959 and 2010 the article considers dynamics of the key characteristics of rural settlement at the level of small administrative units (counties and districts).

Ключевые слова: историческая география, метод временных срезов, сельское население, Псковская область.
Key words: historical geography, time slicing method, rural population, Pskov region.

Историческая география населения является одной из традиционных дисциплин исторической географии, наравне с исторической физической, историко-экономической и историко-политической географией [19]. Именно такой видел структуру исторической географии лидер этого научного направления в советское время В.К. Яцунский. В настоящее время, в связи с появлением новых направлений географии, особенно в ее обществоведческой ветви, число дисциплин исторической географии заметно увеличилось. Это привносит новизну в проект «Историческая география России», инициируемый комиссией исторической географии Русского географического общества совместно с отделами социальной и экономической географии, физической географии и комиссией горных стран РГО [2].

Реализация проекта «Историческая география России» предполагает издание серии коллективных монографий, которые будут представлять собой комплексные историко-географические характеристики крупных регионов страны. Историческая география населения рассматривается как одна из важных составляющих данных региональных характеристик.

Комплексный историко-географический анализ региона опирается на совокуп-

ность сложившихся к настоящему времени в исторической географии частных методик. Метод временных срезов является одним из важнейших в историко-географических исследованиях, что предопределяет актуальность работы по его апробации в разных дисциплинах исторической географии, в частности, в исторической географии населения.

Целью данного исследования является апробация метода временных срезов в исторической географии населения на региональном уровне. В качестве полигона для отработки метода выступает территория Псковского региона (как в современных границах области, так и в губернских границах). Временной интервал исследования ограничен датами переписей населения, начиная с Первой всеобщей переписи населения Российской империи, состоявшейся в 1897 г., и заканчивая последней на данный момент Всероссийской переписью населения, проведенной в 2010 г.

В советское время историческая география трактовалась как дисциплина, изучающая пространственную сторону исторического процесса, или как вспомогательная историческая дисциплина, изучающая конкретную географию прошлого определенной территории [16]. При этом

В.К. Яцунский отмечал, что географические характеристики в историко-географических исследованиях должны быть не статическими, а динамическими, то есть показывать процесс изменения пространственных структур [19].

В настоящее время в отечественных историко-географических исследованиях сохраняется традиция использования метода временных срезов. Особенно это характерно, по мнению В.Н. Стрелецкого, для обществоведческих и гуманитарных историко-географических дисциплин (исторической географии населения, социальной, экономической, культурной, политической географии) [16].

Метод временных срезов характерен не только для отечественной исторической географии, но и для зарубежных исследований. Так, в британской историографии используется метод «кросс-секций» (по сути, «исторических срезов»), ставящий задачу реконструкции «географии прошлого» [8]. Примером труда, выполненного в рамках данного подхода, может послужить «Историческая география Англии до 1800 г.» (1936) [20].

В британской исторической географии, вместе с традиционным статическим «горизонтальным подходом» стал использоваться «вертикальный подход», ориентированный на описание эволюции региона. Так, например, в книге «Новая историческая география Англии» (1973) [21] в дополнение к синхронным временным срезам, привязанным к определенным датам, вводятся социально-географические характеристики, данные в диахронии, между двумя соседними кросс-секциями.

Метод временных срезов в исторической географии предполагает картирование пространственных изменений в природе, населении и хозяйстве [4]. Этот метод включает статистическую и последующую картографическую обработку первичного материала, его обобщение и выявление закономерностей пространственного развития изучаемого явления. Отметим, что историко-географическое картирование с целью пространственного анализа является достаточно редким при проведении исторических исследований. Объясняется это тем, что навыки картографирования не относятся к категории профессиональных компетенций историков [9]. Тем не менее, картографический анализ

относится к числу важнейших методов историко-географических исследований.

Важным этапом работ по применению методики временных срезов является разработка историко-географической периодизации. У историко-географов, в отличие от историков, при проведении периодизации стоит задача учитывать не только временную составляющую, но и пространственный аспект. В частности, деление «исторического времени» должно происходить с учетом масштабов освоения территории, что напрямую связано с ростом или уменьшением численности населения [4].

Подходы к периодизации в исторической географии населения. В целях разработки историко-географической периодизации Л.Б. Вампилова ввела понятие «исторического события», рассматривая его как значимую историко-географическую категорию, позволяющую при выполнении историко-географических исследований оперировать как можно большим количеством информации [1]. В зависимости от значимости исторического события ею предлагается деление исторического времени на эпохи, периоды, этапы, фазы и стадии [4].

Эпоха является наиболее крупной единицей периодизации, связанной с событиями глобального масштаба, и обычно охватывает несколько веков или даже тысячелетий. Примером такой хронотаксономической единицы может служить средневековая эпоха. Более низкую ступеньку в историко-географической временной таксономии занимает период. Периоды очерчиваются четкими границами, связанными с событиями регионального масштаба, повлекшими за собой или изменения в триаде «природа-население-хозяйство», или в одной из ее составляющих. Соответственно, такие события могут иметь природный, политический, социальный или экономический характер.

Историко-географические периоды делятся на этапы – хронотаксоны, ограниченные событиями локального или точечного масштаба. События данного масштаба ведут к качественным изменениям на топологическом уровне. Причем, в масштабах крупных регионов период может быть и не разделен на этапы, поскольку выделение последних идет в первую очередь на локальном уровне.

В случае необходимости историко-географ может выделить еще более мелкие хроно-таксоны – фазы и стадии.

Л.Б. Вампилова апробировала предложенную ей историко-географическую периодизацию на территории Республики Карелия [3]. Остановимся в качестве примера на трех последних эпохах в этой периодизации. Так, начало «эпохи роста» приходится на первые десятилетия XVIII в. Северная война (1700–1721 гг.) вызвала потребности в производстве оружия, и это привело к началу первого периода данной эпохи – промышленно-предпринимательского. Создание Олонецкого наместничества с центром в Петрозаводске (1784 г.) стало событием, знаменовавшим переход ко второму периоду эпохи роста – губернскому. Результатом революции 1917 г. стал переход к «эпохе развития», первый период которой назван коллективизационно-индустриальным. Второй период этой эпохи назван «военным» (1939–1945 гг.), третий – «масштабного комплексного освоения» (1945–1991 гг.). В пределах третьего периода выделен этап, совпадающий с историческим временем «Перестройки» М.С. Горбачева (1985–1991 гг.), когда произошло снижение масштабов и интенсивности развития, сказавшееся на характере природопользования. С 1991 г. начался современный период «эпохи стабилизации».

Важной задачей в историко-географических исследованиях является синхронизация изучения пространственно-временных процессов с позиции разных дисциплин исторической географии. В первую очередь речь идет об определении событий, которые являются ключевыми одновременно с точки зрения исторической физической, экономической, политической географии, и наконец, географии населения.

Наиболее значимыми событиями в исторической географии населения являются переписи, а также учеты и ревизии населения. В качестве примера рассмотрим временной интервал, начиная с Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., и заканчивая Всероссийской переписью 2010 г. В книге «Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен» (2001) при характеристике эволюции сельского расселения прошедшее столетие было разбито в соответствии с проведенными в этот вре-

менной интервал переписями населения на два периода: 1) с 1897 по 1959 г., 2) с 1959 по 1989 г. Период с 1897 по 1959 г. не разбивается на этапы, а в рамках периода с 1959 по 1989 г. фактически выделено три этапа в соответствии с переписями населения 1970 и 1979 гг. Также сразу отметим, что в качестве основных характеристик сельского расселения в книге рассмотрены плотность сельского населения, людность и густота сельских поселений [7].

Наиболее значимые события с позиции всей исторической географии связаны с государственными изменениями, которые влекут за собой подвижки в природопользовании, хозяйственной и социальной деятельности. Соответственно, наиболее логично при осуществлении периодизации опираться на исследования в исторической политической географии. Так, например, ранее нами была осуществлена периодизация двух последних исторических эпох на Северо-Западе России с опорой на анализ геодинамики политических и административных границ в пределах этого крупного региона страны.

Первая эпоха – имперская (XVIII – начало XX в.) – была разделена нами на два периода: 1) период становления и расширения внешних рубежей России (XVIII в.), который характеризуется нестабильностью политических и административных границ; 2) период имперской стабильности (XIX в. – начало XX в.). Вторая эпоха – советско-постсоветская (с 1917 г. по настоящее время) – также делится на два периода: 1) период становления советского государства (между двумя мировыми войнами), который отличается крайней неустойчивостью административных границ; 2) период относительной стабильности политических и административных границ после Великой Отечественной войны [10]. Применительно к территории современной Псковской области в пределах данного временного интервала, с учетом изменений в сетке внутреннего деления региона, нами было выделено шесть периодов, названия и краткие характеристики которых представлены ниже.

1. Период петровских и екатерининских реформ (1708–1796 гг.), характеризующийся неустойчивостью государственных и административных границ.

2. Административная самостоятельность региона (в виде Псковской губернии) с

1796 г. до 1927 г. при относительной стабильности административно-территориального деления региона. Некоторая нестабильность внешних границ губернии пришлась только на первую четверть XX в. (потеря территорий в пользу Эстонии и Латвии в 1920 г. на западе губернии и присоединение трех новых уездов в 1924 г. на юге).

3. Потеря административной самостоятельности Псковского региона в период с 1927 по 1944 г. В виде округов или только районов территории региона значились в составе Ленинградской и Западной областей. Крайняя нестабильность административных границ – в этот период изменения в административно-территориальном делении региона происходили почти каждый год.

4. Существование территории региона в 1944–1957 гг. в составе двух областей: Псковской и Великолукской.

5. Период с 1957 по 1966 г., который характеризовался завершением формирования внешних границ Псковской области, переустройством внутриобластного деления.

6. Период с 1967 г. по настоящее время, когда изменения касались только внутрирайонного (волостного) деления [12].

Как видно из приведенных характеристик, периоды стабильности административно-территориального деления сменялись периодами неустойчивости границ, являющихся следствием проводимых в государстве реформ, что неминуемо затрагивало и административное деление. Безусловно, для картографического анализа изменений в географии населения наиболее удобна стабильная сетка административно-территориального деления территории исследования. Периоды нестабильности границ фактически выпадают из сравнительного историко-картографического анализа по причине несопоставимости административно-территориального деления в годы проведения учетов и переписей населения.

Отметим также, что наиболее устойчивые политические и административные границы служат маркерами при осуществлении историко-географического районирования, и в зависимости от статуса границ, позволяют выделять историко-географические районы разного иерархического уровня. Данная методика использовалась нами при проведении историко-географического

районирования Северо-Запада России [5] и Псковской области [11].

Таким образом, чтобы синхронизировать процессы, изучаемые в разных направлениях исторической географии, при периодизации следует опираться на ключевые политические события, являющиеся, по сути, переломными моментами государственного масштаба (революции, войны и т. п.). То есть, ключевые события с точки зрения исторической географии населения (переписи, учеты, ревизии) необходимо привязать к основным политическим периодам в истории государства. При этом наиболее удобны для историко-географического анализа населения временные интервалы, характеризующиеся стабильностью административно-территориального деления.

Ключевые события в исторической географии населения региона. Примениительно к территории Псковского региона отметим те ключевые даты, по которым предоставлена статистическая информация на уровне административных единиц, необходимая для картографического анализа эволюции системы расселения с конца XIX в. по настоящее время. Это годы переписей населения: 1897, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 и 2010.

Все эти даты не являются рубежными в историко-географической периодизации, тем не менее, можно обозначить их место в хронотаксономической системе. Так, итоги переписи 1897 г. позволяют охарактеризовать население Псковской губернии конца имперской эпохи. Перепись 1926 г. была проведена уже в советскую эпоху, но еще в губернских границах. С одной стороны, итоги переписи дают возможность оценить последствия «демографического взрыва» в Псковской губернии, т. к. даже в пределах временного интервала 1897–1926 гг. наблюдался значительный рост населения. Именно в 1926 г. была зафиксирована максимальная за всю историю численность населения в пределах Псковского региона. С другой стороны, перепись 1926 г. является точкой отсчета динамики населения региона в советско-постсоветскую эпоху. Использование результатов переписи 1939 г. для анализа динамики населения затруднено из-за несопоставимости административно-территориального деления с 1926 и 1959 гг.

Перепись населения 1959 г. была проведена в современных границах Псковской области, что позволяет проанализировать, начиная с этого года, демографическую динамику на уровне административных районов вплоть до настоящего времени. К тому же, в конце 1950-х гг. начинается индустриализация Псковской области, что привело к интенсивному процессу урбанизации в последующее время. Перепись населения 1989 г. была последней в советскую эпоху и знаменует собой окончание процесса индустриализации в регионе. В последующем в Псковской области началось уменьшение численности городского населения, однако не произошло серьезных изменений в динамике сельского населения, поэтому для характеристики эволюции сельского расселения можно пропустить данный историко-географический рубеж.

Переписи населения 2002 и 2010 гг. характеризуют уже постсоветскую эпоху. В демографических процессах произошли некоторые изменения, вызванные переходом от плановой экономики к рыночным отношениям. Это, в первую очередь, уменьшение численности городского населения, связанное напрямую с окончанием процесса индустриализации региона. В то же время несколько уменьшились темпы сокращения сельского населения. Тем не менее, в целом демографическая картина региона претерпела мало изменений, что позволяет нам пока не выделять при анализе расселения отдельно постсоветскую эпоху.

Таким образом, в качестве ключевых событий, наиболее значимых с точки зрения исторической географии населения Псковского региона, выбраны годы проведения четырех переписей населения: 1897, 1926, 1959 и 2010 гг. Статистико-картографический анализ дает возможность увидеть эволюцию сельского расселения в регионе как за весь исследуемый временной интервал, т. е. с 1897 по 2010 г., так и за два периода с сопоставимым административно-территориальным делением: с 1897 по 1926 г. и с 1959 по 2010 г.

Использование метода временных срезов в анализе эволюции сельского расселения Псковского региона. Согласно итогам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Псковской

губернии проживало 1122,3 тыс. чел., в т.ч. в сельской местности – 1049,7 тыс. чел. В целом за весь исследуемый период (с 1897 по 2010 гг.) численность населения в регионе (в сопоставимых границах) сократилась в 2,1 раза, а количество сельских жителей уменьшилось в 6,6 раз.

Сравнение плотности сельского населения в 1897 и 2010 гг. (рис. 1) позволяет сделать вывод о происходящих в этот период процессах поляризации населения региона, что сказалось на сохранении относительно повышенной плотности сельского населения к 2010 г. вокруг главных городов области – Пскова и Великих Лук. На территории региона четко обозначился пояс внутренней периферии, протянувшийся с северо-востока на юго-запад области и характеризующийся крайне низкой плотностью сельского населения.

В конце XIX в. наиболее высокой плотностью сельского населения отличался бассейн р. Великой, расположенный в западной части губернии. В начале XXI в. этот ареал повышенной плотности населения был расколот на две части, находящихся в сферах влияния Пскова и Великих Лук. Наиболее низкой плотностью сельского населения, вызванной природными факторами, отличались как в 1897 г., так и в 2010 г., северные, восточные и юго-восточные части региона.

В период с 1897 по 1926 гг. численность сельского населения Псковской губернии выросла в 1,26 раза (в границах губернии после присоединенных в 1924 г. трех уездов Витебской губернии), или в 1,21 раза (в старых границах губернии). Численность всего населения губернии увеличилось за это время в 1,27 или 1,23 раза соответственно. Рост численности населения губернии вплоть до 1926 г. являлся следствием заключительной стадии «демографического взрыва», что привело к максимальной численности населения региона за все историческое время (1677 тыс. чел. в современных границах области, в т.ч. сельское население – 1527 тыс. чел.). И это несмотря на урон, понесенный регионом в результате Первой мировой и гражданских войн, а также послевоенной разрухи.

В этот период наиболее быстро росло сельское население во внутренних (восточных) уездах губернии, наиболее удаленных от границы с новыми государствами – Эстонией и Латвией. В связи с этим

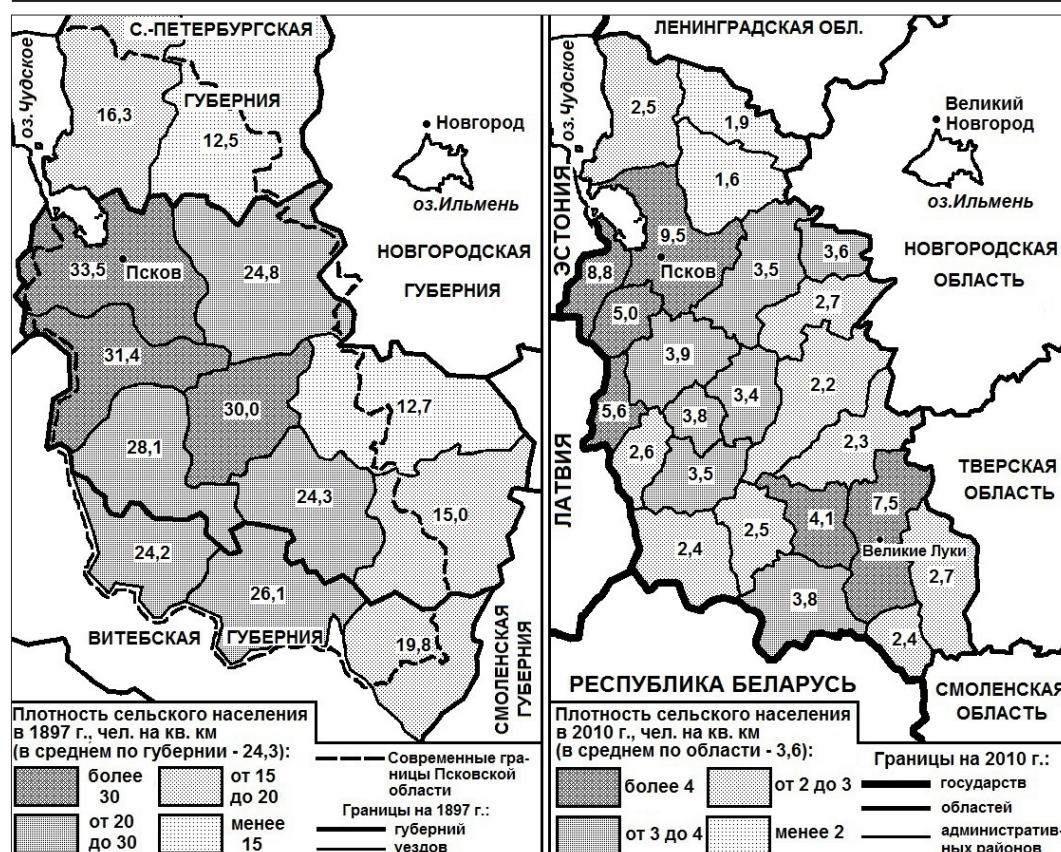

Рис. 1. Плотность сельского населения уездов Псковской губернии и районов Псковской области по итогам переписей 1897 и 2010 гг.
Составлено автором по источникам [13–15, 17].

заметно выросла плотность населения в окружении Великих Лук, создав условия для роста численности населения города за счет миграционного притока из окружающей сельской местности в последующие

периоды развития региона. Тем не менее, уезды, располагающие более благоприятными условиями для развития сельского хозяйства, сохранили свое лидерство в плотности сельского населения.

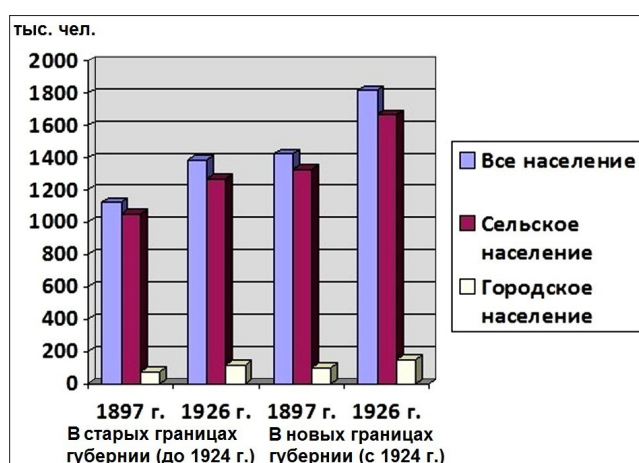

Рис. 2. Численность сельского и городского населения Псковской губернии по данным переписей 1897 и 1926 гг.
Составлено по источникам [6, 13, 14].

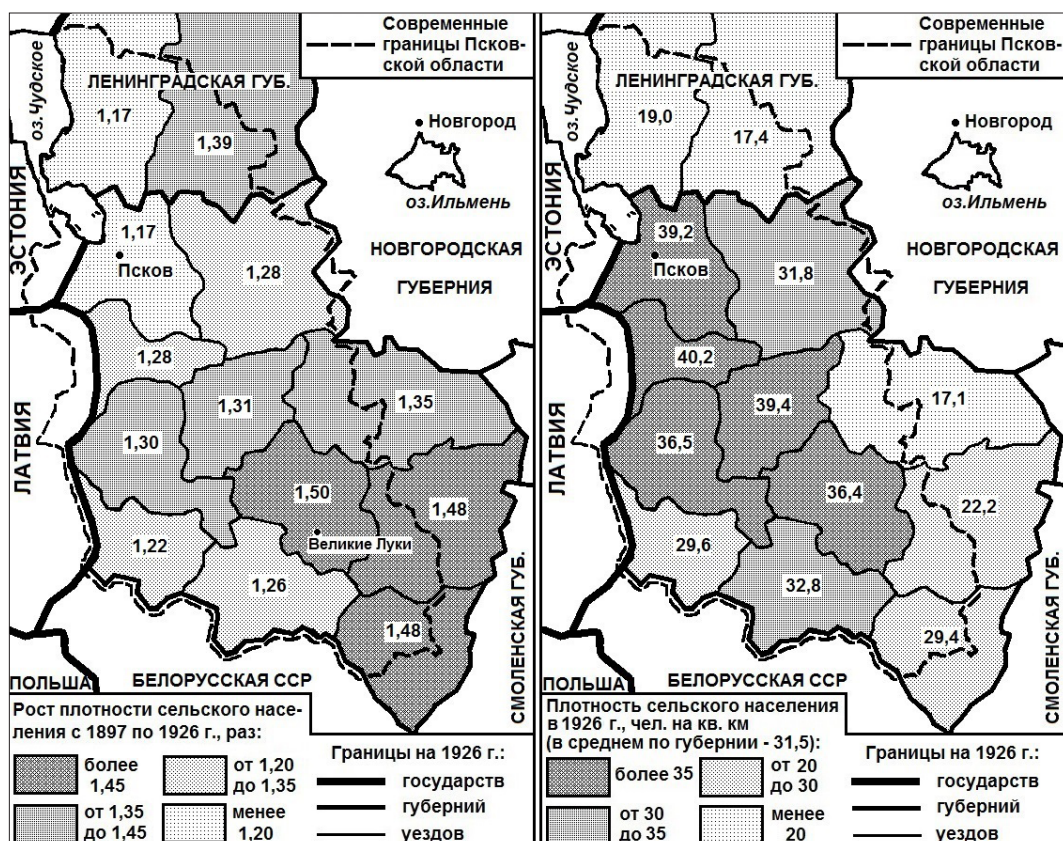

Рис. 3. Плотность сельского населения уездов Псковской губернии в 1926 г. и изменение плотности с 1897 по 1926 г.

Составлено автором по источникам [6, 13, 14].

В период с 1926 по 1959 г. численность населения (в современных границах Псковской области) уменьшилась в 1,76 раза (до 951,9 тыс. чел.), а сельского населения – в 2,23 раза (до 684,8 тыс. чел.). Количество горожан за это же время выросло в 1,78 раза (со 150,0 до 267,1 тыс. чел.), что свидетельствует о миграциях сельских жителей не только за пределы региона, но и о переезде их в города внутри региона.

В 1927 г. Псковская губерния была упразднена, и ее территория стала частью обширной Ленинградской области. Вместо уездов были организованы административные районы. Количество последних и их территория постоянно менялись, что не позволяет провести в этот период картографический анализ динамики населения на районном уровне.

В 1944 г. были образованы Псковская и Великолукская области, а в 1957 г. Великолукская область была упразднена, и большая ее часть вошла в состав Псковской области. С 1958 г. Псковская область приобретает

современные границы. С 1967 г. стабилизируется и внутриобластное административное деление.

В период с 1959 по 2010 г. численность населения Псковской области уменьшилась в 1,41 раза (до 673,4 тыс. чел.), а количество сельских жителей сократилось в 3,41 раза (до 200,9 тыс. чел.). Рост городского населения за этот период составил 1,77 раза (до 472,5 тыс. чел.).

Наибольшее уменьшение численности сельского населения на территории области в этот период приходится на пояс внутренней периферии. Стали четко обозначаться два центра поляризации населения (города Псков и Великие Луки), в окружении которых сокращение численности сельского населения было минимальным. Также стали более заметными полупериферийные пояса вокруг этих центров.

В итоге область приобрела биполярную территориальную структуру, что непосредственно сказалось и на характеристиках сельского расселения. Природный фактор,

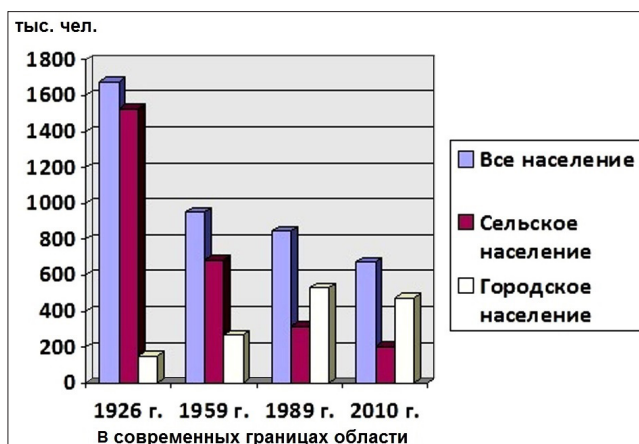

Рис. 4. Численность сельского и городского населения по данным переписей 1926, 1959, 1989 и 2010 гг. на территории Псковской области
Составлено по источникам [17, 18].

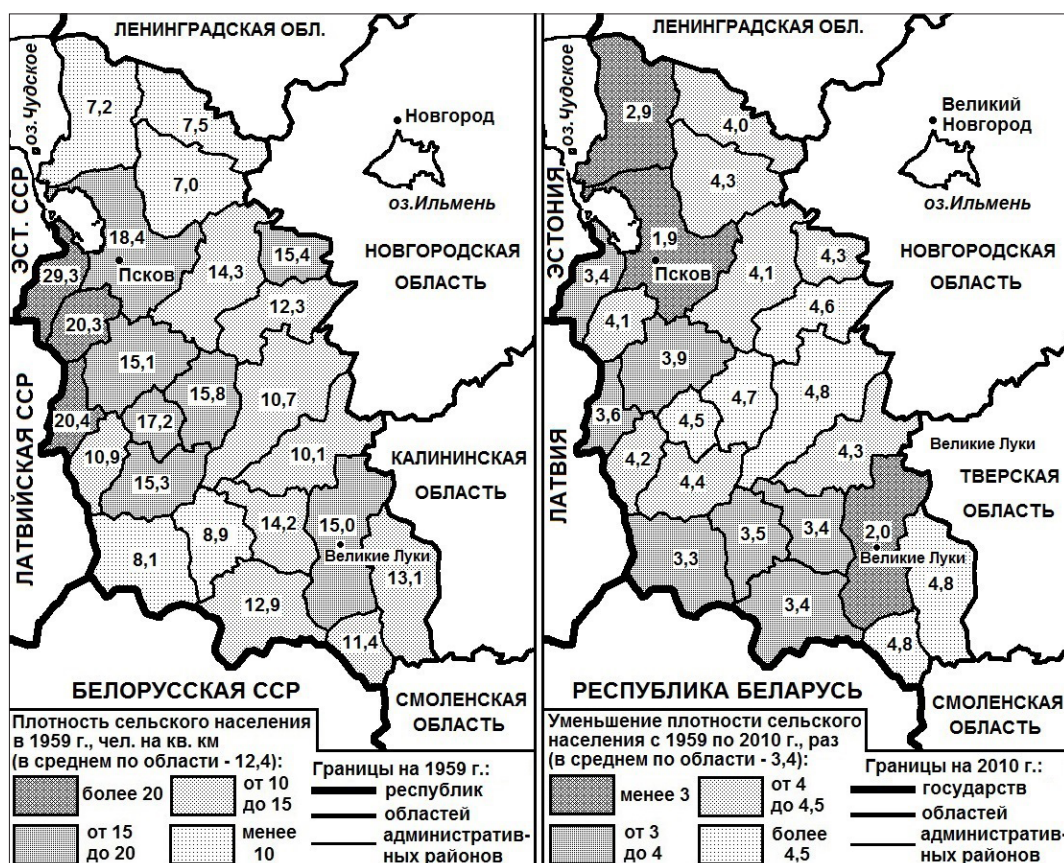

Рис. 5. Плотность сельского населения районов Псковской области в 1959 г. и изменение плотности с 1959 по 2010 г.
Составлено автором по источникам [17, 18].

который сказывался на особенностях сельского расселения в предыдущие периоды, почти утратил свое значение. Тем не менее, некоторые «остаточные» явления в исторически сложившемся под влиянием природ-

ных факторов сельском расселении региона сохранились, о чем наглядно свидетельствуют две другие значимые характеристики расселения: средняя людность и густота сельских поселений.

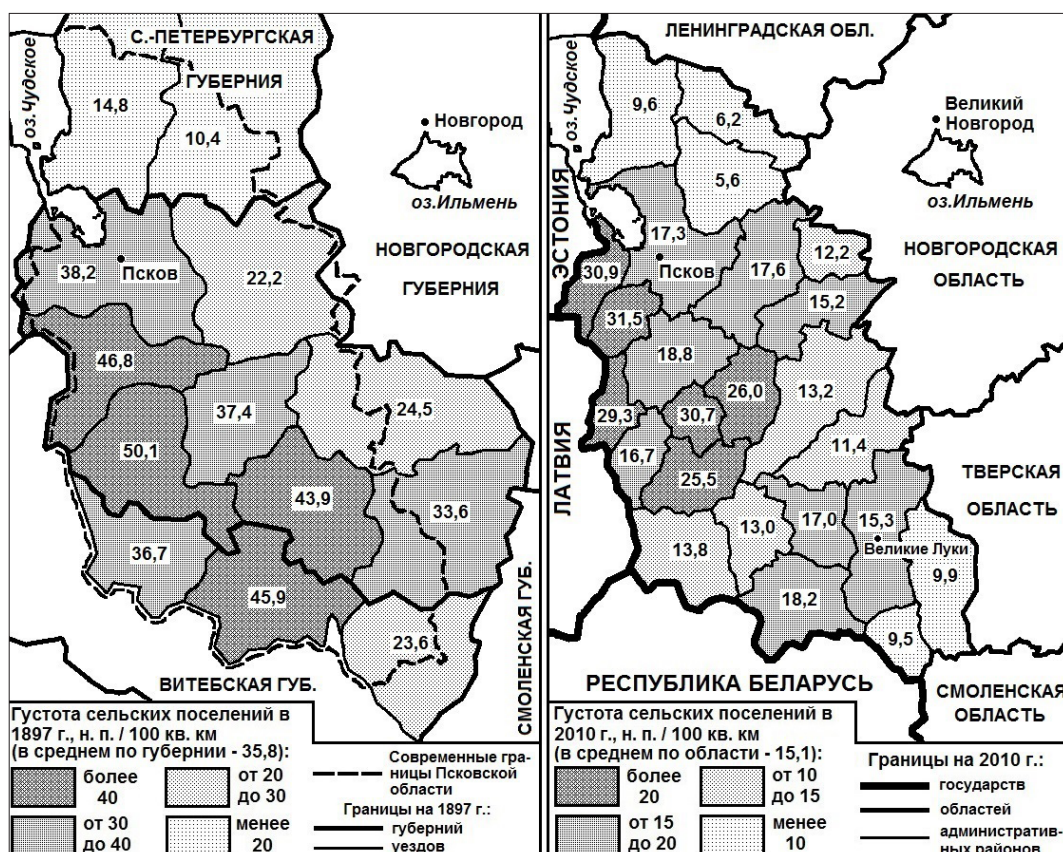

Рис. 6. Густота сельских поселений уездов Псковской губернии и районов Псковской области по итогам переписей 1897 и 2010 гг.
Составлено автором по источникам [13–15, 17].

В 1897 г. в Псковской губернии насчитывалось 15453 сельских поселения (или 19601, включая три уезда, присоединенных к губернии в 1924 г.). К 2010 г. количество сельских поселений сократилось в 2,35 раза (в сопоставимых границах). В этой же пропорции уменьшилась и густота сельских поселений в регионе. Тем не менее, Псковская область и поныне сохраняет одно лидирующее мест в России по количеству сельских населенных пунктов (8336 согласно переписи 2010 г.).

Наибольшей густотой сельских поселений на рубеже XIX–XX вв. характеризовался бассейн р. Великой (западная часть Псковской губернии). На это повлияло два фактора: природный (наиболее удобные для сельскохозяйственной обработки земли) и исторический – соседство с прибалтийскими губерниями с преимущественно хуторской системой расселения.

К 2010 г. по-прежнему проявлялось влияние этих двух факторов, но уже в заметно

меньшей степени. Стал заметен разрыв в средней части области (пояс внутренней периферии), разрушивший некогда единый ареал с повышенной густотой сельских поселений. Тем не менее, повышенную густоту сельских поселений сохранил ряд районов (на западе и в центре области), ранее являвшихся лидерами в регионе по данной характеристике сельского расселения.

На фоне заметного уменьшения количества сельских поселений и особенно численности сельского населения средняя людность сельских поселений за весь исследуемый период в регионе уменьшилась в 2,8 раза. Наибольшей средней людностью сельских поселений в 1897 г. (рис. 7) отличались северные уезды Псковской губернии и соседние уезды С.-Петербургской губернии (ныне – территория северных районов Псковской области). Относительно более низкая людность сельских поселений была характерна для западной части региона, пограничной с прибалтийскими губерниями. Наименьшей средней

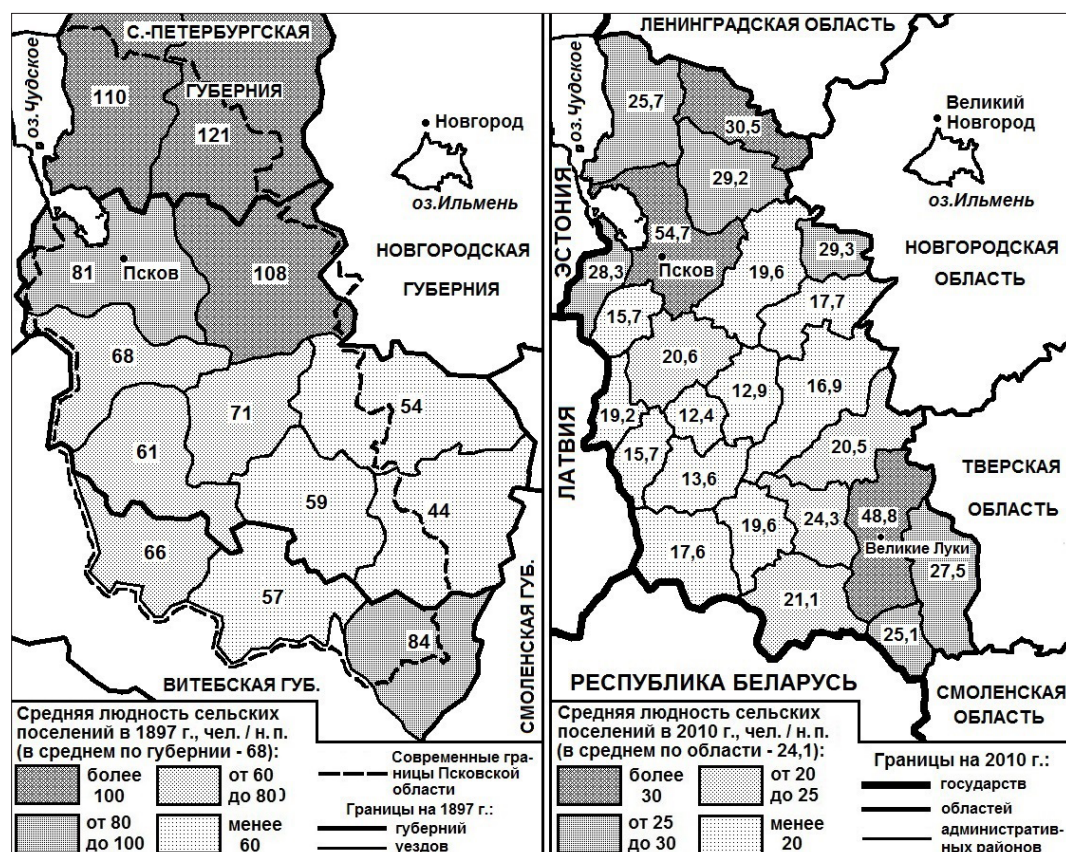

Рис. 7. Средняя людность сельских поселений уездов Псковской губернии и районов Псковской области по итогам переписей 1897 и 2010 гг.

Составлено автором по источникам [13–15, 17].

людностью отличались сельские поселения юго-восточной части Псковской губернии.

К 2010 г. ареалы повышенной средней людности сельских поселений сохранились только в районах, окружающих два главных города области (Псков и Великие Луки). Стали визуальнo видны результаты процесса обезлюдения сельских поселений, расположенных в средней части области, составляющей ныне пояс внутренней периферии. Скорее в качестве исторического наследия, но не без влияния природного фактора, относительно повышенная средняя людность поселений сохраняется только в северных районах области.

Выводы. Метод временных срезов является одним из важнейших исследовательских подходов в исторической географии населения. В качестве неразрывной составляющей метода временных срезов выступает картографический анализ, который, с опорой на статистические данные, позволяет выяв-

лять пространственные закономерности в эволюции системы расселения.

Картографический анализ ключевых характеристик сельского расселения за 1897, 1926, 1959 и 2010 гг. позволил выявить основные закономерности в эволюции сельского расселения Псковского региона за более чем вековой интервал. В период с 1897 по 1926 г. в качестве главного фактора, формирующего систему расселения и задающего ее основные характеристики, выступали природные особенности территории, определяющие условия для сельскохозяйственной деятельности населения.

С 1959 по 2010 г. природные предпосылки уступили свою лидирующую позицию социально-экономическим факторам развития. В этот период, вследствие начавшейся индустриализации, шел процесс ускоренной урбанизации и стягивания населения к двум главным социально-экономическим центрам региона – Пскову и Великим Лукам. Вследствие этого в течение всего пе-

риода происходило формирование в пределах региона биполярной территориальной структуры. В итоге в средней части Псковской области сформировался пояс внутрен-

ней периферии с крайне низкой плотностью сельского населения, пониженной густотой сельских поселений и их минимальной средней людностью.

Библиографический список

1. Вампилова Л.Б. Исторические события и их географические следствия // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 7. – 2006. – Вып. 4. – С. 116–121.
2. Вампилова Л.Б. О проекте подготовки научной серии коллективных монографий «Историческая география России» // Глобальные и региональные проблемы исторической географии: Материалы IV международной науч. конф. по исторической географии. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, ВВМ, 2011. – С. 91–95.
3. Вампилова Л.Б. Региональный историко-географический анализ. Система методов исследований в исторической географии: Монография. Кн. 2. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – 152 с.
4. Вампилова Л.Б. Теория регионального историко-географического анализа // Псковский регионологический журнал. – 2010. – № 10. – С. 129–140.
5. Вампилова Л.Б., Манаков А.Г. Историко-географическое районирование Северо-Западной России: методика и опыт // Псковский регионологический журнал. – 2014. – № 18. – С. 78–92.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Т. 9. – С. 2–13. Т. 17. – С. 2–3.
7. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. – М.: ОГИ, 2001. – 560 с.
8. Корандей Ф.С. Метод «кросс-секций» в британской традиции исторической географии // Глобальные и региональные проблемы исторической географии: Материалы IV международной науч. конф. по исторической географии. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, ВВМ, 2011. – С. 119–121.
9. Мазур Л.Н. Методы картографирования в исторических исследованиях: возможности и перспективы применения // Глобальные и региональные проблемы исторической географии: Материалы IV международной науч. конф. по исторической географии. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, ВВМ, 2011. – С. 42–46.
10. Манаков А.Г. Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. – Псков: Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ, 2002. – 300 с.
11. Манаков А.Г. Методика историко-географического районирования староосвоенных территорий на микроуровне (на примере Псковской области) // Псковский регионологический журнал. – 2014. – № 19. – С. 83–96.
12. Манаков А.Г., Евдокимов С.И. Устойчивость границ Псковского региона: историко-географический анализ // Псковский регионологический журнал. – 2010. – № 10. – С. 29–48.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. V. Витебская губерния. Тет. 3, 1903. – 281 с.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXXIV. Псковская губерния. Тет. 2, 1904. – 171 с.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXXVII. – С.-Петербургская губерния. 1903. – 263 с.
16. Стрелецкий В.Н. Эволюция научных парадигм в мировой исторической географии: от классических школ к современным исследовательским направлениям // Вопросы географии. Сб. 136: Историческая география / Отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий. – М.: ИД «Кодекс», 2013. – С. 29–48.
17. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Псковской области. Доклад «Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года». Приложение 1. Численность городского и сельского населения по районам Псковской области (по данным переписей населения, человек). [Электронный ресурс]: URL: http://pskovstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/pskovstat/resources/d6552a004cb9d02cba51fff7f219d26e/%2Fvpn2010%2Fdoclib6%2Fnas111223_21.htm (дата обращения 27.01.2015)
18. Численность населения СССР по переписи на 15 января 1959 года по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа, районным центрам и крупным сельским населенным местам (по административно-территориальному делению на 1 января 1960 г.). – М.: Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, 1960. – 523 с.
19. Яцунский В.К. Историческая география как научная дисциплина // Вопросы географии. Сб. 20. – М.: Географиз, 1950. – С. 13–41.
20. An Historical Geography of England before AD 1800 / Ed. By H. C. Darby. – Cambridge, 1936.
21. A New Historical Geography of England / Ed. By H. C. Darby. – Cambridge, 1973.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Голичев В.Д., Голичева Н.Д. (Смоленск)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ «ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ЭХО» НА СМОЛЕНШИНЕ

Golichev V.D., Golicheva N.D.

SOCIAL AND ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AND ITS DEMOGRAPHIC ECHO IN SMOLENSK REGION

Аннотация. В статье рассматривается экономический ущерб, нанесенный гитлеровскими захватчиками СССР в годы Великой Отечественной войны. Особенно крупные разрушения пришлось на территории, подвергшиеся оккупации. К таким территориям относится и Смоленская область. Естественно, что военные действия на территории области, установленный оккупационный, фашистский режим привели к крупным человеческим жертвам. В статье анализируются демографические ситуации в Смоленской области до и после войны. То, что Смоленщина за годы войны, по некоторым источникам, потеряла до 70 % населения, сказывается и по нынешний день. Ведь на сегодня в области так и не восстановлена довоенная численность населения. «Демографическое эхо» войны и некоторые другие причины привели сегодня к снижению численности смолян почти в два раза.

Abstract. The article reviews the economic damage done by Hitler's invaders to the USSR during the Great Patriotic War. Occupational territories had a particular gross destruction. The Smolensk region belongs to such territories. Without doubt, military operations on the territory of the region, the occupational fascist regime led to a large-scale loss of life. The article analyzes demographic situations in the Smolensk region before and after the war. The fact that the loss of life in the Smolensk region accounted for up to 70% during the war has its effect even today. The pre-war population size has not been restored yet in the region. The demographic echo of the war and some other reasons caused the 2-fold decrease of the population of the Smolensk region.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, ущерб, нанесенный гитлеровскими захватчиками СССР за годы Великой Отечественной войны, людские потери за годы второй Мировой войны, Смоленская область, злодеяния фашистов на оккупированной территории, численность населения Смоленской области до и после Великой Отечественной войны, рождаемость и смертность населения.

Key words: the Great Patriotic War, the economic damage done by Hitler's invaders to the USSR during the Great Patriotic War, loss of life during World War II, the Smolensk Region, crimes of fascists on the occupational territories, pre- and post-war population size of the Smolensk Region, balance of births and deaths.

В текущем году исполняется семьдесят лет со дня победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., развязанной гитлеровской Германией. Война принесла неисчислимые бедствия нашей стране, которые выражаются не только в огромном экономическом ущербе, но также и крайне тяжелыми людскими потерями. В таблице 1 приведены данные об ущербе, нанесенном гитлеровскими захватчиками Советскому Союзу в годы Великой Отечественной войны.

Из приведенных данных видно, что нанесенный урон народному хозяйству стра-

ны был колоссальным. А если к этому добавить, что фашисты частично разрушили и сожгли 1710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень, свыше 6 млн зданий, оставив без крова свыше 20 млн чел., то становится очевидным – Европейская часть страны, особенно в местах крупных военных действий и оккупации, была превращена в руины.

Что касается людских потерь, то их исследования начались фактически в конце 1980-х гг. До этого, в 1946 г., Сталин объявил о том, что СССР потерял в годы войны 7 млн

Таблица 1

*Ущерб, нанесенный СССР гитлеровскими захватчиками
в годы Великой Отечественной войны*

В годы войны было	Единиц	Наименование
Сожжено, разрушено, разграблено	31 850	Промышленных предприятий
	98 000	Колхозов
	1 876	Совхозов
	2 890	МТС
	216 700	Магазинов, столовых, других торговых предприятий
	40 000	Больниц, других лечебных учреждений
	84 000	Школ, ВУЗов, техникумов, других учебных заведений
	427	Музеев
	43 000	Библиотек
Разрушено, уничтожено или похищено	175 000	Металлорежущих станков
	34 000	Механических молотов и прессов
	5 млн.	Квт. мощностей электростанций
	62	Доменные печи
	213	Мартеновских печей
	45 000	Ткацких станков
	7 млн.	Лошадей
	17 млн.	Голов КРС
	20 млн.	Голов свиней
На транспорте уничтожено и разрушено	27 млн.	Голов овец
	65 000	км железнодорожной колеи
	13 000	Мостов
	8 000	Речных судов
	4 100	Железнодорожных станций

Источник: [7, с. 51].

чел. При Н.С. Хрущёве эта цифра возросла до «более 20 миллионов». Только в 1988–1993 гг. коллектив военных историков под руководством генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева провёл комплексное статистическое исследование архивных документов и других материалов, содержащих сведения о людских потерях.

Итоговая цифра людских потерь в Великой Отечественной войне была впервые обнародована 8 мая 1990 г. в округлённом виде (почти 27 млн чел.) на торжественном заседании Верховного Совета СССР, посвящённом 45-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. В 1993 г. результаты исследования были опубликованы в книге «Гриф секретности снят. Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование» [6].

Для определения масштабов людских потерь данный коллектив пользовался различными методами, в частности:

- учётно-статистическим, то есть путём анализа имеющихся учётных документов (прежде всего, донесений о

потерях личного состава Вооружённых Сил СССР);

- балансовым, или методом демографического баланса, то есть путём сопоставления численности и возрастной структуры населения СССР на начало и конец войны.

Безусловно, такие колоссальные потери, особенно в начальный период, страна понесла из-за превосходства на тот период экономического и военного потенциала Германии. Проанализируем соотношение вооружённых сил СССР и фашистской Германии. Обратимся к таблице 2.

Из данных таблицы 2 видно, что наращивать военную мощь нашей стране пришлось в ходе самой войны. К завершению разгрома фашистской Германии СССР имел над ней подавляющее превосходство.

Как было отмечено выше, за годы войны наш народ потерял 26,6 млн чел. В таблице 3 приведены данные о людских потерях за годы второй Мировой войны.

Очевидно, что самые большие потери приходятся на наше государство. Особенно тяжёлыми были людские потери террито-

Таблица 2

**Соотношение вооруженных сил СССР
и фашистской Германии (Германия – 100%)**

Показатель	22 июня 1941 г.	1 ноября 1942 г.	1 июня 1943 г.	1 января 1945 г.
Личный состав	52,7	99,7	124,7	193,5
Танки, тяжелые и средние самоходные артиллерийские установки	48,5	41,6	106,5	189,7
Орудия и минометы (без реактивных установок)	73,4	103,4	181,8	320,7
Боевые самолеты	31,1	88,2	278,3	743,4

Источник: [7, с. 53].

Таблица 3

**Людские потери за годы второй Мировой войны
(погибло на поле боя, умерло от ран, уничтожено в лагерях смерти)**

Страна	Людские потери (тыс. чел.)	Страна	Людские потери (тыс. чел.)
СССР	26 600	Югославия	1 700
Китай	10 000	США	405
Польша	6 000	Великобритания	375

Источник: [7].

рий, подвергшихся оккупации, в том числе и Смоленской области. Ее географическое расположение носит стратегический характер. Поэтому Смоленск всегда одним из первых русских городов попадал под удары вражеских войск, двигавшихся к Москве с Запада.

Военные действия на территории Смоленщины всегда были сопряжены со значительными людскими прямыми и косвенными потерями [3, 4]. Но самые тяжелые потери Смоленская земля понесла в годы Великой Отечественной войны. В таблице 4 приведены данные численности населения Смоленской области (в современных границах) по переписям 1926 и 1939 гг.

Из данных таблицы 4 наглядно видно, что в 1939 г. численность населения области по сравнению с 1926 г. сократилась на 8,5%. Дело в том, что Смоленщина в этот период направляла свою молодежь на стройки гигантов социалистической индустрии, другие объекты в разные регионы страны. Отток молодежи вызвал старение населения, а как следствие – снижение рождаемости.

Сразу после объявления войны в Смоленской области началась мобилизация военнообязанных. С начала войны и до полной оккупации области 12 октября 1941 г. в Красную Армию было призвано 153 тыс. чел., более 20 тыс. чел. ушли на фронт добровольцами. Смоленская область дала 2 полнокровные армии бойцов и командиров [5, с. 31].

Важной проблемой государственного значения стала эвакуация людей и материальных ценностей вглубь страны. К моменту оккупации из городов и сел области было перевезено в тыл свыше I миллиона человек [10, с. 36]. Из промышленных центров – Смоленска, Рославля, Вязьмы было направлено в тыл от 70 до 90% городского населения [10, с. 133].

За период оккупации народное хозяйство области подвергалось чудовищному разорению. Фашисты разрушили и разграбили 935 промышленных предприятий, сожгли 247,8 тыс. домов колхозников, уничтожили и увезли в Германию 670 тыс. сельскохозяйственных машин и орудий, отобрали у населения и колхозов 1,5 млн голов скота и так далее. Материальный ущерб, причиненный оккупантами народному хозяйству области (в старых границах), исчисляется суммой свыше 4 млрд руб. [10], в современных границах – 3,4 млрд руб. [9].

За период оккупации народное хозяйство области подвергалось чудовищному разорению. Фашисты разрушили и разграбили 935 промышленных предприятий, сожгли 247,8 тыс. домов колхозников, уничтожили и увезли в Германию 670 тыс. сельскохозяйственных машин и орудий, отобрали у населения и колхозов 1,5 млн голов скота и так далее. Материальный ущерб, причиненный оккупантами народному хозяйству области (в старых границах), исчисляется суммой свыше 4 млрд руб. [10], в современных границах – 3,4 млрд руб. [9].

Таблица 4

**Население Смоленской области по переписям
1926 и 1939 гг. (в современных границах)**

Население (тыс. чел.)	1926 г.	1939 г.	Численность населения 1939 г. к населению 1926 г. (в %)
Всего	2 171	1 984	91,5
Городское	215	363	169,0
Сельское	1 956	1 621	80,0

Но самый большой ущерб, который нельзя пересчитать на деньги, – это огромные людские потери. Согласно сводному акту Смоленской областной чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, за период оккупации области гитлеровцы уничтожили в лагерях военнопленных на Смоленщине 230 137 бойцов и командиров Красной Армии. Жертвами фашистов в области стали 151319 мирных советских граждан: от грудных детей до глубоких стариков [10].

В связи с тотальной мобилизацией в армию мужского населения в Германии обострился рынок труда, который главари рейха решили восполнить за счет населения оккупированных областей. Ставилась задача также освободить от тяжелой работы на производстве немецких женщин и вернуть их к обязанностям домашней хозяйки и матери. «Это особенно необходимо в виду предстоящего после войны разрешения проблемы биологического характера, поставленной перед немецким народом», заключающейся в повышении рождаемости, отмечалось в «Инструкции об актуальных задачах в восточных областях вермахта» [5, 97]. Всего фашистские захватчики угнали на работы в Германию из Смоленской области 164 630 человек [10].

К моменту освобождения от врага в октябре 1943 г. численность населения области составляла 938 тыс. чел., а горожан – только 50 тыс. [10]. Таким образом, к освобождению численность населения Смоленщины сократилась более чем в 2 раза, а городского населения – более чем в 7 раз.

Освобождение оккупированных районов области повлекло за собой реэвакуацию ранее эвакуированных в тыловые территории. С завершением войны возвратились угнанные в Германию, а также демобилизованные воины Советской Армии. Однако далеко не все они по известным причинам вернулись. По некоторым данным, Смоленская область за годы войны потеряла до 70% своего населения [1].

Тяготы и оккупационные невзгоды явились причиной и значительных косвенных людских потерь, из-за снижения рождаемости и повышения смертности. Так, например, в 1945 г. в Смоленской области на 1000 человек населения умерло 16, а роди-

лось только 12 человек [8]. На рождаемости отрицательно сказался длительный разрыв семейных связей.

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что низкая рождаемость на Смоленщине в военные годы обусловила появление в движении населения определенной цикличности. Так, в 1950-е годы низкий прирост трудоспособного населения явился следствием «демографического эха» войны. В эти годы в трудоспособный возраст должны были вступить «дети войны» 1941–1945 гг. рождения, численность которых в силу известных причин была весьма незначительна. Это «демографическое эхо» докатилось до конца семидесятых годов, когда в трудовую и семейную жизнь не вступили дети «не родившихся родителей». Отголоски этого «эха» ощущались, и еще будут ощущаться в последующем.

Ко всему прочему, война усилила диспропорцию населения области по полу. Еще в довоенный период сложилось преобладание женского населения над мужским, которое в послевоенные годы стало еще более ощутимым. Достаточно отметить, что в 1943 г. в освобожденных районах области с общей численностью населения 400 тыс. чел. доля трудоспособного населения составляла только 30%, в возрастной группе от 19 до 45 лет среди сельского населения на каждые 100 мужчин приходилось 953 женщины [10]. Конечно, в последующем эта диспропорция выравнивалась, но все же, в итоге обусловила безбрачие определенной части женщин, что также негативно сказалось на рождаемости и естественном приросте населения области.

В первые послевоенные годы произошел некоторый рост рождаемости, пик которого пришелся на 1950 г., но уже с 1951 г. в области наблюдается ее спад. При этом, в 1950 г. общее число родившихся в области составляло лишь 64,4% от уровня 1940 г. К 1959 г. общие показатели рождаемости в области стали значительно ниже уровня 1950 г. Это было характерно и в целом для РСФСР. Практически, 1950-е годы были последними, когда уровень рождаемости обеспечивал расширенное воспроизводство населения РСФСР и Смоленской области. Данные таблицы 5 свидетельствуют, что показатели рождаемости в области были ниже аналогичных показателей по СССР и РСФСР,

*Показатели естественного движения населения СССР, РСФСР
и Смоленской области в 1950 и 1970 гг.*

Территория	Рождаемость, ‰		Смертность, ‰		Естественный прирост, ‰	
	1950	1970	1950	1970	1950	1970
СССР	26,7	17,4	9,7	8,2	17,0	9,2
РСФСР	26,9	14,6	10,1	8,7	16,8	5,9
Смоленская обл.	23,1	12,1	9,2	10,8	13,9	1,3

а показатели смертности – выше. Это обстоятельство серьезно повлияло на естественный прирост населения. Характерно, что за двадцать лет этот показатель по Смоленской области сократился в десять раз и составил в 1970 г. всего 1,3‰ [8].

Исследователи отмечают, что в конце 1950 гг. в Смоленской области появились первые признаки старения населения. Процесс старения сельского населения области проявился значительно раньше, чем городского, и развивался «сверху» за счет стремительного оттока молодежи в города и, соответственно, увеличения абсолютной численности пожилых людей. В конце пятидесятых начале шестидесятых годов в Смоленской области произошла смена демографического режима воспроизводства населения: расширенный тип трансформировался в простой и затем почти сразу в суженный. С 1967 г. отмечена естественная убыль сельского населения. Изменение репродуктивных установок молодых семей повлекло за собой снижение рождаемости. На фоне снижения абсолютной численности лиц старше 60 лет эти процессы привели к тому к тому, что на демографическое старение «сверху» накладывается старение «снизу», тем самым еще более усиливая постарение населения [1]. И во многом эти процессы обусловлены людскими потерями Смоленской области во время Великой Отечественной войны, а также целым рядом социально-экономических причин последующего периода.

Проанализируем нынешнюю ситуацию с рождаемостью, смертностью, приростом населения и его старением на Смоленщине. Здесь, как и в целом по России, продолжается начавшееся в девяностые годы резкое обострение демографических проблем. Область вступила в стадию стабильного процесса депопуляции, то есть устойчивого сокращения численности населения вследствие превышения числа смертей над рождениями и, начиная с 1999 г., постоянной миграционной убылью населения.

По данным территориального органа Федеральной статистики по Смоленской области (Смоленскстат) население региона на начало 2012 г. составило 980,5 тыс. чел., в том числе: городское – 711,7 тыс. чел., сельское – 268,8 тыс. чел., или 72,6% и 27,4% к общей численности постоянного населения соответственно. Проанализируем изменение численности населения области с 2002 по 2012 гг.. Для этого обратимся к таблице 6.

Как показывают данные таблицы 6, в 2007 году Смоленская область вышла из числа субъектов РФ с населением более 1 млн чел. Лидирующую роль в процессе сокращения численности населения сыграла естественная убыль населения, что наглядно отражено на приведенном рисунке 1. Фактически за период между двумя Всероссийскими переписями населения 2002 г. и 2010 г. население области уменьшилось более чем на 100 тыс. чел., при этом ежегодный темп убыли населения составил в среднем 1,1%.

Следует отметить, что тенденции динамики демографических процессов Смоленской области, преломляясь в призме местных условий, в целом остаются такими же, как и в Российской Федерации. Проследим динамику смертности по России и Смоленской области. Как в России в целом, так и в Смоленской области, в частности, прослеживается тенденция снижения показателя смертности. Это отражено в статистических данных естественного движения населения. Обратимся к таблице 7.

Каждый год в Смоленской области умирает около 1% населения. Однако в 2011 г. по сравнению с предыдущим абсолютное число умерших снизилось на 1,6 тыс. чел. Создается впечатление благополучия. Однако, с учетом уменьшения за 10 лет общей численности населения, относительный уровень смертности стал выше.

Одной из характеристик современной демографической ситуации служит ожидаемая продолжительность жизни. На Смоленщине

Таблица 6

*Изменение численности постоянного населения
Смоленской области с 2002 по 2012 гг.*

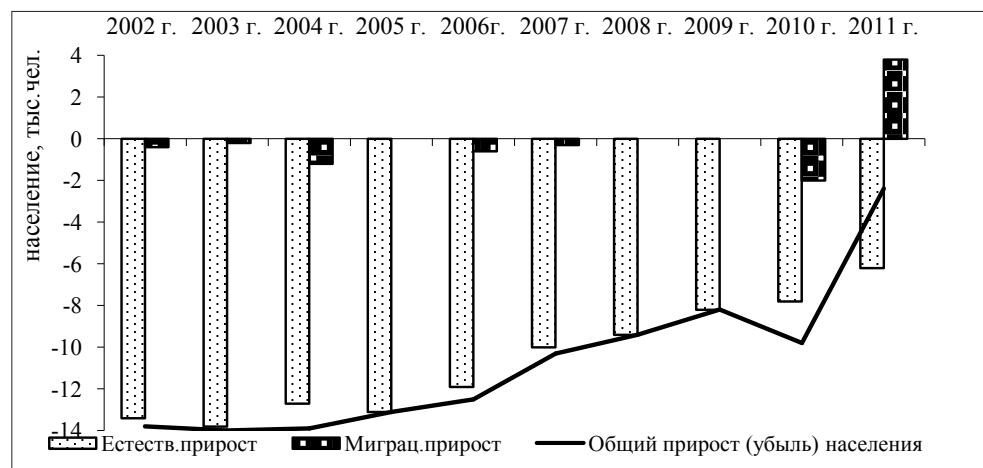
Год	Численность постоянного населения на начало года, тыс. чел	В том числе		Общий прирост (убыль) населения, тыс. чел	В том числе	
		Город	Село		Естественный прирост	Миграционный прирост
2002	1063,3	751,3	312	-13,8	-13,4	-0,4
2003	1049,5	741,6	304,3	-14	-13,8	-0,2
2004	1032,4	735,1	297,3	-13,9	-12,7	-1,2
2005	1019,0	720,8	298,2	-13,1	-13,1	0
2006	1005,9	714,4	291,4	-12,5	-11,9	-0,6
2007	993,5	709,0	284,5	-10,3	-10	-0,3
2008	983,2	703,5	279,7	-9,4	-9,4	0
2009	974,1	698,7	275,4	-8,2	-8,2	0
2010	992,7	720,0	272,7	-9,8	-7,8	-2
2011	982,9	714,7	268,2	-2,4	-6,2	3,8 ¹
2012	980,5	711,7	268,8	...	...	...

¹ С 2011 г. в статистический учет долгосрочной миграции населения включены также лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более.

Таблица 7.

*Основные показатели естественного движения населения
Смоленской области*

Год	Число родившихся, ‰	Число умерших, ‰	Естественный прирост / убыль, ‰	Год	Число родившихся, ‰	Число умерших, ‰	Естественный прирост / убыль, ‰
1998	19,6	7,2	-12,8	2005	21,9	8,6	-13,2
1999	21,5	6,7	-17	2006	20,8	8,8	-12,4
2000	21,8	7	-17,2	2007	19,4	9,6	-10,3
2001	22,1	7,6	-18,9	2008	19,3	10,1	-9,1
2002	22,8	8,2	-17,4	2009	18,7	10,8	-8,2
2003	22,8	8,7	-13,5	2010	18,1	10,4	-7,8
2004	21,8	8,8	-13,4	2011	103	16,5	-6,2

*Рис. 1. Компоненты прироста (убыли) населения
Смоленской области*

Таблица 8

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Все население Смоленской обл.	61,6	62	62,3	62	63	64,5	64,5	65,6
Женщины	70	70,1	70,7	70,5	70,6	72,2	72,4	72,7
Мужчины	54,7	55,2	55,2	54,8	56,3	57,5	57,5	58,9
Для сравнения								
РФ	65	64,9	65,3	65,3	66,6	67,5	67,9	68,7
ЦФО	65,6	65,7	66,1	66,3	67,3	68,1	68,5	69,4

наблюдается существенная разница в значениях этого показателя у мужчин и женщин. Обратимся к таблице 8, которой представлены данные ожидаемой продолжительности жизни при рождении [11].

По данным Переписи населения 2002 г., численность населения России с 1989 по 2002 упала на 1,8 млн. Каждую минуту в России рождается 3 человека, а умирает – 4. Общемировая тенденция противоположна: отношение количества рождений к смертям равно 2,6. Особенно велика смертность у российских мужчин, их продолжительность жизни значительно ниже продолжительности жизни женщин.

К основным причинам высокой смертности специалисты относят: недостаточное развитие диагностических центров сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, низкий уровень развития медицины; чрезмерное употребление алкогольных напитков; все еще остающийся высоким уровень насилия в обществе; большую числен-

ность происшествий с летальным исходом и ряд других причин. Обратим внимание на компоненты изменения населения области, которые отображены на рисунке 1.

Приведенная диаграмма свидетельствует, что к 2011 г. мы имеем тенденцию снижения темпов естественной убыли населения и заметного миграционного прироста.

В научных исследованиях для характеристики динамики населения часто анализируют компоненты изменения численности населения. Исследователями осуществлены расчеты доли населения трудоспособного возраста в общей массе населения РФ и Смоленской области за период 2002–2010 гг. На рисунке 2 графически представлены результаты этих расчетов [12].

Нетрудно заметить, что тенденции в динамике темпов прироста населения трудоспособного возраста в общей массе населения для РФ и Смоленской области за рассматриваемый период примерно совпадают с определенным временным сдвигом.

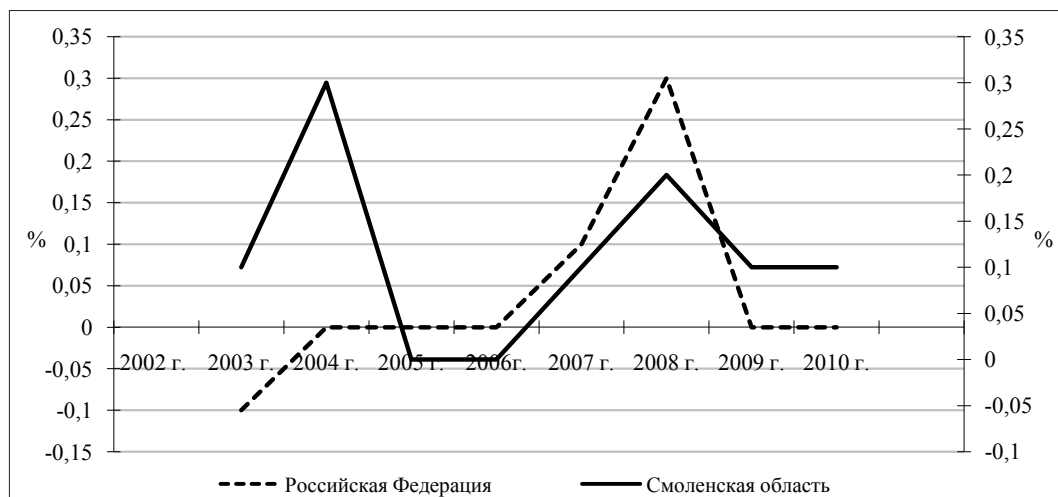

Рис. 2. Динамика темпов прироста населения трудоспособного возраста в общей массе населения для РФ и Смоленской области за (2002–2010 гг.)

Но колебания имеют, как положительную составляющую, так и отрицательную. Это свидетельство, прежде всего, старения населения.

Демографические последствия Великой Отечественной войны для Смоленской области оказались катастрофическими. Мы исходим из того, что экономические последствия войны были преодолены уже в 1954 г., а демографические проблемы остаются не решенными по сегодняшний день. Более того, наблюдается тенденция ухудшения ситуации. Если не предпринимать активных действий в сфере демографической политики, то, согласно прогнозам, к 2016 г. численность населения области уменьшится на 6,3% и составит 931 тыс. чел. Для сравнения: по РФ в целом прогнозируется снижение численности населения на 2%, по ЦФО – на 0,1%. К 2026 г. численность на-

селения области при сохранении современной тенденции динамики численности населения достигнет 863,9 тыс. чел. Согласно прогнозам, более быстрыми темпами будет сокращаться сельское население, которое к 2026 г. уменьшится более чем на 32% и достигнет 192,7 тыс. чел.

Данный процесс в обозримом будущем нельзя охарактеризовать иначе, как катастрофическую депопуляцию сельской местности Смоленской области. Область ожидают глубокие негативные изменения возрастной структуры. Численность населения в трудоспособном возрасте к 2026 г. уменьшится более чем на 27% [1].

Подобное сокращение численности населения негативно скажется на развитии потенциала Смоленской области. Необходимы безотлагательные меры по улучшению демографической ситуации на Смоленщине

Библиографический список

1. Аношкин Р.В., Катровский А.П. Динамика населения Смоленщины. Монография. – Смоленск: Универсум, 2009. – С. 100.
2. Голичев В.Д., Голичева Н.Д. Социально-экономические последствия первой мировой войны в Смоленской губернии: демографический аспект // Региональные исследования. – 2014. – № 1 (43). – С. 140–144.
3. Голичев В.Д., Попова В.В. Заключение. / Земля Смоленская и ее население (историко-статистический обзор в цифрах и фактах). Коллективная монография. – Смоленск: Смоленская городская типография, 2013. – С. 152.
4. Голичев В.Д., Голичева Н.Д. Население Смоленской губернии в Отечественной войне 1812 года // Региональные исследования. – 2012. – № 3 (37). – С. 61–64.
5. Гриднев В.М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики 1941–1944 гг. – М.: Наука, 1976.
6. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование. – М.: Воениздат, 1993. – С. 415.
7. Иоффе Я.А. Мы и планета: Цифры, факты. – М.: Политиздат, 1980.
8. Народное хозяйство Смоленской области в 1970 году. – М.: Статистика, 1972.
9. Попов Д.М. Пять лет со дня освобождения Смоленской области от немецко-фашистских оккупантов. – Смоленск, 1948.
10. Смоленская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы – М.: Московский рабочий, 1977.
11. Шеломенцева М.В. К вопросу о конкурентных преимуществах демографически проблемных регионов Центральной России // Региональные исследования. – 2012. – № 2. – С. 110–113.
12. Шеломенцева М.В. Особенности процессов формирования трудовых ресурсов Смоленской области // Вопросы статистики. – 2014. – № 1. – С. 57–64.

«ЭФФЕКТ КОЛЕИ» ЗАВИСИМОСТИ В ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КАРЕЛИИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В КОНЦЕ XIX–XX вв.¹

Kulagin O.I.

THE EFFECT OF PATH DEPENDENCE IN TIMBER INDUSTRY OF KARELIA AS A FACTOR OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION IN THE END OF XIX – XX CENTURIES

Аннотация. Целью данной статьи стало исследование «эффекта колеи» зависимости от предшествующего опыта в развитии лесной промышленности Карелии на основе анализа исторических данных за период столетия – с конца XIX по конец XX вв. В основу методологии исследования легли элементы концепции зависимости от предшествующего опыта развития (path dependence), а также общие положения «новой экономической географии».

Abstract. The aim of this paper was to research the effect of path dependence on previous experience in the development of the timber industry in Karelia based on an analysis of historical data for the period of a century – from the end of XIX and until end of the twentieth century. The methodology of the research is based on elements of the concept of depending on the previous experience of development (path dependence), as well as the general provisions of the “new economic geography”.

Ключевые слова: «эффект колеи» зависимости, «новая экономическая география», лесная промышленность, Карелия.

Key words: path dependence effect, “new economic geography”, timber industry, Karelia.

Неоднородность регионального развития России является одной из насущных проблем развития нашей страны, а также одним из актуальных полей современных научных исследований в сфере экономики, социологии и культуры. Институциональные и неинституциональные теории дают исследователям достаточно широкие возможности для исследования неравномерности протекания региональных социально-экономических процессов.

Среди таких преимуществ в «новой экономической географии», разработанной П. Кругманом [15], выделяются факторы «первой природы» (богатство природными ресурсами и выгодное географическое положение, снижающее транспортные издержки) и факторы «второй природы» (агломерационный эффект, высокий человеческий капитал, лучшая институциональная среда), связанные с деятельностью государства и общества.

Экономическая история показывает, что преимущества, особенно «первой природы», не являются вечными и незыблемыми. Упрощая, можно сказать, что в раннеиндустриальную эпоху важнейшими факторами развития

были обеспеченность минеральными ресурсами и географическое положение, а в постиндустриальную – человеческий капитал и институты. Поскольку роль тех или иных факторов со временем меняется (например, снижается значимость природных ресурсов и растет роль человеческого капитала и институтов), лидерами становятся другие территории с иным набором преимуществ. Множество исследований, от классиков «центро-периферийной» теории Дж. Фридмана, Ф. Броделя и П. Валлерстайна до современных работ по региональной экономике и экономической географии (П. Кругман, М. Фуджита, А. Трейвиш и др.), показывают, что экономическое неравенство остается, меняется только его география. Говоря современным языком, оно переформируется в пространстве [12].

В последнее время к исследованиям в области новой экономической географии большой интерес проявляют отечественные исследователи в области географии. В данном случае примечательна дискуссия, развернувшаяся на страницах журнала «Региональные исследования» между А.Н. Пилясовым [11] и П.Я. Баклановым [2] о возможностях применения ме-

¹ Работа выполнена при поддержке программы стратегического развития (ПСР) ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

тодов новой экономической географии, а также реакция на нее А.И. Чистобаева [13].

Представляет большой интерес и статья Д.А. Изотова [3], посвященная анализу публикаций, имеющих отношение к новой экономической географии. В частности, систематизация критических замечаний со стороны научного сообщества проведенная автором позволила выявить основные направления новой экономической географии. К ним автор отнес идентификацию в системе социально-экономических знаний, игнорирование пространственных характеристик, ограниченность объекта исследования, простота исходных предпосылок, проблемы с эмпирическими подтверждениями.

Нельзя пройти также мимо статьи П. Асперса, С. Коля и Д. Пауэра в переводе Е. Головляничиной [1]. В статье представлен обзор поля экономической географии в свете возможностей теоретико-методологического обмена с экономической социологией. Обзор открывает краткое описание исторического развития географии как научной дисциплины и основных исследовательских вопросов; далее приводятся сведения о ряде классических и современных концепций географии в их связи с экономической географией. В завершение авторы обсуждают соотношение экономической географии и социологии и намечают перспективные направления междисциплинарного сотрудничества.

Результаты теоретических и эмпирических исследований изложены и в статье А.А. Казакова [6]. В работе изложены результаты наиболее известных теоретических и эмпирических исследований в области размещения производительных сил. Это направление экономической теории получило активное развитие в последние десятилетия XX в., хотя первые исследования в этой области появились значительно раньше. В работе рассматриваются основные теоретические подходы. По каждому из подходов дается краткая характеристика основных положений и результатов теоретического моделирования, а также описание методологии и основных результатов эмпирической проверки гипотез, сформулированных на основе выводов теоретического анализа.

Однако, при возрастающем интересе к поиску новых исследовательских направлений стоит отметить, что вне поля активного научного интереса к региональным исследо-

ваниям остаются проблемы, связанные с изучением эффектов «колеи зависимости» от предшествующего опыта развития или path dependence. Самое главное из новых идей, предложенных в развитие первоначальной концепции path dependence одним из авторов её создания П. Дэвидом [14], заключается в том, что победу изначально выбранных норм над всеми другими, даже сравнительно более эффективными, можно наблюдать не только в истории развития технологий, но и в истории развития институтов. В истории развития институтов проявления зависимости от предшествующего развития можно проследить на двух уровнях – во-первых, на уровне отдельных институтов (правовых, организационных, политических и т.д.), а во-вторых, на уровне институциональных систем (особенно, национальных экономических систем). На наш взгляд, такого рода закономерности можно проследить и на региональном уровне.

В развитии регионов России доминируют унаследованные особенности, или path dependency (зависимость от пройденного пути или, как говорят институциональные экономисты, «наезженная колея»). Это зависимость от сложившейся в регионе структуры экономики, степени освоённости территории, демографической ситуации, социокультурных особенностей населения и неформальных институтов (традиций и норм), воздействующих на формы занятости, доходы, мобильность населения, а в более широком плане – на человеческий и социальный капитал. Фактор унаследованных особенностей часто недооценивается, поскольку в советской плановой экономике новые города и предприятия создавались без учета особенностей территории, нередко на «пустом месте». В переходный период небольшая часть из них оказалась нежизнеспособной: монопромышленные города-заводы, так и не ставшие настоящими городами с диверсифицированной структурой занятости и городским образом жизни, деградировали, а многие предприятия, размещенные без учета реальных издержек (транспортных тарифов, состояния инфраструктуры, качества рабочей силы и др.), не смогли адаптироваться к новым условиям. В рыночной экономике влияние унаследованных особенностей развития чрезвычайно велико и во многом определяет «коридор возможностей» для развития того или иного региона.

Влияние политики региональных властей в переходный период не стоит переоценивать, другие факторы оказались сильнее. Сама политика региональных властей – во многом продукт унаследованной институциональной среды и накопленного человеческого капитала, от которых зависят качественные характеристики элиты и тип политического режима в регионе. Кроме того, политика региональных властей весьма причудливо сочетает элементы модернизации с крайне традиционалистскими подходами, поэтому нелегко разложить все регионы по полочкам, в диапазоне от «продвинутых» до «слабо модернизированных». Только при комплексной оценке влияния унаследованного развития, институциональной среды и политики региональных властей можно понять, почему трансформации в регионах шли и до сих пор идут с разной скоростью, а порой и в разных направлениях [12].

Карелия в данном случае представляет собой один из ярких примеров того, как «колея зависимости» от пройденного пути развития стала главным фактором современного весьма тяжелого в экономическом отношении состояния данного региона.

Необходимо отметить, что именно факторы «первой природы» (богатство природными ресурсами и выгодное географическое положение, снижающее транспортные издержки) стали главными условиями формирования «наезженной колеи» развития Карелии на протяжении всего XX столетия.

Попытаемся выделить этап «входа» в «колею зависимости», точку бифуркации, когда существовала возможность встать на иной путь развития, и этап закрепления в «колее зависимости».

Вход в колею зависимости. Для того, чтобы проследить этап входа в «колею зависимости» необходимо обратить внимание на то, что предпосылки для ее формирования были заложены в пореформенный период, когда резко усилилась разработка лесных ресурсов Карелии. Развитие парового судоходства создало благоприятные условия для вывоза лесоматериалов на российский рынок и организацию лесоэкспорта через порты Белого моря из северной Карелии и Заонежья, ставших в 1860–1890-е гг. ведущими районами лесозаготовок. Общий объем производства деловой древесины в крае за четыре пореформенных

десятилетия увеличился примерно в 5 раз и к началу XX в. Достиг 1150 тыс. бревен в год. Слабое развитие частной металлургии в регионе объясняется низким качеством местных железных руд, трудностью их добычи и доставки к предприятиям, техническим несовершенством заводского оборудования, а также отсутствием удобных путей сообщения для транспортировки продукции на рынки сбыта. Не случайно заводчики, не успев как следует наладить производство, бросали его и переключались на эксплуатацию лесных массивов, выделенных для обеспечения металлургического процесса древесным углем. Торговля лесоматериалами в условиях устойчивого роста спроса на древесину в стране и за рубежом обеспечивала гораздо большие выгоды, нежели металлургическое производство [4, с. 272].

Таким образом, развитие капиталистических отношений, развитие частного производства на территории Карелии, при наличии двух путей индустриального развития региона (металлургия и лесозаготовки), наметили «колею» дальнейшего сырьевого развития в пользу добычи более доступного и не требовавшего значительных капиталовложений природного ресурса, каким стал лес.

Географическое положение региона также в период 1860–1890-х задало направления последующего вывоза древесины из Карелии в соседние регионы. Ведущее положение на лесозаготовках в Карелии в данный период принадлежало крупным петербургским и архангельским фирмам Беляевых, Громовых, Д.Н. Лебедева, Русановых, А. Суркова, Ю. Шергольда. Заметную роль играли и представители иностранного капитала: английского – К. Стюарт, германского – Э. Брандт, шведского – А. Бергрен и Г. Ослунд. В западных приграничных районах к концу XIX в. стала активно действовать финская фирма «Гутцайт и К°».

В этот период были заложены предпосылки для использования территории Карелии в качестве ресурсного придатка крупных центральных городов, а также ориентации на вывоз необработанной древесины. Из южной Карелии тогда примерно половина заготавливаемой деловой древесины поступала в Петербург, до 15% доставлялось в Карельское Поморье для переработки и экспорта, и лишь оставшаяся часть распиливалась на местных лесопильных предприятиях. Нель-

зя не признать, что период 1860–1890-х гг. лишь наметил общие контуры ресурсно-экспортной колеи Карелии, оставив возможности для других вариантов развития региональной экономики.

В частности, в Карельском Поморье именно тогда вятским купцом М. Кордаковым была предпринята первая попытка наладить промышленное лесопиление за счет эксплуатации лесных массивов бассейна р. Кемь. Позднее крупными петербургскими предпринимателями М. и Н. Беляевыми в 1869 и 1876 гг. в устье р. Выг были построены два лесозавода с шестью пилорамами, древесное сырье для которых поступало по системе р. Выг, как из южной части Кемского уезда, так и из Повенецкого уезда.

Наряду с лесопилением в данный период в регионе предпринимались попытки организовать производства на основе более глубокой переработки древесного сырья. С 1870-х гг. в Петрозаводске действовали три небольших спичечных заведения мануфактурного типа. Паровая установка по сухой перегонке древесины на скипидар и смолу появилась в 1899 году на Уницкой лесопильне. В 1894 г. олонецкий купец Ю. Тейфель купил Уланский железоделательный завод у Петровых и перестроил его в древесномассовую и картонную фабрику. Однако продукция встретила сильную конкуренцию со стороны поступавшего на русский рынок финляндского картона и в 1915 г. фабрику пришлось закрыть [4, с. 274–275].

Точка бифуркации. К началу 1920-х гг. экономика Карелии была основательно разрушена. За время Первой мировой войны, Гражданской войны и интервенции объем лесозаготовок сократился в семь раз. В северных районах лесозаготовки совсем прекратились, а в южных заготавливалось немного дров для Петрограда, Мурманской железной дороги и местных нужд. Сложившуюся ситуацию, как это не парадоксально, можно считать наиболее удачным временем для того, чтобы регион смог изменить колею своего предыдущего развития. Институты дореволюционной экономики были почти полностью разрушены, открывая тем самым путь для формирования новой институциональной среды.

Такого рода возможность появилась с образованием 8 июня 1920 г. Карельской

трудовой коммуны. Еще летом 1920 г. началась разработка проекта долгосрочного хозяйственного плана ее развития. 26 апреля 1921 г. СНК РСФСР принял постановление об основных направлениях хозяйственного развития Карелии, в котором намечались принципиально новые перспективы для экономики региона, существенно отстававшего в промышленном развитии от центральных районов европейской России и ориентированного на вывоз за границу. Суть программы промышленного развития Карелии на ближайшие годы состояла в ускоренном развитии лесной, деревообрабатывающей, бумажной и горной промышленности. Особенно важно то, что постановление определяло также вклад Карелии в стабилизацию экономики Советской России. Этот регион рассматривался Москвой как источник валютных поступлений от экспорта леса и как поставщик топлива для Петрограда, поэтому намечалось усиление вывоза из Карелии леса и дров. Экспорт леса должен был гарантировать средства для индустриализации самой Карелии.

Уникальность периода 1920-х гг. заключается в том, что финансовые отношения между РСФСР и КАССР с 1923/1924 бюджетного года регулировались Постановлением ЦИК и СНК СССР от 3 августа 1923 года. В результате, к середине 1920-х гг. Карелия стала единственной из автономий России, добившейся ряда бюджетных преимуществ. В частности, все налоги, собираемые в Карелии, доходы от государственных имуществ (за исключением Мурманской железной дороги) включались в доходную часть государственного бюджета КАССР. Кроме того, в него включались доходы от акцизов и таможенных сборов. Этим Карелия отличалась не только от других автономий, но даже от правительства России, которое не имело права включать доходы от акцизов и таможенных сборов в бюджет РСФСР. Вместо передачи этих доходов в федеральный центр Карелия выплачивала строго фиксированную сумму в качестве доли участия Карелии в покрытии общественных расходов [2, с. 22].

Очевидно, что на данном этапе Карелия, благодаря удачному сочетанию факторов экономического и политического свойства (важность пограничного положения Карелии, богатство природными ресурсами и выгодное географическое положение, сни-

жающее транспортные издержки, а также активная политика региональных властей по защите интересов собственной территории), смогла добиться беспрецедентных финансовых возможностей.

В 1926 г. закончилось действие Постановления ЦИК и СНК СССР от 23 августа 1923 г. Карельское правительство возбудило ходатайство о продлении особых бюджетных прав республики до конца 1920-х гг. При обсуждении этого вопроса представители Наркомфина РСФСР настаивали на том, что Постановление 1923 г. было принято прежде всего по политическим причинам, которые «в настоящее время потеряли остроту или вовсе отпали» [5, с. 23]. Сохранение за Карелией прежнего бюджетного режима, по их мнению, ставило её в ничем не объяснимое привилегированное положение перед остальными автономными республиками. При этом эффект от реализации такого варианта «центро-периферийных» отношений был очевиден. В середине 1920-х гг. Карелия вносила в бюджет РСФСР 850 тыс. рублей, а к 1927–1928 гг. увеличила эту сумму до 1250000 рублей и смогла рассчитаться за полученные из центра в начале 1920-х гг. хлебные и денежные ссуды.

Около четверти всех бюджетных расходов в республике направлялось на развитие промышленности. В первой половине 1920-х гг. исключительно из республиканского бюджета выделялись средства на развитие деревообрабатывающей промышленности. Они направлялись прежде всего на финансовую поддержку деятельности «Кареллес». В 1923–1925 гг. в деревообрабатывающую промышленность было направлено около 500 тыс. рублей. В 1926–1928 гг., когда «Кареллес» начал замену на лесозаводах устаревших пилорам, тресту было выделено из республиканского бюджета более 1,7 млн рублей.

В июле 1926 г. СНК РСФСР принял Постановление, которым продлил на 1926–1928 гг. срок действия особых бюджетных прав Карелии. Последний раз особые бюджетные права Карелии были продлены в 1928 г. сроком на один год. Осенью 1929 г. политическая ситуация в стране изменилась, и о продлении бюджетных прав Карелии на прежних условиях речи уже не шло [5, с. 24].

В наиболее удачные в финансовом отношении для республики годы наибольший вклад в бюджет приносили лесозаготовки,

прежде всего, попенная плата, пени и недоимки за использование леса на корню. В первой половине 1920-х гг. попенная оплата обеспечивала до 34% доходов Карелии, а конце периода НЭПа – 63%. Однако, именно в конце данного периода, становилась все более очевидной рассогласованность интересов центра и региона. В 1927 г. союзные органы понизили таксы и перенесли сроки платежей попенной оплаты, что сразу отразилось на республиканском бюджете, недополучившем около 2 млн руб.

В публичных выступлениях Э.А. Гюллинга, в 1923–1935 гг. являвшегося председателем Совнаркома Карельской АССР, в 1927–1928 гг. идея бездефицитного бюджета уже почти не звучала, наоборот, всячески подчеркивалось тяжелое положение промышленности региона. Если в 1925 г. долг промышленности банкам составлял около 6 млн руб., то к концу 1928 г. он увеличился до 18 млн руб. Предприятия, в том числе лесной промышленности, существовали за счет банковских кредитов, размеры которых во много раз превосходили их оборотный капитал. С 1925 по 1928 г. прибыль промышленности сократилась с 900 тыс. до 100 тыс. рублей [5, с. 25].

Закрепление в колее зависимости.

С началом индустриализации политика советского государства в отношении Карелии сформировала базовые условия для институциональной ловушки, создав устойчивую систему неэффективных институтов, воспроизводимых регионом в последующие десятилетия. В данном случае факторы «первой природы» (богатство природными ресурсами и выгодное географическое положение, снижающее транспортные издержки) сыграли с Карелией злую шутку.

Одна из проблем советской экономики в период ускоренной индустриализации 1930-х гг. заключалась в необходимости размещения производительных сил в соответствии с ресурсными потребностями страны. На востоке и севере страны были сосредоточены минеральные богатства, водные и лесные ресурсы. В результате в годы первых пятилеток был взят курс на освоение именно этих территорий, однако их освоение требовало значительных капиталовложений и обеспечения значительными трудовыми ресурсами. Форсирование отраслей группы «А» неизбежно приводило к деформациям в социаль-

но-экономической сфере. Необходимость систематических закупок техники за рубежом требовала валютных средств, которые в условиях голода начала 1930-х гг. не позволяли расплачиваться за него вывозимым за границу хлебом. Основными источниками валютных поступлений становились вывоз древесины, пушнины, нефти, некоторых других видов сырья. Только за 1928–1935 гг. экспорт карельского леса дал СССР около 115 млн золотых рублей. Если накануне первой пятилетки в Карелии заготавливалось около 4 млн кубометров древесины в год, то в 1932 г. – уже почти 7 млн, а в конце 1930-х гг. – свыше 9 млн м³ леса, значительная часть которого шла на экспорт. Такого рода резкий рост лесозаготовок не отвечал экономическим интересам региона, работа преимущественно на экспорт была убыточной, так как себестоимость карельского леса была выше, чем в Швеции и Финляндии, прочно завоевавших мировой рынок [4, с. 504–505]. Самое главное следствие заключалось в том, что небывалый рост лесозаготовок был несовместим с начавшейся складываться в регионе институциональной средой, учитывавшей не только интересы центра, но и региона.

В октябре 1930 г., несмотря на усилия республиканских лидеров Гюллинга и Ровио (первый секретарь Карельского областного комитета ВКП(б) в 1929–1935 гг.), все важные и крупные предприятия Карелии были приравнены к предприятиям общесоюзного значения и переданы в ведение общесоюзных органов. При СНК КАССР был учрежден пост уполномоченного Наркомлеса, в ведение которого входили трест «Кареллес», Кондопожская бумфабрика, Карпромсоюз. В 1929/30 бюджетном году размеры участия Карелии в общегосударственных расходах резко возросли: если в 1928/29 г. они составляли 1250 тыс. руб., то год спустя – 4250 тыс. руб. Кроме того, проводились разные дополнительные изъятия, превышавшие официально установленные отчисления в федеральный бюджет. На смену нэповским идеям территориального хозрасчета, в годы первой пятилетки пришла жесткая централизация всех бюджетных средств с целью концентрации их на промышленных предприятиях, определявших успех индустриализации. Вложения в промышленность Карелии за первую пятилетку, согласно пла-

ну, должны были составить 101 млн руб., из них только 15 млн руб. приходилось на внутривыпускные накопления. Таким образом, союзный бюджет становился важнейшим инструментом контроля над республиканской экономикой. Поскольку с начала 1930-х гг. промышленность перестала быть прибыльной, главным налогом являлся налог с оборота. Он полностью поступал в союзный бюджет, центральные власти определяли долю, полагающуюся республикам как субъектам федерации, а также процент отчисления от налога с оборота, шедший на формирование республиканских бюджетов. Финансовый диктат общесоюзных наркоматов часто лишал предприятия и регионы права на малейшие хозяйственные инициативы. Без многоступенчатых согласований директор предприятия не мог потратить даже небольшую сумму денег, приобрести хотя бы один станок [4, с. 508–509]. Нарушения новых правил в отношениях между центром и регионом жестоко карались.

Еще одной особенностью развития региона, сформированной ускоренным характером хода индустриализации на лесозаготовках, стало активное привлечение рабочей силы из-за пределов Карелии. По пятилетнему плану, к 1933 г. предполагалось довести заготовки леса в Карелии до 8,2 млн м³. Однако уже в 1929 г. союзный центр потребовал увеличить объем лесозаготовок в регионе до 12,3 млн м³ – в три раза больше в сравнении с предыдущим годом. На работу в лес было направлено 87 тыс. чел. – также в три раза больше, чем в обычные годы. Около 50 тыс. человек было завербовано на лесозаготовки из-за пределов Карелии. На их доставку было израсходовано около 6 млн руб., но работали приехавшие плохо, поскольку не имели нужной квалификации и не были приспособлены к жизни на севере.

В июне 1930 г. секретариат обкома ВКП(б) издал постановление, в котором признавал, что для хозяйственного освоения малообжитых территорий Карелии следует привлекать заключенных. В то же время, численность существовавших к тому времени на территории республики лагерей называлась предельной и не подлежащей дальнейшему увеличению. Для придания значимости последнему утверждению Г. Ровио ссылался на пограничные условия Карелии. То обстоятельство, что среди жителей региона было много за-

ключенных, повлияло на социокультурную обстановку в регионе и воздействовало на психологию людей. Заключенными производилось более трети продукции лесопильной продукции лесопильной промышленности Карелии [4, с. 533–534].

Продажа карельского леса за границу продолжала оставаться важным источником валютных поступлений для закупки западной техники и оборудования. Объем лесозаготовок в регионе за годы первых пятилеток вырос более чем в два раза и накануне Великой Отечественной войны превышал 9 млн м³. Значительная часть древесины вывозилась из республики в необработанном виде. Добиться существенного роста выпуска пиломатериалов в рассматриваемый период не удалось. Если в 1913 г. на долю лесопиления приходилось 29% всей промышленной продукции Карелии, то в 1940 г. – только 9% [4, с. 535]. Таким образом, односторонний характер развития лесной промышленности края, сложившийся еще в дореволюционный период, в 1930-х гг. даже укрепился.

Таким образом, в период ускоренной индустриализации 1930-х гг. Карелия прочно вошла в колею зависимости от предшествующего развития. Однобокая структура экономики, ориентированной на вывоз необработанной древесины без глубокой её переработки, слабая степень освоённости территории региона, как с точки зрения демографии, так и экономики, деформация его традиционного социокультурного облика в результате ежегодного ввоза рабочей силы из-за пределов региона и труда заключенных – все эти особенности развития региональной экономики, складывавшиеся десятилетиями создали ту институциональную среду, которая в последующие десятилетия прочно сформировала «наезженную колею» развития Карелии в последующие десятилетия.

Благоприятное сочетание факторов «первой природы» (богатство природными условиями и выгодное географическое положение) было нивелировано скачкообразными темпами индустриализации, не позволявшими выделять дополнительные средства центром региону на социально-культурное освоение данных территорий, а также пограничный характер республики, который в случае начала войны оставлял Карелию в зоне активных военных действий. Оба эти обстоятельства накладывал ряд ограниче-

ний на промышленное развитие территории региона и вел к углублению одностороннего развития республики.

Последовавшая за этим Великая Отечественная война почти полностью уничтожила потенциал лесной отрасли созданный за предыдущие десятилетия. Полностью прекратили свою деятельность 40 из 46 лесспромхозов, на 80% сократились основные средства производства, на 95% – автомобильный и тракторный парк. По сути, послевоенный период развития представлял собой вторую индустриализацию региональной лесной отрасли, проходивший в условиях еще более ускоренного, скачкообразного и однобокого развития региональной лесной экономики.

Совет Министров СССР 11 февраля 1949 г. принял постановление «О мероприятиях по восстановлению и развитию лесозаготовок в Карело-Финской ССР», который предусматривал доведение объема лесозаготовок и вывозки древесины на территории республики до 20 млн м³ в 1955 г. Достижение такого объема лесозаготовок предусматривалось за счет освоения новых районов лесозаготовок, строительства механизированных предприятий и лесовозных дорог, рабочих поселков [10].

В этот период диктат со стороны центра по отношению к региональным интересам окончательно стал нормой центрo-периферийных отношений. Этот диктат определил ряд негативных особенностей развития региональной лесной промышленности на протяжении последующих десятилетий в 1950–1990-е гг. К таковым можно отнести:

- 1) неэффективную редистрибуцию ресурсов со стороны центра по отношению к региону, характеризовавшийся неравномерностью и непропорциональностью по отношению к тем лесным ресурсам, которые вывозились из Карелии [8];

- 2) диспропорции в развитии, как лесной отрасли, так и региона в целом [7];

- 3) отсутствие эффективной координации во взаимодействии участников хозяйственного процесса на всех уровнях (центральном, региональном, локальном);

- 4) «распыленность» собственности на лесные ресурсы между хозяйствующими субъектами, порождавшая понимание её «ничейности» для всех [9];

- 5) особенности института труда с его слабой приспособляемостью к любым по-

ложительным новшествами, устойчивого воспроизводства неэффективной системы его материального и морального поощрения.

Данные особенности нашли отражение в формировании неэффективной институцио-

нальной среды, которая явилась надежным «каркасом» для «колеи зависимости» региона от пути предыдущего развития, с которой Карелия не смогла сойти, по сути, до настоящего времени.

Библиографический список

1. Асперс П., Коль С., Пауэр Д. Экономическая социология открывает для себя экономическую географию (перевод Е. Головляничной) // Экономическая социология. – 2010. – Т. 11. – № 3. – С. 100–121.
2. Бакланов П.Я. Заметки по поводу статьи А.Н. Пилясова «Новая экономическая география (НЭГ) и её потенциал для размещения производительных сил России» // Региональные исследования. – 2012. – № 2. – С. 166–172.
3. Изотов Д.А. Новая экономическая география: границы возможностей // Пространственная экономика. – 2013. – № 3. – С. 123–160.
4. История Карелии с древнейших времен до наших дней. – Петрозаводск: Периодика, 2001. – 944 с.
5. История экономики Карелии: в 3-х кн. Кн. 2. Экономика Карелии советского периода (1917 – 1991 гг.). – Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. – 244 с.
6. Казаков А.А. Результаты теоретических и эмпирических исследований в области экономической географии и региональной экономики // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Социально-экономические науки. – 2010. – Т. 10. – № 2. – С. 146–155.
7. Кулагин О.И. Институт пропорциональности в лесной промышленности Карелии в середине 1960-х годов // Ученые записки ПетрГУ. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – Т. 2. – № 7. – С. 13–17.
8. Кулагин О.И. Основные проблемы реализации института редистрибуции в советской лесной экономике середины 1960-х годов (на примере лесной промышленности Карельской АССР) // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. – № 41. – С. 279–300.
9. Кулагин О.И. Роль государства в трансформации социальных институтов в 1990-е гг.: от патернализма к эскапизму (на примере лесопромышленного комплекса Республики Карелия) // Государственное управление. Электронный вестник. – 2013. № 36. – С. 157–169.
10. Национальный архив Республики Карелия. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 4352. Л. 170, 180–181.
11. Пилясов А.Н. Новая экономическая география (НЭГ) и её потенциал для размещения производительных сил России // Региональные исследования. – 2011. – № 1. – С. 3–31.
12. Социальный атлас российских регионов: Экономическое состояние и бюджетная политика. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.socpol.ru/atlas/overviews/econ_condition/. – Дата доступа – 20.01.2014.
13. Чистобаев А.И. О достижениях отечественных и американских ученых в области экономической географии: продолжение дискуссии // Региональные исследования. – 2013. – № 4. – С. 122–127.
14. David Paul A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. – 1985. – Vol. 75. – № 2. – P. 332
15. Krugman P. R. Geography and Trade. – Cambridge (MA): MIT Press, 1991. – 142 p.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Кирчанов М.В. (Воронеж)

СОВЕТСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КАК НАУЧНАЯ «ПРАРОДИНА» СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ (проблемы генезиса регионоведческих исследований)

Kirchanov M.V.

SOVIET GEOGRAPHY AS A SCIENTIFIC “HOMELAND” MODERN RUSSIAN REGIONAL (the genesis of regional studies research)

Аннотация. Статья сфокусирована на проблемах генезиса регионоведения. Советские географические исследования анализируются как научная «прародина» современного российского регионоведения. Автор анализирует теоретические проблемы социально-экономической и теоретической географии советского периода. Автор предполагает, что в советской географии существовали условия для развития отдельных элементов регионоведения.

Abstract. The article is focused on problems of the Regional Studies genesis. The Soviet geographical studies are analyzed as a scientific “homeland” of the modern Russian Regional Studies. The author analyzes the theoretical problems of socio-economic and theoretical geography of the Soviet period. The author suggests that conditions for the development of separate elements of Regional Studies existed in the Soviet geography.

Ключевые слова: регионоведение, советская география, история географии, теоретическая география, идеология.

Keywords: Regional Studies, Soviet geography, history of geography, theoretical geography, ideology.

Современное регионоведение представляет собой междисциплинарную науку, включающую элементы социально-экономической и политической географии, экономики, всеобщей истории, политологии и других смежных дисциплин. Кроме этого, регионоведение является направлением высшего профессионального образования, которое начало развиваться в России в 1990-е гг. На протяжении 1990–2000-х гг. сложились различные отечественные школы как российского, так и зарубежного регионоведения. На фоне несомненных успехов, наличия специализированных периодических изданий, кафедр в университетах, спорным и малоизученным продолжает оставаться вопрос об истоках современного российского регионоведения, его предыстории. Именно проблемы предыстории регионоведения, или функционирования проторегионоведения в советский период, будут в центре авторского внимания в настоящей статье.

1. Методологические основы проторегионоведения. Проблемы генезиса регионоведения относятся к числу дискуссионных. Истоки регионоведения следует датировать советским периодом, а его первые элементы искать в теоретической географии. Статус, как и сам факт существования теоретической географии в Советском Союзе, следует относить к числу спорных и дискуссионных проблем, чему содействовали не только сами советские географы [33, с. 11–17], периодически поднимавшие эту проблему, но искусственная изоляция географического знания, хотя среди советских географов имели место редкие попытки актуализировать междисциплинарные взаимосвязи географии с другими гуманитарными науками, в первую очередь, историей [54], но подобный синтез в СССР, к сожалению, не получил значительного и заметного развития, хотя эпизодические попытки реанимации исторической географии [23] имели место, что создавало условия для

междисциплинарного синтеза и появления исследований, созданных на стыке истории и географии, в которых актуализировалась не только собственно историческая и географическая, но и культурная компонента.

Помимо теоретической географии, одна из научных прародин современного регионоведения может быть локализована в философии географии [13, 49], которая в Советском Союзе (в отличие от теоретической географии) скоростно скончалась, даже не успев возникнуть. Другая потенциальная прародина регионоведения – историческая география. Исследования в области исторической географии, или редкие экскурсии советских географов в экономическую историю на стыке с географией [34], все же имели место, но были не столь часты, как издания текстов, которые отражали доминировавшие тенденции идеологически выверенной географии. При этом, столь редкие тексты, которые хотя и вписывались в официальный канон, но, тем не менее, отличались от него в определенной степени, содействовали фрагментации географического знания и генезису в его рамках альтернативных интерпретаций, которые ориентировались не на экономически мотивированные, а на качественно иные ориентиры.

С другой стороны, «проходные» и конъюнктурные исследования, наполненные цитатами из «классиков марксизма-ленинизма», ритуальными отсылками к очередному съезду Коммунистической партии, констатациями важности «ленинского этапа в экономической географии» и посвященные «марксистско-ленинским основам» [5] географической науки, были в СССР обычным явлением, что указывало на чрезвычайно высокий уровень идеологизации географической науки. Условия для появления теоретической географии в подобной ситуации отсутствовали, имели место лишь некоторые предпосылки, связанные с определенной, не очень признаваемой фрагментацией географического знания, выделением социально-экономической географии, хотя советские экономикогеографы периодически указывали на «ущемление специальности» [7] в пользу физической географии.

2. Теоретическая география и генезис регионоведения. Вопросы теоретической географии (интересующей нас в контексте ее

генетических связей с регионоведением), несмотря на то, что советские географы культивировали нарратив о единстве географии, как науки, и лишь эпизодически обращались к проблеме необходимости «дифференциации географической науки» [45, с. 211], периодически оказывались в центре внимания конференций, которые проводились в национальных союзных республиках. Одна из подобных попыток была предпринята в начале 1970-х гг., когда очередной сборник из серии «Вопросов географии» оказался посвящен именно теоретической географии. В редакционной статье В.М. Гохман и Ю.Г. Саушкин [16] констатировали, что теоретическая география представляет собой «молодую науку, которая делает еще первые шаги», а указание на одновременное ее развитие как в СССР, так и в «капиталистических государствах» было попыткой подчеркнуть, что советская география не развивается в изоляции от мировых трендов и тенденций. Аналогичная точка зрения была и озвучена в совместной статье В.М. Гохмана и Б.Б. Родомана [15], которые хотя и декларировали, что теоретическая география в СССР «имеет в качестве идейной основы марксистско-ленинскую методологию науки», тем не менее, указывали и на ее междисциплинарность, в определенной степени актуализируя на советской почве западные концепты воображаемой географии, что делалось латентно, а не явно и открыто.

Среди советских географов, если речь заходила о теоретической географии, не было единства в отношении определения ее объекта и предмета, а также задач науки. Классик советской географии Ю.Г. Саушкин [47] рассматривал теоретическую географию, как науку о логике геопространств, прикрываясь при этом «ленинскими идеями» [49], как методологической основой советской географии, что в определенной степени гарантировало от обвинений в буржуазности. Некоторые советские географы (В.М. Гохман [14, 16], Б.Б. Родоман [42–44]) полагали, что теоретическая география призвана изучать некие пространственные закономерности. Эстонские советские авторы [29] подчеркивали, что теоретическая география исследует закономерности всех географических наук в целом. К середине 1980-х гг. большинство советских географов в отношении теоретической географии высказывались весьма осторожно, подчеркивая, что «теоретическая

география как наука еще не сформировалась, идет интенсивный процесс ее становления» [53, с. 3–5]. Вместе с тем, робкие дискуссии относительно теоретической географии содействовали размыванию и ослаблению идеологической ортодоксии, что впоследствии создало условия для теоретического и методологического прорыва, который вылился, в том числе, в появление культурной (гуманитарной) географии.

Отсутствие у теоретической географии официального и признанного статуса, однако, не мешало некоторым советским географам пытаться ее если не институционализировать, то актуализировать ее проблемы, что нередко обретало облик весьма отвлеченных рассуждений о географии как науке [32], проявлениях причинности [17] и прочих общенаучных законов в развитии географического знания, сочетавшихся с чрезмерными попытками актуализации народнохозяйственной функции географии [6]. Примечательно, что эти интеллектуальные упражнения пребывали в рамках советского интеллектуального дискурса. Будучи в значительной степени идеологически выдержанными, они терялись на фоне большинства проходных работ [20], в излишней мере наполненных идеологическими сентенциями о растущей мощи «мировой социалистической системы» и почти фанатической верой в кризис капитализма и опасность империализма. Эстонские географы [36], например, свои упражнения на тему теоретической географии камуфлировали достаточно пространными рассуждениями о необходимости развития социальной географии. Их московские коллеги [12] выражали в значительной степени аналогичные идеи, указывая на необходимость развития общественной географии при актуализации в ее рамках культурного компонента. При этом, не могло быть и речи о выделении регионоведения в особую отрасль географической науки, а термин «регион», если и использовался советскими географами, то, как правило, исключительно в контексте критики «буржуазной экономической географии» [11] или (но редко) в рамках физико-географических штудий [39]. При всей этой роли идеологии, теоретизация географии все же проявилась в стремлении изучать социально-экономические пространственные системы, как на уровне отдельных городов [27], не очень любимых советскими географами

регионов [1] («региональные исследования» [31, с. 212–213] в СССР так и не успели выделиться и институционализироваться в самостоятельную область знания), так и целых государств [40], что было советской версией (отягощенной, правда, необходимым идеологическим камуфляжем) применения концепта «воображение» в рамках географического анализа.

3. Национальные школы советской географии и проторегионоведение. Большую активность в подобных методологических штудиях в сфере теоретической географии проявили географы из национальных союзных республик. Примером подобной актуализации проблем теоретической географии стал симпозиум, проведенный 2–4 октября 1973 г. в Риге (Латвийская ССР). Примечательно, что некоторые тексты латвийских географов [18] не совсем вписывались в советский идеологически выверенный географический дискурс. Участники симпозиума (например, А.М. Колотиевский [21]) указывали на актуальность и необходимость изучения хороистем, развития философии, методологии и общей теории географии. Анализируя проблемы и перспективы развития теоретической географии, советские географы указывали на ее междисциплинарность, близость к социальным наукам и невозможность ее сведения исключительно к использованию математических методов, хотя среди советского научного географического сообщества имели место попытки доказать и обратное, поместив именно математические методы [9] в центр теоретической географии.

В итоговой резолюции симпозиума констатировалась необходимость изучения «теоретических основ взаимодействия географических наук в решении проблем – человек, общество, среда; теоретических основ взаимодействия географических наук в решении проблем территориальной организации производительных сил и всей жизни общества», а также актуализации «взаимодействия географических наук с другими науками». Кроме этого, указывалось на необходимость создания «кафедр теоретической географии, отделов теоретической географии» [41] в университетах и научных институтах. Последняя инициатива осталась нереализованным проектом, так как сторонники теоретической географии столкнулись с оппозицией

со стороны адептов от физической и части экономической географии, которые монополю доминировали в советской географической науке, не только определяя основные векторы и направления развития, но и содействуя перманентной идеологической индоктринизации географических исследований.

Поэтому, в дальнейшем (например, в первой половине 1980-х гг.) тон в советских теоретических географических исследованиях задавали авторы из периферийных национальных республик, среди которых были эстонские ученые Уно Мересте и Сальме Ныммик [30], которые, прикрываясь традиционными для советской формы бытования науки цитатами из очередного съезда КПСС и сочинений В.И. Ленина, фактически пытались провести «социологизацию географии», интегрировав в советскую географию становившиеся популярными в рамках западных географических исследований теории и концепции, основанные на воображении, поставив при этом под сомнение официально деклариовавшееся единство географии, выделяя в ее рамках «географию населения и расселения, социальную географию и другие области общественной географии». Идеи эстонских географов, в концентрированном виде представленные в 1984 г., до этого неоднократно [35] ими озвучивались и популяризировались на теоретических географических семинарах и симпозиумах, а также в рамках специализированных изданий [28], хотя они же были вынуждены констатировать и подчеркивать практикоориентированный характер географии [37], что означало двойственность в развитии географических исследований в союзных республиках, интеллектуалы которых не только конструировали и развивали нарративы, связанные с собственными республиками, но были вынуждены нести идеологическую повинность.

4. Экономизация исследований и проблемы генезиса регионоведения. В работах советских географов подобная терминология, связанная с воображением, с одной стороны, разумеется, не использовалась и ее появление было в принципе невозможно и маловероятно, хотя периодически определенные элементы отхода от советского идеологического канона имели место. Это, в частности, относилось к проблемам географии городов [26]. Подобные элементы в со-

ветской географии носили преимущественно изолированный характер и не оформились в стройную систему гуманитарно-географического знания. Вместо использования теорий, основанных на воображении, советские географы писали о развитии «географии непроизводственной сферы», что стало робкой попыткой поставить под сомнение исключительную ориентацию советской географии на прикладные нужды «народного хозяйства», актуализируя роль теоретических исследований. С другой стороны, те же советские географы писали о теоретических и методологических сложностях в определении предмета географии, чем фактически ставили под сомнение правильность и универсальность советской модели географического знания.

Кроме этого, обращаясь к проблемам и перспективам развития экономической географии, эстонские географы проявили себя как последовательные конструктивисты, которые, используя дозволенную теорию экономического районирования [38], пытались конструировать, то есть почти «воображать» те или иные регионы (преимущественно – Эстонскую ССР), которые в 1980-е гг. были составной частью советского пространства. Подобное «воображение», правда, методологически было крайне ограничено и носило преимущественно прикладной характер, связанный с «народнохозяйственным планированием», «территориальной организацией хозяйства», «территориальным планированием» и т.п. [4]. Нередко попытки подобного географического воображения носили практикоориентированный экономикоцентричный характер [8], что позволяло игнорировать существовавшие между союзными советскими республиками культурные и социально-экономические отличия, избегать обращения к политической проблематике. Подобные исследования являлись, в целом, идеологически выверенными – поэтому советские географы (например, В.М. Четыркин [51]) связывали фактическую регионализацию, т.е. районирование, с разделением труда и развитием производственных специализаций.

Советскими географами, даже в теоретических, не предназначенных для массового, популярного использования текстах, термин «регион» не применялся – вместо него использовалась дефиниция «район», что было связано с характерной для советской геогра-

фии стратегией существования и развития, зиждившейся на признании принципиальных различий и противоречий между СССР и капиталистическим Западом [2] и основанной на собственном противопоставлении «буржуазной» науке. Под «районом» в советской географии, как правило, понималась «территория по совокупности насыщающих ее элементов отличающаяся от других территорий и обладающая единством, взаимосвязанностью, целостностью составляющих элементов». При этом Э.Б. Алаев признавал, что «в большинстве зарубежных стран он не употребляется – ему соответствует термин “регион”», указывая на возможность использования понятия «регион» и в советской географии в тех случаях, если те или иные территории / пространства имеют признаки, которые «не позволяют подвести их под другие термины» [3, 4].

5. Проторегионоведение и поздняя советская география. Во второй половине 1980-х гг. советскими географами была предпринята очередная попытка вернуться к обсуждению проблем теоретической географии, что проявилось в издании сборника «География в системе наук» (1987), в определенной степени претендовавшего на дискуссионность. В частности, о необходимости развития теоретической географии писал Ю.Г. Саушкин, который не только использовал этот термин, но и позиционировал географию в качестве особой, но преимущественно социальной науки, призванной изучать «пространственные системы» и «географическую среду человеческого общества». С другой стороны, он призывал не сводить теоретическую географию к исключительно использованию математических методов (хотя ранее указывал на одну из ведущих ролей именно математики [14] в развитии нового направления), указывая на необходимость междисциплинарности, хотя подобный термин советскими географами не применялся. Кроме этого, в поздней советской географии была предпринята попытка актуализации регионального измерения в географической науке, хотя о появлении регионоведения в качестве самостоятельной дисциплины речи тогда быть не могло.

Во второй половине 1980-х гг. в рамках научного географического сообщества в СССР все громче стали звучать голоса о выделении «экономической и социальной

географии» [24], которые спустя несколько лет официально институционализировались в «регионоведение», а в начале 2000-х логически трансформировались в «зарубежное регионоведение». При этом, советские географы, формально пребывая в рамках идеологически и политически выверенного лояльного дискурса, фактически писали о регионах и регионализации, используя иные термины и определения («пространственная организация общества» [52], «пространственные соотношения развивающихся территориальных объектов» [19], «пространственная дифференциация» [46] и даже почти несоветская «география образа жизни» [50]), ссылаясь при этом на В.И. Ленина и на решения очередного партийного съезда, дабы не быть обвиненными в отступлении от принципов марксизма-ленинизма.

Анализируя специфику отражения, (точнее – идеологически мотивированного отторжения) локального / регионального уровня пространства в советских географических исследованиях, во внимание следует принимать значительный уровень идеологизации научных исследований, которые имели место в СССР в рамках географии. Вместо универсальных и воображаемых регионов советские географы изучали и исследовали не менее воображаемые, ими же воображенные и искусственно конструируемые районы. Вместо термина «регионализация» применялось другое понятие – «районирование» – концепт, чрезмерно перегруженный идеологически и в советском географическом воображении (одновременно и подвергавшийся нападкам за якобы присущий ему «буржуазный национализм» [25]) связанный с политической компонентой, что, в частности, нашло свое отражение в почти ритуальных констатациях фактора революции [22] в преобразовании пространства. Кроме этого, некоторыми советскими географами применялся термин «регионализм», под которым И.П. Герасимов понимал принцип, при котором «исходным объектом географического изучения и описания служит конкретная территория (регион), для которой характерны определенный комплекс природных феноменов, население и созданное им хозяйство» [10].

6. Итоги и перспективы исследования. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов. Современное

отечественное регионоведение в качестве своих исторических и ближайших предшественников имеет географические исследования советского периода. Особую роль в генезисе регионоведения, вероятно, сыграли такие направления в советской географической науке, как теоретическая география и социально-экономическая география. В советский период регионоведение не оформилось в качестве самостоятельной области знания. Кроме этого, не был актуализирован и значительный междисциплинарный потенциал регионоведческих штудий. С другой стороны, регионоведческие исследования или определенные их элементы развивались в рамках социально-экономической географии, что позднее предопределило значитель-

ное внимание к региональным экономикам в качестве одной из системных характеристик регионоведения, после признания его официального статуса и институционализации. В советский период элементы проторегионоведения в рамках географии развивались в условиях дискретности, оторванности от других близких направлений в смежных науках. Тем не менее, основания для последующего развития регионоведения были заложены в рамках советской географической науки, история которой, в том числе и в контексте генезиса региональных исследований (страноведение, социально-экономическая география зарубежных стран, проблемы идеологии в науке и проч.), нуждается в дальнейшем изучении.

Библиографический список

1. Аасмяз Х.Ю. Образование систем социально-экономических территориальных комплексов // Изучение проблем социально-экономической и социальной географии. Материалы научного совещания, Тарту, 2–3 июня 1979 г. / Отв. ред. С.Я. Ныммик. – Тарту, 1979. – С. 73–84.
2. Агафонов Н.Т., Лавров С.Б. О принципиальных различиях между капиталистическими и социалистическими районными территориально-производственными комплексами // Вестник ЛГУ. Сер. геологии и географии. – 1966. – № 6. – Вып. 1.
3. Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология. – М.: Мысль, 1977.
4. Алаев Э.Б., Преображенский В.С. Роль географических исследований в народнохозяйственном планировании // Географические исследования и проблемы экономического и социального планирования в условиях зрелого социализма / Отв. ред. Н.Т. Агафонов и др. – Л., 1980. – С. 5–11.
5. Альбрут М.М. Марксистско-ленинские теоретические основы экономической географии: в 2-х кн. / Науч. ред. Е.С. Соломенцев. – Челябинск, 1971, 1973.
6. Арзамаскин В.И. Комплексный региональный экономический анализ (Методологические и методические вопросы) / Ред. В.Г. Садков. – Томск, 1988.
7. Баранский Н.Н. Об учебном плане экономико-географической специальности (из опыта географического факультета МГУ) // Вопросы географии. Сб. 18: Высшее географическое образование. – М.: Географгиз, 1950. – С. 34–58.
8. Белоусов И.И. О проекте экономического районирования СССР, составленным Н.Н. Колосовским // Вопросы географии. Сб. 41: Экономическая география. – М.: Географгиз, 1957. – С. 29–46.
9. Василевский Л.И., Медведков Ю.В. Перспективы математических методов в географии // Вопросы географии. Сб. 100: Перспективы географии. – М.: Мысль, 1976. – С. 93–108.
10. Герасимов И.П. Роль географии в познании современного мира // Вопросы географии. Сб. 100: Перспективы географии. – М.: Мысль, 1976. – С. 6–15.
11. Гордонов Л.Ш. Некоторые проблемы формирования и трансформации экономических районов в молодых развивающихся странах // Вопросы географии. Сб. 64: Экономико-географические проблемы стран Африки, Азии и Латинской Америки. – М.: Мысль, 1964. – С. 10–23.
12. Гохман В.М. Структура общественно-географических наук // Изучение проблем социально-экономической и социальной географии. Материалы научного совещания, Тарту, 2–3 июня 1979 г. / Отв. ред. С.Я. Ныммик. – Тарту, 1979. – С. 14–24.
13. Гохман В.М., Минц А.А., Преображенский В.С. Системный подход в географии // Вопросы географии. Сб. 88: Теоретическая география. – М.: Мысль, 1971. – С. 65–75.
14. Гохман В.М., Гуревич Б.Л., Саушкин Ю.Г. Проблемы метагеографии // Вопросы географии. Сб. 77: Математика в экономической географии. – М.: Мысль, 1968. – С. 3–14.
15. Гохман В.М., Родоман Б.Б. Некоторые направления развития теоретической географии в СССР // Вопросы географии. Сб. 100: Перспективы географии. – М.: Мысль, 1976. – С. 51–61.
16. Гохман В.М., Саушкин Ю.Г. Современные проблемы теоретической географии // Вопросы географии. Сб. 88: Теоретическая география. – М.: Мысль, 1971. С. 5–28.
17. Григоров Г.И. Причинность и связи в географии (методологический аспект) / Под ред. В.И. Оноприенко. – Киев, 1983.
18. Дзенис З.Е. Методология и методика социально-экономико-географических исследований / Ред. А.М. Колотиевский. – Рига, 1980.
19. Жекулин В.С. О структурных уровнях организации географической науки // География в системе наук / Отв. ред. В.С. Жекулин, С.Б. Лавров. – Л., 1987. – С. 32–52.
20. Зверев М.К. Общая экономическая и социальная география (вопросы методологии и теории). – Калининград, 1982.

21. Колотиевский А.М. Состояние и тенденции развития основных теоретических концепций в советской географии // Теоретические проблемы географии. Материалы симпозиума по теоретическим проблемам географии, Рига, 2–4 октября 1973 г. / Под ред. А. Колотиевского. – Рига, 1976. – С. 3–18.
22. Константинов О.А. Советское районирование к сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции // Известия ВГО. – 1957. – Вып. 5. – С. 426–444.
23. Кучкин В.А. Формирование княжеств Северо-Восточной Руси в послемонгольский период // Вопросы географии. Сб. 83: Историческая география России. – М.: Мысль, 1970. – С. 95–112.
24. Лавров С.Б. Структура географической науки: прошлые споры и современные позиции // География в системе наук / Отв. ред. В.С. Жекулин, С.Б. Лавров. – Л., 1987. – С. 21–31.
25. Лейзерович Е.Е. О Николае Николаевиче Баранском // Региональные исследования. – 2012. – № 3. – С. 4–11.
26. Маергойз И.М. К экономико-географическому изучению городов // Вопросы географии. Сб. 38: География городов. – М.: Географгиз, 1956. – С. 5–26.
27. Медведков Ю.В. Представления социально-экономической географии о пространстве // Изучение проблем социально-экономической и социальной географии. Материалы научного совещания, Тарту, 2–3 июня 1979 г. / Отв. ред. С.Я. Ныммик. – Тарту, 1979. – С. 24–45.
28. Мересте У. Целостность и самостоятельность географической науки и наук, входящих в ее систему // Теоретическая и математическая география. Сборник очерков / Под общ. ред. С.Я. Ныммик. – Таллин, 1978. – С. 37–71.
29. Мересте У., Яласто Х. О перспективах и границах дальнейшего развития метагеографии, математической и теоретической географии // Теоретическая и математическая география. Сборник очерков / Под общ. ред. С.Я. Ныммик. – Таллин, 1978. – С. 72–98.
30. Мересте У.И., Ныммик С.Я. Современная география: вопросы теории. – М.: Мысль, 1984.
31. Мукитанов И.К. От Страбона до наших дней: эволюция географических представлений и идей. – М.: Мысль, 1985.
32. Мукитанов Н.К. Методологические проблемы теоретизации географии / Отв. ред. А.Н. Насынбаев. – Алма-Ата, 1979.
33. Мукитанов Н.К. Теоретическая география, ее сущность и содержание // Вопросы географии. Сб. 122–123. Сб. 122: Теоретические аспекты географии. – М.: Мысль, 1984. – С. 11–17.
34. Никитин Н.П. Краеведная литература пореформенной эпохи как источник для исторической географии России этого времени // Вопросы географии. Сб. 50: Историческая география. – М.: Географгиз, 1960. – С. 211–237.
35. Ныммик С.Я. Системность социально-экономической географии // Теоретические проблемы географии. Материалы симпозиума по теоретическим проблемам географии, Рига, 2–4 октября 1973 г. / Под ред. А. Колотиевского. – Рига, 1976. – С. 52–59.
36. Ныммик С.Я. Соотношение экономической, социальной и социально-экономической географии // Изучение проблем социально-экономической и социальной географии. Материалы научного совещания, Тарту, 2–3 июня 1979 г. / Отв. ред. С.Я. Ныммик. – Тарту, 1979. – С. 3–13.
37. О развитии географии в Эстонской ССР, 1960–1968 / Ред. Л. Мерикалью. – Таллинн, 1970.
38. Покшишевский В.В. Экономическое районирование СССР // География СССР. Вып. 2: Экономическое районирование СССР / Итоги науки и техники. – М.: ВИНТИ, 1965. – С. 7–45.
39. Прокаев В.И. О типах естественных регионов и естественных границ // Известия АН СССР. Сер. геогр. – 1959. – № 6. – С. 128–134.
40. Райтвийр Т.В., Вабар М.М. К изучению социально-экономических пространственных систем на уровне государств // Изучение проблем социально-экономической и социальной географии. Материалы научного совещания, Тарту, 2–3 июня 1979 г. / Отв. ред. С.Я. Ныммик. – Тарту, 1979. – С. 45–60.
41. Резолюция симпозиума по теоретическим проблемам географии, состоявшегося 2–4 октября 1973 г. в городе Риге // Теоретические проблемы географии. Материалы симпозиума по теоретическим проблемам географии, Рига, 2–4 октября 1973 г. / Под ред. А. Колотиевского. – Рига, 1976. – С. 137–139.
42. Родоман Б.Б. Зональность и географические зоны // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1968. – № 5. – С. 33–40.
43. Родоман Б.Б. Основные типы географических границ // Географические границы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 19–33.
44. Родоман Б.Б. Территориальные системы // Известия АН СССР. Сер. геогр. – 1972. – № 4. – С. 114–118.
45. Саушкин Ю.Г. Географическая наука в прошлом, настоящем, будущем. – М.: Просвещение, 1980.
46. Саушкин Ю.Г. От метагеографии к теоретической географии // География в системе наук / Отв. ред. В.С. Жекулин, С.Б. Лавров. – Л.: Наука, 1987. – С. 11–20.
47. Саушкин Ю.Г. Природно-хозяйственные районы Советского Союза // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 1980. – № 4. – С. 3–13.
48. Саушкин Ю.Г., Смирнов А.М. Роль ленинских идей в развитии теоретической географии // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 1970. – № 1. – С. 3–12.
49. Смирнов А.М. Общегеографические понятия // Вопросы географии. Сб. 88: Теоретическая география. – М.: Мысль, 1971. – С. 29–64.
50. Хорев Б.С. Некоторые методологические вопросы науковедения и развития теории географической науки // География в системе наук / Отв. ред. В.С. Жекулин, С.Б. Лавров. – Л.: Наука, 1987. – С. 53–61.

51. Четыркин В.М. О районообразующих признаках в советском экономическом районировании // Вопросы географии. Сб. 41: Экономическая география. – М.: Географиз, 1957. – С. 9–28.
52. Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Экономическая и социальная география // География в системе наук / Отв. ред. В.С. Жекулин, С.Б. Лавров. – Л.: Наука, 1987. – С. 148–173.
53. Шарыгин М.Д., Зырянов А.И. Введение в теоретическую географию. – Пермь, 1984.
54. Яцунский В.К. Историческая география как научная дисциплина // Вопросы географии. Сб. 20: Историческая география СССР. – М.: Географиз, 1950. – С. 13–41.

Слука Н.А., Ткаченко Т.Х. (Москва)

**ПОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА:
ОТ РЕКРЕАЦИИ К МИРОВОМУ РАЗВИТИЮ
(памяти профессора Н.С. Мироненко)**

Sluka N.A., Tkachenko T.Kh.

**KNOWLEDGE OF PUBLIC SPACE:
FROM RECREATION TO WORLD DEVELOPMENT
(in memory of professor N.S. Mironenko)**

***Аннотация.** В статье на основе библиометрического подхода анализируется научный путь основателя отечественной школы исследований географии мирового хозяйства, профессора Н.С. Мироненко.*

***Abstracts.** MSU Professor N.S. Mironenko is shown as an establisher of Russian school of world economy geography. Stages of Mironenko's scientific work are analyzed on the base of bibliometric approach.*

***Ключевые слова:** профессор Н.С. Мироненко, экономико-географ, страновед, геополитик, этапы научной карьеры, библиометрический анализ.*

***Key words:** professor N.S. Mironenko, economic geographer, regional geographer, geopolitics, stages of scientific work, bibliometric analysis.*

Невосполнимая утрата. 6 декабря 2014 г. ушел из жизни Николай Семенович Мироненко, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный профессор Московского университета, доктор географических наук, свыше 20 лет заведовавший кафедрой географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Каждый раз, вспоминая или с печалью провожая в последний путь своих учителей-географов, специалистов по зарубежному миру, удивляешься, с одной стороны, непредсказуемости и тернистости их жизненного пути, а с другой – богатству страны талантами и широкой географии происхождения элиты Московского университета, его профессорского корпуса. Иван Александрович Витвер – уроженец с. Ильино, Тверская губерния; Исаак Моисеевич Маергойз – с. Янов, Подольская губерния; Виктор Вацлавович Вольский – ст. Злынка (ныне поселок Вышков), Брянская область; Александр Евгеньевич Слука – город Горки, Могилевская область...

Вот и Николай Семенович Мироненко – выходец из небольшого села Придорожное Джанкойского района Крыма, трудовую биографию которого, излагая при желании в телеграфном стиле, можно уложить в несколько строк. Обучение в семилетней школе (1948–1956 гг.), Херсонском гидрометеорологическом техникуме по специальности «метеорология» (1956–1960 гг.); экстернат и окончание с золотой медалью полной средней школы с последующей службой в армии (1960–1963 гг.); студент естественно-географического факультета (1963–1968 гг.), а затем ассистент на кафедре экономической географии Крымского государственного педагогического института (1968–1970 гг.); аспирант (1970–1973 гг.) и в дальнейшем сотрудник географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова [3, с. 144]. Однако сухие анкетные данные биографии совершенно не могут отразить ни масштаба личности Н.С. Мироненко, ни значимости таланта и колоссального объема, выполненной им работы организационного, учебного, исследовательского характера.

Учителя и научные школы. Трудно переоценить роль учителей в формировании ученого. И в этом плане Н.С. Мироненко очень повезло. В определение его научной, да и жизненной судьбы важную лепту привнес первый, крымский период. На молодого ассистента обращает внимание и «берет под свое крыло» на кафедре экономической географии Крымского государственного педагогического института профессор И.Т. Твердохлебов – признанный специалист в области экономической географии зарубежных стран, основной сферой научных интересов которого с конца 1960-х гг. становится новое направление – рекреационная география.

Обладая научной интуицией, И.Т. Твердохлебов точно уловил возможности экономической географии в исследовании данной проблематики. Теоретические основы развития рекреационной географии были заложены V съездом Географического общества СССР (1970 г.). Знаменательно, что на этом съезде авторами доклада «Проблемы рекреационной географии», в котором было заявлено о появлении фактически новой науки, сформулированы ее основные задачи и направления, были не только маститый профессор И.Т. Твердохлебов, опытный исследователь Н.В. Багров, но и совсем юный Н.С. Мироненко [5, с. 21]. Оказавшись у истоков формирования отечественной научной школы рекреационной географии, Н.С. Мироненко оставался верен ей на протяжении всей своей жизни, породив немало идей, учеников, работ, в том числе изданных за рубежом. Отчасти символично, что одним из последних трудов профессора стал новый учебник по географии туризма¹.

Профессор И.Т. Твердохлебов открывает аспирантуру, в которой осуществляется подготовка специалистов, исследующих проблемы страноведческого характера, и, пользуясь авторитетом в научной и академической среде Москвы и Ленинграда, организует научные стажировки своих аспирантов в МГУ имени М.В. Ломоносова. Одним из первых стажеров-крымчан стал Н.С. Мироненко, направленный по личной просьбе и рекомендации И.Т. Твердохлебова на кафедру экономической географии зарубежных социалистических стран к И.М. Маергойзу. «Сам

провинциал порождению, он (Маергойз – авт.) был особенно чуток к «иногородним»: это ему стажер и аспирант Коля Мироненко из Симферополя обязан тем, что остался в Москве, где дорос до профессора Николая Семеновича Мироненко, заведующего «маергойзовской» кафедрой [4, с. 27].

«Попав в лапы» И.М. Маергойза, выдающегося мыслителя и учителя, в «маергойзовскую школу», начинается очень важный, наверное, решающий этап формирования и становления личности, обретения нового уровня мышления, «уплотнения таланта» и одновременно укладки спектра исследовательских направлений. Страноведческая струна, заложенная на крымском этапе, развитая под руководством и в тесном сотрудничестве с И.М. Маергойзом, никогда не угасала потом в творчестве Н.С. Мироненко. Под влиянием идей профессора, в частности под влиянием разработки концепции территориальной структуры хозяйства, закладываются основы системно-структурного анализа в научном мышлении Н.С. Мироненко.

Еще одна удача в судьбе, что во «времена Маергойза» кафедрой экономической географии зарубежных социалистических стран МГУ заведовал профессор О.Т. Богомолов, симпатизировавший и приветствовавший реформаторские движения в странах «социалистического лагеря». Под его влиянием формируются основные мировоззренческие и гражданские позиции Николая Семеновича. Так получилось, что им он не изменял на протяжении всех последующих лет жизни. Уже навсегда – после «богомоловской прививки» – ученый остается приверженцем либеральных реформ, «рыночником», хотя и понимая, естественно, что в реальной жизни не существует правления только чистого рынка либо только государственного управления.

К своей школе в географии. Наступивший в 1990-е гг. системный перелом в жизни страны оказался поворотным моментом в жизненном и в творческом пути Н.С. Мироненко. Только сейчас, по прошествии времени, как бы издаലെка, приходит осознание громадности задачи, перед которой оказался профессор, возглавив в 1992 г. по сути новую, а по составу исследовательского и преподава-

¹ Кружалин В.И., Мироненко Н.С., Зигерн-Корн Н.В., Шабалина Н.В., Аигина Е.В., Голубчиков Ю.Н., Тульская Н.И. География туризма: учебник. – М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. – 336 с.

тельского коллектива – прежнюю (!) кафедру. Как переориентировать исследовательский интерес оставшихся людей, перестроить учебные планы в соответствии с новой тематикой, какие должны быть новые приоритеты собственного научного интереса?

Под влиянием внешних мощных факторов в творческом пути Н.С. Мироненко происходит своеобразный скачок в новое исследовательское поле – географию мирового хозяйства. Определив главное направление научно-исследовательской работы кафедры как изучение пространственной структуры мирового хозяйства в качестве глобальной системы, основанной на международном разделении труда, стержневым направлением его собственных научных устремлений становится задача теоретизации избранного направления науки, концептуальное обоснование мирового пространственного развития.

Им подробно разрабатывается и, что особенно важно, внедряется в учебный процесс концепция цикличности мирохозяйственного развития, как основы понимания сдвигов в пространственных структурах мироустройства. Он дает современную трактовку международного разделения. Исходя из реально происходящих процессов в сфере мировых обменов, сформулировано представление о двух видах международного разделения труда: собственно международном (ему соответствует поле связей между странами) и транснациональном разделение труда (ему соответствует поля связей между транснациональными фирмами с их внутренними системами информации, доминирующей глобальной или региональной стратегией). При этом налицо мощная динамика в углублении изысканий. Если на начальном этапе на кафедре изучались пространственные интегральные отношения в мировом хозяйстве с помощью центро-периферического подхода, то следующим шагом стал переход к регионально-типологическому анализу мировой системы, в частности в рамках теории модернизации и постмодернизации. Позднее профессор всячески поддерживает развитие градоцентрической модели пространственной структуры мирового хозяйства, отводя мировым (глобальным) городам роль важнейших акторов в системе мирового хозяйства.

Особым направлением исследований Н.С. Мироненко становится изучение взаимодействия мирохозяйственных и глобальных геополитических процессов. Было введено понятие геополитической динамики в смене мировых порядков. За основу взята идея известного американского социолога И. Валлерстайна о взаимосвязи основных геополитических (гегемонистских) циклов с кондратьевскими циклами мировой экономики, что внесло новый элемент в исследование и учебный процесс на кафедре. На основе этих исследований, в частности, был осуществлен проект РФФИ, на материалах которого издан двухтомник «Проблемы геоконфликтологии»².

Все перечисленные теоретические и методологические подходы применяются на кафедре в рамках изучения отраслей мирового хозяйства – промышленности, сельского хозяйства, финансовой сферы и других отраслей нематериального производства. Особое внимание уделяется исследованию новейших производств и энергетического комплекса – именно эти две сферы в первую очередь определяют сегодня расстановку «экономических» сил в мировом хозяйстве, основные сложившиеся пропорции в нем и будущие сдвиги. Не менее важно изучение мировой **финансовой системы**, которая выступает «флагоманом» глобализации, но в тоже время – при ее несбалансированном развитии – способна выступать мощным фактором дестабилизации не только национальных экономик, но и мировой [9].

В такой системе научных координат функционирует созданная ученым почти за 25 лет неустанного труда кафедра географии мирового хозяйства.

Н.С. Мироненко был исследователем в очень трудной сфере – сфере междисциплинарности: экономика, геополитика и география в их взаимном сложном сопряжении, но еще и философия как объяснительная опора в его работах. В наши дни многие ученые являются квалифицированными экспертами в своих, часто узких областях. По Э. Канту – это «одноглазые чудовища», у которых отсутствует «философский глаз». У Н.С. Мироненко, несомненно, присутствовал «философский глаз». Многие труды по философии, истории, религии, куль-

² Проблемы геоконфликтологии. В 2 т. / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: «Пресс-Соло», 2004.

туре – он пропускал через себя, искал, что могло бы дать полезные аналогии для понимания феноменов развития и географии глобальной экономики.

Ученый и учитель. Нельзя не сказать и еще об одной красной нити, органично связывающей Н.С. Мироненко с его учителями. Помимо высокой заряженности на научные свершения, он впитал от своих наставников любовь к ученикам. Можно и даже нужно интерпретировать выше: забота о будущем поколении оказалась глубоко встроена в структуру его личности! Профессор формировал такой способ связи учителя и ученика, когда учитель не просто перекладывает свои знания в голову обучаемого, а пробуждает собственные силы ученика к обучению. Ведь главное на современном этапе – это овладение способами самообразования, способами пополнения знаний. Он подталкивал учеников к работе не только с интернетовскими базами данных, но и постоянно требовал «вернуться в библиотеки». Заведующий кафедрой без усталости тормошил и своих коллег, рассматривал их как учеников: сколько работ, проводя заседания кафедры, он рекомендовал прочесть...

У каждого талантливого исследователя всегда в запасе, а точнее в подсознании – новые аспекты, проблемы, задачи, которые требуют развития. Задачу труднее поставить, чем ее решить. Н.С. Мироненко – мастер постановки задач! Его студенты и аспиранты щедро получали эти «окна развития» – конкурентоспособность стран, география диффузии инноваций, геоконфликтология, проблемы освоения пространства и ресурсов Мирового океана и т.д. Считается, что профессор часто перехваливал отдельных учеников, впадал в превозношение любимчиков. Представляется, что это не эмоциональный «перехлест», скорее это любовь к тем темам, научным задачам, которые он находил и ставил и над которыми вместе с «любимчиками» углубленно работал. И хотя эти «перехваленные» и не оставались потом в лоне науки, но в формировании их личностей доля Н.С. Мироненко очень значительна.

Библиометрический подход к анализу научного творчества. Профессор Н.С. Ми-

роненко – крупный ученый, внесший немалый вклад в развитие отечественной экономической, социальной, политической и рекреационной географии, признанный лидер целого ряда инновационных направлений исследований; автор более 200 научных и учебно-методических работ, в том числе целого ряда фундаментальных монографий, учебников и учебных пособий. Изучение этого богатого научного наследия позволяет не только выявить этапы творческого пути, но и проследить их взаимосвязь, взаимообусловленность, качественную и содержательную интенсивность.

Не претендуя на всю полноту и глубину исследования, предлагаем анализ с использованием библиометрического метода на базе данных только формирующихся, несовершенных, но вполне официальных систем – Истина МГУ, «Интеллектуальная система тематического исследования научно-технической информации МГУ имени М.В. Ломоносова» и РИНЦ, «Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU» [7; 8].

Количество и аритмия. Всего в системе Истина МГУ, согласно нашим подсчетам, зафиксировано 185 научных и учебно-методических произведений Н.С. Мироненко, в том числе 73 – в журналах, включая 51 работу из списка ВАК. И этому, вероятно, надо верить, так как профессор собственноручно готовил материалы для очередного переиздания на должность заведующего кафедрой в начале 2014 г. Хотя, наверняка есть и упущения, неполнота данных, что связано, например, с трудностями отслеживания частоты переиздания книг. Кроме того, ученый, очевидно, утратил информацию, или просто забыл внести целый ряд материалов, которые готовил для различных энциклопедических изданий, включая «Энциклопедия туриста» (1993); «Новая российская энциклопедия» (с 2003); словарь-справочник «Социально-экономическая география: понятия и термины» (2013)³; и ряд других.

Анализ общего числа публикаций – без учета масштаба произведений – показывает высокую научную «продуктивность» профессора и постоянную заряженность на поиск. В среднем за 43 года научной карьеры

³ Энциклопедия туриста. – М.: Большая российская энциклопедия, 1993. – 607 с.; Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – 328 с.

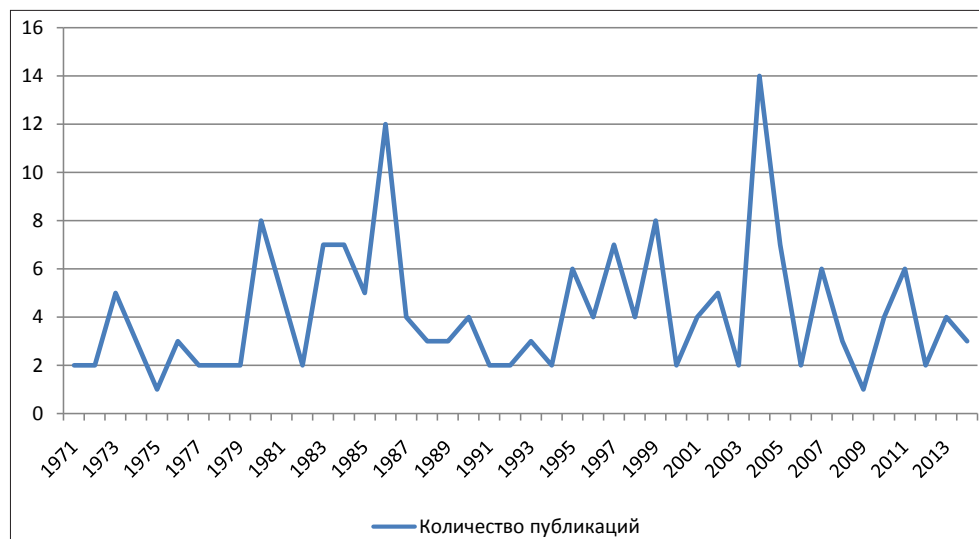

Рис. 1. Общая публикационная активность Н.С. Мироненко, 1971–2014 гг.

Составлено по: Истина МГУ.

(1971–2014 гг.) выходило по 4,3 труда в год! И это, еще раз подчеркнем, включая и крупные достижения – монографии, учебники, учебно-методические пособия. Но за средними показателями закономерно стоит столь типичная для любой творческой личности неравномерность активности, хорошо вписывающаяся в хронологию «жизненного цикла» ученого.

Первый небольшой всплеск в публикационной активности отмечается в период подготовки Николаем Семеновичем диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук на тему: «Проблемы рекреационного районирования Причерноморья социалистических стран» (рис. 1). После ее защиты в 1974 г., последовавшей длительной командировки для работы на Кубе, наблюдается некоторый спад, но далее, после возвращения на Родину, налицо уже многолетний повышательный тренд. Он, кстати, фиксирует и своего рода отложенную отдачу наработок в виде целого ряда материалов по «стране вечного лета»⁴.

Второй максимум в карьере ученого отмечается в 1986 г. (12 публикаций), в преддверии защиты диссертации на соискание ученой степени доктора географических наук

на тему: «Рекреационная среда зарубежных европейских стран-членов СЭВ (принципы и методы социально-географического исследования)». В 1987 г., после успешной реализации этого проекта, в публикационной активности Н.С. Мироненко наступает пятилетка относительного затишья, хотя и с традиционным выполнением стандартной нормы – не менее 2–4 статей в год. Такое «затишье» тесно связано с эпохой реформаторства в стране в «лихие 1990-е», с переходным периодом в жизни всей кафедры – от страноведения к глобалистике; от изучения экономической географии стран только «социалистического лагеря» – к гораздо большему и практически неисследованному отечественными географами объекту – мировому хозяйству.

Энтузиазм в освоении неизведанного в пору наступления истинной зрелости ученого находит выражение в очередном сильном повышательном тренде в числе публикаций. Оно достигает пика в 2004 г., когда вышло в свет 14 материалов как сольных, так и в соавторстве. Последние были подготовлены, в том числе с завершающими диссертации аспирантами И.В. Пилипенко, И.Л. Прыгунновой, М.Ю. Сорокиным, А.В. Федорченко⁵.

⁴ Мироненко Н.С. Развитие туризма на Кубе // Бюллетень Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. – М.: ИЭМСС, 1997. – С. 17–25; Миланова Е.В., Мироненко Н.С., Иньигес Л. Опыт ландшафтно-рекреационного анализа на примере района Виньялес (Западная Куба) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1980. – № 5. – С. 41–50 и др.

⁵ Например, Мироненко Н.С., Пилипенко И.В. Конкурентоспособность малых высокоразвитых стран Западной Европы на мировом рынке прямого инвестирования // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2004. – № 1. – С. 11–17; Мироненко Н.С., Денисенцев А.С. О политической геоэкономологии как области географического знания // Проблемы геоэкономологии. В 2 т. Т. 1. – М.: Пресс-Соло, 2004. – С. 12–24.

В последующие годы после такого апофеоза и вплоть до ухода из жизни, несмотря ни на что, публикационная активность профессора остается в пределах средней многолетней нормы – 4,3 труда в год.

Многообразие научных интересов – одна из важных сторон Н.С. Мироненко как истинного ученого. Его талант раскрылся в апробации и развитии целого ряда исследовательских направлений. При тематическом анализе общего числа публикаций, безусловно, выделяется первая любовь профессора – рекреационная география. Не случайно на ее долю приходится почти треть всех публикаций. Ровно $\frac{1}{4}$ материалов посвящена изучению проблем в области географии мирового хозяйства, закономерностям формирования территориальной структуры глобальной экономики. Отчасти «не повезло» двум другим направлениям, традиционно пестуемым Николаем Семеновичем, – страноведению и геополитике. Каждый из разделов занимает около 10% в суммарном реестре трудов. И если вторым направлением профессор увлекался и в 2000-е гг., то страноведение, по которому долгое время читал курс лекций на географическом факультете МГУ, подготовил сериал статей и ряд учебных пособий, практически оставил. Но понятно, что все его произведения по изучению проблематики географии мирового хозяйства строились с учетом глубокого знания социальной, экономической и политической географии многих стран, особенно крупных.

На фоне генеральных исследовательских линий профессора как бы в тени остается раздел «Прочие направления», хотя аккумулирует практически $\frac{1}{4}$ всех публикаций. Дело в том, что в него пришлось включить разнородные по тематике и одновременно разнокалиберные по качественной и смысловой нагрузке материалы. Это, с одной стороны, журнальные статьи из раздела «Хроника», посвященные, например, официальным юбилеям отдельных персоналий и кафедр географического факультета МГУ; различ-

ные методические разработки⁶, учебные программы отдельных курсов, рецензии на книги и т.п. Но, с другой стороны, в раздел вошли многие фундаментальные произведения, в том числе по изучению теоретических аспектов социально-экономической географии⁷. Так или иначе, но весомость раздела «Прочие направления» лишний раз и однозначно подчеркивает разносторонность интересов Николая Семеновича в области социально-экономической географии.

Эволюция структуры научных интересов. Понятно, что сферы научных интересов Н.С. Мироненко с течением времени видоизменялись. Первый, самый ранний этап – с 1971 г. – момента появления первой публикации «Географические проблемы Причерноморского рекреационного района (Крыма)» в соавторстве с И.Т. Твердохлебовым⁸ – до начала 1980-х гг. – однозначно можно именовать монотематическим. Подавляющая часть научной продукции в это время посвящена изучению проблем в рамках рекреационной географии. Хотя на протяжении периода налицо нарастание интереса к познанию и иных областей социальной и экономической географии, что выражается в росте значимости в структуре публикаций раздела «Прочие труды».

Второй этап, замыкающийся рамками 1980-х гг., ознаменовывается дополнением рекреационно-географического блока исследований, очевидно, не без влияния авторитета и идейного багажа И.М. Маергойза, страноведческим. Третий этап – период первой половины 1990-х гг. – с одной стороны, судя по сокращению общего количества публикаций, сложный, переломный, а с другой – поисковый, информационно-накопительный и одновременно наиболее разнообразный по тематике статей. На схеме хорошо читается максимум научной многовекторности деятельности уже полновесного профессора Московского университета. В это время выходят новые работы и по рекреационной географии, и

⁶ Например, Мироненко Н.С., Полян П.М., Трейвиш А.И. Исаак Моисеевич Маергойз (к 100-летию со дня рождения) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2009. – № 4. – С. 3–6; Бабурин В.Л., Мироненко Н.С. К методике маршрутных наблюдений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1986. – № 5. – С. 98–102.

⁷ Мироненко Н.С. Концепция синтеза в современной географии // Глобус. 1992. № 2; Вольский В.В., Мироненко Н.С., Хрущев А.Т. Экономическая, социальная и политическая география в Московском университете: состояние и пути развития // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1997. – № 4. – С. 3–12; Мироненко Н.С. Глобализация и география // Сб. тр. Труды XII съезда РГО. Т. 1. – СПб, 2005. – С. 61–67 и др.

⁸ Мироненко Н.С., Твердохлебов И.Т. Географические проблемы Причерноморского рекреационного района (Крыма) // Сб. науч. тр. «Проблемы географии Крыма». – Симферополь: Изд-во Таврида, 1971. – С. 18–25.

по страноведению, и уже появляются первые творения по геополитике и географии мирового хозяйства.

С конца 1990-х гг., в творчестве заведующего кафедрой географии мирового хозяйства Н.С. Мироненко открывается новый этап – «эра глобалистики». Интересы к исследованиям в сфере геополитики, в сфере географии глобальной экономики постепенно вытесняют и перекрывают все прочие. На данную проблематику в структуре публикаций приходится уже до 4/5 всех материалов. Условный пятый этап научных исследований – начиная со второй половины 2000-х гг. – характеризуется постепенным затуханием интереса к геополитике. В этот период уже до 2/3 всех публикаций выполняется исключительно по проблематике географии мирового хозяйства.

Венцы поисковых периодов. В контексте периодизации научного творчества Н.С. Мироненко любопытно отметить, что практически все этапы он закреплял фундаментальными трудами, как бы ставил жирную точку. Причем всегда подводил определенную черту исследования учебными изданиями, отражающими в определенной мере связь университетской науки и образования, нацеленность на передачу накопленных знаний потомкам. Так, первый этап – завершился изданием в 1981 г. в соавторстве с И.Т. Твердохлебовым учебного пособия «Рекреационная география», в котором «заложены научные основы миграционной рекреации, исследуются факторы формирования этой новой отрасли хозяйства и специфика ее территориальной организации» [2, с. 2]. Эта работа привлекла внимание своим интегративным характером, поскольку в ней впервые была сделана попытка обобщения понятийного аппарата рекреационной географии и проанализированы методологические вопросы этой науки [5, с. 22–23]. Она доныне остается настольной книгой обучающихся во многих вузах по специальностям, связанным с туризмом и отдыхом.

Второй этап ознаменовался выходом в свет в 1993 г. учебного пособия «Методика страноведческого исследования» в соавторстве с С.С. Каринским и Н.А. Слукой, годом

позже отмеченного премией Д.Н. Анучина. В его основе, как указывал в предисловии сам Н.С. Мироненко, лежат методические разработки И.М. Маергойза, который особое внимание уделял формированию представлений о территориальной структуре хозяйства страны как предмета экономико-географического страноведения. Основная идея, которой подчинены все темы книги, состоит в раскрытии пространственной организации (структуры) страны как результата взаимодействия ее территориальных элементов общественного и природного характера [1, с. 3].

Определенные итоги третьего – четвертого этапов творческой деятельности Н.С. Мироненко зафиксированы в неоднократно переиздававшемся учебнике для вузов «Геополитика и политическая география», подготовленного в соавторстве с В.А. Колосовым⁹. Причем во многих рецензиях, например, профессора С.Н. Раковского, отмечается, что это очень своевременная и, прежде всего, крупная научная работа [6]. В своем разделе «Геополитика. Модели и процессы формирования геополитического пространства мира», Н.С. Мироненко развивает подход, который называет «геополитикой взаимодействия, а не конфронтации», касается фактически большинства главных актуальных проблем мировой политики и экономики; предлагает ряд новых или по-новому сформулированных геополитических сценариев, принципиальных положений мирового развития в конце XX в. При этом концепции, модели, теоретические построения и обобщения подкреплены тщательно подобранными фактами, что в сумме выводит на новый уровень систематизации и периодизации развития геополитической мысли. Самостоятельное значение имеет создание обобщенной картины геополитического положения России.

Последний этап «увенчивается» изданием в 2006 г. редкостной книги «Введение в географию мирового хозяйства. Международное разделение труда», основанной на многолетнем опыте чтения профессором одноименного курса лекций; а – в 2012 г. учебника «География мирового хозяйства», подготовленного всем коллективом кафедры под общей редакцией и авторстве

⁹ Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 479 с.

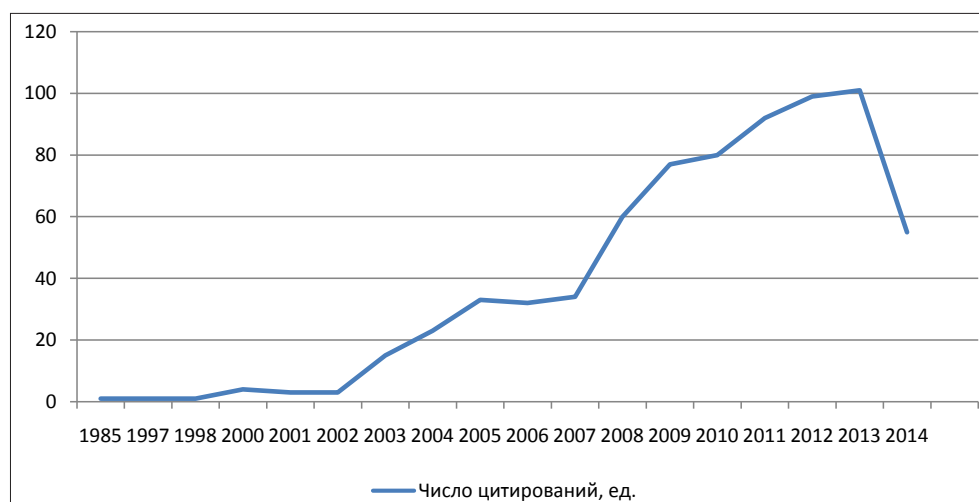

Рис. 2. Распределение цитирований трудов Н.С. Мироненко по годам цитирующих публикаций
Составлено по: РИНЦ.

важнейших разделов Н.С. Мироненко¹⁰. Эти работы служат единым проводником в раскрытии теоретических, методических, отраслевых и пространственных проблем мирового хозяйства на основе развития международного разделения труда в условиях процессов интернационализации и глобализации.

Открытия в оценке результативности изысканий. Очень высокий авторитет Н.С. Мироненко как ученого, значимость и результативность его исследований хорошо отражает реакция профессиональной аудитории через ссылочный аппарат. Несмотря на то, что система РИНЦ на 07.02.2015 фиксирует у профессора в графе «Число публикаций автора с учетом статей, найденных в списках литературы» только 33 работы, а в графе «Число публикаций автора в РИНЦ» – всего 19, «Суммарное число цитирований автора» составляет более 700 (!), а величина Индекса Хирша – 5. Его труды цитируются в публикациях 271 журнала самой разной тематики, в десятках диссертаций, научных сборников, трудов конференций и пр. При этом совершенно очевидный тренд – перманентный рост популярности произведений (рис. 2). Отметим, что данные на последние даты, 2013–2014 гг., не показательны, так как сведения об упоминаниях работ тра-

диционно поступают в систему с большим опозданием.

Определенной неожиданностью стали результаты анализа рейтинга популярности отдельных трудов профессора Н.С. Мироненко по числу ссылок. Максимальное количество баллов набирает его совместный труд с В.А. Колосовым «Геополитика и политическая география: учебник для вузов» разных лет издания. Очевидно, такое первенство связано с пионерностью тематики для новой России, особой востребованностью произведения среди многочисленного студенческого контингента, как географического профиля, так и новообразованных факультетов вузов, готовящих политологов, и, конечно, особым качеством, четкостью и ясностью изложения непростого материала. Второе место занимает «старинное» учебное пособие «Рекреационная география», подготовленное вместе с И.Т. Твердохлебовым более тридцати лет назад, которое смело можно отнести к классике жанра. На этом фоне несколько озадачивает меньший интерес читательской аудитории к работам последней по срокам разрабатываемой Н.С. Мироненко темы – географии мирового хозяйства. Отчасти объяснение этому можно найти, с одной стороны, в уникальности и элитарности направления, а с другой – в малом тираже изданий и слабой доступности для массового читателя основных

¹⁰ Мироненко Н.С. Введение в географию мирового хозяйства. Международное разделение труда: учебное пособие для вузов. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – 239 с.; География мирового хозяйства: учебник для студентов высших учебных заведений / Ред. проф. Н.С. Мироненко. – М.: Изд-во «Трэвэл Медиа Интернэшнл», 2012. – 352 с.

его работ. Очевидно, что форма чисто кафедральных, «внутренних» сборников трудов далеко не оправдывает себя с точки зрения распространения идей и популяризации проблематики. И это урок на будущее!

Вместо заключения. Профессор Н.С. Мироненко, запомнившийся прежде всего как большой труженик, добрый, скромный и отзывчивый человек, в многочисленных авторских трудах оставил мощный «задел», «точки опоры» для дальнейших размышлений и проведения изысканий в широком поле экономической, социальной, политической и рекреационной географии, для совершенствования

программ учебно-образовательной деятельности на так любимой им кафедре географии мирового хозяйства. Заданные им векторы ждут своих «драйверов». Из числа совершенно конкретных «заветов» учителя явно выделяется вопрос подготовки к переизданию учебника по географии мирового хозяйства, о котором он неоднократно говорил на протяжении последних месяцев. Причем переиздание, по его мысли, должно быть не обычным обновлением и расширением, а созданием новой версии учебника, который отразит новую эру глобализационного развития. Можно считать это главным научным завещанием нам, его коллегам и ученикам.

Библиографический список

1. Методика страноведческого исследования: Учебное пособие / Под ред. Н.С. Мироненко. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 152 с.
2. Мироненко Н.С., Твердохлебов И.Т. Рекреационная география. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 207 с.
3. Николаю Семеновичу Мироненко 70 лет // Региональные исследования. – 2011. – № 4. – С. 144–145.
4. Полян П., Трейвиш А. Исаак Моисеевич Маергойз: очерк жизни и творчества // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. – М.: Новый Хронограф, 2012. – С. 12–55.
5. Продолжаем начатое... / Под ред. Н.В. Багрова. – Симферополь: ТНУ имени В.И. Вернадского, 2011. – 120 с.
6. Раковский С.Н. Геополитика для географов // География. – 2001. – № 33.
7. <http://elibrary.ru/> – официальный сайт РИНЦ, «Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU» (дата обращения 07.02.2015).
8. <http://istina.msu.ru/> – официальный сайт «Интеллектуальная Система Тематического Исследования НАучно-технической информации (ИСТИНА) МГУ имени М.В. Ломоносова» (дата обращения 07.02.2015).
9. <http://www.geogr.msu.ru/cafedra/gmh/> – сайт кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Гладкий А.В. (Киев),
Голубчиков Ю.Н. (Москва)

ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Gladkey A.V., Golubchikov I.N.

THE INTERGRATION PARADIGM OF GEOGRAPHY

Аннотация. Исследованы процессы естественно-гуманитарной интеграции в географии. На роль общегеографической методологии, сочетающей принципы естественных и гуманитарных наук, возводится гуманитарная география (она же география человека, антропогеография). Осмысливаются общенаучные проблемы, связанные с дегуманизацией знания и дифференциацией наук. Раскрывается мировоззренческая роль постмодерна в формировании постдисциплинарного научного знания. Обосновывается введение в науку субъекта.

Определена роль географии в формировании гуманистических научных ценностей и постдисциплинарного знания. Развитие гуманизма в географических науках проанализировано в историческом аспекте, определены основные проблемы современности, связанные с «механистическим подходом» в географии. Обосновывается необходимость совершенствования системной парадигмы географических наук и привнесения в нее гуманистических элементов. В качестве основных направлений трансформации географической науки предлагается 4 перехода: 1) от антропоцентризма к человечности; 2) от системности к гуманистической синергии; 3) от количественных методов к их дальнейшему качественному анализу и гуманистической интерпретации; 4) от территориальной дифференциации к философским основам глобального геопространства.

Abstract. The processes of natural and humanitarian integration in the geography are described. The humanistic geography (or human geography, anthropogeography), is seen as an integrating methodology for geography which combines the principles of natural sciences and humanities. The general scientific problems connected with the dehumanization of knowledge as well as with differentiation of sciences are rethinking. The role of postmodern worldview in the development of post-disciplinary knowledge is revealed. The introduction subject in the scientific knowledge is defined.

The role of geography in development of humanistic scientific values and post-disciplinary knowledge is based. The development of the humanism in geographic sciences is analyzed in the historical aspect. The current problems of “mechanistic approach” in geography are investigated. The necessity of perfection of current system paradigm with entering of humanistic elements is substantiated. It is offered four ways for paradigm transformation: 1) from anthropocentrism to humaneness; 2) from systematicity to humanistic synergy; 3) from quantitative methods to its further qualitative analysis and humanistic interpretation; 4) from territorial differentiation to philosophic fundamentals of global geo-space.

Ключевые слова: гуманитарная география, роль географии в формировании гуманистических научных ценностей, совершенствования системной парадигмы географических наук

Key words: humanistic geography, the role of geography in shaping the humanistic scientific values, improving the system paradigm of Geographical Sciences.

Изломы позитивизма. Мысли о необходимости естественно-гуманитарной интеграции географического знания, его общей гуманизации не новы, но в последнее десятилетие обрели особую актуальность. Дегуманизация и все возрастающая позитивистская дифференциация затронуло всю науку XX в., но особенно губительно сказалась на советской географической школе.

Сокрушение генетики и кибернетики в СССР многократно описано и хорошо известно. Гораздо менее освещена маргинали-

зация других «неглавных» наук, которые не расширяют мир наших вещей, не усиливают власть человека над природой.

У них не было лозунга – больше иметь, больше добывать, больше – потреблять. Лозунг их был – больше знать. К числу таких наук принадлежали и антропогеография, и краеведение.

На рубеже 1920–1930-х гг. над российской географией разразилась самая сокрушительная из идеологических бурь. В результате развернувшихся идеологических кампаний

выбивались любые философско-методологические основания науки, кроме дарвинистско-марксистско-ленинских. Последовательно и принципиально проводилась линия разграничения наук о природе и наук об обществе. Дисциплины, пограничные между ними, попали в число нежелательных. В их ряду оказывались все, что рассматривали взаимоотношения человека и природы вне узкопрактических задач. Интересно, что учение Карла Маркса предсказывало как раз наоборот – слияние естествознания с наукой об обществе в единую науку.

Физическую географию было предложено считать естественнонаучной дисциплиной, руководствующейся положениями диалектического материализма и эволюционизма. Экономическая география была объявлена общественной наукой, базирующейся на фундаменте исторического материализма и политэкономии. Любые попытки объединения так называемых законов исторического и диалектического материализма в одной концептуальной схеме жестко подавлялись [9, 29].

В соответствии с разделением политэкономии на политэкономии капитализма и политэкономии социализма, экономическую географию было предложено разграничить на экономическую географию капиталистических стран и экономическую географию СССР. Впоследствии это разграничение находит отражение в структуре географического факультета МГУ, где появляются кафедры экономической географии СССР, экономической географии зарубежных социалистических стран, экономической географии капиталистических и развивающихся стран. Структура науки, таким образом, выстраивается на основе доктрины о смене общественно-экономических формаций, с полным игнорированием каких-либо глобальных или цивилизационных черт. Это была формационно-прогрессистская картина, в которой значение имели только фазовые, временные различия, например, между феодализмом и капитализмом, а различия стран и континентов в формационной доктрине были лишены какого бы ни было смысла.

Разрыв между экономико-географическим и физико-географическими исследованиями в СССР все возрастал. Курс физической географии перестал логически предшествовать курсу экономической, а курс экономической географии не продолжает курс физической. Сетка экономико-

географического районирования перестала накладываться на физико-географическую. Изучать их стало возможным совершенно порознь. И уж вовсе отдаленными оказались они от курса истории.

Естественно-гуманитарное единство географии оказалось раздробленным на множество дисциплин. Физико-географические характеристики страны или части света стали преподносятся так, будто не существует ни народов, ни населения, ни их истории. В физической географии исчез человек, остался лишь антропогенный фактор, в экономической географии – не осталось природы, остались природные ресурсы.

Последовательно и четко выбивались философско-методологические основания географической науки – географический детерминизм (учение зависимости человека от географической среды), хорология (учение о пространстве) и антропогеография (география человека). «В отличие от зарубежной науки ряд направлений в отечественной географии был практически запрещен (те же геополитика и краеведение), а другие (география культуры) не получили должного развития» – пишет видный географ современности Ал.А. Григорьев [8].

У такого подхода было, по-видимому, немало приверженцев. Это время самого расцвета создавшейся в середине XIX в. дилемматизации науки на дисциплины. Она нашла отражение в организации институтов, факультетов и кафедр, обучающих программ, научных журналов, международных научных структур, поддерживалась терминологией и библиографией, дефинициями и идентичностями [33].

Дегуманизация устранила единство научного познания и осмысления мира, нарушило целостность наук, и привела к структурному измельчению и диссипации науки [12], утратившей свой человекоизмерительный характер. Для многих географов за идеал стали приниматься принципы редукционизма, со сведением сложнейших объектов мезомира к физической картине мира, где нет места Космосу, живой материи и человеку. Пытаясь следовать канонам экспериментальных и «точных» наук, стремясь в один с ними ряд, такие географы охотно позиционируют себя геофизиками, геологами, геоэкономистами или геохимиками и обычно стесняются описательного названия собственной науки. С удовольствием меняют его на «геоэкологию».

Современная география почти полностью оторвалась в своих исследованиях от описа-

тельности и умозрительности. Она широко оперирует количественными формализованными научными методами, основанными на математическом и статистическом анализе, моделировании и логике. Их появление и развитие связано с торжеством дегуманизирующего сциентизма и позитивизма. Согласно этим идеологиям, физика и химия становятся безусловными эталонами всех наук, которые следует сделать столь же точными и доказательными. Отсюда особое внимание к методике и методам получения результата, к точности исследовательских процедур, широкое применение статистических методов. «Наука движется толчками, а толчки определяются методами» – цитируются слова И.П. Павлова.

Многие географы за «золотой стандарт» стали принимать каноны экспериментальных и точных наук, со сведением сложнейших объектов мезомира к физической картине мира. Ведущие позиции все больше стали занимать, по словам А.А. Тишкова, «не те, кто знал и понимал природу, а те, кто овладевал формальными методами анализа – математического, химического и биохимического, физического, компьютерного и пр» [31, с. 171].

Практически отойдя от гуманитарных проблем, география начала терять свое человекоизмерительное значение, увлекшись количественными исследованиями пространства [10]. Такая «количественная революция» предусматривала создание новой «математической географии ... как науки, исследующей с помощью математического метода сложные динамические (изменяющие со временем свое состояние) пространственно (территориально и акваториально) размещенные системы, в которых объединены прямыми и обратными связями природа, производство и население» [28]. Базовыми для географических исследований стали системный подход (основанный на системной парадигме), структурный анализ и синтез [22].

Исключительную сложность географических систем позитивизм преодолевал путем редукции, схематизации и моделирования географических объектов. Тенденция измерить все, что поддается измерению, наблюдалась во всех отраслях географии. Без математических выкладок не солидно стало издавать книги или защищать диссертации. Сложилось представление, что математика открывает или устанавливает некие структуры, закономерности, взаимодействия.

«Редукционизм во многом стал неотъемлемой частью культуры географов и, можно утверждать, определяет развитие современной географии в нашей стране. Географ-аналитик все больше и больше вытеснял географ-философа, стремящегося не к расчленению ради глубины анализа, а к широкому обзору и концептуальному синтезу. Процесс подобного вытеснения особенно характерен для этапов преобладания процесса дифференциации географической науки, чем отличается современный период ее развития с его обилием новых объектов исследования, активностью новых научных движений и появлением новых дисциплин», – пишет Н.С. Мироненко [17].

«Но география не математика, она во многом даже противоположна ей» [32]. Математика – это даже не наука, а язык высокой степени общности. Его постулаты, хотя и абсолютно точные, но не содержат в себе никакой реальности.

Развитие комплексных географических исследований не в меньшей степени связывалось с внедрением вычислительной техники. Ожидалось, что эти науки позволят представить все элементы географической реальности в виде некой матрицы, в которой будут количественно учтены все элементы географических систем (комплексов). Однако, этого не произошло. Напротив, именно с математизацией и формализацией шла утрата географией своего философско-гносеологического содержания и общая дегуманизация географического знания. Попытки редукции географии к законам других фундаментальных наук неоднократно создавали реальную угрозу самому существованию географической науки. Вместо герменевтического «понимания» сущности географических процессов и явлений, география перешла к частичному формализованному «объяснению» их отдельных сторон и свойств. Распространение количественных методов привело к упрощенному механистическому представлению о географической реальности, которая предстает в виде определенной совокупности количественных данных, оторванных от конкретной территории.

Критика количественных методов в географии началась еще во времена их массового внедрения. Некоторые ученые критически относились к новым перспективам, которые открывались с «количественной революцией», предостерегали апологетов математизации, что их практика приводит к потере целостности понимания географической реальности,

к появлению узкопрофильных прикладных исследований, которые не будут способны адекватно отразить все процессы и явления географической среды [4]. Применение системной парадигмы и разнообразного арсенала разрозненных количественных методов дает ответы только на частные вопросы. Значительное количество географических фактов вообще трудно поддается формализации.

Результативность количественных географических исследований ограничивается несовершенством математического аппарата. Математизация новых материальных объектов и систем в истории математики предполагала разработку новых математических теорий. Так, классической механике соответствовало применение обычного дифференциального исчисления, для классической электродинамики потребовался векторный анализ, аэродинамика привела к появлению теории функций комплексного переменного. Теория относительности вызвала тензорный анализ и теорию искривленных пространств Римана, квантовая и ядерная физика – функциональный анализ и теорию гильбертовых пространств, теория элементарных частиц – теорию групп и обобщенных функций. Математизация экономики породила теории оптимального управления, игр, принятия статистических решений, массового обслуживания, динамического и линейного программирования [7].

При этом каждый раз получалось, что с потребностью в моделировании того или иного класса объектов соответствующий формализованный аппарат был уже создан. Иными словами, теория дифференциального исчисления создается раньше потребности в ней механики, а появление теорий игр или оптимального управления предшествует возникшей потребности в них экономики. Казалось, соответствующая теория уже есть и для географического класса объектов. На роль формально-логического метода, созданного как будто специально для физической географии, выдвигался информационно-кибернетический подход. Но его применению и исторически, и логически в науке предшествовал энергетико-физический подход. В.Н. Солнцев [30] в связи с этим утверждал, что анализ информационных процессов в геосистеме впереди и станет возможным лишь с достаточно глубоким познанием их термодинамической сущности.

До сих пор, даже с помощью математических методов, исследователи не в состоянии

комплексно осознать и проанализировать всю совокупность элементов территориальных систем. Объясняется это их исключительной сложностью, зависимостью от многих внутренних и внешних факторов и подчеркивается необходимость упрощения и схематизации [18].

Однако, главная причина кроется в дегуманизации географического знания, сознательном отказе от исследования человекоизмерительных реалий (элементов) географических систем. Яркое тому подтверждение еще в начале XX в. лауреат Нобелевской премии Иван Бунин. По его мнению, география «прикрывается» количественными методами в своих исследованиях, которые воспроизводят лишь отдельные элементы сознательно схематизированной и упрощенной реальности. Они направлены только на обоснование системности, поддержку системы и справедливы только в ее пределах, однако оторваны от реальной жизни людей [3].

Интеграционные тенденции. С 1990-х гг. идеи гуманизма в науках на постсоветском пространстве все больше переходят от чисто философских и гуманитарных исследований к естественным. Во всем мире такой переход становится основой нового постдисциплинарного знания. Его идеалом становится не узкопрофильное (дегуманизированное) познание отдельных совпадений, регулярностей, закономерностей, не фиксация как можно большего объема знаний для более глубокого понимания общих законов развития природы или общества, а наоборот, понимание того, какими именно по своей сути являются природа, человек, общество или государство, «как происходило их становление, другими словами – как могло случиться то, что они стали такими» [5].

В.С. Преображенский, Т.Д. Александрова, Л.В. Максимова [23] обращали внимание, что развитие гуманитарной географии на Западе привело к появлению знаний, которые трудно идентифицировать с какой-либо из традиционно выделяемых отечественной наукой отраслей. Авторами подчеркивалось центральное и общенаучное положение гуманитарной географии в западной науке, подобное тому, которое занимает общее землеведение среди физико-географических наук.

В условиях становления гуманистического, постдисциплинарного знания, география должна занимать видное место, поскольку «объединяет в себе естественные и обще-

ственные науки» [22] и составляет не только сферу их соприкосновения, но и обуславливает тесную взаимосвязь этих двух полярных систем. Уникальность географии заключается не только в совмещении различных наук, но также в глубоких и всесторонних исследованиях пространства и всех его элементов (материальных и нематериальных) в их единстве, целостном проявлении и взаимосвязях. Дегуманизация географических исследований привела к упрощенным представлениям о мире, пространстве и месте в нем человека, его ума, культуры, ценностей.

Эра туризма, постмодерна, эпистемологических и философских исканий вновь усилила эмоциональные стороны восприятия окружающего нас мезомира. Базировавшаяся исключительно на основе естественных наук ландшафтная парадигма обрела гуманистическую глубину с развитием туризма. Он вернул пейзажное восприятие ландшафта [1, 15]. Все большее количество ученых вновь уделяет внимание детальному описанию отдельных местностей с общественно-культурологической, хозяйственно-экономической и ландшафтно-эстетической точек зрения, предусматривающий неформальный, гуманитарно-окрашенный «анализ географических образов» [11].

Туризм вернул в научный дискурс субъекта с его опытом и эмоциональной наполненностью. А это – уже революция не в отдельной науке, не только в географии. До этого науки требовали освободить объективную реальность от индивидуальности познающего ее субъекта. Естественные науки заставляли мыслить космическими масштабами, по сравнению с которыми исчезал отдельный человек. Гуманитарные науки принуждали думать идеологией государства, где человек тоже терялся. И вдруг – туризм! Даже еще не наука какая-то, а уже всей науке преподает уроки релятивизма. Между безличным и индивидуальным ставит субъекта. Объявляет знание субъект-объектным, реляционным, относительным для разных времен, пространств и народов, кардинально меняет мирозерцание.

Для понимания ландшафта потребовались источники информации из повседневности: статьи из СМИ, реклама, путеводители, популярные издания, художественные произведения, эстетические и мировоззренческие оценки. Идет сдвиг от сенсорно-измерительной интерпретации ландшафта к восприятию его в природно-социально-культурной слитности [13, 26, 27].

Живописность и высокие эстетические достоинства ландшафтов стали одним из основных предъявляемых к ним требованиям [2]. Уникальные визуальные характеристики становятся важными при создании национальных парков. Естественнаучные классификации ландшафтов дополнились эмоционально-зрительными группировками, пейзажным разнообразием, эстетическими качествами местности, наличием воды и типом водного бассейна [1, 19, 21]. Нередко говорится о научно-художественном статусе ландшафтной концепции [13]. Утверждается эстетическое отношение к природе, как особой форме ее познания, которая вливается в общее естествознание [20]. Идет глубинный гносеологический синтез мировидения, науки и искусства.

Гуманистическая составляющая географии определяется также, как «новое мировоззрение, основанное на ценностях общечеловеческого и общекультурного характера, которое рассматривает в первую очередь жизнь людей и их общественные отношения» [16]. Высокая гуманистическая ценность географических исследований, необходимость их взаимосвязи с общим описанием отдельных территорий и народов, подчеркивалась в работах таких известных литераторов, как Н.В. Гоголь, К.Г. Паустовский, М.А. Волошин, И.А. Бунин и др.

Постдисциплинарная география. Широкомасштабного процесса гуманизации и интеграции географии на уровне совершенствования ее концептуальных основ еще не произошло. Для его осуществления необходим целый ряд преобразований в структуре географических исследований. Самые главные из них заключаются в четырех переходных направлениях:

1. От антропоцентризма – к человечности. Традиционная антропоцентричная концепция географических исследований выдвигает требования к практической направленности науки, с целью наиболее полного удовлетворения потребностей людей. Однако, такой подход, где потребности человека являются центром, а их удовлетворение – целью научной деятельности, является достаточно утилитарным. Вместо него необходима ориентация географии на проблемы общечеловеческих ценностей и гуманизма. Географические исследования должны способствовать осознанию человеком своего места в мире, утверждать

эстетические, культурные, нравственные и жизненные принципы, способствовать формированию сбалансированного природопользования и гармонизации общественной жизни. Физическая и экономическая географии традиционно близки к материальному осмыслению мира и материального производства. А вот духовное начало, лежащее в основе прилагательного «гуманитарной географии», вооружает ее более тонкой когнитивной оптикой. Единение и гуманизацию географии уместно обосновать из принципа, ставящего человека во главу мироздания. Отсюда нагляднее вытекает единство человеческого и земного.

2. От системности – к гуманистической синергии. Большинство географических объектов рассматриваются как целостные сложные системы (комплексы), состоящие из большого количества «гетерогенных элементов, каждый из которых выполняет свою роль ... имеет внутреннюю связь, ряд цепных реакций, внутренний механизм устойчивости, саморегуляции.» [23]. Однако, значительное количество элементов географической оболочки не вписываются в традиционное понимание системы, к тому же формализованное количественными методами. Классическая система сама по себе не имеет гуманистической окраски и не может в полной мере адекватно отразить географическую реальность. Именно поэтому, в науке все больше распространяется утверждение о том, что географические системы (комплексы) включают в себя также и «духовные компоненты деятельности человека» [22]. Однако, эти духовные компоненты человеческой деятельности не могут полностью подпадать под четко очерченные рамки современной концепции системности. Системная парадигма, базирующаяся исключительно на основе естественных наук, должна дополниться новыми гуманистическими элементами, что и обеспечит целостный неформализованный подход к ее изучению и осмыслению каждого географического ландшафта (комплекса) вместе с присущими ему специфическими элементами гуманистической синергии.

Итак, представителям физической географии «следует осознать человекоизмеримость естественных исследований», а представителям общественной географии «следует стать, прежде всего, человековедческой географией» [25]. В.С. Преображенский также отмечал, что ландшафтоведение

не выживет, если не будет считаться не общегеографической, а лишь физико-географической наукой, не станет рассматривать человека по отношению к ландшафту не как внешнюю силу, а как его компонент [24].

3. От объективных количественных методов – к эмоционально-субъективному восприятию.

Исследовательский аппарат географов не должен во все большей степени сводиться к формализованным процедурам. Должен возрастать удельный вес качественных процедур.

4. От территориальной дифференциации – к философским основам глобального геопространства, во всем многообразии его проявлений, сторон и свойств.

Именно в этом и заключается тесная связь географии с философскими науками. Здесь закладываются основы нового постдисциплинарного знания. Таким образом, результатом указанных преобразований станет постепенный переход к новой парадигме географической науки, которая будет базироваться на общечеловеческих ценностях и привносить в нее элементы постдисциплинарного знания.

На основе проведенного исследования можно сделать ряд обобщенных выводов. Гуманизация жизни глобализирующегося общества требует формирования нового постдисциплинарного знания, основанного на принципах человечности и человекоизмерительном подходе в научных исследованиях. Ключевой научной дисциплиной на этом пути выступает география. Ей вновь приходится быть «ни естественной, ни гуманитарной..., но той и другой вместе» [6].

Системная парадигма географии должна дополниться новыми гуманистическими качествами, новыми, неучтенными ранее, элементами и ценностями, которые займут в ней достойное место, наряду с традиционными системными компонентами и привнесут в географические исследования черты постдисциплинарного знания..

Современная география «должна опираться на императив гуманистического мышления» [18]. Ее значительный философский, культурологический и мировоззренческий потенциал занимает весомое место среди гуманитарных научных исследований, как и системные исследования пространства – среди естественных. Именно основание географии на гуманистической парадигме, отказ от «механистического подхода» в ее исследованиях, позволит

разработать новую дисциплину, которая займет одно из центральных мест в системе наук глобального информационного общества, поскольку сохранит в себе элементы утраченного единства наук и станет основой нового постдисциплинарного знания.

Библиографический список

1. Борсук О.А., Лихачева Э.А., Тимофеев Д.А. Эстетика рельефа и ее изучение // Новые и традиционные идеи в геоморфологии. V Щукинские чтения. Труды. – М.: Географический факультет МГУ, 2005. – С. 582–584.
2. Бредихин А.В. Рекреационно-геоморфологические системы. – М.–Смоленск, 2010, – 330 с.
3. Бунин И.А. Вести с родины. Собр. соч. в 6 т. – М.: Издание т-ва А. Ф. Маркс, Петроград, 1915. – Т. 2. – С. 29–36.
4. Воблий К.Г. Організація праці наукового працівника (методика і техніка). – К.: Видавництво АН УРСР, 1947. – 150 с.
5. Гадамер Ханс-Георг Истина и метод: пер. з нім. – К.: Юніверс, 2000. – Т. 1.: Герменевтика I: Основи філософ. герменевтики. – 464 с.
6. Геттнер А. География, ее история, сущность и методы. – Л.: Госиздат «Красный пролетарий», 1930. – 416 с.
7. Голубчиков Ю.Н. Энергетико-физический подход к изучению природных комплексов // Вопросы географии. Сб. 117. Геофизика ландшафта. – М.: Мысль, 1981. – С. 88–95.
8. Григорьев Ал.А. География всемирного наследия. – СПб.: Астерион, 2012. – 344 с.
9. Дронин Н.М. Эволюция ландшафтной концепции в русской и советской физической географии. – М.: ГЕОС, 1999. – 232 с.
10. Замятин Д.Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. – СПб.: Алетейя, 2003.
11. Замятин Д.Н. Метагеография. Пространство образов и образы пространства. – М.: Аграф, 2004. – 512 с.
12. Іщук С.І., Шпарага Т.І., Гладкий О.В. Розколота географія // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. Серія: Географія. – 2003. – Вип. 6. – С. 5–8.
13. Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. – М.: Новый хронограф, 2008. – 320 с.
14. Калущков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения: Уч. пос. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 96 с.
15. Колбовский Е.Ю. Эстетическая оценка ландшафтов: проблемы методологии. Ярославский педагогический вестник. – 2011. № 4. – Т. III (Естественные науки). – С. 161–166.
16. Максаковский В.П. Географическая культура. – М.: Владос, 1998. – 416 с.
17. Мироненко Н.С. Страноведение: Теория и методы. Уч. пос. для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 268 с.
18. Мороз С.А. Онопрієнко В.І., Бортник С.Ю. Методологія географічної науки: Навч. посібник. – К.: Заповіт, 1997. – 333 с.
19. Николаев В.А. Ландшафтоведение. Эстетика и дизайн. – М.: Аспект пресс, 2003. – 176 с.
20. Озеров А.Г. Формирование экологической культуры личности в процессе исследовательской, туристско-краеведческой деятельности учащихся // Краеведческий альманах. – 2009. – №1. – С. 3–12.
21. Петрова Е.Г., Миронов Ю.В. Эмоционально-зрительное восприятие природных ландшафтов в России и Японии: сравнительный анализ // Известия РАН. Сер. геогр. – 2014. – №1. – С. 130–140.
22. Пістун М.Д. Основи теорії суспільної географії: Навч. посібник – К.: Вища школа, 1996. – 231 с.
23. Преображенский В.С., Александрова Т.Д., Максимова Л.В. География в меняющемся мире. Век XX. – М.: Ин-т географии РАН, 1997. – 273 с.
24. Преображенский В.С. Острые проблемы ландшафтоведения на рубеже веков // Известия РАН. Сер. геогр. – 1998. – № 3. – С. 14–19.
25. Преображенский В.С. Я – географ. Из творческого наследия. – М.: ГЕОС, 2001. – 292 с.
26. Рагулина М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез. – Иркутск: ИГ СО РАН, 2004. – 173 с.
27. Рагулина М.В. Культурный ландшафт и сотворчество человека и природы // География и природные ресурсы. – 2007. – № 3. – С. 88–95.
28. Саушкин Ю.Г. Избранные труды. – Смоленск: Универсум, 2001. – 416 с.
29. Симонов Ю.Г. История географии в Московском университете: события и люди, Т. 1. – М.: ИД «Городец», 2008. – 504 с.
30. Солнцев В.Н. О трудностях внедрения системного подхода в физическую географию // Вопросы географии. Сб. 104: Системные исследования природы. – М.: Мысль, 1977. – С. 20–36.
31. Тишков А.А. Люди нашего племени. Очерки. – М.: Ин-т географии РАН, 2012. – 276 с.
32. Тютюник Ю.Г. Проблемные вопросы теории культурного ландшафта // Известия РАН. Сер. геогр. – 2013. – № 4. – С. 34–45.
33. Turner B.L. Contested identities: Human-environment geography and disciplinary implications in a restructuring academy // Annals of the Association of American Geographers, 2002, V. 92(1), P. 52–74.

ПОТЕРИ НАУКИ

СЛОВО ПРОЩАНИЯ – ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ПАВЛОВИЧА МАКСАКОВСКОГО (1924–2015)

Уход из жизни Владимира Павловича Максаковского вызвал глубокую скорбь у всех его близких – родных, учеников, коллег, у всех, кому довелось общаться с этим замечательным человеком, еще при жизни ставшим легендой. Уже студентом он был знаменитостью. Автор необычайно популярного Марша географов и поэмы «Поступающему на геофак», множества стихотворений, ставших песнями, которые географы поют до сих пор и будут петь долго.

После окончания Московского университета Владимир Павлович совершил блистательное восхождение на Олимп географической науки и педагогики, всю жизнь работая в одном высшем учебном заведении – ныне Московском педагогическом государственном университете. Нелегко подниматься на вершину мастерства. Не менее трудно постоянно высоко держать планку, подтверждая признанный авторитет и право быть лидером.

Владимир Павлович – удивительный сплав огромного таланта, трудолюбия и трудоспособности, поразительного умения организовать свою работу, что дало великолепный результат в виде научных монографий, научно-популярных книг, долговечных учебников. В трудах Владимира Павловича глубина научного анализа, проникновение в суть характеризующихся явлений и процессов сочетались с эмоциональным накалом. В них выразились и жар поэтической души, и биение беспокойного сердца. Владимира Павловича просто нельзя было представить равнодушным человеком.

Он умел хорошо и работать и отдыхать, был организатором незабываемо веселых пауз в трудовых буднях, создавал атмосферу радости, интеллектуального веселья. Подлинным праздником становились юбилеи самого Владимира Павловича. От последнего юбилея нас отделяет немногим более полугода. Было всё, как всегда: звучали песни и стихи, произносились прочувственные речи, выражавшие любовь и уважение, восхищение делами и сердечную благодарность юбиляру. Но лучше всех сказал сам Владимир Павлович, хотя болезнь не отступала и к столу его подвезли на коляске.

Владимир Павлович выступил со своего рода отчетом. Это было интересно, потому что явилось жизнеописанием выдающегося интересного человека и одновременно выразились события эпохи, жизнь великой страны.

Владимир Павлович вспомнил о том, как мальчишкой-десятиклассником ушел добровольцем в Народное ополчение защищать Москву. Это было проявлением подлинного патриотизма: естественным поступком молодого, еще не начавшего взрослую жизнь человека, которому только предстояло узнать все радости бытия, но уже готового отдать жизнь за Родину.

Владимир Павлович был счастливым человеком. Всю свою долгую жизнь он занимался делом, которое любил, считал очень важным и в котором добился столь весомого успеха. Он был счастлив в семейной жизни. Семья для него значила очень много и помогла ему работать так плодотворно.

Но судьба не только благоволила к Владимиру Павловичу. Она не только наделила его счастьем и славой, предоставила возможность успешно реализовать многогранный талант. Порой она была жесткой и даже жестокой.

Многие следуют девизу «Ни дня ни строчки». Но хорошо делать это в обычной нормальной обстановке, а не тогда, когда тебя взяли в блокаду болезни. Владимир Павлович, несмотря на то, что недуги постоянно наступали, не прекращал активно работать, изумляя и радуя нас новыми книгами. Это – подвиг!

Владимир Павлович создавал радость общения своим ученикам, коллегам, работавшим с ним, ездившим по нашей стране и за рубеж, вместе отдыхавшим, посещавшим гостеприимную квартиру в Староконюшенном переулке.

Он дал великий пример достойно прожитой жизни – яркой, интересной, целеустремленной и очень полезной.

Низкий поклон ему и сердечная благодарность!

Г.М. Ланно

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Блануца Виктор Иванович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории теоретической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск). E-mail: blanutsa@list.ru

Богачев Дмитрий Викторович – кандидат географических наук, доцент, докторант географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: dagam@list.ru

Гладкий Александр Виталиевич – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина. E-mail: Gladkey_alex@univ.kiev.ua

Глушкова Вера Георгиевна – доктор географических наук, профессор кафедры региональной экономики и экономической географии Финансового университета при Правительстве РФ

Голичев Владимир Дмитриевич – кандидат педагогических наук, профессор, директор Смоленского филиала Финансового университета при правительстве РФ

Голичева Наталья Дмитриевна – кандидат экономических наук, доцент Смоленского филиала Финансового университета при правительстве РФ

Голубченко Игорь Вячеславович – кандидат географических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: geo.egf.bspu@mail.ru

Голубчиков Юрий Николаевич – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры рекреационной географии и туризма географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Горина Ксения Владимировна – кандидат географических наук, Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, лаборатория экономической и социальной географии. E-mail: gorina08@yandex.ru

Заяц Дмитрий Викторович – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Московского педагогического государственного университета

Зорина Дарья Сергеевна – аспирантка кафедры экономической и социальной географии Московского педагогического государственного университета

Зубаревич Наталья Васильевна – доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: nzubarevich@gmail.com

Ибрагимова Зилия Фахргалеевна – старший преподаватель кафедры экономической, социальной и политической географии Башкирского государственного университета. E-mail: ZilyaF2013@yandex.ru

Кириллов Павел Линардович – кандидат географических наук, старший научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: linard@mail.ru

Кирчанов Максим Валерьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Воронежского государственного университета факультета международных отношений. E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Козырева Ксения Сергеевна – кандидат географических наук, кафедра географии, теории и методики обучения географии Забайкальского государственного университета

Кулагин Олег Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета

Куричева Екатерина Константиновна – аспирантка кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: kuricheva@gmail.com

Манакон Андрей Геннадьевич – доктор географических наук, профессор кафедры географии естественно-географического факультета Псковского государственного университета. E-mail: region-psk@yandex.ru

Махрова Алла Георгиевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: almah@mail.ru

Несговорона Наталья Павловна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры географии и природопользования Курганского государственного университета

Новиков Александр Николаевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, доцент ИПРЭК СО РАН

Оборин Матвей Сергеевич – кандидат географических наук, доцент кафедры маркетинга и рекламы Пермского института (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета. E-mail: recreachin@rambler.ru

Попов Алексей Александрович – кандидат географических наук, научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: alexey.popov1982@gmail.com

Рябинина Лариса Ивановна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии и устойчивого развития геосистем Дальневосточного федерального университета. E-mail: ryabinina05@list.ru

Савельев Василий Григорьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры географии и природопользования Курганского государственного университета

Савченко Юлия Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Рубцовского института (филиала) АлтГУ

Сафиуллин Радик Газизович – доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической географии Башкирского государственного университета. E-mail: SafiullinRG@yandex.ru

Сафиуллина Роза Маратовна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии Башкирского государственного университета. E-mail: RMSafiullina@yandex.ru

Слука Николай Александрович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства географического ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова

Суржиков Виктор Иванович – преподаватель кафедры туризма и гостинично-ресторанного бизнеса Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. E-mail: Viktor.Surzhikov@vvsu.ru

Ткаченко Татьяна Хаимовна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Хорева Ольга Борисовна – кандидат экономических наук, доцент, зам. заведующего кафедрой управления развитием территорий и регионалистики Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики. E-mail: obhoreva@ur.rags.ru

Христолюбский Виктор Семенович – кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой географии и природопользования Курганского государственного университета.

Цыганов Сергей Андреевич – доктор экономических наук, профессор Института международных отношений, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина

Часовский Владимир Иванович – доктор географических наук, профессор кафедры градостроительства, землеустройства и дизайна Института природопользования, территориального развития и градостроения Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. E-mail: chassovsky@rambler.ru

Юрченко Светлана Алексеевна – кандидат географических наук, доцент кафедры туристического бизнеса факультета международных экономических отношений и туристического бизнеса Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. E-mail: turbiz_hnu@ukr.net